ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

9
Т 98

В сборник включены доклады, прочитанные на V Тюркологической конференции (июнь 1971 г.), и ряд других материалов, посвященных турецкой филологии, государству Сельджукидов, истории Османской империи, современному состоянию разработки огузско-сельджукской проблемы. Особо следует отметить первую публикацию по архивному экземпляру статьи известного русского турколога В. Д. Смирнова «Турецко-османские сказки».

Т $\frac{10603\text{-}046}{013(02)\text{-}75}$ 167-75

Памяти

Бориса Моисеевича Данцига,
Анатолия Филипповича Миллера,
Анны Степановны Тверитиновой

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

9—11 июня 1971 г. в Ленинграде состоялась V Тюркологическая конференция, организованная Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР.

Дата созыва конференции была приурочена к 125-летию со дня рождения известного турколога-османиста, профессора Санкт-Петербургского (Петроградского) университета В. Д. Смирнова (1846—1922), а также к 120-летию со времени выхода в свет одного из фундаментальных тюркологических трудов — «Грамматики якутского языка» О. Н. Бетлингка (СПб., 1851).

В конференции приняли участие 98 тюркологов из Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Еревана, Казани, Карши, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Нукуса, Тарту, Ташкента, Тбилиси, Уфы, Фрунзе, Чебоксар Черкесска (подробный отчет о конференции см.: В. Асланов, Н. А. Дулина, Л. Я. Медведева, V Тюркологическая конференция в Ленинграде, — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 132—138).

В настоящий сборник вошли доклады, прочитанные на конференции, а также некоторые другие материалы, посвященные государству Сельджукидов, истории Османской империи, турецкой филологии. Особо отметим первую публикацию по архивному экземпляру статьи В. Д. Смирнова «Турецко-османские сказки»; эта тема мало затронута в отечественной тюркологической литературе, и работа В. Д. Смирнова является важным вкладом в литературоведение. Некоторые доклады, прочитанные на пленарных заседаниях конференции: А. С. Тверитиновой «В. Д. Смирнов — историк Турции (в связи со 125-летием со дня рождения)», Е. И. Маштаковой «В. Д. Смирнов — исследователь турецкой литературы», Е. И. Коркиной «О. Н. Бетлингк и его „Грамматика якутского языка" (к 120-летию со дня издания)», а также большая часть докладов, прочитанных на заседаниях лингвистической секции, опубликованы в «Советской тюркологии», 1971, № 4

ИСТОРИЯ

С. Г. Агаджанов

ОГУЗСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЗАДАЧИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Огузская проблема выходит далеко за рамки локальной истории Центральной и Средней Азии. Вступление огузских племен на арену мировой истории произошло в эпоху, насыщенную бурными событиями. Это была пора гибели Саманидского и Буидского государств, распада Газневидской державы и заката Византийской империи. Значительным событием эпохи явилось образование Сельджукского государства и начало крестовых походов. Поэтому исторические судьбы огузов тесно переплетены с судьбами многих народов Ближнего и Среднего Востока. Ощутимый след огузские племена оставили и в истории Причерноморья, Южной Руси и Балканского полуострова. Особенно значительную роль они сыграли в истории тюркоязычного мира Западной Азии. Несмотря на это, огузская проблема освещена крайне неравномерно и не подвергалась еще генеральному изучению. Между тем комплексное решение данной проблемы оказало бы благотворное влияние на исследование истории многих народов от Северной Монголии до Малой Азии.

Разработка огузской проблемы имеет особенно важное значение для изучения истории ряда тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, Закавказья и Передней Азии, их этногенеза, социального и политического строя, исторической географии и этнографии. В первую очередь это относится к туркменам, азербайджанцам и туркам, в этнической истории которых огузы сыграли немалую роль. Значительные группы огузского происхождения влились в состав казахов, узбеков, каракалпаков, а также башкир и татар.

В рамках одной статьи невозможно осветить большой комплекс вопросов, связанных с историей всего огузского этноса [1], который территориально лишь немногим уступал

---

[1] Состояние изученности огузской проблемы в отечественной и зарубежной исторической науке уже освещалось в ряде статей и работ. Это избавляет нас от специального историографического экскурса, который мо-

древним гуннам. Поэтому мы рассматриваем лишь отдельные узловые проблемы истории огузских племен в IX—XIII вв., в первую очередь формирование и развитие этнической общности и некоторые вопросы социально-экономической истории огузов Средней Азии. Основная цель статьи заключается в постановке ряда дискуссионных вопросов, требующих решения в обозримом будущем.

Среди кардинальных проблем истории восточного средневековья важное место занимает этногенез огузов. Данная тема освещается исследователями главным образом в плане региональной истории тюркских народов Средней Азии, Казахстана, Закавказья и Малой Азии. Усилия востоковедов, археологов и этнографов в основном направлены на поиски следов этнической преемственности между этими народами и огузскими племенами. К настоящему времени проделано немало для выяснения исторической роли огузов в формировании туркменского, азербайджанского, турецкого и других народов. Такой подход отражает закономерности научного познания от явления к сущности и оправдан как неизбежный этап в изучении рассматриваемой проблемы. Однако по мере накопления и обобщения фактического материала возникает необходимость в историческом синтезе более широкого плана. Вместе с тем назревает пора разработать методику комплексных исследований, ставящих целью выяснение особенностей и закономерностей истории огузского этноса Азии и Европы.

жет далеко увести за рамки избранного круга вопросов. Можно лишь вкратце отметить, что тематические обзоры огузской проблемы содержатся в научных докладах, сделанных на Всесоюзной научной конференции по этногенезу туркмен и на II Тюркологической конференции в Ленинграде. Более подробное освещение наиболее важных и спорных вопросов дано в монографии, посвященной истории огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв. Состояние изученности, имеющей непосредственное отношение к огузам сельджукской тематики, освещено в специальном докладе, сделанном на Тюркологической конференции 1967 г. См.: С. Г. Агаджанов, А. Каррыев, А. А. Росляков, Проблемы этногенеза туркменского народа в исторической литературе,— Всесоюзная сессия по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений, Ашхабад, 1967; они же, Проблемы этногенеза туркмен в исторической науке,— Ученые записки Туркменского государственного университета им. А. М. Горького. Серия историко-юридических наук, вып. 57, Ашхабад, 1970; С. Г. Агаджанов, Основные проблемы истории огузских племен Средней Азии,— Филология и история тюркских народов. Тезисы научной конференции в Ленинграде, М., 1967; С. Г. Агаджанов, Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии,— Тюркологический сборник. 1970, М., 1970; Р. А. Гусейнов, Сельджукская тематика в современной историографии,— там же. Историографический обзор сельджукской тематики, связанной с Закавказьем, содержится в книге Н. Н. Шенгелия «Сельджуки и Грузия в XI в.» (Тбилиси, 1968).

Применяемые в рассматриваемой области сопоставительные приемы не всегда обоснованны и эффективны. В качестве примера можно указать на историко-этнографические работы о туркменских племенах XIX — начала XX в. Методика этих работ, заложенная в 30—40-х годах Г. И. Карповым [2], требует ныне существенных коррективов. Сущность данной методики заключается в констатации прямой линии этнической наследственности на основе совпадения племенных наименований средневековых огузов и современных туркмен. Хотя в целом историческая преемственность между ними не вызывает сомнений, это не исключает необходимости обоснования в любом конкретном отождествлении.

В истории, как и в природе, следует отличать формальное сходство от прямой аналогии, так как повторяемость — далеко не достаточное условие для научного анализа. Общее название еще ни о чем не говорит, поскольку в кочевом обществе этнические перегруппировки нередко осуществлялись под старыми наименованиями, существовала относительная подвижность родо-племенной структуры. В процессе исторических миграций к тому же иногда в корне менялся этнолингвистический состав племен. Это положение хорошо иллюстрируется материалами по истории огузов и туркмен Передней Азии. Например, в документах г. Урфы XV—XVI вв. упоминается племя с огузским названием «дюкер», но оно фигурирует уже как племя курдов. В ходе своих передвижений огузы не только ассимилировали другие народы, но и сами подчас растворялись в новой среде. Иногда это сопровождалось постепенными изменениями как в их быту, так и в языке. Часть потомков огузов и туркмен Сирии, например, утратила свой язык и стала говорить по-арабски [3]. В ходе сельджукских завоеваний XI в. нередко происходили распад и перегруппировка старых огузских родов и племен. Менялся не только их родо-племенной, но иногда и этнический состав. При этом инкорпорировавшиеся в огузо-туркменскую среду этнические группы подчас принимали даже названия племен сельджукского объединения [4].

Советские и зарубежные исследователи довольно часто

---

[2] См. особенно его работу «Туркмены — огузы (Материалы по этногенезу туркменского народа)»,— Известия Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 1.

[3] Д. Е. Еремеев. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории,— в кн.: Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии, М.—Л., 1963, стр. 35, 36.

[4] M. H. Yınanç, Türkiye tarihi. Selçuklular devri. İstanbul, 1944, стр. 186; Cl. Cahen, Notes pour l'histoire des Turcoman's d'Asie Mineure au XIII siècle,— «Journal Asiatique», 1951, t. CCXXXIX, fasc. 3.

используют топонимику для выяснения этнических контактов, расселения и передвижения средневековых огузских племен. Однако методика обращения с этим интересным, но специфическим материалом еще не выработана.

Некоторые ученые делают попытку использовать данные исторической ономастики для этностатистического подхода к решению отдельных аспектов рассматриваемой проблемы. Именно так поступает, например, турецкий историк Ф. Сюмер в своей монографии «Огузы (туркмены)» при рассмотрении огузской этнотопонимики Средней и Передней Азии[5]. Исходя из простого арифметического подсчета названий местностей, он делает смелые выводы о роли тех или иных огузских племен в этнических и миграционных процессах XI—XIII вв.[6]. При этом он забывает о том факте, что целый ряд топонимов, совпадающих с названиями огузских племен, в действительности имеет антропонимическое происхождение[7].

Таким образом, при освещении этнической истории огузов и их расселения необходимы обоснованные научные критерии. В противном случае трудно избежать путаницы и серьезных ошибок в этой специфической и трудной области истории. Применение метода этнической статистики, как и других научных приемов, вполне оправдано, но лишь при строгом учете всего имеющегося комплекса фактов.

Проблема огузского этноса[8] занимает одно из ключевых мест в истории средневековых тюркоязычных народов Средней и Передней Азии. Однако вопрос о конкретном времени

[5] F. Sümer, Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri-boy teşkilâtı — destanları, Ankara, 1967.

[6] См. рецензию Р. А. Гусейнова на книгу Ф. Сюмера в журнале «Народы Азии и Африки», 1969, № 3, стр. 181—184

[7] Д. Е. Еремеев, Происхождение юрюков и туркмен Турции, стр. 51.

[8] В советской историографии последних лет значительное внимание уделено спорным вопросам, связанным с определением содержания термина «этнос». Однако в данном случае нет резона вдаваться в дискуссию по этой важной в методологическом отношении проблеме. Следует только отметить, что нам представляется более обоснованной точка зрения о социальной, а не биологической сущности этноса как исторического явления. Правда, этнос характерен для всех формаций, но это не противоречит такому взгляду, поскольку этнос изменялся с развитием общества. Разумеется, этим не снимается проблема соотношения этнических и расовых групп человечества, но исключается возможность их отождествления. Хотя вопрос о типологизации этнических общностей не решен до конца в советской исторической науке, существование таких крупных общностей, как племя и народность, не вызывает сомнений. См.: Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых,— «Советская этнография», 1967, № 4; К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации,— «Вопросы истории», 1970, № 8.

и путях формирования огузской народности практически еще не изучен в нашей историографии. Между тем без решения его невозможно освещение целого ряда вопросов истории огузского этноса.

Анализ источников приводит нас к выводу о том, что в IX—XI вв. в Средней Азии шел процесс сложения огузской народности. Он сопровождался распадом кровнородственных связей, возникновением раннефеодальных отношений и государственности. Формировалась этническая общность нового типа, в основе которой лежали территориально-хозяйственные связи. Важную роль в этом процессе сыграло образование державы огузских ябгу с политическим центром в низовьях Сырдарьи. Огузское государство, как и многие другие кочевые империи, не было монолитным, а его границы — постоянными и строго определенными. Внутри огузского общества шел процесс выделения богатой и влиятельной знати, пытавшейся закабалить свободных общинников (эров). Далеко зашедший социальный конфликт привел к распаду державы сырдарьинских ябгу, не выдержавшей в середине XI в. удара соседних кыпчакских племен.

Разгром 1050—1051 гг. имел роковые последствия для исторических судеб огузских племен Средней Азии. Кыпчакское нашествие прервало интенсивный процесс образования средневековой огузской народности [9].

Такова самая общая схема формирования и распада огузской народности, которая нуждается в более глубокой разработке. Прежде всего требуется уточнение вопроса о начальном этапе и путях становления огузов как этнической общности в Средней Азии [10]. Решение этой проблемы затрудняется целым рядом объективных причин, главным образом скудостью исторических фактов.

В советской историографии распространено мнение о том, что исходным ареалом этногенеза огузов было нижнее течение Сырдарьи [11]. Однако анализ данных исторической географии и огузских преданий [12] в сочетании с археологическими исследованиями последних лет [13] заставляет нас по-новому

[9] См. подробнее: С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.

[10] В равной степени это относится и к проблеме этнополитического соотношения между огузами Центральной и Средней Азии. Исследование данного крайне сложного вопроса является одной из неотложных задач тюркологии.

[11] См. подробнее: С. Г. Агаджанов, Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии, стр. 195, 196.

[12] С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 122—135.

[13] Л. И. Левина, Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в первом тысячелетии нашей эры (автореф. канд. дисс.), М., 1961.

поставить этот вопрос. Имеющиеся на сегодня историко-археологические материалы позволяют думать, что первоначальный этап формирования огузского этноса был связан не с Приаральем, а с Западным Семиречьем.

В исторических судьбах огузских племен Средней Азии важным периодом явились конец VIII—IX вв. Это была пора интенсивного складывания огузской конфедерации. Очевидно, вплоть до середины VIII в. основная масса огузов Средней Азии обитала в Джетысу. С падением Западнотюркского каганата (742 г.) и захватом карлуками Семиречья (766 г.) огузские племена начинают передвигаться на среднее, а затем нижнее течение Сырдарьи. Вожди огузских племен, вероятно, приняли деятельное участие в дележе наследства западнотюркских каганов. В ходе ожесточенной борьбы с карлуками и другими восточнотюркскими племенами значительная масса огузов оставила после событий 766 г. пределы Джетысу и стала уходить в Приаралье. Однако предводителям огузов не сразу удалось захватить политическую гегемонию в долине Сырдарьи. Лишь к середине IX в. огузские вожди сумели овладеть степями Приаралья, нанеся поражение обитавшим здесь печенего-кангарским и другим племенам [14].

В формировании огузского этноса Средней Азии большую роль сыграло образование государства сырдарьинских ябгу в конце IX — первой половине X в. Племена, вошедшие в состав этой степной державы, получили с течением времени общее название «огуз» [15].

Огузская конфедерация образовалась на базе сложного этнического синтеза пришлых восточнотюркских элементов и местной субстратной основы. В конфедерацию вошли остатки побежденных огузами печенего-кангарских и других степных племен долины Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия. Среди них имелись племена индоевропейского и финно-угорского происхождения, которые в той или иной мере подвергались процессу тюркизации [16]. В частности, речь идет об аланах и асах, населявших степи между Аральским морем

---

[14] С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 128—132.

[15] В исторической и филологической литературе существует ряд точек зрения о происхождении этого названия. См. сводку этих данных: А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, М.—Л., 1958; С. Г. Агаджанов, А. Каррыев, А. А. Росляков, Проблемы этногенеза туркмен в исторической науке.

[16] Очевидно, к их числу можно также отнести потомков баджгардов, нукарда и баджна, которые в VIII—IX вв. обитали в Приаралье и Северном Прикаспии. См.: С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 127—132.

и восточным побережьем Каспия [17]. Язык этих народов, кочевавших, по-видимому, в Северных Каракумах, в XI в. был «составлен из хорезмийского и печенежского» [18]. Другими словами, в его основе лежали смешанные ирано-тюркские лексические и другие языковые формы.

В средневековых источниках, к сожалению, нет сведений о родо-племенном составе огузов Средней Азии в VIII—IX вв. Согласно историческим преданиям, восходящим к домонгольской поре, основное ядро огузов первоначально состояло из нескольких тысяч семей. Это было конное войско огузов, покорившее земли от Таласа и Сайрама до Хорезма и Итиля. Оно насчитывало 100 тыс. кибиток и называлось «ок-тугра-огуз» [19]. Это собирательное имя ранних огузов (либо их основного этнического или политического ядра) представляет значительный научный интерес. Помимо самоназвания «огуз» оно включает определительные термины «ок» и «тугра».

В древнетюркских текстах «ок» имеет основное значение «стрела», а также «родо-племенное подразделение» [20]. Слово «тугра» в форме «туграг» встречается в «Диван лугат ат-тюрк» в значении «монограмма, печать хана, распоряжение хана» [21]. В труде Махмуда Кашгарского при этом поясняется: «Туграг — печать царя по-огузски, тюрки не знают этого слова, и я не знаю его корня» [22].

Рассматриваемый термин в форме «тугра» позднее реально существовал в государстве Сельджукидов, а также в Османской империи. Сельджукидская тугра представляет собой монограмму с изображением стрелы и лука и служила официальной эмблемой царствующей династии [23]. Она ставилась на фирманах и других официальных документах, причем каждый султан (или малик) имел свою тугру [24]. В связи

[17] См. о них: С. П. Толстов, Бируни и проблемы древней и средневековой истории Хорезма,— Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов, Ташкент, 1958, стр. 128.

[18] Абу Рейхан Бируни, Геодезия, исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова,— Бируни, Избранные произведения, т. III, Ташкент, 1966, стр. 95, 96.

[19] Рашид ад-Дин, Джами ат-таварих. Фотокопия рукописи Британского музея, ИВАН СССР, ИФВ-242, лл. 410—412; Рашид ад-Дин, Джами ат-таварих. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС-46, лл. 217—227.

[20] A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 321.

[21] Так называлась и лошадь, предоставленная ханом во время похода (Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. 548).

[22] Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари, Диван лугат ат-тюрк, т. 1, Стамбул, 1333—1335 г. х., стр. 385: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 311.

[23] The Cambridge History of Iran, vol. V. The Saljuq and Mongol Periods, Cambridge, 1968, стр. 88.

[24] Там же, стр. 257, прим. 1.

с этим значительный интерес представляют также монеты и памятные медали Сельджукидов. Они имеют на себе изображение лука и стрелы [25], которые совпадают с тамгами некоторых огузских племен. Наибольшее сходство прослеживается между этими символическими знаками и племенными тамгами кайи и баятов [26]. Знать этих сильных и влиятельных огузских племен играла важную роль в военной организации первых Сельджукидов. Обращает на себя внимание и тот факт, что лук и стрелы считались эмблемами двух огузских фратрий. Лук был символом бузуков, или «старших» племен, а стрелы — эмблемой учуков, т. е. «младших» племен [27].

Приведенные историко-этнографические сведения показывают важное значение лука и стрел как племенных символов у огузов. Становится также очевидной тесная связь названия «ок-тугра-огуз» с этой символикой [28]. Эмблема в виде лука и стрелы, вероятно, была отличительным знаком уже племен раннего огузского объединения. Вокруг этого ядра в дальнейшем сгруппировались другие степные тюркоязычные роды и племена. Среди таких присоединившихся к ним племен была, например, часть джагра (шагра) [29] и тюрок-чаруков Семиречья [30]. В состав племен, основавших государство сырдарьинских ябгу, вошла также часть карлуков и йемеков (кимаков). Скорее всего это были союзники огузских вождей в их многолетней борьбе против кангаро-печенежской

---

[25] Ср.: С. Г. Агаджанов, Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв. (историко-этнографический очерк),— Страны и народы Востока, вып. X. Средняя и Центральная Азия, М., 1971, стр. 185.

[26] С. Г. Агаджанов, Уникальная медаль с изображением сельджукидского султана Мухаммада Тогрул-бека,— Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1964, № 4, стр. 10—16.

[27] Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 86—90; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, стр. 48—51.

[28] В одном из рассказов, имеющихся в малоизвестной версии «Огуз-наме», говорится о походе Огуз-хана, легендарного предка огузов, в страну Мрака. Награбив здесь большую добычу, Огуз послал ее домой на ста арбах, а сопровождающим дал свой лук и две золотые стрелы в качестве ярлыка и знака (*нишан*). Это было сделано с той целью, чтобы перевозчикам добычи на всем пути их следования «давали провиант и фураж, прислуживали [им] и оказывали почести». Салыр-Баба, Джами ат-таварих. Рукопись Института языка и литературы АН ТуркмССР, инв. № 526, л. 120.

[29] С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 146.

[30] См. об этом: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 131; A. von Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho, Berlin, 1911. Скорее всего эти чаруки идентичны с огузским племенем XI в. под названием джаруклуг, потомками которых, вероятно, являются позднейшие туркмены-сарыки.

группировки. В числе таких племен, имевших йемеко-кимакское происхождение, были каи и баюндуры [31]. Интересно отметить, что в X в. часть кимаков совместно с огузами кочевала на территории нынешнего Западного Казахстана [32]. Так далеко на запад от Обь-Иртышского междуречья, где жила основная масса йемеков-кимаков, могли заходить лишь племена, находившиеся в тесном союзе с огузскими ябгу. Постепенно они утратили связи с родственными им восточно-кимакскими племенами и инкорпорировались в состав огузского этноса Средней Азии [33].

История формирования огузской народности содержит еще много сложных и почти не исследованных вопросов. Особенно труден вопрос о раннем этапе складывания огузского этноса в Средней Азии. Его решение зависит не только от историко-географической интерпретации вопроса об исходном ареале огузского этногенеза. Значительную роль в этом может сыграть выяснение структуры и эволюции семейно-брачных отношений у огузских племен Средней Азии в IX—XI вв. Одним из характерных признаков этноса на раннем этапе его развития, как известно, служила эндогамия [34]. Нарушение эндогамии влекло за собой крупные перемены, способствовало образованию путем смешанных браков новых этнических общностей. Важную роль в этом процессе играли также крупные миграции типа великого переселения народов. Завоевательные походы и массовые переселения вели к замене кровнородственных отношений территориально-хозяйственными связями. Все это способствовало распаду старых этнических общностей и формированию новых народностей [35].

Изучение этнической истории огузов, таким образом, связано с решением большого круга сложных вопросов. Среди них одно из важных мест занимает проблема соотношения терминов «огуз», «туркмен», «сельджук».

---

[31] В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию 1893—1894 гг. с научной целью,— Сочинения, т. 4, М., стр. 39; Б. Кумеков, Государство кимаков в IX—XI вв. по арабским источникам (автореф., канд. дисс.), М., 1970.

[32] С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 147.

[33] По всей вероятности, к числу таких племен можно отнести и имуров, некогда обитавших в верховьях Иртыша или Оби. Ю. А. Зуев, К семантике этнонима Имур-имир,— Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1968, № 4, стр. 95, 96; I. Marquart, Über das Volkstum der Komanen, Berlin, 1941.

[34] Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия,— «Советская этнография», 1969, № 3, стр. 84—91.

[35] В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей,— «Советская этнография», 1968, № 2, стр. 35—45.

В советской исторической литературе вплоть до середины 50-х годов господствовала тенденция полного отождествления туркмен с огузами[36]. Аналогичных взглядов придерживаются и современные зарубежные историки, особенно турецкие[37]. Такой подход отличается крайней односторонностью в фактическом и методическом отношении, вследствие чего искажается реальная картина, обедняется история многих тюркоязычных народов Передней Азии и Восточной Европы. Фактически выхолащивается и история современного туркменского народа, в этногенезе которого огузы явились лишь одним из крупных слагаемых. Огузы не были единственными предками современных туркмен, основное ядро которых образовалось из тюркизированных потомков древнего населения степей и оазисов Закаспия. Однако этнические компоненты огузского происхождения сыграли чрезвычайно важную роль в формировании туркменской народности.

Средневековые огузы и туркмены были этнически близкими, но не абсолютно идентичными народами. В современной отечественной и отчасти зарубежной историографии высказаны различные соображения о некоторых отличиях между огузами и туркменами X—XIII вв.[38]. Несмотря на это, вопрос о наиболее типичных чертах сходства и характерных различиях между ними остается неясным. Прежде всего фактически не выяснено конкретное содержание терминов «огуз» и «туркмен» в различные периоды истории Средней Азии. Соотношение между этими понятиями не было статичным и менялось на протяжении IX—XIII вв. Различными были и ареалы компактного расселения огузов и туркмен до начала сельджукского движения и падения государства сырдарьинских ябгу. Собственно огузские племена занимали в основном степную полосу нынешнего Западного Казахстана, низовья Сырдарьи, Приаралье и Северный Прикаспий. Этнические группы, называвшиеся туркменами, обитали первоначально на среднем течении Сырдарьи, в предгорьях Каратау и в Западном Семиречье[39].

Развитие этих двух генетически связанных между собой, но далеко не тождественных этнических общностей происхо-

---

[36] См.: С. Г. Агаджанов, А. Каррыев, А. А. Росляков, Проблемы этногенеза туркменского народа в исторической науке.

[37] F. Sümer, Oğuzlar (Türkmenler).

[38] См.: А. А. Росляков, Туркмены и огузы,— Ученые записки Туркменского государственного университета им. А. М. Горького, вып. 73, Ашхабад, 1955; V. Minorsky, Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India, London, 1942.

[39] С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., стр. 80 и сл.

дило в сфере различных политических образований. Формирование основной массы огузских племен в раннефеодальную народность протекало в рамках степной державы верховных правителей Янгикента, становление туркменской общности — в юго-восточной части Средней Азии, которая входила в сферу политического влияния соседнего Мавераннахра.

Различными были и культурно-исторические условия, в которых протекало формирование огузской и туркменской общностей в Средней Азии. Степные огузские племена, хотя и имели тесные связи с пограничным Хорезмом и сопредельными областями Восточной Европы, развивали самобытную культуру и сохраняли древние языческие верования [40]. В отличие от них кочевое и полуоседлое население среднего течения Сырдарьи и Западного Джетысу испытало заметное воздействие мусульманской культуры Мавераннахра. Ислам медленно, но верно проникал к тюркоязычным племенам этого региона Средней Азии [41]. В X—XI вв. мусульманская религия получила распространение и среди обитавших здесь восточно-огузских племен. Исламизированные огузы, а также карлуки и другие тюркские группы постепенно начали смешиваться с оседлым и степным «мусульманским» населением Шашской и Исфиджабской областей и получили общее наименование «туркмены» [42].

Процессы консолидации на основе этнической ассимиляции происходили и в западноогузской среде. В этом отношении значительный интерес представляют палеоантропологические материалы из огузо-печенежских курганов, находящихся на территории нынешнего Западного Казахстана [43]. В этих погребениях обнаружены черепа монголоидного, европеоидного и метисного облика. Среди явно преобладающих монголоидных черепов доминируют черты южносибирского типа. Антропологи считают эту серию близко стоящей к большой монголоидной расе, но с некоторым сдвигом в сторону европеоид-

---

[40] С. Г. Агаджанов, Огузские племена Средней Азии (историко-этнографический очерк), стр. 180—184.

[41] В X—XI вв. ислам проникал и в среду западноогузских племен, но он не получил здесь сколько-нибудь широкого распространения.

[42] Вопреки распространенному в исторической науке мнению это название появляется гораздо раньше X в. В различных фонетических передачах оно фигурирует в арабских, китайских и согдийских источниках VII—VIII вв. Географически проявление этого термина связывается с территорией от Сырдарьи до Чу-Таласской долины (С. Г. Агаджанов, Новые материалы о происхождении туркмен, стр. 12—24).

[43] См.: И. В. Синицын, Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане,— Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1951, вып. XXXVII.

ности[44]. Рассматриваемая серия обнаруживает сходство с черепами из кочевнических захоронений близ Саркела[45]. Погребенные в этих могильниках IX—X вв. составляли военную дружину, находившуюся на службе у местных правителей. В данной серии представлены черепа европеоидного, монголоидного и смешанного типов. Серия в целом характеризуется как брахикранная с относительно высоким лицом и значительно выступающим носом. Монголоидные черепа несут на себе признаки метисации с европеоидной расой. Эти черепа сочетают европеоидную примесь с отличительными чертами южносибирской расы. Среди европеоидных черепов имеется незначительный процент долихоцефалов средиземноморского типа.

Имеющиеся на сегодня исторические и краниологические данные свидетельствуют о процессе метисации как восточных, так и западных огузов с окружавшими их народами. Однако эти процессы имели в конечном итоге далеко не одинаковые результаты. Главным образом это объясняется тем, что в основе этногенеза восточных и западных огузов лежали различные исходные компоненты. Отличия между ними заключались также в родо-племенном составе, языковых и бытовых особенностях.

Среди огузов нижнего течения Сырдарьи и Северного Прикаспия имелись печенежские, аланские, западнойемекские (кыпчакские) и другие тюркоязычные компоненты. В формировании туркменского населения средней части бассейна Сырдарьи наряду с огузами участвовали восточнотюркские элементы, особенно карлуки и халаджи.

В силу сложившихся исторических условий в IX — начале XI в. происходила естественная дифференциация на западных и восточных огузов, называвшихся также туркменами. Различия между ними особенно усилились в конце X — первой четверти XI в. в результате сельджукского движения. В X в. среди огузо-туркменского населения среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау возвысился род Сельджука, происходивший из многочисленного и сильного племени кынык[46]. Около середины X в. между Сельджукидами и местным огуз-

---

[44] В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана,— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, Л., 1958, т. XXVIII.

[45] М. И. Артамонов считает эти погребения огузскими, а С. А. Плетнева относит их к огузам и печенегам (С. А. Плетнева, Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи,— Материалы и исследования по археологии СССР, т. 109, М., 1963, стр. 216—259).

[46] См.: С. Г. Агаджанов, К истории формирования сельджукского объединения,— Тезисы докладов и научных сообщений второй Республиканской научной конференции историков, Ашхабад, 1968.

2 Зак. 416

ским правителем начался конфликт, приведший к уходу части полукочевых и кочевых племен огузо-туркменского происхождения в низовья Сырдарьи. Сельджукиды и подвластные им племена вскоре подняли здесь восстание против огузского ябгу и захватили Джендскую область. Началась многолетняя ожесточенная борьба племен сельджукской группировки с вождями сырдарьинских огузов.

Сельджукская знать, обратившаяся в ислам, возглавила борьбу против языческих огузских вождей под лозунгами отмены хараджа с мусульман и «священной» войны с «неверными»[47]. Она рассчитывала тем самым обрести поддержку соседних мусульманских правителей и части исламизированного оседлого населения подвластных огузским ябгу городов в нижнем течении Сырдарьи. В сложившихся условиях деление на огузов и туркмен, не имевшее прежде принципиального значения, приобрело вполне реальный конкретный смысл. Обращает на себя внимание, что именно в эту пору, особенно в первой четверти XI в., название «туркмен» получило широкое распространение среди племен сельджукского объединения. Старое имя «огуз», ассоциировавшееся с язычеством, стало вытесняться и сохранилось лишь за враждебными сельджукам племенами сырдарьинских огузов.

Дальнейший ход исторических событий в Средней Азии объективно содействовал постепенному отмиранию термина «огуз» и распространению названия «туркмен». В значительной степени этому способствовали гибель державы огузских ябгу и образование Сельджукской империи. Разгром сырдарьинских и приаральских огузов в середине XI в. прервал дальнейший процесс развития огузской народности. Значительная масса огузов под напором кыпчаков перекочевала в пределы Восточной Европы и Малой Азии. Другая часть огузов перешла под власть Караханидов Мавераннахра и сельджукских правителей Хорасана. Остатки разбитых кыпчаками огузов в дальнейшем растворились среди тюркоязычных племен Дешти Кыпчака. Начиная с этой поры сам термин «огуз» стал исчезать со страниц истории Средней Азии.

Между тем название «туркмен», обретшее в XI—XII вв. собирательное значение, стало выступать в качестве общего имени тюркоязычных племен Хорезма, Горгана, Дихистана, Хорасана. Образование державы Сельджукидов содействовало закреплению этого термина в качестве этнического названия части подвластных ей тюркских племен Средней Азии. Официальные грамоты «великих» Сельджукидов XII в. назы-

---

[47] Ибн ал-Асир, Тарих ал-камиль (изд. Торнберга), IX, 322; **Мирхонд**, История сельджуков (изд. Вуллерса), стр. 5—6.

вают эти племена (среди которых было немало восточноогузских элементов) туркменами и просто тюрками[48]. В политических рамках восточных областей Сельджукского государства началось формирование туркменской народности, приведшее позднее к образованию новой крупной этнической общности в Средней Азии. Закреплению названия «туркмен» за формирующейся народностью содействовало не только рождение могущественной державы Сельджукидов. В Хорасане, Горгане, Хорезме и других восточных провинциях в XI—XII вв. происходила ассимиляция древнего степного и оседлого населения с пришлыми сельджукскими племенами. Средневековые историки сообщают о постепенном изменении их физического облика под влиянием «тазикского» населения Мавераннахра и Хорасана[49]. Поскольку такое этнически смешанное население давно именовалось в Средней Азии туркменами, то это название стало входить в широкий обиход. Однако формирование туркменской народности в XI—XII вв. не завершилось.

До первой четверти XI в. название «туркмен» прилагалось лишь к части огузов[50]. Туркменами тогда именовали тех огузов, которые приняли ислам и ассимилировались с коренным, главным образом ираноязычным, населением Средней Азии. «В прежнее время,— сообщает Бируни,— любой из тюркогузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился переводчиком[51] между теми и другими, так что, когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: он стал туркменом[52], а мусульмане говорили, что в их число вошел туркмен, то есть похожий на тюрка»[53].

С начала второй четверти XI в., уже в эпоху сельджук-

---

[48] Мунтаджаб ад-Дин Беди, Китаб атабат ал-катаба, Тегеран, 1329 г. х., стр. 23, 30, 31, 41, 55, 59, 82.

[49] См.: С. Г. Агаджанов, Новые материалы о происхождении туркмен,— Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1963, № 2; Средневековые этимологии названия «туркмен»,— Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа, Ашхабад, 1967.

[50] Это название, как отмечалось выше, прилагалось также к некоторым другим тюркоязычным группам, в частности состоявшим из карлуков и халаджей.

[51] В арабском тексте стоит: «тарджуман». Попытка истолкования цитируемого отрывка сочинения Бируни сделана в нашей статье «Новые материалы о происхождении туркмен» (см. Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1963, № 2).

[52] В «Картине мира по Бируни» отмечен вариант: «теракиме» (Biruni's Picture of the World. Memoirs of the Archaeological Survey of the India. Delhi, 1937, № 53.

[53] Абу Рейхан Бируни, Собрание сведений для познания драгоценностей, пер. А. М. Беленицкого, стр. 193; Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Бируни, Китаб ал-джамахир фи марифат ал-джавахир, Хайдарабад, 1355 г. х., стр. 205.

ского объединения и государства сырдарьинских ябгу, название «туркмен» получает широкое распространение в Средней Азии. Старое название «огуз» после середины XI в. постепенно исчезает. Начинается формирование туркменской народности, но этот процесс обрывается монгольским завоеванием.

Образование новых этнических общностей в результате великих переселений народов шло по нескольким путям[54]. Наиболее распространенным был процесс этнического синтеза между суперстратной и аборигенной основой. Конечным результатом этого сложного и относительно длительного процесса было возникновение новых этносов. Основное направление этнического процесса и формирование туркменской народности шло по аналогичному пути развития. Сложение таких народностей сопровождалось интеграцией уровня общественного строя, ведущего типа хозяйства, развитием общности территории, языка и культуры. Подобные народности обычно сохраняли в физическом облике древние местные истоки и фактически получали от кочевников-завоевателей лишь общий язык. Сформировавшись в результате длительного многостороннего взаимовлияния аборигенных и пришлых компонентов, они вместе с тем отличались от своих исходных слагаемых. Различие заключалось не только в новом языке и метисных чертах антропологического типа, но и во всем комплексе ведущих признаков, а особенно в этническом самосознании. Эти признаки формировались в результате долгой совместной жизни и тесных контактов на определенной территории, являвшейся важным условием для развития новой этнической общности и существования единой народности. Другим не менее значительным фактором при этом было формирование общего языка, проявлявшееся главным образом в письменной литературе, которая возникла на базе различных говоров и диалектов.

Огузские племена сыграли в этнических процессах ряда стран Востока приблизительно такую же роль, как древние германцы в Западной Европе. В результате сельджукских завоеваний, а позднее и монгольского нашествия значительные массы огузов Средней Азии оказались в странах Ближнего и Среднего Востока и в Закавказье. Этнические компоненты огузо-туркменского происхождения в дальнейшем приняли

---

[54] См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей; М. Н. Губогло, О влиянии расселения на языковые процессы,— «Советская этнография», 1969, № 5; В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития,— «Вопросы истории», 1968, № 9.

активное участие в формировании азербайджанской и турецкой народностей[55].

В массовых передвижениях XI в. участвовали не только огузо-туркменские племена, находившиеся под властью династии Сельджукидов. Видную роль в них играли также огузские племена нижнего течения Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия. В период огузо-кыпчакской борьбы и особенно после разгрома огузов в середине XI в. бо́льшая часть их ушла в пределы Восточной Европы[56]. Значительная часть огузов форсировала Амударью и признала власть Сельджукидов. Появление новой волны кочевников в Хорасане и других областях Сельджукского государства оказало влияние на ход дальнейших событий. Огузские родо-племенные ополчения были использованы Сельджукидами в их завоевательных войнах на западе[57]. Активизация сельджукского движения в середине и начале второй половины XI в. с этой точки зрения была далеко не случайным явлением.

Сельджукское движение XI в., таким образом, имеет определенную связь с падением государства сырдарьинских ябгу. Однако на взаимосвязь этих исторических событий, к сожалению, до сих пор не обращалось почти никакого внимания. Между тем без учета этого факта трудно составить полную картину той эпохи.

Сельджукское движение и завоевательные войны XI в. сыграли важную роль в исторических судьбах не только огузов, но и покоренных ими стран Востока. Главным образом это нашло отражение в укреплении и дальнейшем развитии здесь феодальных отношений. Широкое распространение в пору господства сельджукидской династии получила система икта. Однако генезис этого феодального института, несмотря на наличие ряда исследований, фактически еще не выяснен.

В исторической литературе существуют различные взгляды на происхождение икта, широко распространившегося в XI—XIII вв. при Сельджукидах. Советские историки, в частности А. Ю. Якубовский, считают, что эта система была заимство-

---

[55] См. подробнее: Р. А. Гусейнов, Тюркские этнические напластования XI—XII вв. в Закавказье,— Семинар по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа, Баку, 1966; Д. Е. Еремеев, Особенности образования турецкой нации,— «Советская этнография», 1965, № 5; его же, Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории), М., 1971.

[56] Значительная часть этих племен, оказавшаяся в XI в. на службе у византийских императоров, перешла затем к Сельджукидам (см.: В. Г. Васильевский, Византия и печенеги, — Труды В. Г. Васильевского, т. I, СПб., 1908).

[57] См.: Ибн ал-Асир ал-Джазири, Тарих ал-камиль, т. IX, Каир, 1301 г. х., стр. 165 и др.

вана сельджуками у покоренных ими народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Ряд зарубежных историков утверждают, что происхождение этого феодального института имеет тесную связь с явлениями социально-экономического строя огузов и туркмен, входивших в состав сельджукской группировки[58]. Они ищут генетические икта в общинном укладе огузских племен, основанном на праве каждого свободного человека получать равную долю пастбищ и других земель. В этих построениях имеется ряд спорных и недоказанных отправных точек. Трудно согласиться, правда, с механической проекцией общинной (санашиковой) формы собственности туркмен XIX в. на огузскую историю XI—XII вв. Кроме того, санашик при этом неверно характеризуется как родоплеменная община, в то время как в XIX в. она была уже сильно расслоена в имущественном отношении[59].

Таким образом, в советской и зарубежной историографии имеются различные точки зрения о происхождении икта сельджукского времени. Нам представляется, что при решении этого дискуссионного вопроса необходимо учитывать общую картину развития феодальных отношений в земледельческих областях Средней Азии, Ирана и сопредельных областей и стран Востока, а также в кочевой степи, где в X—XI вв. шел интенсивный процесс становления раннефеодальных отношений. Следует также учесть, что в XI в. значительные массы огузо-туркменских кочевых племен хлынули в эти страны благодаря сельджукским завоеваниям. Разумеется, завоеватели стояли на более низкой ступени общественного развития, чем местное оседлое население, но именно после сельджукского движения развитие феодальных отношений получает мощный импульс почти на всем мусульманском Востоке.

Как бы там ни было, сейчас назрело время поставить на повестку дня вопрос о генезисе икта XI—XII вв. Здесь мы имеем в виду не сам термин «икта», который существовал еще в Аббасидском халифате, а сущность того, что скрывалось под этим названием при Сельджукидах. Для достижения указанной цели необходимо выявить типологию икта, общие и локальные особенности этого феодального института в различных странах огромной Сельджукской империи.

В современной отечественной и зарубежной историографии слабо исследованы и вопросы, связанные с культурой огузских племен. Особенно плохо освещена духовная и ма-

---

[58] A. K. S. Lambton, Landlord and Peasant in Persia, London, 1953; O. Turan, Le droit terrien sous les seldjoukides de Turquie, Paris, 1948.

[59] См. Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (с древнейших времен до присоединения к России), Ашхабад, 1971, стр. 299 и сл.

териальная культура огузов Средней Азии. Не лучше дело обстоит с историко-этнографическим изучением сельджукских племен Закавказья и Малой Азии. В значительной мере это объясняется недостаточностью историко-этнографического и археологического материала. Сказываются также отсутствие научной систематизации данных письменных источников и фрагментарность имеющихся в них сведений. Нельзя считать, что с достаточной полнотой выявлен весь комплекс источников, необходимых для изучения быта и культуры огузских племен Средней и Передней Азии. Существенный пробел в рассматриваемой области исторической этнографии затрудняет решение многих важных проблем. В первую очередь это касается истоков культуры и процесса формирования различных тюркоязычных этнических общностей, имеющих прямое отношение к огузам.

Мы попытались обозначить лишь некоторые темы, входящие в весьма обширный круг проблем, связанных с историей средневековых огузов. Несомненно, что координация усилий различных специалистов, в том числе археологов, филологов и антропологов, позволит осветить многие узловые вопросы истории Центральной и Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока и Закавказья в сельджукскую эпоху.

Р. А. Гусейнов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬДЖУКСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Сельджукская проблема, являющаяся частью более обширной — огузской, давно привлекает внимание исследователей. Разработка ее показала, что, хотя огузы известны уже в период раннего средневековья, их историческая роль выявилась позднее, в XI—XII вв., когда огузские племена, принявшие участие в сельджукских завоеваниях, сумели оказать влияние на судьбы Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Это влияние оказало воздействие на развитие восточного феодализма и способствовало изменению этнического состава и образа жизни местного населения. История сельджуков в той или иной степени стала частью истории ряда народов. Вот почему к характеру отношений сельджуков с народами Средней и Передней Азии применим вывод Н. В. Пигулевской о том, что «общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них» [1].

Период XI—XII вв. можно считать одним из этапов развития феодального общества Средней и Передней Азии, когда произошли заметные изменения в социально-экономической, политической, этнической и интеллектуальной жизни этих регионов. Вот почему понятен интерес исследователей к этому периоду и так многочисленны публикации, в которых с различных позиций рассмотрены связанные с сельджуками вопросы истории XI—XII вв. Цель настоящей статьи — выяснить степень изученности и разработанности сельджукской проблемы по главным темам и наметить ближайшие задачи.

---

[1] Н. В. Пигулевская, Арабы у границы Византии и Ирана в IV—VI вв., М.—Л., 1964, стр. 4.

Работы общего характера[2], в которых освещена средневековая история стран и государств Востока и Запада, как правило, содержат изложение событий, связанных с сельджуками. Таковы обобщающие исследования по истории Азербайджана, Армении, Византии, Грузии, Туркмении, Ирана, Турции, Узбекистана, работы по общей истории тюрок и монголов, по истории средних веков, государств крестоносцев, труды научных форумов. К специальным работам относятся публикации М. А. Кёймена о сельджукском периоде истории тюрок и О. Турана по истории сельджуков и тюркско-исламской культуры[3].

Хотя В. В. Бартольд специально не занимался сельджукской проблемой, ему принадлежит важное место в разработке тематики, связанной с тюркским миром XI—XII вв.[4]. В частности, он создал ряд фундаментальных исследований по истории тюрок и туркмен, обратил внимание специалистов на узловые вопросы средневековой истории тюркских народов. Работы В. В. Бартольда способствовали усилению внимания к истории Средней и Малой Азии и Закавказья в связи с огузами и сельджуками.

Источниковедение периода еще не было объектом монографического исследования, хотя накопленный материал уже позволяет рассмотреть в сводной обобщающей работе различные группы нарративных памятников, официальных документов, а также эпос и фольклор (как исторические источники); в связи с этим возможно издание «Корпуса материалов по сельджукской проблеме».

Историография периода разработана недостаточно, хотя количество публикаций позволяет приступить к составлению обобщающего труда «Сельджукская проблема в современной историографии», а также к подготовке издания «Библиография сельджукского периода».

История государства «великих» Сельджукидов привлекла внимание специалистов еще в прошлом столетии. Первой была публикация Ш. Дефремери по истории смутного периода в Сельджукской державе при «великом» султане Баркияруке[5]. Работа М. Ф. Сanауллаха посвящена времени падения

---

[2] Учитывая основную задачу настоящей статьи и невозможность перечисления всех публикаций (около 2500 названий), здесь и далее отмечены только монографические исследования.

[3] М. А. Kö y m e n, Selçuklu devri türk tarihi, Ankara, 1963; O. T u r a n, Selçuklular tarihi ve türk-islâm medeniyeti, Ankara, 1965. См. рецензию А. Атеша на работу О. Турана — «Şarkiyat mecmuası», 1965 (1966), с. VI.

[4] См.: В. В. Бартольд, Сочинения, тт. I—VII, М., 1963—1971.

[5] Ch. Derfrémery, Recherches sur le régne du sultan Barciaroc,— «Journal Asiatique», 1853, V-me série, t. I—II

этого государства[6]; в ней охвачены 1092—1117 годы, когда шла борьба за трон и усилились феодальные междоусобицы. Автор кратко рассмотрел некоторые аспекты гражданской и военной истории. Продолжением той же линии исследования является труд С. Г. Агаджанова о падении государства «великих» Сельджукидов[7]. Основной целью автора было выяснение мотивов и характера движущих сил огузского восстания 1153—1158 гг., показ общей картины и причин падения державы.

Точка зрения Б. Н. Заходера относительно истории государства «великих» султанов впервые была сформулирована в его неопубликованной докторской диссертации[8]. Впоследствии в какой-то степени, возможно, она была отражена в комментарии к изданному им русскому переводу «Сиасетнаме» Низам ад-Мулька. В труде И. Кафесоглу о Сельджукской державе при Мелик-шахе[9] рассмотрена преимущественно политическая история. В этой и другой работах И. Кафесоглу налицо необъективная интерпретация ряда вопросов истории Передней Азии XI—XII вв., в частности утверждение об исключительности тюрок; неточна и его хронология. История этой державы изложена и в публикации М. А. Кёймена[10]. Хотя автор задался целью рассмотреть правление всех «великих» Сельджукидов, в действительности он уделил основное внимание только первым трем — Тогрул-беку, Алп-Арслану и Мелик-шаху. К числу существенных ошибок исследования относятся утверждения об автохтонности тюрок на территориях, где они впервые фиксируются письменными источниками; положение, что наиболее значительные государства на средневековом мусульманском Востоке были созданы только тюрками.

В целом история государства «великих» Сельджукидов разработана неравномерно. Основное внимание уделено периоду правления Тогрул-бека, Алп-Арслана и Мелик-шаха, причем преимущественно в политическом аспекте. Необходимо исследование экономической истории, что, вероятно, помо-

---

[6] M. F. Sanaullah, The Decline of the Saldjukid Empire, Calcutta, 1938. См. рецензию В. Ф. Минорского — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1939, vol. X, № 1.

[7] С. Г. Агаджанов, Восстание огузов 1153 г. и падение Восточно-сельджукского государства, Ашхабад, 1956, автореф. канд. дисс.

[8] Б. Н. Заходер, Низам ал-Мульк. Очерк по истории сельджукского государства, 1941.

[9] I. Kafesoğlu, Sultan Melikşah devrinde Büyük selçuklu imparatorluğu, Istanbul, 1953. См. рецензии М. А. Кёймена на книгу И. Кафесоглу — «Belleten», 1953, с. XVII, № 68 и О. Турана на цикл работ того же автора по сельджукской тематике — «Belleten», 1965, с. XXIX, № 116.

[10] M. A. Köymen, Büyük selçuklu imparatorluğu tarihi, c. II. Ikinci imparatorluk devri, Ankara, 1954 (первый том не был издан).

жет понять, почему после 1092 г., со смертью Мелик-шаха и его вазира Низам ал-Мулька, были утрачены влияние и значение главной ветви дома Сельджука, почему попытки возрождения в XII в. единой Сельджукской державы не имели успеха.

Средняя Азия и сельджуки — сравнительно хорошо разработанная тема. С. Г. Агаджанову принадлежит обобщающая работа [11], в которой рассматривается ареал расселения огузов и туркмен в X — первой трети XI в.; освещаются главные черты их хозяйства, социального и политического строя; прослеживается историческая судьба огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв. Одной из сложных проблем истории тюркских народов является вопрос о сельджукском движении и образовании державы Сельджукидов, в связи с чем автор уделил внимание генеалогии первых «великих» султанов, проследил пути формирования сельджукского объединения. С. Г. Агаджанов приходит к заключению, что ранняя сельджукская группировка образовалась главным образом из огузов и туркмен, живших на среднем течении Сырдарьи и в предгорьях сырдарьинского Каратау. Он полагает, что возникновение державы Сельджукидов явилось результатом социально-экономических процессов, происходивших в XI в. в среде тюркских племен сельджукской группировки.

Отметим также исследования К. Босворта о Газневидах и И. Кафесоглу о хорезмшахах, в которых затронута и сельджукская проблема [12]. Несмотря на существующие публикации, тема еще нуждается в монографическом изучении. В частности, после работ В. В. Бартольда не исследовалась история взаимоотношений сельджуков с народами и государствами Средней Азии.

Передняя Азия и сельджуки — разработка темы начата давно, но лишь несколько лет назад появились первые монографические труды. А. Севим намерен посвятить серию публикаций истории сирийских Сельджукидов; первая из них издана и охватывает вторую половину XI в. (от завоевания Сирии до смерти Тутуша) [13]. Отметим работы Абу ан-Наима Хасанейна о сельджуках Ирака и Ирана и Хусайна Амина по истории Ирака сельджукского времени [14]. Имеется также

---

[11] С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.

[12] C. E. Bosworth, The Ghaznawids. Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran, 994—1040, Edinburgh, 1963; I. Kafesoglu, Horezmşahlar devleti tarihi (485—617/1092—1229), Ankara, 1956.

[13] A. Sevim, Suriye Selçukluları. I. Fetihten Tutuş'un ölümüne kadar, Ankara, 1965.

[14] Abu an-Naim Hasanein, Silçuki al-Iran va-l-Irak, Bagdad, 1959; Husain Amin, Tarih al-Irak fi-l-'asr as-silçuki, Bagdad, 1965.

исследование Р. А. Гусейнова, который на материале сирийских источников прослеживает политическую жизнь и некоторые стороны общественного строя сельджуков в XI—XII вв.[15].

Еще предстоит создание трудов о взаимоотношениях сельджуков с Аббасидским и Фатимидским халифатами, с Айюбидским султанатом.

Серия разработок касается таких крупных переднеазиатских регионов, как Ирак, Закавказье и Малая Азия.

Иран и сельджуки — тема изучена недостаточно. Можно отметить только названную публикацию Абу ан-Наима Хасанейна и «Кембриджскую историю Ирана», в пятом томе которой изложен период XI—XII вв.[16].

Пока нет монографических исследований по истории Керманского и Иракского сельджукских султанатов, тесно связанных с судьбами Ирана и Закавказья, по истории Хорасана — области, сыгравшей видную роль в процессе становления и развития державы «великих» Сельджукидов; нет еще работ по истории династий атабеков Фарса (Салгаридов) и Луристана (Хазараспидов).

Закавказье и сельджуки — разработка темы начата давно, но специальных публикаций пока мало. В работе И. П. Бекзади[17] освещен ряд вопросов истории Азербайджана XI—XII вв., в частности завоевание страны сельджуками, а также некоторые социально-экономические вопросы. В целом этот труд скорее источниковедческого плана. Н. Н. Шенгелия принадлежит первая монография, в которой рассмотрена история Грузии в связи с сельджуками[18]. Наиболее оригинальны главы, посвященные взаимоотношениям Грузинского царства с государством «великих» Сельджукидов. История Азербайджана XI—XII вв. рассмотрена в книге Р. А. Гусейнова[19], где впервые широко используются сирийские источники. Другая работа этого автора является обобщающим исследованием взаимоотношений Закавказья и сельджуков[20]. Р. А. Гусейнов

---

[15] Р. А. Гусейнов, «Хроника» Михаила Сирийца как источник по истории тюрок XI—XII вв. в Передней Азии, автореф. канд. дисс., М., 1955.

[16] The Cambridge History of Iran, vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods, ed. by J. A. Boyle, Cambridge, 1968.

[17] И. П. Бекзади, Сочинение Равенди «Рахат ас-Судур ва Айат ас-Сурур» как исторический источник, Баку, 1963 (на азерб. яз.).

[18] Н. Н. Шенгелия, Сельджуки и Грузия в XI в., Тбилиси, 1968 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.). См. рецензию Р. А. Гусейнова — «Мацнэ» («Вестник»), орган Отделения общественных наук АН ГрузССР, 1969, № 1 (46).

[19] Р. А. Гусейнов, Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане, Баку, 1960. См. рецензии Э. Вернера — «Zeitschrift für Geschichtwissenschaft», 1962, X Jg., H. 2; М. Донскис — «Arabica», 1962, № 9/2.

[20] Р. А. Гусейнов, Сельджуки и Закавказье, автореф. докт. дисс., Баку, 1969.

попытался рассмотреть тему с точки зрения общеисторического процесса в странах Передней Азии, а также выяснить общее и особенное в развитии Азербайджана, Армении и Грузии в XI—XII вв. Исследованы многоплановые изменения, которые произошли в жизни закавказских стран и которые фиксируют характерные черты феодализма того времени.

Еще предстоит исследовать историю земледелия и аграрных отношений в связи с сельджуками, изучить процессы языковой тюркизации местного населения, историю государств атабеков Ильдегизидов и шахарменов.

Малая Азия и сельджуки — наиболее разработанная тема. Отметим исследования Ф. Катиба и И. Артука по истории династии и эмирата Артукидов Мардина[21]. Большая заслуга в изучении темы принадлежит П. Виттеку, автору значительных публикаций по истории Конийского султаната[22].

Первостепенное значение имеет итоговый труд В. А. Гордлевского о сельджукском государстве Малой Азии[23]. Его заслуга не только в том, что он первым создал исследование, в котором охвачена вся история Конийского султаната, но, может быть, главным образом в том, что на примере Сельджукидов Рума были впервые продемонстрированы правомочность и истинность предложенных для периода XI—XIII вв. обобщений, показаны присущие этому этапу восточного феодализма закономерности. Исследование В. А. Гордлевского является важной вехой в изучении сельджукской проблемы, оно показало достижения и недостатки в разработке истории XI—XIII вв. в связи с сельджуками, усилило внимание к периоду, наметило аспекты, нуждающиеся в рассмотрении.

Турецкие медиевисты, уделяя сельджукской тематике чрезвычайно большое внимание, подходят порой к проблеме весьма субъективно. Турецкую историографию отличает стремление к выработке собственного, специфического взгляда, кон-

---

[21] F. Katib, Mardin Artukları tarihi, İstanbul, 1939; İ. Artuk, Mardin Artuk oğulları tarihi, İstanbul, 1941.

[22] P. Wittek, Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens in 13.—15. Jahrhundert, İstanbul, 1934; его же, Deux chapitres de l'histoire des turcs de Roum,— «Byzantion», 1936, t. XI, № 1; его же, Le sultan de Rûm,— «Mélanges Emile Boisacq», t. II, 1938; его же, Menteşe beyliği. 13.—15. inci asırda Garbi Küçük Asya tarihine ait tetkik, Ankara, 1944.

[23] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941; второе издание — в его «Избранных сочинениях», т. I, М., 1960; см. рецензии Б. Н. Заходера — «Исторический журнал», 1944, № 7—8, К. Каэна — «Journal Asiatique», 1943—1945, t. 234; В. Ф. Минорского — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1946, t. XI, № 4; И. М. Сайар — «Journal of Near Eastern Studies», 1951, t. X. См. также: W. Ramsay, The Historical Geography of Asia Minor, London, 1890.

цепции по своей методологии сугубо националистической. М. Х. Йинанч задумал написать историю Турции сельджукского периода (в виде серии публикаций по истории XI—XIV вв.); пока вышла первая часть, посвященная завоеванию Анатолии сельджуками[24]. Использовав богатый материал, автор не сумел объективно его интерпретировать. В частности, он считает, что тюрки являются автохтонами и непосредственными преемниками и наследниками древнейшего нетюркского населения Малой Азии. Примерно тех же позиций придерживается О. Туран в своей работе о сельджукском периоде истории Турции[25]. Ф. Сюмер опубликовал труд по политической истории Малой Азии времени монгольского завоевания и владычества[26], когда конийские Сельджукиды доживали свой век. К нему примыкает тематически книга И. Х. Узунчаршылы о бейликах в Анатолии и их взаимоотношениях с государствами Ак-Койунлу и Кара-Койунлу[27].

Труд К. Каэна о Сельджукидах Малой Азии[28] является обращением в полном объеме к теме, которая была специально исследована В. А. Гордлевским. Автор привлек больше свидетельств, но, по сути дела, рассмотрел тот же круг вопросов истории Конийского султаната, что и его предшественник. Г. Г. Микаелян своей книгой о Киликии[29] показал, что судьба этой малоазиатской области в XI—XIII вв. была тесно переплетена в первую очередь с историей Конийского султаната и государств крестоносцев.

Еще необходимо исследовать историю эмирата Данишмендидов, самого значительного соперника Конийского султаната, а также историю бейликов и городов, историю взаимоотношений сельджуков с Киликийским государством.

Византия и сельджуки — относительно хорошо разработанная тема, тесно связанная с сюжетами цикла «Малая Азия и сельджуки». Одним из первых было исследование Ж. Лорана о взаимоотношениях Византии с сельджуками в Передней

---

24 M. H. Yınanç, Türkiye tarihi, Selçuklular devri. 1. Anadolu'nun fethi, İstanbul, 1944.

25 O. Turan, Selçuklular zamanında, Ankara, 1971.

26 F. Sümer, Anadolu'da moğollar, Ankara, 1970 (переизданные работы из ежегодника «Selçuklu araştırmaları dergisi», 1969 (1970). См. также его работу «Kara Koyunlular (Başlangıçtan Cihan-şaha kadar)», c. I, Ankara, 1967.

27 İ. H. Uzunçarşīlī, Anadolu beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu devletleri, İstanbul, 1937; II baskī — Ankara, 1969.

28 C. Cahen, Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History, circa 1071—1330, London, 1968. См. рецензии Дж. М. Роджерса — «Kunst des Orients», 1970, Bd VI, H. 2; Б. Шпулера — «Der Islam», 1971, Bd 47.

29 Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952.

Азии в 1021—1081 гг.[30]. Но в столь специальном труде лишь мимоходом сказано об одном из значительных военно-политических событий всемирной истории средних веков — о сражении при Манцикерте (Манадкерте) в 1071 г. Продолжением линии разработок этого автора можно считать очерки Ф. Шаландона о времени правления трех византийских императоров — Алексея I, Иоанна II и Мануила I Комнинов (1081—1180) [31], — когда произошли важные события, в которые были вовлечены империя, сельджуки и крестоносцы.

Работа Ф. Диримтегина посвящена сражению 1071 г. при Манцикерте[32]. Отметим, что автор, как принято в турецкой историографии, считает исход этого сражения результатом безоговорочного превосходства сельджуков над Византией, упустив из виду общую обстановку в Передней Азии и Западной Европе во второй половине XI в., в том числе конкретную расстановку сил, экономическое состояние, политические и религиозные коллизии в империи. Ф. Диримтегину принадлежит работа и о взаимоотношениях Византии и Конийского султаната в 1146—1176 гг., в которой говорится также о двух важных столкновениях между ними в XII в.: при Конье (1147) и Мириокефале (1176) [33]. Книга А. Курата [34] посвящена владетельному эмиру Чака-бею, который действовал против империи на море и пытался, в частности, осаждать Константинополь. Отметим работу Д. Моравчика [35], подтверждающую многовековые связи византийского и тюркского мира.

---

[30] J. Laurent, Byzance ét turcs seldjoucides dans l'Asie Occidentale jusqu'en 1081, Nancy, 1913; repr. — 1969. См. рецензию М. Ф. Кёпрюлю — «Türkiyat mecmuası», 1925, c. I.

[31] F. Chalandon, Les Comnènes: Etudes sur l'Empire Byzantin au XI-me et XII-me siècles, t. I, II, Paris, 1900—1912. См. также: P. Lemerle, L'émirat d'Aydin, Byzanse et l'Occident. Recherches sur «La Geste d'Umur Pasha», Paris, 1957; İ. Hakkı, Bizans ve Selçukiylerle Germiyan ve Osman zamanında, İstanbul, 1932.

[32] F. Dirimtegin, Malazgirt meydan muharebesi, İstanbul, 1943. См. также: E. Semavi, Malazgirt savaşını kaybeden IV. Romanos Diogenes (1068—1071), Ankara, 1971; F. Sümer ve A. Sevim, İslam kaynaklarına göre Malazgirt savaşı (Metinler ve çevirileri), Ankara, 1971; «Tarih enstitüsü dergisi», İstanbul üniversitesi Edebiyat fakültesi, 1971, sayı 2 (сборник статей, посвященный 900-летию сражения при Манцикерте).

[33] F. Dirimtegin, Konya ve Duzbel, 1146—1176, İstanbul, 1944.

[34] A. Kurat, Çaka ortazamanda İzmir ve yakınındaki adaların türk hakimi, İstanbul, 1936; его же, Çaka Bey, Ankara, 1966.

[35] G. Moravcik, Byzantino-Turcica, Bd I—II, Budapest, 1942—1943; repr. — Berlin, 1958. См. также: E. Honigmann, Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, syrischen und armenischen Quellen, Bruxelles, 1935.

Единственная итоговая публикация по теме принадлежит С. Врионису[36], который попытался проследить процесс трансформации византийской христианской Малой Азии в мусульманскую и тюркскую в течение второй половины XI — первой половины XV в. Автор рассматривает эту метаморфозу в военно-политическом, социально-экономическом и конфессиональном аспектах, причем с двух точек зрения: что утратила Византия и что приобрели тюрки, в частности сельджуки.

Остается немало сюжетов социально-экономического, военно-политического и культурного характера, которые нуждаются в специальном исследовании. Вместе с тем появились условия для создания обобщающего труда «Византия и сельджуки в XI—XII вв.».

Крестоносцы и сельджуки — тема монографически не разработана; она попутно затронута в трудах по истории крестовых походов и созданных крестоносцами на Востоке государств. В то же время накопленный материал позволяет приступить к итоговому труду «Сельджуки и крестоносцы».

Балканы и сельджуки — тема почти не исследована в историческом аспекте. Отметим работу Ф. Бабингера о предыстории установления тюркского владычества в Румелии[37], а также упомянем, что тема попутно рассмотрена в обобщающих работах балканистов. Специальные публикации касаются главным образом этнических сюжетов (см. дальше по теме «Проблемы этноса»). Необходимы отдельные разработки по теме, которые впоследствии позволяют создать итоговую работу «Балканы и сельджуки».

Социально-экономические отношения — тема не была еще объектом достаточно полного исследования. Отметим работу А. Эгбаля о государственном аппарате «великих» Сельджукидов[38]. Важное место занимают публикации документов[39]. Труд М. Ф. Кёпрюлю о тюркских юридических учреждениях в средние века[40] в основном посвящен выяснению вопроса, в какой степени тюркское обычное право отличается от мусульманского. Неизданное исследование Э. Лэмбтон о сельджук-

---

[36] S. Vryonis Jr, The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century, Berkeley and Los Angeles, 1971.

[37] F. Babinger, Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherschaft in Rumelien (14.—15. Jahrhundert), Brno und München, 1944.

[38] A. Eghbal, Le ministère pendant la périod des grands rois seldjuqides, Téhéran, 1959.

[39] J. Sauvaget, Quatre décrets seldjoukides, Beyrouth, 1947; O. Turan, Türkiye selçukluları hakkında resmî vesikalar, Ankara, 1958; H. Horst, Die Staatsverwaltung der Grosselguqen und Horazmşahs, Wiesbaden, 1964.

[40] M. F. Köprülü, Les institutions jurdiques turques au Moyen-Age. Ya-t-il un droit public turc distinct du droit public musulman?, İstanbul, 1937.

ских учреждениях[41], собственно, является первой специальной работой по теме. Автор касается периода правления «великих» Сельджукидов, рассматривает административно-территориальное устройство государства, различные учреждения и их функции, военную организацию, городскую жизнь, взаимоотношения султана и халифа, земельные вопросы. Отметим, что не все сюжеты освещены в этом труде с достаточной полнотой, впоследствии они были развиты Э. Лэмбтон и другими специалистами.

Накопленный материал позволяет подойти к монографическому решению многих вопросов социально-экономического устройства сельджукских государств (землепользование и землевладение, юридическое состояние непосредственных производителей, общественный и государственный строй, сельское хозяйство и ремесленное производство, учреждения и институты, фиск и торговля, город и городская жизнь, феодальная иерархия, экономические и торговые связи, удельная система).

Ремесло, искусство, архитектура — весьма разработанная тема (в первую очередь в области истории архитектуры и искусства); имеется большое количество специальных работ. Одним из первых был труд В. А. Жуковского о Мерве[42]. Затем появилась публикация Ф. Зарре о сельджукском искусстве; впоследствии он неоднократно возвращался к этому вопросу, в частности в ряде исследований о сельджукских архитектурных памятниках в Конье[43]. Работа Э. Шрёдера об архитектуре Ирана сельджукского времени включена в известное сводное издание А. А. Поуппа[44]. Книга Т. Талбот Райс — единственная монография, в которой рассмотрены ремесло, архитектура и искусство Малой Азии XII—XIII вв.[45], причем на историческом фоне. Работа С. Огель носит специальный характер, она посвящена каменному декоративному искусству Анатолии сельджукского времени[46]. Отметим

---

[41] Ann K. S. Lambton, Contributions to the Study of Seljuk Institutions, London, 1939 (unpublished dissertation).

[42] В. А. Жуковский, Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва, СПб., 1894.

[43] F. Sarre, Erzeugnisse islamischer Kunst. Seldschukische Kleinkunst, Leipzig, 1909; его же, Konia. Seldschukische Baudenkmeler, Berlin, 1921; его же, Der Kiosk von Konia, Berlin, 1936; его же, Konya köşkü (ilaveli tercümesi), Ankara, 1969. См. также: Forschungen in Ephesos, Bd I. Die Seldschukischen Bauwerke in Ajasoluk, Wien, 1906; B. Ünsal, Turkish Islamic Architecture in Seljuk and Ottoman Times, 1071—1923, London, 1959; то же, 1970.

[44] E. Schroeder, Architecture of Islamic Iran. The Seljuk Period,— A Survey of Persian Art, vol. II, Oxford, 1939 (ed. by A. Pope).

[45] T. Talbot Rice, The Seljuks in Asia Minor, London, 1961.

[46] S. Ögel, Anadolu Selçuklarının taş tezyinatı, Ankara, 1966.

исследования о караван-сараях Малой Азии XIII в., о больничных зданиях и их художественной росписи, об анатолийских медресе, о так называемом «сельджукском ренессансе» сооружений Битлиса[47], а также работы по искусству эмирата Артукидов и бейлика Карамана[48].

Ныне имеется возможность для монографического рассмотрения в отдельности ремесла, искусства и архитектуры всего сельджукского периода (до XIV в. включительно).

Наука и культура — тема только намечена. Выше сказано о работе О. Турана по сельджукской (или тюркско-мусульманской) культуре. Упомянем еще объявленное издание труда по истории культуры тюркских народов, где должен быть раздел о сельджукском периоде[49]. Тем не менее возможно появление специальных публикаций в результате дальнейшего изучения темы.

Проблема этноса — одна из наиболее сложных тем, имеет довольно обширную литературу. А. Р. Алтынай рассмотрел на основе документальных данных тюркские племена в Малой Азии X—XII вв.[50]. Работу Ф. Сюмера об огузах[51] можно считать этапным исследованием в истории изучения средневекового тюркского этноса и его распространения на той же территории. Наиболее интересен раздел о племенах и их организации. Но автор не избежал методологических ошибок. В частности, как и некоторые другие исследователи, он отождествляет огузов с туркменами, хотя соотношение терминов «огуз», «сельджук» и «туркмен» показывает, что это не совсем одно и то же.

Работа П. Мутафчиева посвящена мнимой, как он считает, миграции сельджуков в Добруджу в XIII в.[52]. Основное внимание уделено проблеме происхождения и появления гагаузов на Балканах, относительно которых автор полагает, что они

---

[47] A. S. Ünver, Selçuk tababeti. 10.—14. Asırlar. Binalar ve minyatürler, Ankara, 1940; K. Erdmann, Das anatolische Karawansaray des 13. Jahrhunderts, t. I, Bd 1—2, Berlin, 1961; A. Kuran, Anadolu medreseleri, c. I, Ankara, 1969, M. O. Arık, Bitlis yapılarında selçuklu rönesansı, Ankara, 1971.

[48] O. Aslanapa, E. Diez, M. Koman, Karaman devri sanatı İstanbul, 1950; F. İlter (Tunçdağ), Artuk oğulları sanat eserleri, Ankara, 1963 (basılmamış doktora tezi).

[49] Philologiae Turcicae Fundamenta. Iussi et auctoritate unionis universae studiosorum rerum orientalium, Bd IV. Beiträge zur Kulturgeschichte der Türkvolker, Wiesbaden (in the press).

[50] A. R. Altınay, Anadolu'da türk aşiretleri (966—1200), İstanbul, 1930. См. рецензию А. Инана — «Halk bilgisi haberleri», 1931, № 16.

[51] F. Sümer, Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teşkilatı, destanları, Ankara, 1967. См. рецензию Р. А. Гусейнова — «Народы Азии и Африки», 1969, № 3.

[52] P. Mutafçiev, Die Angebliche Einwanderung von Seldschuk-Türken in die Dobrudscha im XIII. Jahrhundert, Sofia, 1943.

представляют собой часть болгар, оставшихся по языку тюрками, или же что они в значительной части своей являются тюркизированными по языку болгарами. Иными словами, в обоих случаях это не тюрки, а болгары, сумевшие ассимилировать пришельцев. Правда, П. Мутафчиев высказал также предположение, что, возможно, гагаузы — это остатки появившегося на Балканах тюркского населения Малой Азии. Исследование М. Улькюсаля[53] посвящено истории той же Добруджи с IX в. н. э. до наших дней. Автор считает, что гагаузы — тюрки, а не тюркизированные по языку греки или болгары. Ему осталась неизвестной работа П. Мутафчиева, чья постановка вопроса выгодно отличается от принятой в турецкой историографии научной строгостью аргументации. Отметим труды Т. Гёкбильгина о юрюках в Румелии и Б. Шимшира о тюркоязычном населении Болгарии[54].

До недавних пор в исторической литературе не было специального исследования по этногенезу и этнической истории турок, тесно связанной с сельджукским (огузским) завоевательным и миграционным движением. Работа Д. Е. Еремеева восполняет этот пробел, являясь вместе с тем первой итоговой публикацией по этногенезу турок[55]. В ней исследуются этнические процессы на территории Малой Азии в XI—XV вв., дано объективное освещение вопроса в целом. Автор рассмотрел также большое количество трудов, в которых разбираются сюжеты этногенеза и этнической истории турок, и опроверг фальсификаторов тюркоязычного этноса. Он считает XI век хронологически исходной точкой в этногенетическом процессе, приведшем в итоге к образованию турецкого народа и связанном с массовым переселением в Малую Азию тюркоязычных племен, главным образом огузов. Действительно, языковая тюркизация этого региона заняла значительный период; возможно, она началась задолго до XI—XII вв., но наиболее ярко проявилась именно в указанное время. Поэтому Д. Е. Еремеев специально отметил, что решающую роль в тюркизации Малой Азии сыграли огузские племена, появившиеся здесь во время сельджукского движения. В целом исследование представляет собой значительный этап в изучении этнической истории тюркоязычных народов вообще и современных турок в частности.

---

[53] M. Ülküsal, Dobruca ve türkler, Ankara, 1966.

[54] T. Gökbilgin, Rumeli'de yürükler, tatarlar ve evlad-i Fatihan, İstanbul, 1957; B. Şimşir, Contribution à l'histoire de population turque en Bulgarie, Ankara, 1966.

[55] Д. Е. Еремеев, Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории), М., 1971. См. рецензию Р. А. Гусейнова — «Советская тюркология», 1972, № 2.

Укажем работы Г. Е. Маркова о туркменах Средней Азии, Мохаммада б. Ибрахима о сельджуках и огузах[56]. Тем не менее история миграции тюркских племен и процесса языковой тюркизации местного населения в Передней Азии и на Балканах в XI—XIII вв. нуждается в дальнейшей монографической разработке.

Этнография — тема, сравнительно хорошо разработанная. Отметим обобщающие труды по этнографии, в которых представлены также тюркские народы СССР и Передней Азии[57], исследования А. Джикиева о среднеазиатских туркменах и Д. Е. Еремеева о юрюках[58]. В последней работе всесторонне освещена этнография одной из наиболее значительных групп кочевого населения современной Турции, под которой в XI—XII вв. подразумевали, например, часть огузов Малой Азии. Отметим книги А. Р. Ялгына и К. Гюнгёра, которые являются главным образом хорошей сводкой этнографического материала о туркменах и юрюках Южной Анатолии[59]. Ряд публикаций касается этнографии населения Малой Азии и в целом имеет связь со средневековым тюркским этносом этого региона[60].

Важное значение для изучения этнографии огузов имеет издание Э. Р. Тенишевым прозаических и поэтических текстов и сказок потомков племени салыр, живущих ныне в Синьцзяне[61].

Нумизматика и эпиграфика — давно разрабатываемая тема. По нумизматике помимо описательных работ и монетных каталогов[62] имеются специальные публикации. Дж. Майлз

---

[56] Г. Е. Марков, Очерки истории формирования северных туркмен, М., 1961; Мохаммад б. Ибрахим, Сельджукийан ва тузз, Тегеран, 1964 (на перс. яз.).

[57] Народы Сибири. Этнографические очерки, М., 1956; Народы Передней Азии. Этнографические очерки, М., 1957; Народы Кавказа. Этнографические очерки, ч. II, М., 1962; Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки, т. II, М., 1963.

[58] А. Джикиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961; Д. Е. Еремеев, Юрюки (Турецкие кочевники и полукочевники), М., 1969.

[59] A. R. Yalgin, Cenupta türkmen oymakları, kitap 1—3, İstanbul, 1931—1933; K. Güngör, Cenubî Anadolu yürüklerinin etno-antropolojik tetkiki, Ankara, 1941.

[60] См., например: Y. Z. Demirçi, Anadolu'da eski düğün ve evlenme adetleri, İstanbul, 1938; M. H. Bayrı, Halk adetleri ve inanmaları, İstanbul, 1939; H. Z. Kosay, A. Ülkücan, Anadolu yemekleri ve türk mutfağı, Ankara, 1961.

[61] Э. Р. Тенишев, Саларские тексты, М., 1964.

[62] İ. Ghalib Edhem, Takvim-i Meskûkat-i Selçukiyye, İstanbul, 1309 (1892); repr.— Ankara, 1971; его же, Catalogue des monnaies turcomans. Beni Ortok, Beni Zengui, Frou Atabeqyêh et meliks Eyoubites de Meiyafarikîn, Constantinople, 1894; repr.— Bologna, 1965; S. Lane-Poole, Cata-

исследовал нумизматическую историю г. Рея[63], который, по его мнению, в сельджукское время переживал наивысший расцвет как один из крупнейших монетных центров. Отметим издание уникального образца фалеристики XI в.— золотой медали «великого» султана Тогрул-бека[64].

Достаточно сделано по эпиграфике. Укажем, в частности, на монографию Ж. Х. Лёйтведа о надписях сельджукских сооружений в Конье[65]. По геральдике сделано весьма мало, хотя материал, кажется, позволяет достичь большего. Еще ожидают своего издания сводный каталог сельджукских монет, корпус эпиграфическких памятников, монографии по нумизматике и эпиграфике.

Военное искусство — тема разработана недостаточно. А. А. Рослякову принадлежит неизданное исследование о военном искусстве туркмен X—XII вв.[66]. Ныне есть возможность для создания обобщающего труда по истории военного искусства сельджукского времени, а также монографий о важнейших этапах военной истории.

* * *

Таким образом, современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы позволяют надеяться, что разработки в этой области будут продолжены.

---

logue of the Oriental Coins in the British Museum, London, 1875—1890; repr.— 1966, vol. III. The Coins of the Turkoman Houses of Seldjouk, Urtuk, Zengie; его же, Coins of the Urtuki turkomans, London, 1875; repr.— Chicago, 1967; его же, Saladin and the Fall of the Kingdom of Jerusalem, New York — London, 1898; repr.— Beirut, 1964.

[63] G. C. Miles, The Numismatic History of Rayy, New York, 1938.

[64] С. Г. Агаджанов, Уникальная медаль с изображением сельджукского султана Мухаммада Тогрул-бека,— Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1964, № 4.

[65] J. H. Löytved, Konia. Inschriften der seldschukische Bauten, Berlin, 1907. См. также: H. B. Konyar, Diyarbekir kitabeleri, c. I—II, Diyarbekir, 1336 (1906); M. von Berchem, J. Strzygowsky, Amida. Materiaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmanes du Diyar-Bekr, Heidelberg, 1910; M. von Berchem, H. Edhem, Corpus inscriptorum arabicum, III. I. Sivas-Divrighi, Le Caire, 1910—1917; İ. H. Uzunçarşılı, Anadolu kitabeleri, c. 1—2, İstanbul, 1345—1347 (1927—1929); A. Şerif, Ahlar kitabeleri, İstanbul, 1932; A. Ş. Beygu, Erzurum tarıhi, anıtları, kitabeleri, İstanbul, 1936; его же, Ahlar kitabeleri, İstanbul, 1940; İ. H. Konyalı, Abideleri ve kitabeleri ile Konya tarihi, Konya, 1964.

[66] А. А. Росляков, Очерки военного искусства туркмен X—XII вв., неопубл. канд. дисс., Ашхабад, 1974.

Н. Н. Шенгелия

ГРУЗИНСКИЕ ИСТОРИКИ XI—XIII вв. О СЕЛЬДЖУКАХ

Грузинские нарративные памятники XI—XIII вв.— важный источник для изучения социально-экономической и политической истории государства Сельджукидов. Особо следует отметить «Матианэ Картлиса» («Летопись Грузии») анонимного автора, сочинение историка Давида Строителя «История царя Давида», «Историю и восхваление венценосцев» неизвестного автора и «Историю царицы Тамары» Басили.

Несмотря на огромную научную ценность этих источников, они до сих пор не были должным образом исследованы и учтены с точки зрения истории сельджуков в XI—XIII столетиях. Поскольку пока не имеется переводов названных памятников на европейские и восточные языки, снабженных соответствующим научным комментарием и примечаниями, не удается сопоставить сохранившиеся в них сведения с показателями восточных источников.

Правда, еще в 50-х годах прошлого века акад. М. Броссе издал в двух книгах первый том «Картлис цховреба» («Истории Грузии»); в первой книге был напечатан грузинский текст, а во второй — его французский перевод [1]. Упомянутые источники полностью вошли в издание М. Броссе, но оно основывалось лишь на трех рукописях (Теймуразовской, Румянцевской и Броссевской), которые были переработаны и дополнены редакторами XVIII в. Этот единственный французский перевод совершенно неспособен утолить тот большой научный интерес, который проявляется к вышеперечисленным источникам в наши дни. Кроме того, издание М. Броссе сегодня представляет собой библиографическую редкость и широким научным кругам недоступно.

---

[1] Histoire de la Géorgie depuis l'antiqute jusqu'au XIXe siècle, traduite du Géorgien par M. Brosse, I-ere partie, II-e livraison, St.-Petersbourg, 1849.

С тех пор сделано очень многое. Обнаружены четыре более ранних списка, относящихся к XV—XVII вв. Помимо этого стало известно около десяти новых рукописей XVIII столетия. Несколько вновь открытых списков издано на грузинском языке в виде отдельных книг[2]. Напечатаны также русские переводы некоторых из них[3]. К тому же все доныне известные рукописи С. Каухчишвили изучил, сличил друг с другом и установил тексты по всем основным спискам[4]. В изданном С. Каухчишвили источнике полно и обстоятельно представлено много таких вопросов, которые в свое время были неизвестны акад. М. Броссе.

На сегодняшний день полные тексты большинства названных памятников имеются только на грузинском языке, что сужает возможность их широкого использования иностранными специалистами.

Авторы грузинских нарративных памятников XI—XIII вв. были очевидцами или соучастниками описываемых ими событий. В их сочинениях запечатлелись почти все значительные процессы, происходившие тогда на Ближнем и Среднем Востоке: образование Сельджукского государства, нашествие сельджуков на Малую Азию, взаимоотношения с Византией и странами Закавказья, крестовые походы, феодализация государства турок-сельджуков и возникновение отдельных политических единиц, их история, социальные движения и другие вопросы. Когда грузинские историки характеризуют сельджукских султанов или же связанные с их деятельностью явления, они обнаруживают большую эрудицию и лаконично развертывают перед читателем подлинную картину эпохи. Авторы источников наряду с повествованием о сельд-

---

[2] Картлис цховреба, вариант царицы Мариам, под ред. Е. Такайшвили, Тбилиси, 1906; Картлис цховреба, список царицы Анны, под ред. С. Каухчишвили, Тбилиси, 1942; Летописец времен Лаша Георгия, 1927; История и восхваление венценосцев (опыт восстановления текста), под редакцией и с исследованием акад. К. Кекелидзе, Тбилиси, 1941; Басили, История царицы Тамары, под ред. И. Джавахишвили, Тбилиси, 1944. Последние три работы для нас наиболее интересны.

[3] В. Дондуа, Басили. Историк царицы Тамары. Памятники эпохи Ш. Руставели, 1938, стр. 33—76; История и восхваление венценосцев, перевод, предисловие и примечания акад. К. С. Кекелидзе, Тбилиси, 1954; Грузия в XI в. (по «Матианэ Картлиса»), под ред. Ш. А. Месхиа, по неопубликованному переводу проф. В. Д. Дондуа,— Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века, под ред. акад. М. Н. Тихомирова, М., 1960, стр. 342—354; Царствование Давида IV (Из «Истории царя Давида»). Текст подготовил Ш. А. Месхиа, перевод М. Д. Лордкипанидзе,— там же, стр. 354—358; Грузия при царице Тамаре. Отрывки из «Истории и восхваления венценосцев», подготовлены Ш. А. Месхиа по последнему изданию К. С. Кекелидзе,— там же, стр. 358—366.

[4] Картлис цховреба, текст установлен С. Каухчишвили по всем основным рукописям, тт. I—II, Тбилиси, 1955, 1959 (на груз. яз.).

жуках дают и соответствующую квалификацию какого-либо из описываемых фактов. Несмотря на то что грузинские памятники рассматриваемого периода имеют большую научную ценность для изучения ряда вопросов истории Сельджукского государства, исследованием их в этом направлении и сопоставлением с восточными источниками до сих пор никто не занимался[5].

Особенно обильные сведения по истории Сельджукского государства содержатся в сочинении анонимного автора «Матианэ Картлиса». Автор этого источника начинает повествование о сельджуках с событий 1048 г. В частности, он кратко рассказывает о битве между сельджуками и византийцами в 1048 г. и об участии в войне грузинского эристава Липарита. «По истечении еще одного года появились турки, подвластные султану Барахим Илмиану (Ибрахим Ийнал.— *Н. Ш.*), в области Басиани. Тогда выступило для оказания им отпора греческое войско. На помощь последнему был призван Липарит. Выступил Липарит в помощь грекам с большим войском, собранным со всей этой Верхней Стороны. Сразились противники, и турки обратили в бегство все объединенное войско Греции и Липарита. Произошло великое побоище. Турки захватили в плен Липарита и увезли его в Хорасан к султану»[6]. Грузинский летописец отмечает: «После этого выкупили Липарита у турок»[7]. В дальнейшем Липарит поддерживал дружеские отношения с Тогрул-беком. Летописец подчеркивает этот факт, тем самым указывая на могущество Липарита. Тогрул-бека грузинский историк также называет султаном.

Автор особо останавливается на походах Алп-Арслана на Грузию. По его словам, Алп-Арслан появился в Грузии неожиданно, разорил Кангари и Триалети и за один месяц его грабительское войско подошло к Кветис Кури, вступило в Шавшети, Кларджети и Тао, достигло Панаскерта. Затем оно спустилось к Тори и Гвивис-хеви, после чего три дня простояло в Триалети[8]. Летописец описывает битву сельджуков с грузинами под Ахал-калаки. Далее рассказывает о взаимоотношении Алп-Арслана и грузинского царя Баграта. По его словам, султан отрядил посла к царю грузинскому и попросил отдать ему в жены его племянницу. А сам пошел на Аниси,

[5] Лишь некоторые из грузинских нарративных источников были использованы и сравнены с восточными при изучении вопросов истории взаимоотношений сельджуков и Грузии в XI столетии. См.: Н. Н. Шенгелия, Сельджуки и Грузия в XI веке, Тбилиси, 1968.

[6] Матианэ Картлиса,— Картлис цховреба, т. I, стр. 302.

[7] Там же, стр. 303.

[8] Там же, стр. 306.

захватил город и передал его Абул Асвару, сыну Мануча[9].

Грузинский автор, правда, заостряет внимание преимущественно на действиях сельджукских султанов в Закавказье и на вопросах их отношений с царями; однако он в то же время отлично разбирается и в мероприятиях, проведенных сельджукскими султанами в других странах, и излагает их довольно подробно.

По сообщению грузинского историка, царь Грузии выполнил просьбу султана — выдал за него дочь своей сестры. Три года спустя Алп-Арслан опять вторгся в Грузию и подступил к Эрет-Кахети. Кахетинский царь Ахсартан заявил о своей покорности и обязался платить харадж. Потом султан направился к центру Картли. Автор описывает поведение сельджукского войска в Грузии, переговоры между Алп-Арсланом и царем Багратом. Султан требовал уплаты хараджа, а взамен обещал стране мир. Тбилиси и Руставн Алп-Арслан отдал Фадлону, правителю Ганджи. Затем летописец переходит к взаимоотношениям амира Ганджи Фадлона и царя Грузии. Фадлон был вершителем воли султана в Закавказье и все делал при его поддержке. Порой в отношения царя Грузии и Фадлона вмешивался посол Алп-Арслана, направленный для смягчения обострившейся обстановки.

Автор источника превосходно разбирается в отношениях, сложившихся между султаном и грузинским царем. Историк отмечает, что султан посылал к царю Грузии своих людей с пышными дарами и подношениями и при этом требовал от него уплаты хараджа. Царь Баграт со своей стороны не скупился на подарки, но платить харадж отказывался[10].

Очень интересно сообщает грузинский историк об убийстве Алп-Арслана. Он коротко и точно передает показания восточных источников по этому поводу. Примечательно, что автор увязывает убийство султана с кончиной царя Баграта в Грузии. Оба умерли примерно в одно и то же время. «И в то же самое время, когда умер Баграт,— сообщает летописец,— был убит султан каким-то человеком, старым турком, в кибитке своих воинов. Перешел он Джеон (река Джейхун.— *Н. Ш.*) с семьюстами тысяч человек, выступил в поход против царя турок. Близ Самарканда подступил он к какой-то крепости и пал от руки турка, владетеля той крепости. И не успел тот турок укрыться в крепости, и изрубили его безжалостно мечом. И не могли уж проведать Баграт и султан о смерти друг друга»[11].

Приведенное выше сообщение грузинского историка на-

[9] Там же, стр. 307.
[10] Там же, стр. 314.
[11] Там же.

столько точно совпадает с данными восточных источников даже в деталях, что, по мнению В. Габашвили, летописец, «по всей вероятности, пользовался не каким-либо восточным источником, а рассказами „свидетелей“ или „очевидцев“ события»[12]. Следует добавить, что автор грузинского источника помимо рассказов свидетелей и очевидцев не мог не располагать еще каким-либо источником, поскольку он так же точно и немногословно описывает убийство Алп-Арслана, как это воссоздается восточными источниками последующей эпохи — XII—XIII столетий. Показания грузинского летописца в связи с убийством Алп-Арслана заслуживают большего доверия, поскольку он был современником описываемых событий, возможно, пользовался аутентичными источниками. Вполне возможно, что грузинский летописец и арабско-персидские историки XII—XIII вв. при описании убийства Алп-Арслана черпали сведения из одного и того же источника.

Таким образом, автор «Матианэ Картлиса» приводит важные сведения об отдельных эпизодах истории Сельджукского государства. Он повествует преимущественно об отношениях между сельджукскими султанами и отдельными правителями стран Закавказья, в частности Грузии, а также является свидетелем проводимых сельджуками в этих странах мероприятий. Историк является очевидцем многих событий, описанных им в своем сочинении. Он отлично разбирается в международной обстановке своего времени на Ближнем Востоке и сжато, но со знанием дела излагает немало событий, важных для истории государства «великих» Сельджукидов 40—70-х годов XI в. Сочинение его как источник имеет большое значение как для уточнения ряда вопросов политической истории самого государства «великих» Сельджукидов, так и для выяснения истории взаимоотношений сельджуков с Грузией и другими странами Закавказья. Приводимые грузинским летописцем данные, безусловно, заслуживают внимания и доверия. Сравнение их с показаниями восточных источников способствует объективному освещению многих важных вопросов.

Автор «Матианэ Картлиса» в конце сочинения одной фразой упоминает о походах Мелик-шаха против христианских государств вообще и против Грузии в частности. Историк кратко рассказывает о взаимоотношениях Мелик-шаха с грузинской знатью и о разорении им Грузии.

Повествование автора «Матианэ Картлиса» фактически продолжает автор истории Давида Строителя. В своем сочи-

---

[12] В. Габашвили, Восток по страницам грузинских исторических источников XI—XII веков,— Труды Тбилисского государственного университета, т. 125, 1968, стр. 290 (на груз. яз.).

нении «История царя Давида»[13] он доносит до нас значительные сведения по истории Сельджукского султаната в конце XI — первой четверти XII столетия.

Исследователи считают автором истории Давида IV духовное лицо, некоего монаха Арсена, который предстает перед нами в своем сочинении как непосредственный очевидец описываемых событий, превосходно знакомый с внутренними и внешними условиями жизни Грузии. Так же хорошо информирован он о внутренней и внешней обстановке в Сельджукском государстве, о деятельности сельджукских султанов, о положении в мире.

В отличие от автора «Матианэ Картлиса» историограф царя Давида не довольствуется лишь констатацией фактов, он разъясняет и оценивает то или иное значительное явление. Отлично разбираясь во всей тогдашней обстановке на Ближнем Востоке, он соответствующим образом квалифицирует ее. Автор уделяет большое внимание положению, сложившемуся после Маназкертской битвы, и считает, что последствия этой битвы имеют большое историческое значение. Он прямо отмечает: «А с усилением турок покинули греки страны свои, крепости и города, коими владели на Востоке, и ушли. Их (города.— *Н. Ш.*) и захватили турки и поселились в них»[14]. Грузинский историк одной фразой ясно выражает суть результатов мирного договора, заключенного в 1073 г. между Византией и сельджуками. Он придает им большое значение, особенно для Грузии, так как после этого сельджуки становятся историческими соседями Грузии вместо византийцев. Автор подчеркивает отрицательные последствия этого соседства для Грузии: «И понеже приблизились они вплотную к рубежам нашим, приумножились страхи и беды наши от них. Ибо начали они с той поры грабить, притеснять и разорять, жечь, сечь и угонять в плен нас, христиан»[15]. Весьма примечательная точка зрения. Правда, историк при изложении событий расселения сельджуков в Малой Азии, постепенного их усиления и установления господства в Закавказье не может не быть тенденциозным — ведь он является проводником идеалов грузинского царя и, стало быть, противником расселения и роста могущества сельджуков. Летописец проявляет к ним отрицательное отношение, однако сравнение приводимых им сведений с восточными источниками, сопоставление с источниками, написанными с противоположных позиций, несомненно позволит составить реальную картину истории Сельджукского государства.

---

[13] История царя Давида,— Картлис цховреба, т. I, стр. 318—364.
[14] Там же, стр. 318.
[15] Там же, стр. 318—319.

Характеризуя тяжелое положение Грузии, автор обстоятельно останавливается на многократных вторжениях сельджукского войска в Грузию в 80-х годах XI в. Он отличает сельджукское нашествие этого периода от похода Алп-Арслана, организованного в 60-х годах. На сей раз сельджуками предводительствовал амир Ахмед. Летописец описывает уход Ахмеда из Грузии с богатой добычей и вторжение в Грузию других амиров, подстрекаемых Ахмедом. Автор коротко, но ярко изображает тяжелые последствия набега сельджукских амиров на Грузию. Он называет все географические пункты, где они побывали: «Асисфорни и Кларджети до берега моря, Шавшети, Аджарию, Самцхе, Картли, Аргвети, Самокалако и Чкондиди заполнили турки. Истреблены или взяты ими в плен все коренные обитатели этих краев. И они же (сельджуки.— *Н. Ш.*) однажды сожгли дотла Кутатиси, и Артануджи, и обители Кларджетские... И это было первое и большое турецкое засилье. Ибо хроникон был трехсотый...» [16].

Это нашествие сельджуков, по сообщению автора, не было единственным. «Ибо с наступлением весны,— пишет он,— приходили турки и, вновь сотворив ранее содеянные дела свои, зимой уходили» [17].

Давая характеристику обстановки, создавшейся в Грузии в результате близкого соседства сельджуков и их систематических вторжений, автор отмечает, что страна оказалась в тяжелом положении, помощи ждать было неоткуда, так как христианские государства Закавказья и Малой Азии вследствие усиления сельджуков были ослаблены. Историк подчеркивает, что «силы и у греков поубыло, а какими странами они на Востоке владели за морем, все были захвачены турками» [18].

В таких условиях Грузия, конечно, не могла оказать сельджукам сопротивления. Этим и объясняет историк поездку в Исфахан к Мелик-шаху грузинского царя Георгия II, просьбу его явить милосердие, обещание платить хmajрадж и дружеские взаимоотношения обоих монархов.

Историк считает Мелик-шаха энергичным и высокоодаренным государственным деятелем, восхищается его качествами, описывает его внешность, черты характера. По его словам, Мелик-шах был очень привлекателен на вид, справедлив и милосерден. Автор подчеркивает его терпимость по отношению к христианам, замечает, что он был совершенно незлобив. Он добавляет, что этот государственный деятель обладал еще множеством других добродетелей («много в нем

[16] Там же, стр. 319—320.
[17] Там же, стр. 320.
[18] Там же, стр. 321.

есть и прочего поучительного»), но он намеренно обрывает повествование, «дабы не быть многословным». Историк хорошо осведомлен о Мелик-шахе, о проведенных им мероприятиях большого государственного значения.

Летописец явно относится к Мелик-шаху с большой симпатией, по-видимому, одобряет его большие государственные преобразования, поддерживает его стремление к централизации власти, будучи сам сторонником и идеологом централистских мероприятий Давида Строителя. Он упоминает о кончине Мелик-шаха, приводя и дату смерти.

Автор рассказывает о доброжелательном, дружеском приеме царя Георгия II при дворе Мелик-шаха, проводах его в Грузию, об отношениях между сельджуками и грузинами в 80-х годах. Он прекрасно знаком с обстановкой в государстве «великих» Сельджукидов. Летописец сообщает сведения о крестовом походе, отмечая, что взятие Иерусалима и Антиохии крестоносцами благотворно сказалось на внутреннем положении Грузии: страна отстраивалась, крепло ее военное могущество, грузинский царь перестал платить султану хараджь, и сельджуки уже не могли, как встарь, зимовать в Грузии. Автор называет те места, где сельджуки проводили зиму. По его словам, «до этого при наступлении зимы они со своими фалангами оседали в Авчала и Дигоми, вдоль течения реки Куры и по берегам Иори, где находились их стоянки» [19].

Летописец подчеркивает, сколь притягательны и необходимы были для сельджуков закавказские луга как кочевые становища и пастбища. Он описывает кочевой образ жизни сельджуков, способ их хозяйства. Автор подробно и наглядно рассказывает о том, как сельджукские племена располагались на тучных пастбищах Закавказья вместе со своими кибитками и скотом. По его характеристике, кочевое хозяйство сельджуков было совершенно неприемлемо для феодальных стран Закавказья. Он квалифицирует «Диди туркоба» («большое турецкое засилье») как социально-экономическое явление и отмечает его резко отрицательное влияние на грузинское феодальное общество. В понимании грузинского летописца турецкое засилье означало упадок интенсивного феодального хозяйства и насаждение вместо него кочевого хозяйства. Затормозилось экономическое развитие страны. По словам историка, во времена «Диди туркоба» в Грузии не сеяли и не жали, страна была разорена и заросла лесами. Пришли в запустение пашни, сады и виноградники. В приводимом ниже отрывке из сочинения автор ярко изображает кочевое хо-

[19] Там же, стр. 326.

зяйство сельджуков, упоминая те места в Закавказье, где кочевники чувствовали себя привольно и зимой и летом.

«Ибо прежде турки осенью проходили по Армении со всеми фалангами своими, а затем оседали они в Гачиани, по берегам Куры, от Тбилиси до самого Бардави, и по берегам Иори, и на всех тех превосходных зимних стоянках, где зимою, как и весенней порой, косят сено, и имеются в изобилии дрова и вода, и водится там множество всевозможной дичи, и есть всякие иные блага. В этих местах и ставили они свои кибитки. Не было числа их коням, мулам, овцам и верблюдам, и жилось им привольно: охотились, отдыхали и веселились и не терпели нужды ни в чем. В городах своих они торговали, а на наши края совершали набеги, увозя богатую добычу и пленных. С приходом весны начинали они подниматься в горы Армении. А весна тоже сулила им утехи и покой среди прекрасных полей и лугов, родников и цветущих местностей, и столь велики были силы их и число, что даже говорили: „Все турки со всех сторон туда собрались“. И никто не волен был запретить им селиться где вздумается, даже сам султан» [20].

Поскольку автор истории царя Давида — свидетель и очевидец описанных выше событий, его сведения очень ценны. Он подчеркивает то обстоятельство, что сельджуки, совершая набеги на окраинные и внутренние провинции Грузии и опустошая их, торговали между собой. Он приводит сообщение о торговле сельджукских городов друг с другом. Кроме того, интересно показание историка о том, в каких отношениях находились к концу XI в. отряды кочевников-сельджуков с султаном. По его сведениям, эти отряды не повиновались султану и кочевали свободно по собственной воле. Как говорилось выше, их занятия и передвижения не были подвластны султану. Это — весьма примечательное сообщение для выяснения степени зависимости отдельных кочевых племен сельджуков от центральной власти.

Из приведенного выше отрывка мы узнаем, что к последней четверти XI в. происходит некоторая концентрация кочевников-сельджуков на территории Закавказья, и это вполне естественно. Сельджуки к тому времени уже господствовали почти во всей Малой Азии, а в Закавказье имелись отличные условия для кочевья. Притом Мелик-шах и Низам ал-Мульк стремились оттеснить кочевников на окраинные территории империи, в частности к самым рубежам Грузии и других стран. «Непосредственным следствием этой политики был захват восточных провинций Византии, походы Алп-Арслана и

---

[20] Там же, стр. 322.

Мелик-шаха против Грузии и, наконец, „Диди туркоба“ в 80-х годах XI века»[21].

Автор истории царя Давида — хороший знаток своей эпохи и современник Давида Строителя. Он ярко изображает взаимоотношения грузинского царя и сельджуков, описывает отдельные сражения, набеги, приемы борьбы грузин против сельджуков и отмечает почти все те населенные пункты в Закавказье, которые были заняты турками в первой четверти XII в.

Летописец осведомлен о том, когда скончался преемник Мелик-шаха — султан Малик. Он связывает эту смерть с кончиной византийского императора Алексея Комнина: «А в августе того же года умерли и султан Малик, сын Мелик-шаха, и Алексей, царь греков. И не узнали они о смерти друг друга. Хроникон был триста тридцать восьмой»[22].

Историку отлично известно о положении отдельных политических образований, возникших в результате распада Сельджукского государства, об их взаимоотношениях и связях со странами Закавказья. Автор указывает, что после смерти Мелик-шаха шла борьба между претендентами на султанский престол, подмечает момент ослабления государства «великих» Сельджукидов и распада его на отдельные политические единицы, фиксирует изменение соотношения сил во всей Передней Азии и его причины, отрицательное значение утраты Сельджукским государством Сирии и Палестины, сдвиги в международной обстановке на Ближнем Востоке в пользу Грузии. Любое политическое событие на Ближнем Востоке летописец измеряет значением его для Грузии. И это вполне естественно, ведь автор — личный историограф царя Давида и приверженец его идеалов. А сравнение показаний такого автора с восточными источниками, написанными с иных позиций, поможет воссоздать объективную картину.

Интересны данные грузинского историка об известной Дидгорской битве, происшедшей в 1121 г. между войском Давида Строителя и объединенными силами сельджуков. Автор перечисляет всех государей — участников сельджукского войска: «Тогда султан призвал царя Аравии Дурбеза, сына Садака, и дал сына своего Малика с войском; назначил спасаларом Элгази, сына Ардуха, человека сильного. И приказал всем туркам, кто где находился, от Дамаска до Алеппо, всем, кто мог выступить (выступать) вместе с ними; (призвал) Ганджийского атабека со своей силой и всех эмиров Армении.

---

[21] В. Габашвили, Восток по страницам грузинских исторических источников XI—XII веков, стр. 296.

[22] История царя Давида,— Картлис цховреба, т. I, стр. 335.

Хроникон был триста сорок первый»[23]. Затем летописец рассказывает о сборе участников похода, их прибытии на Дидгорскую равнину и о разыгравшемся там сражении. Его сведения о Дидгорской битве и объединенных силах сельджуков подтверждаются и другими источниками.

Автор, как уже упоминалось, ориентируется в политической обстановке своего времени на Ближнем Востоке, знает о существовании многочисленных атабекств и нескольких султанатов. Приводимые им сведения как о единой империи «великих» Сельджукидов, так и об отдельных султанатах и атабекствах весьма значительны и дополняют свидетельства восточных источников.

Летописец подметил немало моментов, важных для изучения истории Ближнего Востока первой четверти XII столетия. Он сообщает об отношениях между отдельными атабекствами и султанатами. Для него ясна международная обстановка, создавшаяся на Ближнем Востоке после смерти Мелик-шаха. К 1125 г., времени смерти Давида Строителя, его историк жив. Он непосредственный свидетель и очевидец распадения государства «великих» Сельджукидов на обособленные политические единицы и образования эмиратов.

Сравнительно более полные и заслуживающие внимания сведения о распаде империи «великих» Сельджукидов на отдельные политические единицы доносят до нас историки царицы Тамары. В сочинениях обоих ее летописцев («История и восхваление венценосцев» и «История царицы Тамары») значительное место отведено истории сельджуков. Личность авторов этих источников пока еще не установлена. Условно авторство второго сочинения приписывают домоправителю Басилию. Авторы названных источников были очевидцами и свидетелями описанных событий, сторонниками начинаний царицы Тамары и в своих сочинениях восхваляли ее.

Отдельные политические единицы и эмираты ко второй половине XII столетия влачили жалкое существование, а внутреннее и внешнее положение Грузии, напротив, заметно улучшилось. Сильно возросли ее роль и авторитет во всей Передней Азии. Поэтому историки эпохи царицы Тамары уделяют немало внимания изложению сведений об отдельных политических единицах на Ближнем Востоке. Они хорошо осведомлены о сельджукских династиях, атабекствах, передают историю Шедаддидов, Эльдегезидов, Шах-Арменов, Палавандидов и других династий, их взаимоотношений с Грузией. Грузинским историкам известны титулы знати и должностных лиц в странах Ближнего Востока, наименования чинов граж-

[23] Там же, стр. 341.

данского и административного аппарата, светских и духовных чиновников. Принятие во внимание всего этого и сопоставление с восточными источниками прольет свет на многие интересные вопросы, поможет уточнить и конкретизировать немало исторических событий. Сведения о сельджуках, содержащиеся в сочинениях грузинских историков, авторами источников рассмотрены и оценены преимущественно в свете взаимоотношений сельджуков с Грузией и другими странами Закавказья. Но вместе с тем авторы приводят и оригинальные данные о собственно Сельджукидах и других династиях.

Автор «Истории и восхваления венценосцев» тонко разбирается в сущности политических и социальных движений, происходивших на Ближнем Востоке. Он особо отмечает агарян, исмаилитов и мусульман[24].

Грузинский историк хорошо знаком с широко распространенным на Ближнем Востоке социальным движением исмаилитов и проявляет к нему отрицательное отношение. Для обозначения социального движения автор употребляет слово «мульхид». Наряду с усилением социальных движений идет процесс распада государства «великих» Сельджукидов, наступает период феодальной раздробленности, так называемого «многоначалия». В XI—XII вв. сельджукские султаны вели беспощадную борьбу с исмаилитами. Не один султан и крупный чиновник пали жертвами этой борьбы.

Для иллюстрации того, как отлично информирован автор источника о состоянии отдельных политических единиц на Ближнем Востоке в первой половине XII в., приведем отрывок из «Истории и восхваления венценосцев»: «И пронеслась весть об истреблении войска властителей и вельмож Шаши, Джазиры, Армении и Эрзерума. Когда об этом узнал султан Хварасана и Ирака, халиф, обладатель великого Вавилона и опора лжерелигии сарацин, равно как атабаг Персии Элдигуз, они созвали измаильтян, при этом вспомнили и собрали опаленные в огне кости Заратустры»[25].

Грузинский автор сообщает об отношениях независимых атабекств с сельджукским султаном и Грузией. Историк упоминает о походе объединенных сил атабека Ильдегезида и иранского султана в Грузию, против Георгия III. Автор источника подробно перечисляет все те государства Ближнего Востока, которые поддерживали отношения с Грузией того времени.

Сообщая об усилении социальных движений и сложившейся обстановке в отдельных мусульманских политических еди-

[24] Картлис цховреба, т. II, Тбилиси, 1959, стр. 5.

[25] История и восхваление венценосцев,— Картлис цховреба, т. II, стр. 10—11.

4 Зак. 416

ницах на Ближнем Востоке, грузинский историк особо отмечает распад государства «великих» Сельджукидов, упоминает, кем были заняты те или иные территории. Дробление страны на независимые феодальные княжества он считает вполне закономерным явлением, а рознь и вражду между ними — следствием многоначалия. Вот что рассказывает по этому поводу источник: «В это время был убит молидами только что ставший султаном атабаг Кизил-Арслан. [После него] обладателями всей Персии остались три сына Пахлаваниды, которым от отца и дяди поделена была страна таким образом: старшему, Хутлу-Инангу, от Ирака до Хварасана и Вавилона, следующему, Амир-Бубкару, Азербайджан до Армении, младшему же, Амир-Мирману, от моря Гурганского до моря Гелакунского. Как свойственно многоначалию, [между ними] начались зависть и борьба. Амир-Бубкар, победив и обратив в бегство старшего брата, сделался первым и стал атабагом. Младший брат, Амир-Мирман, сделался зятем Шарванши, Амир-Бубкар напал на него и Шарваншу у ворот Балукана и прогнал их из Арана, сам же, возвысившись на время, сделался высокомерным» [26].

Из этой обширной выдержки явствует, насколько важные сведения содержит сочинение грузинского автора, а сопоставление его с восточными источниками способно пролить свет на многие интересные вопросы.

Автор считает обязательным упомянуть Шамхорскую битву, которая произошла в конце XII в. между объединенными силами мусульман и грузинами [27]. По показанию источника, в походе принимало участие войско, посланное халифом, который отпустил на этот поход тысячу золотых. Данные о Шамхорской битве встречаются и в других источниках.

После Шамхорской битвы на Ближнем Востоке произошел ряд событий большого значения. В источнике внимание заострено на Конийском султанате. Историк знает, что это — единственное мусульманское государство, выступающее в роли объединителя разрозненных мусульманских эмиратов и атабекств, и притом самое могущественное на Ближнем Востоке. Автор повествует о том, как султан Коньи собрал огромное войско и, прежде чем послать его на Грузию, отрядил туда своего посла. События изображаются довольно подробно, излагается содержание писем султана к царице Тамаре. Здесь же приводится и ответ грузинской царицы. В источнике мы читаем: «Об этом узнал великий султан Сельджукид, по имени Рукнадин; он был выше и больше всех про-

---

[26] Там же, стр. 62—63.
[27] Там же, стр. 67.

чих султанов, которые властвовали в Греции, Асии и Каппадокии, до самого Понтийского моря. Рукнадин призвал все множество своего войска, причем собралось 40 раз по 10 000, т. е. 400 000 человек. Он отправил посла к царице Тамаре с письмом...»[28].

Грузинский летописец отлично знает местонахождение городов и провинций на Ближнем Востоке. Он часто называет города, взятые царицей Тамарой: Хорасан, Тавриз, Севастию, Гурган и многие другие[29].

Автор дает пояснение титула атабека: «Почти меня должностью атабага, такой должности нет и не было в Грузии и у грузинских царей... Должность атабага — султанская должность, она подразумевает отца и воспитателя царей и султанов»[30].

Басили, как и историки — его предшественники, превосходно осведомлен о политической обстановке на Ближнем Востоке; он приводит сведения о зависимости правителей отдельных политических образований от султана[31], о связях багдадского халифа с Грузией.

Автор подчеркивает, что к началу XIII столетия сельджуки уже не могли приходить на берега Куры и Иори, занимая там пастбища. В стране царили мир и спокойствие, а по ее окраинам стояло сильное, надежное войско[32]. Он сознает, что в условиях могущества Грузии разрозненные мусульманские политические единицы ослаблены и не способны выступить против нее[33].

В сочинении грузинского историка сохранилось немало примечательных сведений о положении политических единиц и городов сельджукской эпохи, об их культурном развитии. Автор указывает, что, несмотря на существование многочисленных эмиратов и княжеств, в «персидских» странах были высокоразвиты литература, искусство, наука, процветали города и городская жизнь, торговля и ремесла.

Здесь трудно передать все донесенные до нас грузинскими историками XI—XIII вв. сведения, представляющие огромную ценность для изучения многих важных вопросов истории Сельджукского государства. Свидетельствами грузинских летописцев значительно дополняются данные, сообщаемые о сельджуках в восточных источниках. Грузинские авторы приводят преимущественно показания, касающиеся отношений

[28] Там же, стр. 92—93, а также стр. 132.
[29] Там же, стр. 107.
[30] Там же ,стр. 111.
[31] Басили, История царицы Тамары, стр. 125.
[32] Там же, стр. 130.
[33] Там же, стр. 132.

стран Закавказья с сельджуками; вместе с тем они знакомят нас со многими материалами, представляющими интерес для исследователя деятельности сельджукских султанов и других вопросов истории сельджуков. Изучение данных грузинских документальных и нарративных источников, сравнение их с показаниями восточных исторических памятников поможет более полно осветить историю Сельджукского государства.

Т. И. Султанов

ПИСЬМО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ХАНА УЛУГ-МУХАММАДА ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ МУРАДУ II

В архиве музея Топкапы в Стамбуле под № 10202 хранится письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II, написанное в марте 1428 г. Этот важный исторический документ, имеющий большое значение для понимания событий, связанных с борьбой за золотоордынский престол в 20-х годах XV в., был опубликован турецким ученым Акдес Нимет Куратом (в 1937 г. и вторично в 1940 г.[1]). Письмо, написанное, как и ярлыки Токтамыша, Тимур-Кутлука, крымских ханов, на так называемом чагатайском языке[2], никем не приводилось в русском переводе полностью, хотя оно известно советским востоковедам. А. Ю. Якубовский использовал данные этого письма в качестве ключа для объяснения событий, связанных с борьбой Улуг-Мухаммада с Бараком[3]. С. Е. Малов сделал ряд замечаний относительно перевода его трудных для понимания мест[4]. М. Г. Сафаргалиев использует текст письма, во-первых, как доказательство давних связей золотоордынских ханов с турецкими султанами, начиная с Токтамыша[5], во-вторых, как свидетельство того, что ко времени написания пись-

[1] Akdes Nimet Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler, İstanbul, 1940, текст письма, стр. 8, 10; перевод на современный турецкий язык, стр. 14—15; фотокопия документа, стр. 161—166.

[2] См. A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi..., стр. 3—4, 7; В. Г. Гузев, О ярлыке Мехмеда II,— Тюркологический сборник, 1971, М., 1972, стр. 238—240.

[3] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 413.

[4] С. Е. Малов, Изучение ярлыков и восточных грамот,— Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию. Сб. статей, М., 1953, стр. 188—189.

[5] М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды,— Ученые записки Мордовского государственного университета, вып. XI, Саранск, 1960, стр. 161.

ма Девлет-Берди уже не было в живых [6]. А. П. Григорьеву формальные элементы письма служат для подтверждения его идеи о том, что жалованная грамота, считавшаяся прежде документом XVI в., на самом деле была выдана Улуг-Мухаммадом в 1420 г. [7].

Ниже мы даем перевод этого важного документа [8].

ПЕРЕВОД

(1) «Милостью всевышнего бога, знамением пророка Мухаммада. (2) От Мухаммада гази Мураду. (3) Мир вам и поклон. Наши прежние братья-ханы и ваши отцы, султаны вилайета Рум, рум и (4) старшие братья неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и приветствиями, (5) вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан (6) Токтамыш-хан и ваш дед гази Баязид-бек в соответствии с добрым старым обычаем обменивались послами, (7) подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней. (8) Затем, когда всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам, между нами, (9) торе, вспыхнула вражда, и в последующее время события развивались так, что престол достался Бараку. В позапрошлом году (10) с божьей милостью войско двинулось в поход, и мы обратили в бегство Барака и Мансура. Трон и царство [всевышний] вручил нам, они (11) же бежали прочь, собрав наемные свои отряды. Вот уже в течение одного-двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю. Мы не снарядили к вам человека, (12) полагая, что, если мы его пошлем, Улак его не пропустит. Мы знали, что от вас водным путем к нам отправлен человек. Как случилось, что он не прибыл? О вашем пребывании в добром (13) здравии и благополучии мы узнали от Хаджи Ибад тюрка (?). Теперь ... нам двоим ... один век ... (14) поскольку дал царство, установим с помощью всевышнего, по обычаю наших добрых предков, добрые отношения друг с другом. Если мы будем обмениваться послами, подарками и (15) приветствиями, если будут посещать друг друга наши купцы-уртаки, то разве это не будет благом? [Ведь все] преходяще, а это останется на веки веков. (16) Сообщите, как лучше удалить ту

---

[6] Там же, стр. 234.

[7] А. П. Григорьев, Жалованная грамота Улуг-Мухаммеда,— Вопросы филологии стран Азии и Африки, вып. I, Л., 1971, стр. 170—177.

[8] Текст письма сохранился, к сожалению, не полностью: отдельные места пострадали от сырости и не поддаются прочтению. Расшифрованный текст см. в приложении к настоящему сборнику (стр. 282—283).

часть подвластных Улаку неверных, которые находятся между нами. Пусть по суше и по воде ездят купцы-уртаки и (17) неимущие бедняки добывают средства к существованию. Еще, для того чтобы Хаджи Ибад тюрк (?) поехал и справился о вашем здоровье, мы с ним отправили письмо-приветствие, (18) полагая, что вы знаете его как мудрого человека (?), мы отправили письмо-приветствие. Написано в год обезьяны, в Орде, на берегу Озю, (19) двадцать седьмого дня, месяца джумади ал-авваль, года восемьсот тридцать первого (14 марта 1428 г.). 831 год».

ПРИМЕЧАНИЯ

Стрч. 2. Мухаммад — сын Хасан-оглана, по прозванию Ичкили-Хасан [1]. В исторической литературе его имя принято писать как Улуг-Мухаммад в отличие от Кичик-Мухаммада. Как видно из дипломатической переписки и обмена послами, Улуг-Мухаммад признавался официальным правителем Золотой Орды с начала 20-х годов XV в. [2]. По всей вероятности, он пришел к власти после смерти Едигея в 1419 г. [3]. В результате междоусобиц, происходивших в Золотой Орде в течение 1423—1424 гг., Улуг-Мухаммад потерял власть, которая перешла к Барак-оглану. Около 1426 г. он с помощью Витовта отвоевал Сарай у Барака и с непродолжительными перерывами правил в Золотой Орде более десяти лет [4]. В 1437 г., изгнанный из Золотой Орды Кичик-Мухаммадом, он бежал на Верхнюю Волгу, где в течение нескольких лет вел войны с русскими князьями [5]. Умер Улуг-Мухаммад после 1445 г. от болезни [6].

[1] Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Gazi Béhadour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons, t. 1, Texte, St.-Ptg., 1871, стр. 178. По Мунеджимбаши, Улуг-Мухаммад был сыном Тимур-султана, сына Тимур-Кутлука, сына Тимур-Малика, сына Урус-хана (A. N. Kurat, Topkapı Sarayı, Müzesi..., стр. 22). А. Н. Курат приводит следующую родословную: Улуг-Мухаммад — сын Ичкили-Хасана, сына Хабине, сына Тулек-Тимура, сына Гунджек-оглана, сына Сарыджа, сына Уз-Тимура, сына Тука-Тимура, сына Джучи, сына Чингис-хана (там же, стр. 158).

[2] Зубдат ат-таварих, Хафиз-и Абру, микрофильм рукописи Бодлеянской библиотеки в Оксфорде, хранится в ЛО ИВАН СССР, л. 412б; В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 196.

[3] А. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 502; А. П. Григорьев, Жалованная грамота..., стр. 175—177.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 532—533; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 413 и сл.

[5] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863, стр. 7—8.

[6] A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi..., стр. 28. По мнению А. Ю. Якубовского, имя Улуг-Мухаммада встречается в русских летописях до 60-х годов XV в. (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 410).

Стрч. 2. Мурад — Мурад II (1421—1451), сын султана Мехмеда I Челеби (1413—1421). При нем был сделан новый шаг по пути централизации Османского государства и подготовлена почва для завоевания Константинополя [7].

Стрч. 6. Токтамыш (Тохтамыш) — сын Тули (Туй)-ходжа-оглана, правителя Мангышлака, казненного по приказу Урус-хана [8]. При поддержке Тимура Токтамыш-оглану удалось свергнуть с престола сына Урус-хана, Тимур-Малика, и провозгласить себя ханом в Сыгнаке, откуда он весной 1378 г. предпринял завоевание западной части улуса Джучи, которое вскоре успешно завершил. Весной 1395 г. на Тереке он потерпел жестокое поражение в решающем сражении с Тимуром и больше никогда уже не возвращался на престол всего улуса Джучи и, по словам Муин ад-Дина Натанзи, «был убит рукою Едигея в 807 г. (1404—1405) в пределах Тулуса» [9]. По русским источникам, Токтамыш был убит в 1406 г. около Тюмени, в Сибири, во время сражения с войсками хана Шадибека [10].

Стрч. 6. Баязид — Баязид I Йылдырым (1389—1402), сын турецкого султана Мурада I Худавендигяра (1359—1389). 28 июля 1402 г. под Анкарой армия Баязида I была наголову разбита воинами Тимура, а сам султан и два его сына попали в плен. В течение всего похода Тимур возил по Малой Азии своего знатного пленника. Решив вернуться в Самарканд, Тимур задумал взять и его с собой. Баязид узнал об этом и отправился в 1403 г. в г. Акшехире [11].

Стрч. 9. Торе — термин рассматриваемого периода, употреблявшийся для обозначения нецарствовавших ханских потомков. Судя по источникам, это слово служило, однако, для обозначения не только султанов, но и более широкого круга лиц, как, например, видных и знатных людей, в частности чиновников и судей [12]. Расширение значения старотюркского слова «торе», которое представляет собой «дальнейшее морфологическое и семантическое развитие основы тур/тор», т. е. почетное место в доме, главное место у очага [13], связано с его основным значением. Первоначально обозначая просто «закон», «обычай», «правило», «постановление» [14], термин «торе» при-

[7] А. Д. Новичев, История Турции. 1. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.), Л., 1963, стр. 40—42.

[8] Мунтахаб ат-таварих-и Муини (талиф-и 816 ва 817 хиджри-и камари) мансуб ба Муин ад-Дин Натанзи ва маруф ба «Ануним-и Искендер» ба тасхих-и Жан Обен, Тегеран, 1336 (1957), стр. 92; В. В. Бартольд, Токтамыш,— Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 564.

[9] Мунтахаб ат-таварих..., стр. 97.

[10] В. В. Бартольд, Токтамыш, стр. 567.

[11] А. Н. Новичев, История Турции, стр. 32—37.

[12] Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений), Алма-Ата, 1969, стр. 235, 308, 379 и др. См. Терминологический указатель, стр. 625.

[13] А. Н. Кононов, Опыт анализа термина «турк».— «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 45.

[14] В. В. Бартольд, Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии,— Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 171; Вл. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 52; Г. Айдаров, Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века, Алма-Ата, 1971, стр. 95.

обрел с течением времени функцию обозначения самого законодателя, действователя по обычаю, уставу — владетеля, господина, судьи [15].

Стрч. 9 и 10. **Барак** [16] — сын Куйричак-оглана, сына Урус-хана. Впервые его имя в источниках упоминается под 1419 г. По словам Абд ар-Раззака Самарканди, в 1419 г. «Барак-оглан, бежавший из улуса Узбекского, пришел искать убежища при дворе мирзы Улугбек-гургана и, удостоившись чести целования руки, почтен был милостью и включен в число царевичей» [17]. Улугбеку для безопасности северных границ своих владений было выгодно иметь во главе беспокойных соседей если не подчиненного, то хотя бы дружественно настроенного к нему хана, и поэтому он «приказал снарядить Барака по-царски».

К сожалению, Абд ар-Раззак Самарканди не сообщает, в чем выражалась царская милость самаркандского правителя [18], как, впрочем, не указывает и на время, когда Барак-оглан «получил позволение уйти обратно». По-видимому, это было не первым посещением степным царевичем двора благожелательно расположенного к нему Улугбека. Сведения, содержащиеся в источниках, дают основание полагать, что Барак-оглан в своей борьбе за трон и до этого пользовался покровительством Улугбека [19].

После возвращения в родные степи Барак-оглан повел более энергичную борьбу за захват верховной власти и, как показывают дальнейшие события, добился значительных успехов. Вероятно, с успехами Барак-оглана в Узбекском улусе была связана отмена задуманного Улугбеком большого военного похода в Дешт-и Кыпчак.

В конце августа 1419 г. Улугбек выступил с войском из своей столицы и, переправившись через Сырдарью, подошел к окрестностям Ташкента. В это время некий перебежчик из Узбекского улуса, по имени Балху, доложил, что узбекское войско рассеялось. После того как сообщение перебежчика было подтверждено словами возвратившихся из Дешта купцов,

---

[15] А. Н. Кононов, Опыт знализа..., стр. 45, 47; Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 390—391.

[16] В написании этого имени нет единой транскрипции. В. В. Бартольд (Улугбек и его время,— Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 102, 104) писал «Бурак». В. Д. Смирнов (Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века, СПб., 1887, стр. 206, 229), С. К. Ибрагимов (К истории Казахстана в XV в.,— Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока, М., 1961, стр. 173), Б. А. Ахмедов (Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 39, 40) и другие авторы — «Борак». Оба варианта представляют собой арабизированную форму тюркского имени Барак. См.: P. Pelliot, Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or, Paris, 1949, стр. 57—58; A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi..., стр. 30.

[17] Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн. Абд ар-Раззак Самарканди, рукопись ЛГУ, № 157, л. 213б; В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов..., т. II, стр. 196.

[18] По данным А. Н. Курата, Бараку был передан Сыгнак и его окрестности (A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi..., стр. 31).

[19] Матла ас-садайн..., л. 207а; В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 101; Б. Ахмедов, Государство кочевых узбеков, стр. 121—122; A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi..., стр. 30.

Улугбек отменил поход и вернулся в Самарканд, вероятно полагая, что после отступления врагов Барак достигнет своей цели без участия военных сил Мавераннахра [20].

Одержав победу над своими противниками в Восточном Дешт-и Кыпчаке и закрепив за собой эту территорию, Барак-оглан двинулся в сторону Волги, ближе к столице Золотой Орды — Сараю. В начале сентября 1422 г. мы видим его на территории золотоордынского Поволжья, где он, по данным русских летописей, нанес решительное поражение хану Худайдаду. «Того же лета (6930/1422) месяца августа в 31-й день,— читаем в летописи,— царь Барак побил Куйдадата царя» [21].

Перед Барак-огланом теперь встала, казалось бы, самая трудная задача на пути к желанному престолу — устранить Улуг-Мухаммада, который, как было указано выше, признавался официальным правителем Золотой Орды. Однако он довольно быстро разгромил войско Улуг-Мухаммада и, захватив его орду, объявил себя ханом. Хафиз-и Абру относительно его победы над ханом пишет, что весной 1423 г. из Хорезма прибыл нукер эмира Шахмалика и доложил следующее: «Барак-оглан захватил орду Мухаммад-хана и утвердил в тех краях свою власть; большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорилась ему» [22]. Пребывание Барак-оглана в тех краях и его набег на Одоев зафиксированы и русскими летописцами под 6931/1423 г.: «Того же лета царь Барак приходил ко Одоеву ратью и много зла учинил, а града не взял, и со многим полоном поиде в поле; и князь Юрьи Романович Одоевский да Григорей Протасиевич, воевода Мченский, постигоша его в поле и много полона отняша» [23].

Окончательная победа Барак-оглана над Улуг-Мухаммадом относится, по-видимому, к 1424 г., что явствует из сообщения, содержащегося в «Раузат ас-сафа». Мирхонд пишет, что зимой 828 г. (конец 1424 — начало 1425 г.) к мирзе Улугбеку, находившемуся в то время на берегу Сырдарьи около Шахрухии, от Барак-оглана, который незадолго перед этим воссел в Дешт-и Кыпчаке на ханский трон, прибыл Ямавук. Он преподнес несколько кречетов, породистых скакунов и, выразив пожелания счастья, сообщил о восшествии Барак-хана на престол своих отцов и дедов. Это сообщение вызвало большую радость. Посол Барака пробыл при августейшем дворе несколько дней и попросил позволения вернуться. Его величество оказал ему большие почести, пожаловал почетную одежду, одарил

---

[20] Зубдат ат-таварих, лл. 320а—320б; Матла ас-садайн..., лл. 213—214а; В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 102.

[21] Патриаршая, или Никоновская, летопись,— ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 238.

[22] Зубдат ат-таварих, л. 414б; Матла ас-садайн..., л. 229б.

[23] Воскресенская летопись,— ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 91—92; Патриаршая, или Никоновская, летопись,— ПСРЛ, т. XI, стр. 238. По известию Софийской первой летописи (ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 262), это событие произошло в 6930/1422 г. Однако расхождение в датах, возможно, объясняется неодинаковостью летосчисления, которого придерживались древние летописцы (год мартовский и год сентябрьский). См.: В. О. Ключевский, Курс лекций по источниковедению,— Сочинения, т. VI, М., 1959, стр. 10—11.

его и разрешил удалиться. Вместе с ним Улугбек послал в Дешт-и Кыпчак Турсун-оглана, который был одним из влиятельных огланов, и Тюрк-барласа, одного из высокопоставленных эмиров, с тем чтобы они поздравили Барак-хана с восшествием на престол. Он приказал также отправить вместе с посланниками расшитые золотом одежды, корону, пояс, колчаны, сабли с золотыми перевязями, коней, мулов, шатры, динары и дирхемы, литавры, знамя, домашнюю утварь и другие предметы, приличествующие званию падишаха и правителя, а также послал искусных ремесленников, виночерпиев, поваров и литавристов. Ямавук, Турсун-оглан и Тюрк-барлас согласно приказу отбыли в Дешт-и Кыпчак [24].

Однако у власти Барак-хан удержался недолго; Улуг-Мухаммаду вскоре удалось собрать значительные силы — по-видимому, не без помощи великого князя Витовта — и вновь завладеть Сараем.

Как видно из письма Улуг-Мухаммада, падение власти Барака в золотоордынском Поволжье произошло около 1426 г. Эта дата вполне совпадает с показаниями других источников. По словам ал-Айни, лицо, доставившее письмо от Девлет-Бердия к египетскому султану, сообщило, что в землях дештских царит большая неурядица, что три хана оспаривают друг у друга власть. «Один из них, по имени Давлетберди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммед-хан, завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» [25]. Известно, что посланник захватившего Крым Девлет-Бердия прибыл в Египет в марте 1427 г. [26]; следовательно, естественно предположить, что рассказанные им события произошли в 1426 г. В то же время сообщение о прибытии Барак-хана к владениям, граничащим с землями Тимуридов, находит свое подтверждение в известии, содержащемся в труде Хафиз-и Абру. По его данным, Барак-хан, покинув берега Волги в 829 г. (1425/26), пришел в область Сыгнакскую и к пределам владений мирзы Улугбека [27]. По показанию Шереф-ад-дина Йезди, в 831 г. (1427/28) в Золотой Орде правил Мухаммад-хан [28].

Потерпев поражение от Улуг-Мухаммада, Барак-хан, стремившийся, по-видимому, компенсировать потери на западе за счет завоеваний на востоке, вступил в войну со своим недавним союзником — Мансуром. Мангытский эмир не смог оказать ему сопротивление и, по словам Кадырали-бека [29], пал в борьбе с ним [30].

---

[24] М и р х о н д, Раузат ас-сафа,— см.: В. В. Б а р т о л ь д, Улугбек и его время. Приложение. Персидский текст, стр. 180.

[25] В. Г. Т и з е н г а у з е н, Сборник материалов..., т. I, стр. 534.

[26] Там же, стр. 533.

[27] Зубдат ат-таварих, л. 432а; Матла ас-садайн..., л. 233а.

[28] Мукаддима-йи Зафар-наме, Шереф ад-Дин Йезди, рукопись ЛО ИВАН СССР, С 390, л. 92б.

[29] Подборку сведений об авторе и его сочинение см.: М. А. У с м а н о в, Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», татарские шаджара, Казань, 1972, стр. 33 и сл.

[30] Сборник летописей, Кадырали-бек б. Хошум-бек, фотокопия казанской рукописи, хранящейся в Институте истории, археологии и этнографии

Упрочив таким образом свое положение на востоке, Барак-хан выступил с территориальными претензиями к Улугбеку, потребовав, чтобы тот вернул ему земли, принадлежавшие его предкам и завоеванные Тимуром. При этом автор источника вкладывает в уста внука Урус-хана такие слова: «Пастбище Сыгнака по закону и обычному праву принадлежит мне, так как дед мой Урус-хан проживал в Сыгнаке и воздвиг там постройку» [31].

Не получив удовлетворительного ответа на свои требования, Барак-хан стал подвергать опустошению область Сыгнака и соседние с ним земли, причем хан и его нукеры «считали себя неограниченными правителями и нагло притязали на верховную власть» в тех краях. Обеспокоенный жалобами своего наместника эмира Арслан-ходжа-тархана, Улугбек в феврале 1427 г. выступил в поход в сторону Сыгнака. Однако, несмотря на численный перевес в силах, Улугбек и его брат Мухаммад-Джуки потерпели жестокое поражение и поспешно отступили в Самарканд, позволив войскам противника свободно грабить страну. Опустошив часть Мавераннахра и Туркестана, Барак-хан вскоре вернулся в глубь степи [32].

Как показывают письменные источники, Барак-хан еще не раз пытался расширить свои владения за счет земель Тимуридов. Мы имеем сведения о нескольких походах Улугбека, направленных против Барак-хана [33], которые были, видимо, также неудачными. Возможно, этим объясняется то обстоятельство, что Шахрух сам вынужден был поспешить с главными силами на помощь Улугбеку, ожидавшему его прибытия под Ташкентом и не решавшемуся выступить против Барак-хана, который завоевал к тому времени Отрар и его окрестности [34]. К сожалению, микрофильм оксфордской рукописи, которым мы пользовались, на этом обрывается. По мнению В. В. Бартольда, Барак-хан, «по-видимому, ограничился опустошением страны и не расширил своих владений за счет государства Тимуридов» [35].

Погиб Барак-хан в одной из междоусобных войн. Это случилось, по всей вероятности, в 1428 г. Во всяком случае, до начала 1428 г. он был жив, иначе, как справедливо отмечал А. Ю. Якубовский [36], Улуг-Мухаммад непременно бы сообщил об этом в своем письме Мураду II. Эту дату как будто подтверждают и сообщения других авторов. Так, по словам Самарканди, посланник Улугбека, прибывший в 1429 г. к Шахруху, находившему-

---

АН КазССР, л. 63б; Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием, Казань, 1854 («Библиотека восточных историков», издаваемая И. Березиным, т. II, ч. 2), стр. 106.

[31] Зубдат ат-таварих, л. 432б; Матла ас-садайн..., л. 233б; В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов..., т. II, стр. 197. В этой связи небезынтересно сообщение об Эрзене, деде Урус-хана, содержащееся в «Анониме Искендера». Муин ад-Дин Натанзи пишет, что «бо́льшую часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенде, устроил он», т. е. Эрзен («Аноним Искендера», рукопись ЛО ИВАН СССР, С 381, л. 239б; В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 111).

[32] Зубдат ат-таварих, л. 442аб; Матла ас-садайн..., лл. 233б—234а.

[33] Зубдат ат-таварих, лл. 443а—444а.

[34] Там же, лл. 445а—446б.

[35] В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 116.

[36] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 413.

ся в то время в Западном Иране, доложил, что «между Султан Махмуд-огланом и Барак-огланом в Моголистане произошло большое сражение и что Султан Махмуд убил Барака»[37]. По данным Гаффара, Барак-хан был убит в 831 г. х. (1427/28)[38]. Ту же дату приводит автор XVII в. Хайдар б. Али Рази и добавляет, что Барак-хан «был убит руками врагов»[39]. По сведениям другого источника, Барак-хан был убит в результате заговора эмиров вскоре после возвращения в степь[40].

Стрч. 10. Мансур — сын временщика Едигея. После смерти Едигея в 1419 г. он, по данным Хаджи Гаффара Крым-и, подался в золотоордынское Поволжье и вместе с Гиасс ад-Дином воевал против Улуг-Мухаммада[41]. Затем, как это видно из письма Улуг-Мухаммада, он выступал совместно с Барак-ханом и, потерпев поражение, бежал вместе с ним. Около 830 г. х. (1426/27) Мансур пал в сражении со своим патроном Барак-ханом[42].

Стрч. 11 и 18. Озю — тюркское название р. Днепр; оно встречается и в ярлыке Тимур-Кутлука[43], и в турецком переводе «Зафар-наме» Шереф ад-Дина Али Йезди. В эпоху османских турок на берегу Днепра была построена крепость Озю, которая являлась центром вилайета под тем же названием[44].

Стрч. 12 и 16. Улак — возможно, это личное имя или прозвание. Выяснить не удалось.

Стрч. 13 и 17. Хаджи Ибад — личное имя. Как полагает А. Курат, он мог принадлежать к духовным лицам[45]. Из письма можно заключить, что он не раз исполнял роль посланника ко двору турецкого султана (стрч. 13) и что именно он, по всей вероятности, доставил интересующее нас письмо Улуг-Мухаммада Мураду II (стрч. 17).

---

[37] Матла ас-садайн..., л. 238а; В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 116. Между тем в казанской рукописи сочинения Кадырали-бека сказано, что мангытский бий «Кази Науруз сразился с Бараком. Барак-хан погиб в этом сражении» (см. Сборник летописей, л. 63б).

[38] В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов..., т. II, стр. 212.

[39] Тарих-и Хайдари, рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС 230, л. 415а.

[40] Раузат ат-Тахирин, Тахир Мухаммад, рукопись ЛО ИВАН СССР, С 400, л. 293а.

[41] A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi..., стр. 33.

[42] Сборник летописей, изд. И. Березина, стр. 106.

[43] В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга,— ЗВОРАО, т. III, СПб., 1889, стр. 38.

[44] A. N. Kurat, Topkapı Sarayı Müzesi..., стр. 12.

[45] Там же, стр. 34.

Н. А. Дулина

ИЗМЕНЕНИЯ В ОСМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (30-е ГОДЫ XIX в.)

30-е годы XIX в. в результате разгрома султанской армии войсками восставшего Мехмеда Али (Мухаммеда Али) явились рубежом в истории османской дипломатии.

Проводившиеся султаном Махмудом реформы (в армии, в области просвещения, управления государством, отчасти в области экономической политики), вызванные стремлением укрепить слабеющее государство [1], коснулись и дипломатии.

Страстное стремление султана добиться покорности Мехмеда Али, невозможность избежать вмешательства держав и ясное понимание этого вынудили Порту вступить в тесные дипломатические отношения с иностранными державами и учредить постоянные посольства.

Европа, недавно пережившая целый ряд революционных потрясений, опасалась в связи с турецко-египетским конфликтом военных столкновений, способных вызвать новые революционные взрывы в Европе. Поэтому особую роль в разрешении конфликта стала играть дипломатия. Острое соперничество великих держав, с которым султанское правительство столкнулось еще в период пребывания в Мраморном море русской эскадры, пришедшей на помощь султану против Мехмеда Али, и последовавших вслед за тем кютахийских переговоров 1833 г., внушило ему надежду на возможность использовать эти противоречия к своей выгоде и добиться дипломатическим путем того, чего оно уже не могло добиться силой оружия — покорности Мехмеда Али. Хюнкяр-Искелесийский договор [2] усилил соперничество европейских

---

[1] См.: А. Д. Новичев, История Турции, т. 2. Новое время, ч. I (1792—1839), Л., 1968, стр. 216—274.

[2] Н. С. Киняпина, Ункяр-Искелесийский договор 1833 г.,— Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1958, № 2, стр. 30—49: Т. В. Еремеева, Заключительный этап египетского кризиса 1831—1833 гг. и великие державы,— Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР, вып. 2, М., 1956, стр. 487.

держав и опасения по поводу восточной политики России[3].

Конфликт с Мехмедом Али был непосредственной причиной установления постоянных дипломатических связей со странами Европы. Но очевидно, что независимо от этого султанское правительство в 30-е годы пришло к пониманию необходимости коренного изменения методов внешней политики государства для успешной борьбы за сохранение целостности Османской империи.

Дипломатические отношения Турции с европейскими государствами начались с 1454 г.[4]. Они осуществлялись с помощью европейских послов, аккредитованных в Стамбуле, и обладали рядом своеобразных черт, что лишало Порту возможности получать объективную информацию о международных проблемах того времени. Послы христианских держав были в значительной степени удалены от султанского двора. Они могли, строго следуя этикету, видеть великого везира и султана лишь по приезде и при отъезде. В остальное время они должны были подавать свои грамоты только реис-эфенди, который отсылал их по назначению. Поэтому иностранные дипломаты вынуждены были вести свои дела через драгоманов, набиравшихся из греков-фанариотов.

Отношение султанского двора к послам основывалось на чувстве превосходства. Аудиенции предусматривали массу правил, унижающих послов. Послы большей частью выносили такие обычаи терпеливо, так как знали, что их государство воевать из-за этого с Османской империей не станет[5]. Европейские державы были заинтересованы в дружественных отношениях с Османской империей, предоставлявшей им возможность выгодно торговать и получать от султана капитуляционные привилегии. Считая послов представителями бедных стран, султан давал им из казны значительное содержание деньгами и продуктами и предоставлял место жительства. Этот обычай был отменен только после учреждения турецких миссий в европейских государствах в конце XVIII в. В случае войны с каким-либо государством Осман-

---

[3] Н. С. Киняпина, Внешняя политика России первой половины XIX в., М., 1963; В. А. Георгиев, Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в., автореф. канд. дисс., М., 1970, стр. 9—10.

[4] M. D'Ohsson, Tableau général de l'Empire Othoman, t. III, Paris, 1820, стр. 437—463; В. Теплов, Представители европейских держав в Константинополе,— «Русский вестник», 1890, т. 208, №№ 5 и 6, стр. 1—37, 1—37; R. Unat, Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri, Ankara, 1968.

[5] И. Б-н, Дипломатические отношения Турции с европейскими державами,— «Современник», т. 51, 1855, отд. 2, стр. 89—112.

ская империя соблюдала неукоснительное правило заключать послов вражеской стороны в Семибашенный замок. Первым христианским государем, заключившим военный союз с Турцией, был король Франции Франциск I, в 1542 г. выступивший против Габсбургской монархии, пограничные земли которой привлекали и султана.

Порта в XVI в. относилась к военным союзам с христианскими странами равнодушно, но принимала их предложения о союзах, считая выгодным для себя ослаблять одно государство другим. В результате начавшегося упадка Османской империи и ее поражений в войнах в XVII—XVIII вв. презрение к иноверцам стало уменьшаться и туркам все чаще приходилось договариваться об условиях мира на общих с европейцами конгрессах [6].

Изолированность Османской империи от европейских государств была обусловлена традициями, основанными прежде всего на силе Османской империи, которой некогда боялась Европа, и, во-вторых, на религиозных соображениях, пронизывающих, как известно, все стороны деятельности государства и его подданных [7]. Д'Оссон указывал в первой четверти XIX в., что османский двор направлял своих послов главным образом в торжественных случаях, в том числе с известиями о восшествии на престол нового султана. После исполнения поручения послы возвращались обратно [8]. Когда в 1793 г. Порта впервые решилась основать постоянные миссии при дворах в Париже, Вене, Лондоне и Берлине, то, несмотря на предоставление дипломатам выгодных условий, она столкнулась с затруднениями в отыскании кандидатов, которые могли бы преодолеть свое отвращение к поездке в христианскую страну, и должна была обещать, что их миссия не продлится более трех лет [9]. Деятельность миссий не имела успеха, и они вскоре были закрыты в связи с греческим восстанием [10].

---

[6] В. Теплов, Русские представители в Царьграде, 1496—1891. Исторический очерк, СПб., 1891.

[7] Не все мусульманские государства соблюдали принцип изоляции; примером является Могольская Индия.

[8] M. D'Ohsson, Tableau général..., t. III, стр. 461—462; J. Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman, vol. XVII, Paris, 1843, стр. 158—167. Послы также имели задания извещать иностранные дворы о победах, одержанных Османской империей, о возобновлении капитуляций, вручать ратифицированные договоры, предлагать продление срока действия договора о мире, поздравлять с восшествием на престол государей и некоторые другие задания (см.: R. Unat, Sefirleri..., стр. 17—19).

[9] M. D'Ohsson, Tableau général..., t. III, стр. 463; R. Unat, Osmanlı sefirleri..., стр. 20.

[10] J. C. Hurewitz, The Europeanization of Ottoman Diplomacy: the Conversion from Unilateralism to Reciprocity, 1835—1870,— Труды XXV Меж-

Еще во время греческого восстания (1821—1829) Порта верила, что одним из основных условий ее политики является изолированность — традиционный принцип, к которому она вернулась после неудачной попытки завязать постоянные дипломатические связи при Селиме III (1789—1807). В 1826 г., сообщает Г. Розен, «султан велел довести тайно до сведения чужой дипломатии доклад дивану... Турецкая политика, сказано в нем, никогда не должна удаляться от основных условий, которые одни обещают ей прочность; они суть: 1) изолирование, 2) соблюдение трактатов и 3) категорический отказ всякой охоте чужих держав вмешиваться в ее внутренние дела» [11]. Под изолированием султанское правительство имело в виду принцип некоординирования своих действий в текущей политике с христианскими державами.

Религиозная и государственная изоляция проявлялась не только в дипломатических связях, но, как известно, и во всех других областях жизни османского государства. А. Д. Новичев, исследовавший истоки реформаторской деятельности султана Селима III, отметил, что сановники, окружавшие его, «не имели никакого представления о европейских государствах — об их экономической жизни, административных системах, армиях и т. п.» [12]. Лишь Ратиб-эфенди, чрезвычайный посол, отправленный после подписания с Австрией сепаратного мирного договора в 1791 г. в Вену и познакомившийся там по заданию Селима с политическими учреждениями, финансовой и военной организацией Австрии, а также прусской, французской и русской армий, указал на превосходство европейских порядков над турецкими [13]. Та же изоляция существовала в области культуры и в системе просвещения Османской империи вплоть до 30-х годов XIX в., когда впервые стали открываться светские школы. Первые военные специальные учебные заведения возникли раньше — в XVIII в. — в связи с необходимостью реорганизовать турецкую армию, которой были нужны знающие офицеры, обученные по-европейски [14].

дународного конгресса востоковедов, т. II, М., 1963, стр. 454—460. Несколько более распространенный вариант этой статьи см.: «Belleten», Ankara, 1961, c. XXV, № 99, стр. 455—466.

[11] Д. Г. Розен, История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году, ч. I, СПб., 1872, стр. 35.

[12] А. Д. Новичев, Подготовка реформ Селима III,— Тюркологический сборник, М., 1966, стр. 218.

[13] Там же, стр. 219; E. Z. Karal, Ebu Bekir Ratib efendinin «Nizami cedit» islahatında rolü,— «V. Türk Tarih kongresi». Kongreye sunulan tebliкler, Ankara, 1960, стр. 347—355.

[14] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции, М., 1965, стр. 13, 15; А. Д. Желтяков, Печать в общественно-

Ослабление турецкого государства по сравнению с быстро развивающимися европейскими странами заставило турецких государственных деятелей не просто обратиться к реформам, но стать на путь реорганизации, следуя во многом европейским образцам [15]. До времени правления Селима III султанское правительство не считало нужным иметь своих постоянных представителей в европейских странах, довольствуясь информацией, сообщаемой иностранными послами, пребывающими в Стамбуле. О положении дел в христианских государствах Порта получала интересующую ее информацию также от беев Валахии и Молдавии. Дж. Бильсель, например, отмечает, что в период Венского конгресса (1814—1815) секретарь князя Меттерниха передавал воеводе Молдавии Караджа-бею сведения за деньги [16].

Учреждение посольств положило начало новому этапу в истории османской дипломатии. С 30-х годов XIX в. действия ее основываются на широкой осведомленности в международной обстановке и более гибких методах, обусловленных изменившимся положением на международной арене самого турецкого государства. Порта вынуждена была отказаться от веками культивировавшегося чувства превосходства мусульман над христианами, признала христианские державы равными партнерами и стала координировать с ними свои действия во внешнеполитических делах. Если деятельность турецких посольств, впервые основанных в Европе при Селиме III (в 1793—1797 гг.), не имела успеха [17], то в 1834 г. заинтересованность в их учреждении со стороны как Османской империи, так и европейских держав, получавших возможность оказывать дополнительное влияние на султанское правительство, привела к тесному дипломатическому взаимодействию.

Посольства были основаны в 1834 г. в Париже и Лондоне [18], в 1835 г. — в Вене. Дипломатические миссии были учреждены в 1837 г. в Берлине, в 1840 г. — в Афинах. Расши-

---

политической и культурной жизни Турции (1729—1908), М., 1972, стр. 35—39, 45, 54 и др.; N. Berkes, The Development of Secularism in Turkey, Montreal, 1964.

[15] T. Z. Tunaya, Türkiyenin siyasî hayatında batılılaşma hareketi, Istanbul, 1960; N. Berkes, The Development of Secylarism, стр. 137—200. Литературу о европеизации Османской империи в новое время см. в статье: А. Д. Желтяков, К вопросу о вестернизации Турции в новое время (по концепции турецкого историка Т. Тунайя),— Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, вып. 2, Л., 1968, стр. 125—126.

[16] C. Bilsel, Tanzimatın haricî siyaseti,— «Tanzimat», İstanbul, 1940, стр. 22, 34.

[17] J. C. Hurewitz, The Europeanization..., стр. 458.

[18] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, Ankara, 1954, стр. 63—64.

рение сети посольств и миссий Османской империи продолжалось и впоследствии. К концу XIX в. число их достигло 15 [19].

В связи с тем что султанское правительство отказалось в период греческого восстания от услуг греков-фанариотов, ранее державших в своих руках нити международных связей Порты, появилась необходимость в дипломатических услугах турок-мусульман. Греки-фанариоты и другие немусульмане, служившие в миссиях в течение двух последних третей XIX в., составляли не больше трети общего числа дипломатических сотрудников, причем они никогда не достигали высших постов, хотя не раз доказывали свои способности и преданность [20].

Изучение турецкими дипломатами европейских языков давало им возможность усваивать принципы европейской дипломатии, европейскую культуру и обычаи. После Крымской войны дипломатическим языком министерства иностранных дел Османской империи стал французский [21].

Дипломатическая деятельность Мустафы Решид-паши, одного из трех постоянных послов Османской империи в 30-е годы XIX в., в 1837 г. ставшего министром иностранных дел, позволяет проследить, как конкретно действовали первые турецкие дипломаты в европейских странах.

Мустафа Решид был назначен во вновь созданное в Париже посольство чрезвычайным посланником (послом среднего ранга — orta elçilik) [22] и через несколько лет не только у себя на родине, но и в Европе был признан искуснейшим турецким дипломатом [23].

Он должен был решить две важнейшие задачи: добиться ослабления поддержки Мехмеда Али правительством Франции и ее общественным мнением и возврата Османской империи оккупированного Францией в 1830 г. Алжира [24].

Получив из Александрии известие о том, что Мехмед Али снова готовится к войне, Мустафа Решид понял, что в случае ее развязывания «алжирская проблема будет ничтожна по

---

[19] J. C. Hurewitz, The Europeanization..., стр. 460.

[20] Там же, стр. 457.

[21] Там же, стр. 458; C. Bilsel, Tanzimatın haricî siyaset, стр. 35; в 1820 г. ноты иностранных послов могли вручаться реис-эфенди либо на турецком, либо на французском, либо на итальянском языках (M. D'Ohsson, Tableau général..., t. III, стр. 460).

[22] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 63.

[23] Д. Г. Розен, История Турции..., ч. I, стр. 271; С. Палаузов, Мустафа Решид паша,— «С.-Петербургские ведомости», 1858, № 14; то же, отд. оттиск, СПб., 1858

[24] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 63.

сравнению с египетской»[25]. Этой оценкой и руководствовался он в своей деятельности в Париже.

Аудиенция у французского короля Луи Филиппа весьма польстила турецкому послу. В своих донесениях он подробно описал этикет, соблюденный при его встрече, и любезные слова короля, выразившего убеждение, что Мустафа Решид быстро выучит французский язык, а также сказавшего ему, что Франция очень довольна учреждением турецкого посольства в Париже[26].

Лучше многих других государственных деятелей Османской империи понимая значение постоянных посольств в европейских столицах и возможности, предоставляемые ими, Мустафа Решид писал в донесениях из Парижа, что посольства (кроме Парижа, Лондона и Вены) нужно учредить также в Петербурге и Берлине, так как они помогут быстро узнавать на месте обо всех изменениях в политике европейских держав и своевременно принимать надлежащие меры. Даже такие небольшие государства, как Бавария и Вюртемберг, имеют своих послов, указывал Мустафа Решид и напоминал, что из-за отсутствия до сего времени (т. е. до 1834 г.) турецких посольств в европейских столицах Мехмеду Али удалось привлечь общественное мнение европейских государств на свою сторону во вред Османской империи[27].

Он объяснял, что деятельность посольств требует денежных расходов, так как дипломаты должны иметь возможность общаться с нужными людьми, в том числе сотрудниками газет, и принимать их у себя, чтобы быть в курсе событий. В одном из донесений он подробно пишет, какую пользу принесет оставленный в Париже переводчик Рухиддин-эфенди, если он, Мустафа Решид, вернется в Стамбул.

Сотрудникам дипломатических миссий Мустафа Решид рекомендовал назначить высокие оклады и регулярно высылать деньги: раз в два, два с половиной месяца. Для переводчика с семьей и слугами он просил установить месячный оклад в 3 тыс. фр., а для посла — 11 тыс. фр.[28].

Государственные деятели Европы в беседах с турецкими послами старались произвести на них благоприятное впечатление, представить в выгодном свете намерения своей стра-

[25] Там же, стр. 65.
[26] Там же, стр. 64.
[27] Там же, стр. 67.
[28] Франк в 1837 г. равнялся приблизительно 4 курушам (там же, стр. 125). Следовательно, жалованье должно было составлять соответственно 12 тыс. и 44 тыс. курушей. Министр иностранных дел в 1838 г. получал 40 тыс. курушей (там же, стр. 145).

ны и в невыгодном — других стран. С этой целью они посвящали своих турецких коллег в дипломатические секреты, касающиеся их соперников. Собеседники предупреждали их о некоторых грозящих Османской империи осложнениях и опасностях, иногда сознательно их преувеличивали ради собственных интересов, не скупились на советы, как следует вести себя и что отвечать в случае, если последуют такие-то и такие-то упреки по адресу османского правительства со стороны других держав [29].

Хюнкяр-Искелесийский договор, увеличивший влияние России в Османской империи и заставивший европейские державы опасаться захвата Россией Стамбула и проливов, привел к тому, что они сами готовы были предложить султанскому правительству военную и материальную помощь. Так сделал, например, лорд Пальмерстон. В беседах с Мустафой Решидом, когда тот был послом в Лондоне, Пальмерстон старался не только заронить сомнение в искренности намерений России сохранить целостность османского государства, но и убедить Мустафу Решида в ее агрессивности. Он обещал немедленную помощь британского флота в случае какой-либо угрозы со стороны России, «хотя между Османской империей и Англией не существует союзнического договора» [30]. Австрия также ревниво следила за действиями России в Османской империи [31]. Турецкие дипломаты отдавали себе отчет в выгодности такого положения, когда Османская империя становилась объектом соперничества.

Впоследствии, после Крымской войны, когда влияние России в Османской империи было уничтожено, «многие государственные люди Турции и, может быть, большинство их... сильно желали возвращения противовеса русской дипломатии» [32].

Пользоваться соперничеством держав турецкие дипломаты стали с самого начала своей деятельности за границей. Нижеследующие примеры подтверждают это.

В одном из донесений в период первого пребывания на посту посла (июнь 1834 — апрель/май 1835) Мустафа Решид писал, что в беседах с французскими государственными деятелями он отстаивал линию своего правительства в недавнем египетском конфликте и, говоря о принятии русской помощи против Мехмеда Али, не преминул упрекнуть Францию и Англию в бездеятельности в критический момент, когда

---

[29] Там же, стр. 84—91.
[30] Там же, стр. 84, 85.
[31] Там же, стр. 86.
[32] Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 258.

Османская империя была занята урегулированием египетского конфликта. В то же время Мустафа Решид выразил удовлетворение готовностью русского императора Николая I оказать немедленное содействие [33].

Лорд Пальмерстон сказал Мустафе Решиду во время его визита к королеве Виктории в 1836 г., что Англия считает Мехмеда Али только губернатором Египта и никогда не согласится способствовать его «порочным надеждам» (т. е. желанию объявить Египет независимым). Он также сказал, что Англия хотела бы, чтобы Сирия была изъята из сферы управления Мехмеда Али и возвращена под власть султана [34]. Это означало, что английский кабинет решил отныне более энергично поддерживать султана и не настаивать на соблюдении status quo, установленного Кютахийским соглашением. Таким образом Англия надеялась вырвать султана из-под влияния России.

Опасаясь последствий нового вмешательства России, европейские государственные деятели настойчиво рекомендовали Османской империи не принимать впредь русской военной помощи [35]. Мустафа Решид отвечал на это, что помощь от России не будет принята, если ее окажут Франция и Англия, но подчеркивал, что с Россией будут сохранены дружественные отношения [36].

Об использовании Мустафой Решидом соперничества держав говорит и другое его донесение, в котором он писал, что хотя и не вел переговоров о торговом сотрудничестве, но слышал разговоры о том, что дружественным государствам подобает покровительствовать сухопутным торговцам, как это делалось в былые времена. «Они дают понять, — разъяснял Мустафа Решид, — что будто бы не могут согласиться с теперешними [дружественными] отношениями Османской империи с Россией и вынуждены поддерживать этого презренного (Мехмеда Али. — *Н. Д.*). Я же ответил, что... в ответ на помощь и дружбу России Османская империя была с нею любезна, а если Россия будет и впредь дружески расположена, то узнает полную цену этой любезности. И поскольку это справедливо, то нужно ли подвергаться критике по этому поводу? — дал [я] надлежащий и тонкий ответ» [37].

Деятельность Мустафы Решида в Париже заслужила одобрение султана. Вернувшись в апреле 1835 г. в отпуск в Стамбул, Мустафа Решид получил звание посла высшего

---

33 R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 70.
34 Там же, стр. 83.
35 Там же, стр. 70.
36 Там же, стр. 71.
37 Там же, стр. 70.

ранга, т. е. чрезвычайного посла, и был повышен в чине до чиновника первого класса второй ступени [38].

С сентября 1835 до осени 1836 г. он оставался в Париже, после чего был назначен послом в Лондон. В июне 1837 г. Мустафа Решид вернулся в Стамбул в связи с назначением на пост министра иностранных дел. Вскоре после возвращения Мустафа Решид представил султану Махмуду ляиху [39], в которой подробно описал содержание своих бесед с государственными деятелями некоторых европейских государств, а также международные проблемы тех лет, имеющие непосредственное отношение к Османской империи. Ляиха отражает итоги его дипломатической деятельности и может рассматриваться как свидетельство достижений османской дипломатии в 30-е годы XIX в. Путем сопоставлений и сравнений высказываний собеседников турецким дипломатам нетрудно было воссоздать общую картину международных отношений того времени и, пользуясь соперничеством держав, выбрать для себя наиболее приемлемую линию поведения. Такой вывод напрашивается после знакомства с содержанием упомянутой ляихи. В ней имеется пересказ официальных и конфиденциальных бесед Мустафы Решида с министром иностранных дел Англии лордом Пальмерстоном, канцлером Австрии князем Меттернихом и с крупным австрийским дипломатом князем Эстергази.

Содержание ляихи подтверждает, что Мустафа Решид не верил в искренность России. Поэтому в своем донесении он уделил много внимания этому вопросу, описав его всесторонне и отметив отношение к России всех европейских стран.

Среди султанского правительства были сторонники русской ориентации. Мустафа Решид к ним не принадлежал. Вместе с тем он рекомендовал идти на уступки России и не портить с ней отношений. Например, зная, что Англия опасается возможного единоличного вмешательства России в решение египетской проблемы и связывает с этим вопрос о приглашении военных специалистов, Мустафа Решид предлагал пригласить инструкторов из Англии, но в то же время принять меры, чтобы не вызвать недовольства России [40].

---

[38] Там же, стр. 77, 80. О введенной Махмудом II табели о рангах см.: В. А. Теплов, Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (Записки очевидца), СПб., 1897, стр. 144—152, табл. на стр. 146. По данным Теплова, чиновник первого класса второй ступени в Османской империи соответствовал действительному статскому советнику в России.

[39] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 84—91. Ляиха — письменное изложение наблюдений и идей по какому-либо вопросу. Данная ляиха не имеет точной датировки. Как следует из содержания (стр. 92), она написана до восстания в Сирии, которое началось осенью 1837 г.

[40] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 91.

Как свидетельствует содержание ляихи, Мустафа Решид старался склонить султана к проанглийской ориентации. Этой ориентации он придерживался всю жизнь. Англия хотя и не прочь была присоединить к своим владениям Египет [41], но главная ее цель в эти годы состояла в том, чтобы помешать Франции осуществить то же намерение. На другие территории Османской империи Англия не претендовала, и ее правительство большей частью вело антирусскую и антифранцузскую политику в восточных делах. Англия хотела сохранить целостность Османской империи, с тем чтобы целиком подчинить ее своему влиянию. Стремление сохранить целостность государства соответствовало, естественно, расчетам султанского правительства. В связи с этим в ляихе Мустафа Решид выразил уверенность, что Англия поможет Османской империи в урегулировании турецко-египетского конфликта, так как британское правительство опасается тесных контактов Мехмеда Али с Россией, что позволило бы последней завоевать Иран и далее Индию. Именно поэтому он предупреждал султана, что если когда-либо лорд Пальмерстон будет намекать Порте на необходимость погасить издержки по отправке английского флота к берегам Египта, то это будет несправедливо, так как Англия в подобной ситуации будет защищать собственные интересы не менее, чем интересы Османской империи [42].

Турецкий историк Дж. Байсун, опубликовавший биографию Мустафы Решид-паши, заметил, что в эти годы Мустафа Решид несколько переоценивал вес Англии в международной политике, веря, что с ее помощью сможет разрешить даже турецко-французские разногласия [43]. Но если вспомнить, что «для успокоения Великобритании Луи Филипп в первые годы своего царствования счел необходимым приостановить завоевание Алжира, едва начатое Карлом X», и что «только в 1834 г. французское правительство, начавшее освобождаться от британского влияния, открыто заявило о своем желании подчинить весь Алжир своей власти» [44], то, возможно, расчеты Мустафы Решида получить и в алжирском вопросе помощь Англии не покажутся безосновательными. «Английский министр иностранных дел тревожным взором следил за успехами французского оружия в Африке и всячески старался положить им конец... Абд-эль-Кадер еще

---

[41] История дипломатии, т. I, М., 1941, стр. 424.

[42] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 90.

[43] C. Baysun, Mustafa Reşit paşa,— «Tanzimat», İstanbul, 1940, стр. 7.

[44] А. Дебидур, Дипломатическая история Европы, т. I, М., 1947, стр. 366.

и раньше (до 1834 г.) и долгое время впоследствии получал от Англии не только моральную поддержку, но и материальные средства для продолжения борьбы» [45].

В бытность свою послом во Франции Мустафа Решид старался привлечь симпатии французского общественного мнения к Османской империи. Для этого он стремился оповещать французское общество о реформах султана Махмуда, «тем более что и греки со времени восстания, и Мехмед Али стремились склонить на свою сторону прессу как в Париже, так и в Лондоне, клевеща на Османскую империю» [46]. Мустафа Решид публиковал статьи о Турции в газете «Курье франсэ», перепечатывал во французской прессе статьи из «Таквими векайи» [47].

Много внимания в ляихе Мустафа Решид уделяет слухам о наметившемся сближении Франции и России. Они, естественно, пугали его, так как представлялись крайне опасными для Османской империи. Поэтому он всесторонне анализировал факты, подтверждавшие эти слухи или противоречившие им, а также последствия такого союза. Возможно, что большое значение, которое Мустафа Решид придавал слухам, в немалой степени объяснялось намерением усилить недоверие султана к России [48].

Хорошую осведомленность новых турецких дипломатов в тайных мотивах европейской дипломатии раскрывает описание отношения Австрии к России, сделанное Мустафой Решидом в ляихе. Хотя позиция Меттерниха, судя по его высказываниям по адресу России, выглядела дружественной, Мустафа Решид дал ей прямо противоположную характеристику, подчеркивая ее враждебность и неискренность. Он указал в то же время причину зависимости Австрии от России — боязнь распространения в Европе свободолюбивых идей, оплотом против которых Австрия справедливо считала Николая I.

---

[45] Там же, стр. 366, 392, 413.

[46] R. K a y n a r, Mustafa Reşit paşa..., стр. 65.

[47] Там же, стр. 66.

[48] Слухи эти были верными лишь наполовину. Луи Филипп, стремясь упрочить свое положение на французском престоле, с середины 30-х годов XIX в. пытался сблизиться с континентальными державами, в том числе с Россией. «Меттерних хорошо понимал, какую выгоду представляло для его правительства разлучить Францию с Англией и вовлечь ее на путь контрреволюции». Но «Россия плохо принимала его заигрывания» (А. Д е б и д у р, Дипломатическая история Европы, стр. 360—361). Николай I, вынужденный официально признать новую власть во Франции, «всем своим поведением, всеми своими действиями подчеркивал, что признание это временное и что никогда Луи Филипп в его глазах не станет законным монархом» (О. В. О р л и к, Россия и французская революция 1830 года, М., 1968, стр. 180—181).

В описываемое время опасения Австрии относительно русской политики в Турции были успокоены заверением царя в 1833 г. о том, что, если в Османской империи сложится такая обстановка, которая потребует вмешательства России, царь обещает ничего не предпринимать без морального посредничества Австрии. Царь заверил также Меттерниха, что у него нет никаких намерений расширить свои владения за счет Турции[49]. Вот как писал Мустафа Решид: «Основное направление политики князя Меттерниха не служит всерьез к истинной пользе России. Показать себя истинным другом России, выявить ее сокровенные желания и незаметно приспособить свои действия к действиям государств — противников России, препятствовать осуществлению надежд России через посредство этих государств — [вот позиция князя]. Одним словом, нынешнее положение Австрии не подходит для ведения войны, в случае общей войны Австрия не будет союзницей России, хотя, возможно, станет ее сторонницей. Рост богатства и силы России будет пагубным для Австрии и не будет соответствовать умонастроению ее собственного населения»[50]. Это предсказание подтвердилось во время Крымской войны[51].

Мустафа Решид подчеркнул в ляихе важное значение внутренних реформ, осуществлявшихся в Османской империи, для поднятия престижа государства и для благоприятного разрешения турецко-египетского конфликта. Стараясь ускорить осуществление реформ на родине, учитывая страстное желание султана Махмуда подчинить своей власти Мехмеда Али, Мустафа Решид неоднократно ссылался в ляихе на европейское общественное мнение — немаловажный политический фактор, с которым приходилось считаться правительствам европейских стран и Османской империи[52].

Действия турецкого правительства до оккупации французами Алжира и после нее являются примером, демонстрирующим уровень компетентности Порты в правилах европейских дипломатических отношений: незнание их до 30-х годов XIX в. и успехи в усвоении и применении их турецкой дипломатией впоследствии.

Потеря турками Алжира в 1830 г. в определенной степени была следствием допущенного дипломатического просчета османского правительства, представившего Франции удоб-

---

[49] Успокоенность Австрии имела в 30-е годы основания. См.: А. Д. Новичев, История Турции, т. 2. Новое время, ч. 1, стр. 213—214.

[50] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 87.

[51] См.: Е. В. Тарле, Крымская война, изд. 2, т. 1, М.—Л., 1950, стр. 9, 251.

[52] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 91—92.

ный повод для оккупации. По традиции, начиная со времен Хайреддина Барбароссы алжирские деи занимались корсарством. Средиземноморские государства, чтобы обезопасить свою морскую торговлю, вынуждены были вступать с алжирским деем в соглашения, которые приносили Алжиру временами больше прибыли, чем разбои [53]. Но, обогнав в военном и экономическом отношении Восток, европейские государства решили положить конец пиратству. В 1816 г. английская эскадра обстреляла г. Алжир и потопила флот дея.

Ослаблением Алжира воспользовалась Франция. Поводом к завоеванию Алжира послужило бестактное поведение алжирского дея Измирли Хусейн-паши по отношению к французскому консулу, которого он ударил веером по лицу, требуя возврата взятого французским правительством долга. До этого события алжирский дей захватил несколько французских судов, мотивируя свой поступок также неуплатой долга французами.

Французы послали к Алжиру 100 военных кораблей и 500 транспортных судов. 12 июня 1830 г. на землю Алжира высадилось 16 тыс. французских солдат. После короткой схватки дей был захвачен в плен.

Османская империя в то время только что вышла из войны с Россией. На захват Алжира она ответила лишь нотой протеста [54].

Г. Розен отмечал, что Османская империя с незапамятных времен имела «исключительно номинальную и теоретическую верховную власть над Варварийскими государствами (Алжир, Тунис, Триполи, или Ливия. — *Н. Д.*)... Франция неоднократно делала попытки мирно отстранить свои распри с алжирским деем и даже прибегла к посредничеству дивана. Все это осталось без успеха, и министры Порты даже выразились, что Алжир слишком маловажен для Турции, чтобы они могли что-нибудь сделать в пользу этой земли и принять в судьбе ее живое участие» [55]. Но когда Франция завоевала Алжир, «тут только поняли государственные люди Турции,

---

[53] См.: Я. Маховский, История морского пиратства, М., 1972, стр. 67—93 (глава «Варварийские пираты»).

[54] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 122—124. Более подробно о взаимоотношениях Алжира и Франции см. в статье: E. Kuran, Fransanın Cezayire tecavüzü,— İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi, 1953, стр. 53—62, и в книге того же автора: Cezayirin Fransızlar tarafından işgali karşısında osmanlı siyaseti (1827—1874), İstanbul, 1957, стр. 3—14.

[55] Д. Г. Розен, История Турции..., ч. I, стр. 140. Малую экономическую заинтересованность Османской империи в обладании Алжиром подтверждает также инструкция, данная турецкому поверенному в делах во Франции в 1834 г. Рухиддин-эфенди, в которой Алжир назван «бесполезным местом» (faidesiz mahalle) (R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 78).

что сделали важную ошибку, отказавшись без всякого вознаграждения от политического права, и потом нотами и посольствами к тюльерийскому кабинету тщетно старались ее поправить»[56]. Спустя пять лет после завоевания Алжира французами, в 1835 г., когда два наследника престола в Триполи (Ливия) спорили, кому из них занять престол, Порта вела себя уже совершенно иначе: «она постаралась не допустить в Триполи ни французского, ни английского влияния. Султанское правительство не только охотно приняло предложение о посредничестве в споре наследников, но и поспешило ввести на территорию Триполи свои войска (высадило эскадру), следствием чего было обращение регентства в пашалык»[57].

Переговоры с французскими государственными деятелями об Алжире Мустафа Решид начал через три месяца после приезда в Париж, 21 декабря 1834 г.[58]. Предварительно он беседовал, выясняя позиции России и Австрии по проблеме Алжира, с послами этих держав. Выслушав их совет — отложить переговоры до разрешения египетского кризиса, Мустафа Решид все же приступил к ним, поставив об этом в известность русского посла. Молчание, по мнению Мустафы Решида, могло повредить делу, так как в то время французские газеты были заполнены известиями о французских преобразованиях в Алжире. Молчание турецкого посла могло быть расценено как согласие с фактом оккупации и как одобрение султанским правительством действий французской администрации. Содержание переговоров сохранялось в тайне[59].

Одним из побудительных мотивов к началу переговоров послужило, по-видимому, аризе (письмо, прошение) Хамдан-эфенди, бывшего секретаря свергнутого французами алжирского дея, врученное им султану Махмуду II 18 июля 1833 г. В аризе Хамдан-эфенди сообщал о страданиях алжирского населения, испытываемых со времени оккупации Алжира французами, и просил помощи султана. Для освобождения страны он предлагал некоторые меры, среди них — назначение в Алжир турецкого паши, который бы создал там диван из именитых граждан. Затем он предлагал объединить усилия пашей Алжира, Туниса и Триполи, что позволило бы выставить против французов армию в 40—50 тыс. человек. (Как известно, в это время в Алжире уже разгорелось по-

---

[56] Там же; см. также: E. Kuran, Cezayirin işgali, стр. 35—57.

[57] Там же, стр. 243—245.

[58] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 72; E. Kuran, Cezayirin işgali, стр. 35, 40.

[59] Там же, стр. 65—66, 72.

встанческое движение под руководством Абд аль-Кадира). Хамдан-эфенди составил свою записку с ведома бея Константины Хаджи Ахмеда, которого рекомендовал на пост турецкого паши в Алжире. Ахмед-бей в период, когда писалась записка, уже собрал вокруг себя военные силы и беспокоил своими действиями французскую оккупационную армию. Аризе произвело впечатление на Махмуда II. Султан счел нужным предпринять дипломатические шаги для освобождения Алжира. Мустафе Решиду были даны соответствующие инструкции [60].

Несмотря на то что султанское правительство обладало достаточными военными силами, чтобы начать войну за Алжир, оно не воспользовалось этой возможностью. Это еще одно подтверждение того факта, что основной целью османской дипломатии в 30-е годы был не Алжир, а Египет. Если бы Османская империя вступила в войну с Францией за Алжир, то она ослабила бы свои силы, которые Махмуд деятельно готовил против Мехмеда Али. Воевать же и против Франции, и против Мехмеда Али Османская империя была, естественно, не в состоянии и поэтому стремилась не обострять отношений с Францией из-за Алжира.

В конце 1834 г. Мустафа Решид был принят министром иностранных дел Франции адмиралом де Риньи. Свою речь к министру Мустафа Решид начал с уверения в том, что главной целью его деятельности является укрепление искренних дружеских отношений с Францией. Затем он упомянул о том, что обе стороны всегда воздерживались от недружелюбных действий. Но так как в свое время из-за некоторых неблагожелательных поступков алжирского дея и по воле судьбы и случая Алжир был оккупирован Францией, то он, Мустафа Решид, официально заявляет, что уполномочен дружескими и чистосердечными переговорами достичь решения алжирской проблемы в случае, если французским посольством в Стамбуле не будет вручена официальная нота о немедленном возвращении Алжира его истинному владельцу — султану — и если какие-либо препятствия помешают урегулированию проблемы до переговоров. Ноту соответствующего содержания Мустафа Решид собирался вручить своему собеседнику, но последний после некоторого раздумья ответил, что ноту принять не может, так как французы не покинут алжирскую землю, и что потому он не имел права выслушивать Мустафу Решида. Тогда Мустафа Решид обратился к правовой стороне дипломатических отношений. Он сказал,

[60] C. Baysun, Cezayir meselesi ve Reşid paşanın Paris elçiliği.— III. Türk Tarih Kongresi, Ankara, 1948, стр. 375—379; E. Kuran, Cezayirin işgali, стр. 35—37.

что ни в одной стране не отказываются принимать ноты послов и выслушивать их. Кроме того, он сослался на дружественные отношения, существующие между Францией и Османской империей. Соответствует ли ответ французского министра искреннему заявлению и официальному обещанию, данным Францией по этому вопросу в свое время, спросил Мустафа Решид.

Министр вынужден был объяснить позицию Франции. Он сказал, что, по мнению его страны, Алжир не принадлежал Османской империи, а был независимым государством, находившимся в руках мятежников. Франция послала туда свой флот и войска, вошла в большие издержки. «Если вы вручите ноту, содержащую ваше требование, то сможете ли согласиться с тем, что Франция вошла в издержки?» — спросил министр. Мустафа Решид ответил, что вопрос об издержках не нуждается в обсуждении, так как факт принятия ноты французским правительством не означал бы согласия с ее содержанием. «Если в ноте есть пункты, выходящие за пределы моих полномочий, то я отложу переговоры о них до получения разъяснений от правительства Османской империи. Поэтому вам полагается принять вручаемую ноту», — сказал Мустафа Решид.

Французский министр выразил недоумение по поводу того, что султанское правительство столько лет не заговаривало об Алжире и что Мустафа Решид начал переговоры об Алжире не сразу по приезде в Париж. Мустафа Решид ответил, что после оккупации Алжира посол Франции генерал Гильемино вручил турецкому правительству официальную ноту о том, что Алжир будет возвращен Османской империи. Но вскоре во Франции произошли внутренние беспорядки (революция 1830 г.), и Османская империя считала неподобающим для дружеского государства беспокоить ее в то время и предпочла некоторую отсрочку. Затем состоялся обмен нотами. «Основная цель моей теперешней деятельности в Париже — укрепление дружеских отношений между нашими странами, — сказал Мустафа Решид. — Об Алжире же Османскую империю вынуждает говорить мусульманский закон. Теперь, когда Османская империя аккредитовала в Париж своего посла, я вынужден потребовать официального ответа об Алжире».

Французскому министру ничего не оставалось, как возразить, что после оккупации Алжира во Франции произошла революция, которая упразднила статьи прежних договоров. И если генерал Гильемино и говорил о возврате Алжира, то говорил это, по-видимому, от себя лично, не зная мнения своего правительства. Мустафа Решид возразил, что ни один

посол не осмелится поступать вопреки согласию своего правительства и везде слова посла воспринимаются как официальные обязательства. Кроме того, после французской революции османское правительство вручило официальную ноту об Алжире французскому правительству и получило ответ из французского посольства с заверением в неизменности позиции Франции в этом вопросе. Все эти ноты существуют, и Мустафа Решид может их предъявить.

Министр завершил беседу словами: Франция не может вернуть Алжир, но содержание переговоров он сообщит своему правительству, а затем назначит день для обсуждения с Мустафой Решидом результатов этой консультации. Он добавил, что, хотя тема беседы была не очень приятной, он благодарит Мустафу Решида за учтивость и исполнение обязанности, порученной ему его правительством [61].

При прощании с Мустафой Решидом министр спросил у него, знает ли турецкий посол в Англии о содержании его миссии и переписываются ли они? Мустафа Решид ответил утвердительно. По этому поводу он замечает в своем донесении, что вопрос министра означает желание французов узнать, вмешается ли Англия. Далее он указывает, что Англия может принести большую пользу Османской империи, так как Франция побоится ее недовольства, если Англия будет поставлена в известность об обстоятельствах дела.

Мустафа Решид надеялся на благоприятный исход своей миссии и для этого пытался использовать все имеющиеся в его распоряжении средства [62]. Но, как и нужно было ожидать, его усилия не принесли желаемых результатов. Причина этого заключалась в слабости турецкого государства, с которым Франция в данном случае не находила нужным считаться. Надежда вернуть Алжир не покидала Мустафу Решида вплоть до 50-х годов. Он ожидал момента, когда интересы европейских держав столкнутся и можно будет заставить Францию вернуть захваченную территорию силами ее возможных противников [63]. Но такой момент, как известно, не наступил.

В 30-е годы XIX в. османская дипломатия оформилась как самостоятельный институт в правительственной системе.

До 1836 г. в турецком правительстве не было лица, специально ведавшего иностранными делами. Занимался ими реисулькюттаб, один из трех помощников великого везира, глава всех канцелярий дивана, в обязанности которого входило также составление докладов султану о положении дел

---

[61] R. K a y n a r, Mustafa Reşit paşa..., стр. 72—75.
[62] Там же, стр. 76; E. K u r a n, Cezayirin işgali, стр. 39, 42, 48—50, 54.
[63] Там же, стр. 546—555.

в государстве. После Карловицкого мира (1699) великий везир передал в его ведение и иностранные дела[64], и он стал также консультантом по международным вопросам. Поэтому многие европейцы называли реисулькюттаба и до 1836 г. министром иностранных дел.

Одна из трех канцелярий, которыми ведал реисулькюттаб, — канцелярия амеди, состоявшая всего из пяти человек (тогда как две другие имели в своем составе соответственно 120—150 и 30 человек), должна была подготавливать тексты докладов великого везира султану, хранить протоколы встреч великого везира с иностранными дипломатами, описи пожалований ленов и др.[65].

Образование в 1836 г. министерства иностранных дел[66] было не пустым актом подражания европейцам, а имело под собой твердую почву реальных изменений в системе османской дипломатии, потребовавших ее формального выделения в государственном управлении в связи с возросшим значением в государственной деятельности.

По предложению Мустафы Решида канцелярия амеди была разделена на два отдела, один из которых стал ведать только иностранными делами. Во главе его Мустафа Решид предложил поставить заведующего и назначить 4—5 способных и честных чиновников, взяв в этом отношении в пример европейское делопроизводство[67]. Как сообщает историограф Османской империи Лютфи, в то время ясно увидели, что правильное течение дел зависело от воспитания и использования Высокой Портой способных, знающих чиновников[68]. Большинство векилей, везиров, послов и чиновников Высокой Порты с тех пор получали специальное образование в Бюро переводчиков[69].

Рассмотренные выше формальные и принципиальные из-

---

[64] C. V. Findley, The Legacy of Tradition to Reform: Origins of the Ottoman Foreign Ministry.— «International Journal of Middle East Studies», London, 1970, vol. 1, № 4, стр. 336—337.

[65] Там же; Б. Недков, Османотурска дипломатика и палеография, I, София, 1966, стр. 47.

[66] А. Убичини, П. де Куртейль, Современное состояние Оттоманской империи, СПб., 1877, стр. 71; «Moniteur Ottoman», 23.IV.1836.

[67] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 107—110.

[68] Там же, стр. 110.

[69] Там же; Бюро переводчиков — Tercеme odası — было создано в 1821 г. после удаления греков-фанариотов в связи с греческим восстанием. (А. Убичини, П. де Куртейль, Современное состояние Оттоманской империи, стр. 77). Хоревитц датой образования бюро считает 1823 год (J. C. Hurewitz, The Europeanization..., стр. 458). А. Вамбери, живя в Стамбуле в 1857—1862 гг., познакомился с системой обучения в правительственных канцеляриях, в том числе и в этом бюро, и описал ее в своей книге «Очерки жизни и нравов Востока», пер. с нем., СПб., 1877, стр. 216—217.

менения в турецкой дипломатии, имевшие место в 30-х годах XIX в., были, как отмечалось, вызваны глубокими внутри- и внешнеполитическими причинами.

Знакомство турок не только с европейской дипломатической системой, но и с европейскими языками, образом жизни, идеологией, государственными учреждениями способствовало процессу европеизации, или модернизации, в Османской империи. Начало этого процесса относится к XVIII в. В 30-х годах XIX в. он значительно углубился и расширился и был тесно связан с осуществлявшимися реформами, которые после провозглашения в 1839 г. Гюльханейского хатт-и шерифа обозначаются термином «Танзимат».

6 Зак. 413

А. Д. Новичев

БОРЬБА МЕЖДУ РЕФОРМАТОРАМИ И КОНСЕРВАТОРАМИ В ПЕРИОД ТАНЗИМАТА (1839—1853)

В 30-х годах XIX в., как и в предыдущие десятилетия, Турция переживала глубокий экономический и политический кризис. К этому времени окончательно изжила себя и была близка к полному распаду военно-ленная система. В 30—40-х годах XIX в. эта система была ликвидирована в Малой Азии и в большей части Европейской Турции. Однако феодальная эксплуатация крестьян, препятствовавшая развитию сельского хозяйства и росту благополучия сельского населения, сохранилась. Не претерпела изменений и губительная для страны феодальная налоговая система. По указанным причинам сдерживалось развитие внутреннего рынка, рост промышленности и торговли. Наплыв с начала XIX в. промышленных изделий (текстильных, кожевенных, металлических и др.) из стран Западной Европы привел к упадку и застою в соответствующих отраслях турецкой промышленности и к углублению экономического кризиса.

В стране отсутствовала политическая стабильность. До середины 20-х годов XIX в. шла ожесточенная борьба между центральной властью и крупными сепаратистами. Султану Махмуду II (1808—1839) удалось ликвидировать сепаратизм в Малой Азии и Румелии. Тем не менее паши отдаленных провинций по-прежнему были полунезависимы от султана. В правительственных верхах не ослабевала борьба за власть между соперничавшими группировками. Свою лепту в общий политический хаос вносили дворцовые интриги. Подобная обстановка создавала широкие возможности для произвола представителей власти сверху донизу.

Несмотря на все феодальные препоны, в рассматриваемое время в Турции наблюдались и известные экономические сдвиги: рост товарно-денежных отношений в деревне, созда-

ние частных крупных сельских хозяйств (чифтликов), специализированных на производстве товарной продукции, разложение цехов и выделение в них зажиточной верхушки, основание мануфактур и даже в отдельных случаях фабрик и заводов, расширение торговли с другими государствами (в первую очередь с Англией, Австро-Венгрией, Францией и Россией). Однако феодальный режим сковывал развитие предпринимательской деятельности [1].

Прежде всего, и это главное, отсутствовала даже минимальная гарантия неприкосновенности жизни, чести и имущества. Денежная система находилась в расстройстве. Куруш, или пиастр, — серебряная монета, являвшаяся основной денежной единицей в Турции, непрерывно падал в цене, так как правительство наводняло денежный рынок фальсифицированными монетами со сниженным содержанием серебра.

Тяжелее всех ощущали мерзости турецкого феодального режима колонии Османской империи, особенно на Балканах. Коренное балканское население развивалось в экономическом и культурном отношениях значительно быстрее своих поработителей. У балканских народов народилась своя национальная, преимущественно торговая, буржуазия. Появилась передовая, патриотическая интеллигенция, выдвинувшая лозунг борьбы за полное освобождение от турецкого ига и восстановление национальных государств. В первой трети XIX в. одна за другой вспыхивают национально-освободительные революции и войны греков, сербов, валахов, молдаван, неоднократно поднимают восстания болгары. При военной помощи России Греция добилась независимости, Сербия и Дунайские княжества — автономии. Победоносную войну с султаном вел в 1831—1841 гг. Египет под руководством Мухаммеда Али. Однако в результате вмешательства Англии, России, Австрии и Пруссии Мухаммед Али не смог воспользоваться плодами своих побед над турецкой армией и вынужден был капитулировать. Вскоре Египет оказался в зависимости от Англии, формально оставаясь частью Османской империи.

Правящие круги Турции, разумеется, были обеспокоены последствиями экономического и политического кризиса. Но они не понимали, что виновниками кризиса являются они сами, их режим. Они видели лишь то, что лежало на поверхности и непосредственно угрожало их власти: хронический финансовый голод, волнующееся и бунтующее повсеместно население, восстания балканских народов, курдов, арабов,

[1] Подробно об этом см.: А. Д. Новичев, Экономические и социальные сдвиги в Малой Азии и на Балканах в первой половине XIX в. и начало Танзимата, М., 1966.

слабость армии и поражения в войнах с Россией. По мнению правящих кругов, прежде всего нужна была хорошая армия, которая могла бы укрепить центральную власть и обеспечить покорность подданных. Их заботило также плачевное состояние финансов. Они старались изыскать меры, которые позволили бы удовлетворить потребности двора и правительства в деньгах.

Уже во второй половине XVIII и в начале XIX в. делаются попытки использовать опыт европейских стран и создать новую, регулярную армию, заменив ею янычар, феодальное конное ополчение и отряды наместников провинций. В царствование султана Махмуда II начинается подготовка к проведению (и частичное осуществление) широкого круга преобразований — военных, экономических, административных, в области культуры и быта [2]. Многих молодых турок направляют в западные страны в качестве сотрудников посольств или для обучения военному делу и гражданским специальностям. Большинство их побывало в Париже. Ознакомившись с условиями жизни в странах Запада, с их государственным строем, культурой, бытом, турецкая молодежь воочию убедилась в том, насколько безнадежно отстала их родина от Европы, и пришла к мысли: Турция может достигнуть прогресса, укрепить свое внутреннее и международное положение лишь в том случае, если перестроит свою жизнь, следуя примеру европейских стран, главным образом Франции и Англии.

Крупнейшим реформатором был Мустафа Решид-паша (1800—1858), посол Турции в Париже и Лондоне в 1834—1837 гг., а затем министр иностранных дел. Получив поддержку султана, он создал Совет общеполезных дел (Meclis-i umur-u nafia), который занялся подготовкой реформ.

Главным злом Решид-паша считал тиранию султана, плохое правительство, отсутствие законности и произвол. Будучи с чрезвычайной миссией в Лондоне, он направил английскому министру иностранных дел Пальмерстону 12 августа 1839 г. меморандум, в котором жаловался на тиранию Махмуда II. Решид-паша писал, что своеволие султана, великого везира и других власть имущих должен ограничить закон, обеспечивающий гарантию жизни, имущества, чести всех подданных Османской империи без исключения [3]. Из

---

[2] О реформах Махмуда II см.: А. Д. Новичев, История Турции, II. Новое время (1792—1839), Л., 1968, стр. 134—150, 216—274; о турецко-египетском конфликте в 1831—1841 гг. см.: там же, стр. 180—215; его же, История Турции, III. Новое время (1839—1853), Л., 1973, стр. 7—80.

[3] Текст меморандума см.: F. Bailey, British Policy and the Turkish Reforme Movement, Cambridge, 1943, стр. 271—276.

этого не следует, что Решид-паша полагал необходимым заменить абсолютистский режим конституционной монархией. Он не был конституционалистом [4]. По его идее, разработкой проектов законов должен был заниматься высший совещательный совет. Проекты могли стать законами лишь после их утверждения султаном.

Мустафа Решид-паша не был одинок в своей борьбе за реформы. Его поддерживали многие офицеры, получившие военное образование под руководством главным образом французских инструкторов, сотрудники министерства иностранных дел и турецкие дипломатические работники за рубежом, учителя светских школ, другие представители новой турецкой интеллигенции. Среди них были, например, энциклопедически образованный, знавший несколько иностранных языков, врач и историк Атаулла Мехмед Шанизаде, переводчик и автор книг по медицине и математике Ходжа Исхак-эфенди, историк и редактор первой газеты, выходившей на турецком языке, Эсад-эфенди, автор сочинения «Европейский трактат», в котором он по личным наблюдениям описал жизнь многих европейских стран, Мустафа Сами, турецкий посол в Вене Садык Рифат [5]. Этот видный государственный деятель заслуживает особого внимания.

Садык Рифат (1807—1856) был направлен в 1837 г. в Вену, а в 1839 г. назначен послом в Австрии. Изучая жизнь западных стран, он стал поклонником европейской цивилизации и сторонником реформ в Турции. Свои взгляды он изложил в нескольких сочинениях, из которых особенно примечательны «Трактат о положении дел в Европе» (1837) и «Положение дела реформ в Османской империи» (1844).

В первом трактате Садык Рифат отмечает стабильность государственной администрации в странах Европы, веротерпимость, универсальность образования, распространенность книг, прессы, говорит о железных дорогах, банках, паровых двигателях. Автор подчеркивает атмосферу законности, заботу правительств об обеспечении прав человека, сохранности жизни, имущества и чести подданных. Современный турецкий историк проф. Ниязи Беркес и другие высказали мнение, что Садык Рифат, возможно, был первым, кто сформулировал главные идеи Танзимата до их формального провозглашения [6].

В другом своем названном выше сочинении Садык Рифат

---

[4] Там же, стр. 231—235. Меморандум австрийского посла в Стамбуле Штюрмера от 10 марта 1841 г.

[5] N. Berkes, The Development of Secularizm in Turkey, Montreal, 1964, стр. 118—131.

[6] Там же, стр. 131—132

сформулировал основные идеи Танзимата: уничтожение произвола в управлении, кодификацию правовых и административных законов, военные и другие обязательства населения, гарантию безопасности и стабильности, поощрение промышленности, развитие просвещения и пр. [7].

Еще при жизни Махмуда II Совет общеполезных дел готовил проект султанского рескрипта о реформах. Однако подготовка была встречена в штыки большинством министров, светских сановников и царедворцев, а также духовенством. Среди противников реформ были великий везир (после воцарения Абдул Меджида) Хусрев-паша и бывший министр иностранных дел Акиф-паша [8]. Консерваторы затормозили провозглашение султанского указа о реформах, которое намечалось еще при жизни Махмуда II (тяжело больного и фактически не управлявшего государством). Самого Мустафу Решид-пашу удалили из Стамбула: его направили в 1838 г. чрезвычайным послом в Париж и Лондон (формально он остался министром иностранных дел) для переговоров с соответствующими правительствами в связи с назревшим военным конфликтом между султаном и Мухаммедом Али [9].

С вступлением на престол Абдул Меджида Мустафа Решид-паша вернулся в столицу. После длительной борьбы со своими политическими (и личными) противниками он добился согласия султана на провозглашение реформ. Мустафа Решид-паша сумел убедить его, что рескрипт о реформах, в частности содержащийся в нем принцип равенства перед законом мусульман и немусульман, поможет Турции, положение которой было очень тяжелым после разгрома египетскими войсками турецкой армии в Сирии в июне 1839 г., приобрести расположение правительств и общественности западных стран. Благодаря этому Порта сможет добиться выгодного для нее решения турецко-египетского конфликта и избавиться от вмешательства держав, особенно России, в защиту христианских подданных Турции.

---

[7] Там же, стр. 132.

[8] Ahmed Lûtfi, Tarih-i Lûtfi, c. 1—8, Derisaadet, 1290—1328 (1873—1910), c. 6, стр. 60—64 (далее — Tarih-i Lûtfi); R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, Ankara, 1901, стр. 174—175; C. Baysun, Mustafa Reşit paşa,— «Tanzimat», Ankara, 1940, стр. 9 (в сборнике каждый очерк имеет свою пагинацию); E. Z. Karal, Tanzimattan evvel garplılaşma hereketleri (1718—1839),— «Tanzimat», стр. 1; C. Bilsel, Tanzimat'ın harici siyaseti,— «Tanzimat», стр. 6. Турецкий историограф Абдуррахман Шереф-эфенди в своем труде «Tarih musahabeleri» (İstanbul, 1340/1922) указывал, что задержка обнародования хатт-и шерифа произошла по вине Акиф-паши. Ссылаясь на Шереф-эфенди, об этом пишут и названные нами историки.

[9] C. Baysun, Mustafa Reşit paşa, стр. 10.

Несмотря на согласие султана, Мустафа Решид-паша тревожился, что его политические противники сорвут обнародование высочайшего рескрипта. Поэтому дата его провозглашения, намеченная на 3 ноября 1839 г., хранилась в глубокой тайне. Особенно опасался он всесильного Хусрев-паши, который фактически единолично управлял страной (султану было в то время всего 16 лет). Решид-паша даже боялся за свою жизнь. Он подозревал великого везира в намерении натравить на него фанатичную мусульманскую чернь. Вечером 2 ноября, накануне провозглашения указа о реформах, он сказал своему кяхья (управляющему делами), что не надеется вернуться завтра невредимым домой. Перед отбытием в султанский дворец, где ему предстояло огласить акт о реформах, он попрощался с родными [10].

3 ноября 1839 г. на «Площади роз», перед летним двухэтажным султанским дворцом на берегу Мраморного моря, в торжественной обстановке, в присутствии султана, шейх уль-ислама, всех министров, светских и духовных сановников, иностранных послов, цеховых старшин, глав всех немусульманских общин, войсковых частей и толпы народа — мусульман и немусульман состоялось обнародование знаменитого султанского рескрипта о реформах, получившего по месту его оглашения название Гюльханейского. Этим рескриптом (по-турецки хатт-и шериф — священный указ) было положено начало периоду реформ, которые в турецких источниках получили название «благодетельных» (танзимат-и хайрийе). Сам период также стал именоваться в литературе Танзимат.

Султанский рескрипт был оглашен Мустафой Решид-пашой. Имам, сменивший его на трибуне, вознес молитву Аллаху. После молитвы были принесены в жертву бараны. Пушки с босфорских фортов 101 выстрелом возвестили о наступлении новой эры в истории Османской империи и в жизни населявших ее народов. Султан, а за ним все высшие духовные и светские сановники поклялись соблюдать Гюльханейский хатт-и шериф. Затем султан направился в особое помещение во дворце, где находился священный плащ пророка, и оставил там на хранение на вечные времена Гюльханейский хатт-и шериф.

Торжества происходили и в провинции. Во всех центрах эйялетов, санджаков и каза на площадях при большом сте-

---

[10] Там же, стр. 11—12; T. Ünal, Türk siyasî tarihi. 1700 den 1958-e kadar, Ankara, 1958, стр. 117—118; E. Z. Karal, Gülhane Hatt-ı hümâyununda batının etkisi,— «Belleten», Ankara, 1964, № 112, стр. 581.

чении народа местная знать давала клятву верности Гюльханейскому хатт-и шерифу [11].

Гюльханейский рескрипт провозглашал намерение султана обеспечить всем областям Османской империи хорошее управление, а всем ее подданным, без различия этнической принадлежности и вероисповедания, неприкосновенность жизни, чести и имущества; декларировались ликвидация произвола, добросовестное следствие, гласный суд и т. п. Таким образом, были обещаны буржуазные по своей направленности реформы, необходимые для развития предпринимательской деятельности. Рескрипт обещал далее справедливое распределение и взимание налогов, отмену откупной системы — ильтизама, упорядочение рекрутского набора и сокращение срока военной службы до четырех-пяти лет.

Гюльханейский хатт-и шериф не предусматривал никакой аграрной реформы. В частности, он не покушался на огромные земельные владения, которые в виде вакфов находились в руках мусульманского духовенства. Ничего не было сказано и о намерении Порты при помощи протекционистской политики уберечь турецкую промышленность от конкуренции иностранных товаров и обеспечить ее развитие.

Сразу после обнародования Гюльханейского хатт-и шерифа Мустафа Решид-паша и его единомышленники приступили к его реализации. Стремясь уничтожить произвол, они в срочном порядке в 1840 г. провели уголовный закон, который распространялся на всех подданных империи без исключения; в том же году для ограничения произвола вали и начальников санджаков (округов) было предписано создать при них совещательные советы — меджлисы — с участием представителей немусульман; была отменена откупная система взимания налогов, в том числе главного налога с крестьян — ашара (десятины); была изменена система сбора личного налога с немусульман — джизье, или хараджа, — в пользу налогоплательщиков; в 1840 — начале 1841 г. был подготовлен коммерческий кодекс и т. д.

Реформы встретили упорное сопротивление консерваторов в центре и в провинции. Злейшими врагами реформ были улемы, муфтии (верхи мусульманского духовенства), крупные феодалы, полуфеодалы, курдские феодально-племенные

[11] E. Z. K a r a l, Gülhane Hatt-ı hümâyununda batının etkisi, стр. 581. Заслуживает внимания следующая подробность. Направляя в провинции Гюльханейский хатт-и шериф для торжественного обнародования, Порта потребовала от всех вали [управителей эйялетов (областей)] следить за тем, чтобы не повторялись неприятности, которые произошли при оглашении хатт-и хумайуна о вступлении Абдул Меджида на престол, когда среди крестьян разнеслись слухи об отмене некоторых налогов (H. I n a l c ı k, Tanzimat'ın uygulanması ve sosyal tepkileri,— «Belleten», № 112, стр. 623).

вожди, вали и начальники санджаков, мюльтезимы (откупщики налогов), связанные с ними крупные ростовщики из Стамбула (преимущественно армяне) и др.[12].

Особенно опасным противником вследствие своего огромного влияния на широкие массы мусульман было духовенство. Мечети со многими десятками тысяч священнослужителей, духовные училища (медресе) с десятками тысяч учащихся, обители и монастыри (текке, завийе) с огромной массой оседлых и странствующих монахов-дервишей были очагами сопротивления реформам, в какой бы области те ни проводились.

Консерваторы использовали любую возможность для пропаганды против реформ, для саботажа. Они проникли и в меджлисы, которые, по мысли их создателей, должны были помогать осуществлению реформ. Так, в г. Адапазары муфтий — член меджлиса подстрекал народ выступать против налоговой реформы. В г. Амасье по призыву улемов, в числе которых были и члены местного меджлиса, фанатики-мусульмане уничтожили карантинный пункт и убили врача[13].

С самого начала саботировал проведение реформ административный аппарат. Мустафе Решид-паше и его сторонникам было не под силу перетряхнуть государственный аппарат сверху донизу и заменить старых чиновников людьми, желающими и способными осуществить реформы. Да они и не ставили перед собой такой цели. К тому же консерваторы не позволили бы это сделать.

Бешенство фанатиков вызывал провозглашенный хатт-и шерифом принцип равенства мусульман и немусульман[14]. Они рассматривали его как нарушение одной из основных догм ислама и разрушение устоев империи. Мракобесам удалось в ряде городов — Адрианополе, Измире, Кайсери, Конье и др. — организовать христианские погромы. «В Кайсери, Конье и других местах Анатолии фанатики совершили вопиющие неистовства против отдельных христиан, в Мосуле несториане подверглись кровавому преследованию, короче сказать, дух мусульманского фанатизма обуял всю Турцию и становился и в столице день ото дня заметнее», — писал немецкий историк Розен[15].

Реформаторы, в первую очередь Мустафа Решид-паша, и

---

[12] H. İnalcık, Sened-i Ittifak ve Gülhane Hatt-ı Hümâyûnu,— «Belleten», Ankara, 1964, № 112, стр. 615—616; H. Şanda, Reaya ve köylü. İstanbul, 1970, стр. 112—113, 120—122.

[13] H. İnalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 636.

[14] R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, стр. 190.

[15] Д. Г. Розен, История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году, ч. II, СПб., 1872, стр. 87.

даже сам султан подвергались нападкам. Решид-пашу обвиняли в том, что он продался кяфирам — «неверным». Фанатики кричали, что шариат гибнет, что падишах стал франком-безбожником, и противопоставляли ему Мухаммеда Али как борца за ислам [16]. Многие говорили, что Танзимат — выдумка франков [17].

Противники реформ были крайне недовольны также законами об отмене ильтизама, о борьбе со взяточничеством и незаконным обогащением. Почти все вали либо сами были мюльтезимами, либо были тесно связаны с откупщиками налогов материальными интересами. В услужении у крупных мюльтезимов находилось много мелких, а также сборщиков налогов, стражников и др.

В свое время мюльтезимы после ликвидации военных ленов получили право распоряжаться входившими в них землями, т. е. предоставлять наделы крестьянам; последние же были обязаны платить им те налоги, которые они раньше вносили тимариотам и заимам. Кроме того, мюльтезимам были переданы бывшие лены, доход с которых не превышал 2 тыс. курушей в год [18]. Таким образом, мюльтезимы превратились в помещиков-полуфеодалов. С отменой ильтизама они не только теряли важнейший источник доходов, но и право на распоряжение, а фактически на пожизненное владение землями бывших ленников (мукатаа). Вдобавок владельцы таких земель были обложены налогами (до Танзимата они были освобождены от налогов) [19].

В правительстве шла острая борьба за власть, прежде всего между Мустафой Решид-пашой и великим везиром Хусрев-пашой. Хотя к этому времени Хусрев-паша был уже очень стар и мало напоминал прежнего властного государственного деятеля, которого как огня боялись в самых высоких сферах [20], его влияние еще было велико. На пути Решид-паши и его реформ стоял и зять султана сераскер (командующий войсками) Халиль-паша. Однако Решид-паша уверенно шел к своей цели. По просьбе Решид-паши султан разрешил жениться на своей сестре его другу и единомышленнику Ахмеду Фетхи-паше и назначил его министром торговли [21]. В июне 1840 г. Решид-паша сумел убедить султана уволить в отстав-

---

[16] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. V, Ankara, 19..., стр. 185—187.

[17] C. Baysun, Mustafa Reşit paşa, стр. 13. Франками называли тогда в Турции всех европейцев.

[18] H. Şanda, Reaya ve Köylü, стр. 103—105.

[19] H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 637.

[20] H. Temperley, England and the Near East. The Crimea, London — New York — Toronto, 1936, стр. 159.

[21] Jucherau de St. Denys, Histoire de l'Empire Ottoman depuis 1792 jusqu'en 1844, Paris, 1844, стр. 285.

ку Хусрев-пашу. Такая же участь постигла Акиф-пашу и Халиль-пашу. Несколько крупных сановников были сняты со своих постов и осуждены за невыполнение постановлений о реформах [22].

Однако консерваторы не сложили оружия. Особенно чувствительные удары они наносили по весьма больному месту — государственным доходам. Используя свое влияние в провинциях, они вызвали сильное сокращение поступлений налогов в казну. В значительной мере оно было также результатом произвола, злоупотреблений при взимании налогов и казнокрадства новых государственных сборщиков налогов — мухассилей, которые заменили мюльтезимов после отмены ильтизама. Порта стала испытывать финансовый кризис. Она даже оказалась вынужденной выпустить специальные казначейские боны для уплаты жалованья чиновникам [23].

Консерваторы в правительстве и при дворе всю вину за финансовый кризис возложили на Мустафу Решид-пашу. Особенно активизировались они после того, как египетские войска были разбиты в Сирии англо-турецко-австрийскими силами и их остатки в феврале 1841 г. вернулись в Египет. Сирия, Аданский округ, о-в Крит вновь перешли под власть Турции. Причина уступки, на которую пошли консерваторы, дав согласие на Гюльханейский хатт-и шериф, дабы улучшить международные позиции Турции в борьбе против Мухаммеда Али, с их точки зрения, уже отпала. Больше того, нежелание Мустафы Решид-паши удовлетворить просьбу Мухаммеда Али о предоставлении ему наследственных прав владения на управляемые им территории мешало окончательному разрешению турецко-египетского конфликта [24].

Консерваторы усилили нажим на колеблющегося султана и 31 марта 1841 г. добились увольнения Мустафы Решид-паши в отставку. Это событие состоялось при следующих характерных обстоятельствах. Мустафа Решид-паша представил Порте на утверждение коммерческий кодекс. Консервативный министр Рифат-паша задал ему вопрос: «Как

---

[22] Там же, стр. 261; T. Yılmaz Öztuna, Türkiye tarihi, c. 11, İstanbul, 1967, стр. 190.

[23] A. Cevdet, Tezakir, 1—12, Ankara, 1953, стр. 6—9; H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 630—637. Задержка в поступлении налоговых сумм от ашара была вызвана также тем, что продукты, собранные в натуре, не могли быть проданы на месте и значительная их часть погибла. Вину за это консерваторы — члены Порты также возлагали на Решид-пашу (H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 639).

[24] Турецкие источники (Tarih-i Lûtfi, c. 7, стр. 6—7; A. Cevdet, Tezakir, стр. 8—9) и современные историки (Р. Кайнар и X. Иналджык) считают, что главной причиной отставки Решид-паши была его позиция по египетскому вопросу (см., например: H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması.., стр. 638).

согласуется кодекс со священным законом?» Решид-паша ответил, что кодекс не имеет никакого отношения к подобным материям. «Это святотатство!» — с негодованием воскликнули присутствовавшие улемы. Их поддержали консервативные министры (в их числе великий везир Мехмед Эмин Рауф-паша). Султан немедленно уволил Решид-пашу в отставку[25].

В декабре 1841 г. пост великого везира занял Дарендели Топал Иззет Мехмед-паша, который также был реакционером. Через девять месяцев великим везиром вновь был назначен Мехмед Эмин Рауф-паша. На этом посту он пробыл до середины 1845 г. Огромный вес в правительстве и при дворе имел Рыза-паша. Он занимал посты министра двора, командующего султанской гвардией и сераскера[26], был фаворитом матери султана Безмиалем и оказывал большое влияние на самого Абдул Меджида, человека молодого, мягкого, робкого и нерешительного. В качестве председателя (в 1842—1845 гг.) Высшего совета законодательных дел, на который после реорганизации его в 1840 г. было возложено осуществление реформ, Рыза-паша получил широкую возможность тормозить проведение в жизнь Гюльханейского хатт-и шерифа[27].

Как только Мустафа Решид-паша был удален, правительство приступило к упразднению реформ. Всем вали был разослан ферман, который должен был удовлетворить консервативное духовенство. В фермане говорилось, что халиф-султан считает своим важнейшим делом наблюдение за выполнением предписаний ислама. Наказание грозит тем мусульманам, которые без уважительных причин не будут совершать намаза пять раз в день. Вали и начальники санджаков отныне восстанавливаются в своих функциях полноправных распорядителей на управляемой ими территории. Им

---

[25] Донесение английского посла в Стамбуле Понсонби Пальмерстону от 29 марта 1841 г. (H. Temperley, England and the Near East..., стр. 163).

[26] Tarih-i Lûtfi, c. 8, стр. 28.

[27] H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 638; H. Temperley, England and the Near East..., стр. 157, 163; E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. V, 2. baskı, Ankara, 1961, стр. 169. Известный русский востоковед И. Н. Березин, посетивший Турцию в начале 40-х годов XIX в., когда Рыза-паша был министром двора, писал о нем: «Риза-паша, возвышенный из служителя кофейной в сан министра двора...» (И. Н. Березин, Современная Турция,— «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», т. CXIX, № 475, СПб., 1846, стр. 258). Не прошло мимо внимания Березина и то, что значение Абдул Меджида в политической жизни Турции было невелико. Он писал: «Несмотря на частое упоминание султанского имени в газетах, мы знаем и по собственному пребыванию в Стамбуле, и по новейшим событиям, что царствует в Турции не Абдул-Меджид, а та или другая партия» (там же, стр. 256).

поручается не только соблюдение порядка, но и руководство финансовыми делами. Вали несут ответственность за полный сбор установленной суммы налогов (их сбор, как и выполнение полицейских функций, поручается командиру расположенных в эйялете воинских частей — мюширу) и своевременную передачу ее в казну. В случае если будет собрана меньшая сумма, вали обязаны восполнить недостаток из собственных средств. Финансовые чиновники, направленные из центра, поступают в распоряжение вали.

Другой ферман, изданный в середине августа 1842 г., хотя и подтверждал принципы Танзимата, упразднял одну из самых радикальных реформ Мустафы Решид-паши — отмену ильтизама — под тем предлогом, что сбор ашара через государственных сборщиков — мухассилей, которые заботились лишь о собственных интересах, повлек за собой ущерб для казны и вызвал недовольство налогоплательщиков. Сбор ашара поручался провинциальным властям — мюдирам — и «достойным людям» в порядке откупа [28].

Консервативное правительство, как подметил турецкий историк Халиль Иналджык, не рискнуло публично отказаться от провозглашенных Гюльханейским хатт-и шерифом принципов равенства мусульман и немусульман и обеспечения жизни, имущества и чести подданных, но выдало их за принципы шариата [29]. Не был отменен и уголовный закон, принятый в мае 1840 г. Он просто не проводился в жизнь.

Четыре года пребывания у власти правительства, в котором главную роль играл Рыза-паша, были потеряны для дела реформ. Единственная реформа, которую оно провело в жизнь, была армейская: в 1843 г. срок действительной службы в армии (низаме) был сокращен до пяти лет.

Но призыв в армию (низам) даже на такой срок турки и другие мусульмане рассматривали как полную потерю свободы и отрыв от семьи и хозяйства на долгие годы. Многие солдаты погибали во время подавления освободительных восстаний на Балканах и в арабских странах. Вот почему рекрутский набор повсюду встречался враждебно. Во многих местах империи вспыхивали восстания против рекрутчины.

---

[28] H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 638—639. Характерно, что ферман избегает непопулярных терминов «ильтизам» и «мюльтезим». Откуп вместо ильтизама назван «maktû'an ihale» — поручение по системе «мукатаа», а последнее слово и означало «сдачу на откуп сбора государственных налогов», откупщики вместо «мюльтезим» названы «vücuh-i ahali» — «достойные люди».

[29] H. Inalcık, Sened-i Ittifak..., стр. 621.

Консервативное правительство своей политикой вызвало ухудшение внутреннего положения Турции. Сановники получили возможность главным образом путем взяточничества увеличивать свои богатства. Усилились коррупция, произвол чиновников, злоупотребления при взимании налогов. В еще больший упадок пришла денежная система, отчего огромные убытки терпели торговцы и ремесленники. Недовольство царило и в селах. В 1844 г. султан Абдул Меджид предпринял поездку по стране. Он побывал в Измите, Муданье, Бурсе, Гелиболу, Чанаккале и других городах и повсюду получал жалобы от жителей [30].

С приходом к власти консерваторов ухудшилось и международное положение Турции. Отставка Решид-паши и возврат Порты к старым порядкам произвели в Англии и Франции гнетущее впечатление. Это было расценено как отказ от принципов Гюльханейского хатт-и шерифа и политики реформ. Осуждение этой политики особенно усилилось после исключительного по своей жестокости подавления в 1841 г. восстания болгар в Нишском эйялете турецкими регулярными частями, о чем подробнее будет сказано далее. Произведенная по требованию шейх уль-ислама публичная казнь (отсечение головы) в 1843 г. на площади в Стамбуле молодого армянина, принявшего в пылу семейной ссоры ислам, но вскоре тайно вернувшегося в лоно христианской церкви, и другие аналогичные случаи вызвали в Европе бурю возмущения. Последовало вмешательство западных держав. Султан был вынужден под их давлением дать письменные заверения, что подобные казни не будут допускаться [31].

Перемена отношения к Турции в Англии и Франции вызвала беспокойство в правящих кругах страны и у самого султана, тем более что в 1844 г. Николай I предпринял первые попытки договориться с английским правительством о разделе Османской империи. Следовало продемонстрировать, что Гюльханейский хатт-и шериф остался в силе и реформы продолжаются. В феврале 1845 г. Абдул Меджид в особом рескрипте, адресованном Порте, выразил недовольство тем, что ни один из его проектов преобразований, за исключением военного, не выполнен. Султан приказал великому везиру и всем министрам обсудить меры, необходимые для обеспечения благополучия всем подданным. Особое внимание было уделено просвещению, борьбе с невежеством. Организация

---

[30] I. H. Danişmend, Izahlı osmanlı tarihi kronolojisi, c. IV, 2. baskı, Istanbul, 1961, стр. 132, 136; R. Davison, Reform in the Ottoman Empire. 1856—1876, Princeton, 1963, стр. 48.

[31] G. Joung, Corp de droit Ottoman, vol. II, Oxford, 1905, стр. 11.

светских школ с преподаванием в них основ наук, искусства и промышленности была признана неотложным делом [32].

К сказанному добавим, что английское правительство через своего посла в Стамбуле настойчиво рекомендовало султану вернуть Решид-пашу к власти, что и произошло в октябре 1845 г. Наступила пора ликования для его сторонников. Примерно через год (28 сентября 1846 г.) Мустафа Решид-паша был впервые назначен на пост великого везира [33]. По словам современника событий, крупного государственного деятеля и историографа Ахмеда Джевдет-паши, по поводу назначения Решид-паши в Стамбуле говорили: прошло время Рыза-паши, и настало время Решид-паши [34].

С краткими перерывами в 1848 и 1852 гг. Мустафа Решид-паша возглавлял Порту до августа 1852 г. После этого в результате интриг противников его неоднократно увольняли в отставку и вновь назначали на пост великого везира — в 1854, 1856 и 1857 гг.

После возвращения Решид-паши к власти возобновилось осуществление реформ. В 1845 г. начали создаваться меджлисы при вали в ряде провинций. В 1845—1849 гг. были изданы аграрные законы, которые уравняли женщин с мужчинами в праве владения и наследования государственных земель (мири), а в 1846 г. — указ о правах и обязанностях чиновников, направленный против коррупции и взяточничества, широко распространенных в их среде. В том же году был принят закон о создании сети светских школ — начальных и средних, а также университета. Этим законом реформаторы стремились обеспечить распространение светского образования и в то же время ограничить влияние духовенства на умы населения. Для руководства делом просвещения в 1847 г. правительство учредило специальное ведомство. В том же году оно создало уголовный суд, рассматривавший дела на основе светского уголовного закона (в 1851 г. уголовный закон 1840 г. был расширен). В 1848 г. были учреждены коммерческие суды в ряде крупных торговых центров, в 1850 г. принят составленный по французскому

---

[32] Tarih-i Lûtfi, c. 8, стр. 9—10; E. Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, стр. 620—623, 637; F. Bailey, British Policy and the Turkish nos jours, Paris, 1882, стр. 75.

[33] Tarih-i Lûtfi, c. 8, стр. 115—116; R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, стр. 620—623. 637; F. Bailey, British Policy and the Turkish Reforme Movement, стр. 227. Английское правительство было тем более в этом заинтересовано, что Рыза-паша пользовался поддержкой царского правительства.

[34] A. Cevdet, Tezakir. 1—12, стр. 10. В падении Рыза-паши сыграли роль и дворцовые интриги (Tarih-i Lûtfi, c. 8, стр. 28—29; Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 96—97).

образцу Коммерческий кодекс, открыт научный центр, восстановлен порядок сбора личного налога джизье, или хараджа, с немусульман через сельских или квартальных старшин немусульманских общин. Однако отмены ильтизама не последовало. 1854 год ознаменовался принятием закона о создании смешанных светских уголовных судов для разбора тяжб между мусульманами и немусульманами, причем устанавливалось, что свидетельские показания мусульман и немусульман должны приниматься на равных основаниях. В этом же году был учрежден Высший совет по реформам. Были приняты и акты с целью поощрить развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

Осуществление реформ, предусмотренных перечисленными и другими законами, наталкивалось на большие трудности и требовало длительного времени. Как и прежде, оно встречало упорное сопротивление феодальных и других консервативных сил в столице, в частности при дворе, и в провинции.

Крупнейшей и могущественной реакционной силой оставалось мусульманское духовенство. Русский востоковед И. Н. Березин в этом убедился лично. Он отметил ошибку тех, кто считал, что с Танзиматом сила духовенства уменьшилась: «Напрасно полагают, что муллы в Турции ослабели; не задетые до сих пор чувствительно вихрем преобразований, они лишь злобно косятся на Танзимат; но когда очередь дойдет до их собственных интересов, тогда бурный поток разрушительного фанатизма выступит из берегов с неотразимою силой, против которой не устоит слабое правительство со своими ренегатами. Не забудем, что турецкому духовенству дают могущественный перевес „вакфы“, которые составляют более двух третей недвижимого имущества в Турции»[35].

И. Н. Березин совершенно справедливо указывал, что мусульманские священнослужители не были «чувствительно задеты вихрем преобразований». В Гюльханейском хатт-и шерифе нет ни одного слова, направленного против духовенства, а тем более против каких-либо догм ислама.

Мустафа Решид-паша и его соратники не покушались на богатое и разнообразное недвижимое и движимое имущество (особенно земли), которым управляло духовенство, извлекавшее из него огромные доходы. Тем не менее классовое

[35] И. Н. Березин, Современная Турция,— «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», т. CXIX, № 477, СПб., 1847, стр. 51. Французский исследователь положения Турции в период Танзимата (1839—1853) Убичини, живший в эти годы в стране и всесторонне изучивший ее состояние, писал в своих «Письмах о Турции», что вакфы занимали свыше двух третей земельной собственности (A. Ubicini, Lettres sur la Turquie..., t. 1, Paris, 1853, стр. 93).

чутье подсказывало духовенству, особенно его высшим представителям, что Танзимат несовместим с его интересами[36]. Обещанные Гюльханейским рескриптом гарантия неприкосновенности личности, чести и имущества подданных, узаконение прав наследников на имущество осужденных и запрет его конфискации делали излишней такую широко применявшуюся в Турции меру перестраховки от произвола властей, как превращение имущества в вакф[37].

Учреждение светских судов, принятие законов, заимствованных у западных стран (уголовного, коммерческого и др.), значительно сокращали сферу применения шариата и деятельности духовных судей и мусульманских правоведов — улемов. Судебно-правовые реформы не только вели к падению влияния духовенства, особенно его высшего звена, на систему государственного управления, но наносили ему и большой материальный урон. Распространение светского образования, расширение сети светских начальных и средних школ и намерение открыть университет также угрожали духовенству утратой одного из главных орудий его воздействия на широкие массы мусульман. Удержать его в своих руках — в этом были заинтересованы все служители мусульманской религии, начиная с деревенских имамов и кончая профессорами духовных училищ — мюдеррисами — и шейх уль-исламом. К сокращению влияния духовенства на дела государства вели и реформы в административной системе[38]. Преобразования в Турции в 40—50-х годах XIX в. уже тогда вызвали некоторое падение политической роли шейх уль-ислама[39].

Особую опасность для реформ представляло огромное влияние духовенства на мусульманские массы. Используя в своих интересах слепую веру мусульман в служителей культа, воспитанное у них веками чувство превосходства над инакомыслящими и презрение к угнетенным народам Османской империи, особенно к христианам, духовенство натравливало фанатиков-мусульман на сторонников преобразований, поднимало на борьбу против реформ. В том же направлении действовали и феодалы. При этом они использовали недовольство масс, которым отдельные реформы (например, армейская) несли дополнительные тяготы. Провоцируемые духовенством, внушавшим правоверным, что набор рекрутов является выдумкой гяуров-христиан, фанатично настроенные

[36] A. Ubicini, Lettres sur la Turquie..., t. 1, стр. 93.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. VII. Islahat fermani devri. 1876—1876, Ankara, 1956, стр. 15—16.

турки обрушивали свой гнев на мирное христианское население. Христианские погромы с убийствами, насилиями, грабежами произошли не только в селах, но и в городах. Такой печальной участи, например, подвергся болгарский город Варна, где погромщики убили многих мужчин, увели большое число женщин и детей в рабство, разрушили церкви, разграбили имущество своих жертв. По словам Розена, здесь «были совершены ужасы, свойственные войнам варварских народов» [40].

Политические противники реформаторов не прекращали борьбы против Решид-паши и после его назначения на пост великого везира. В памфлетах и выступлениях они приписывали ему вину за все трудности, которые испытывала Турция. Консерваторы старались дискредитировать его в глазах населения, называли его безбожником, обвиняли в том, что он использует свой высокий пост для личного обогащения. В то же время влиятельные, близкие к султану придворные старались внушить последнему мысль, что Решид-паша заходит слишком далеко в своем пристрастии к западным порядкам, что он республиканец и представляет опасность для трона [41].

Происки влиятельных реакционеров, среди которых особенно выделялся зять султана Саид-паша, увенчались успехом. 28 апреля 1848 г. Решид-паша был уволен в отставку. Вместе с ним были сняты со своих постов министр иностранных дел Али-паша и еще семь государственных деятелей [42].

Отставка Решида-паши вызвала недовольство британского кабинета. Английскому послу в Стамбуле Стратфорду Каннингу было предписано оказать давление на султана и Порту и добиться возвращения Решид-паши на пост великого везира, что он успешно выполнил. Через три с половиной месяца после отставки Решид-паша снова был назначен великим везиром [43]. На этом посту он пробыл три с половиной года, до очередной отставки.

В течение всех лет пребывания у власти Решид-паша сталкивался с сопротивлением реформам со стороны государственного аппарата, особенно в провинциях. Он пытался сломить саботаж чиновников. Порта стала более настойчиво требовать от местных властей выполнения принятых законов, наказывала строптивых и нерадивых. Время от времени из

---

[40] Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 92.

[41] I. H. Danişmend, Izahlı Osmanlı tarihi kronolojisi, c. IV, стр. 137.

[42] Tarih-i Lûtfi, c. 8, стр. 158—159; C. Baysun, Mustafa Reşit paşa, стр. 16—17.

[43] Tarih-i Lûtfi, c. 8, стр. 160.

Стамбула в провинцию выезжали ее уполномоченные для проверки выполнения танзиматских реформ. Итоги такой проверки были неутешительными — провинциальные власти продолжали саботировать реформы. Проследим это на примере поездки правительственного уполномоченного Сами-паши в Румелию в 1851 г.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют проследить деятельность Сами-паши в Румелии и ее результаты. Прибыв к месту назначения, Сами-паша обратился с прокламацией к чиновникам и кадиям Румелии. В ней указывалось, что чиновники и кадии противодействуют реформам. Сами-паша назвал их поведение развратным и отметил, что оно находится в противоречии с основными заповедями ислама. Вот как паша разъяснял саботажникам, что такое Танзимат: «Наш Танзимат — это не что-то новое и не приказы, полученные от других народов, и не заимствования из некоторых нечестивых книг. Танзимат — это те неизменные законы, которые ясно выражены в Коране и предложены им к неуклонному исполнению... Танзимат — это не что иное, как основные законы, приказывающие каждому человеку, чтобы он любил своего султана, был праведным, никому не причинял вреда, уважал чужое добро, чтобы он повиновался законам своего правительства и был готов отстаивать пользу своего отечества и жил от дел рук своих... Танзимат, господа, приказывает еще, чтобы правдой и защитой закона пользовались все люди, без различия народности и религии. Разве наш Коран предлагает нам верить во что-либо другое?.. Поэтому, — говорилось в заключительной части прокламации, — султан соблаговолил дать право своим двум уполномоченным строго наказывать всех преступников, нарушающих Танзимат» [44].

И действительно, Сами-паша развил в Румелии большую активность: он произвел чистку в административном аппарате, принимал депутации от местного населения, выслушивал их жалобы, наказывал виновных [45].

Можно предположить, что так же действовал в Анатолии и другой уполномоченный — Исмет-паша, направленный туда в то же время. Заключительные слова прокламации позволяют сделать вывод, что она была преподана свыше для обоих уполномоченных.

Обращает на себя внимание стремление реформаторов обосновать Танзимат ссылками на Коран. Подобная тенден-

[44] Л. Милетич, Един документ от първото време на Танзимата. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XV, София, 1898, стр. 369.

[45] Там же.

ция обнаруживается и в последующих реформаторских движениях более высокого типа.

Тот факт, что через 12 лет после обнародования Гюльханейского хатт-и шерифа Высокая Порта была вынуждена принимать чрезвычайные меры, чтобы преодолеть сопротивление консерваторов, говорит как о силе этого сопротивления, так и о недостаточной эффективности самих реформ.

В борьбе между реформаторами и консерваторами на стороне последних было то преимущество, что они имели многовековую, традиционную связь с мусульманскими массами и влияние на них, обеспеченное воздействием такого мощного идеологического оружия, каким был тогда ислам. При посредстве многотысячного духовенства, из поля зрения которого не выпадал ни один мусульманин, это воздействие было многосторонним, глубоким и непрерывным — со дня рождения до самой смерти. Реформаторы стояли бесконечно далеко от масс, не проявляли заботы об их нуждах и не имели на них и тысячной доли того влияния, которым пользовалось духовенство.

Однако, как известно, значительная часть населения Османской империи состояла из христиан. В европейских владениях султана турки составляли не более одной десятой общей численности их населения. Поэтому положение реформаторов и судьба реформ во многом зависели от отношения к последним угнетенных народов и реформаторов к этим народам.

Как отнеслись к Гюльханейскому хатт-и шерифу и реформам Танзимата угнетенные народы Османской империи? Этот вопрос требует специального рассмотрения. Здесь лишь кратко отметим, что христианское население Балкан, за исключением тех его элементов, которые тесно связали свою судьбу с местными турецкими феодалами и администрацией, с радостью и надеждой на лучшее будущее встретило Гюльханейский рескрипт [46].

По приказу из Стамбула султанские чиновники зачитывали Гюльханейский хатт-и шериф на областных собраниях представителей местного населения на их родных языках. Так, в Салониках были собраны делегаты со всей Македонии, и им был зачитан хатт-и шериф на болгарском языке [47]. Болгарская колония в Бухаресте дважды, в 1839 и 1841 гг., издала Гюльханейский хатт-и шериф на болгарском языке

[46] «Христианские подданные смотрели на хатт как на начало нового времени»,— писал один непосредственный наблюдатель-иностранец (G. Hamlin, Among the Turks, New York, 1878). Цит. по статье: H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 624.

[47] И. Пастухов, Българска история, т. II, София, 1943, стр. 674.

(Мустафа Решид-паша запретил его печатание на болгарском языке) и распространила его по всей Болгарии [48]. В изданной Болгарской Академией наук «Истории Болгарии» говорится по этому поводу: «Болгары знали очень хорошо, что турецкая администрация не будет исполнять хатт-и шериф, но все же они повели упорную борьбу за его претворение в жизнь» [49]. Опираясь на тот неоспоримый факт, что хатт-и шериф формально действует, болгарские общины, цеховые организации, училища, сельские делегации и отдельные лица при разрешении своих споров с властями ссылались на него. Когда же им не удавалось преодолеть сопротивление чиновников, которые даже доходили до такой дерзости, что заявляли, будто хатт-и шериф уже не имеет силы, они направляли Порте письменные протесты. Именно в результате этой борьбы турецкое правительство оказалось в столь комичном положении, что вынуждено было в 1843 и 1845 гг. вновь обнародовать хатт-и шериф и в письменной форме подтвердить, что он действует. Чтобы придать больше значения этим уверениям, сам султан объезжал большие болгарские города и успокаивал население» [50].

Как уже отмечалось, и в среде угнетенных народов оказались такие лица, которые приспособились к турецкому феодальному режиму и, извлекая для себя выгоду из этого, действовали вместе с турецкими консерваторами против реформ. Больше всего таких элементов оказалось среди верхушки греческого населения. К ним принадлежал сам патриарх — глава греко-православной религиозной общины. О его отношении к Гюльханейскому хатт-и шерифу свидетельствует следующий любопытный эпизод. В качестве главы греко-православной общины (которая, как известно, включала всех православных подданных султана) патриарх присутствовал на торжестве оглашения Гюльханейского рескрипта. Глядя, как после этой церемонии хатт-и шериф был уложен в красный атласный мешочек, патриарх выразил надежду, что он там останется навсегда [51]. Причина недовольства патриарха, а с ним и многих греков (главным образом из числа духовенства, крупных купцов и ростовщиков) состояла в том, что они занимали господствующее положение среди своих единоверцев — болгар, сербов, черногорцев, валахов, молдаван и др.

[48] История на България, т. I, София, 1961, стр. 341.

[49] «Гюльханейский хатт придал раайа смелости бороться за свои права и внушил им мысль о равенстве людей перед законом»,— отметил упомянутый иностранец (H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 624).

[50] История на България, т. I, стр. 341—342. Имеется в виду поездка Абдул Меджида в Варну и другие болгарские города в 1846 г.

[51] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. V, стр. 187.

Горькая действительность вскоре показала угнетенным народам, особенно балканским, что их надежды на Гюльханейский хатт-и шериф беспочвенны. Противники реформ, в руках которых находился государственный аппарат, делали все, чтобы дискредитировать и в конце концов сорвать реформы.

Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, по-прежнему страдали от произвола властей при взимании налогов. Более того, после отмены откупной системы и перехода к сбору налогов с помощью государственных чиновников — мухассилей и их агентов — во многих местах, особенно там, где жили христиане, власти додумались до того, что стали требовать от крестьян уплаты налогов и по старой системе — откупщикам, и по новой — государственным сборщикам. Кроме того, оценка земель, лежавшая в основе определения размера налога, была в три-четыре раза выше прежней, дореформенной. Возмущение крестьян злоупотреблениями было настолько велико, что во многих местах вспыхнули восстания [52].

Волнения среди населения были вызваны также грубым нарушением главного обещания Гюльханейского хатт-и шерифа — обеспечить неприкосновенность личности, чести, имущества каждого подданного империи, без различия веры и национальности. Восстания, разразившиеся в ответ на злоупотребления властей и нарушение ими Гюльханейского хатт-и шерифа, который сам султан клятвенно обязался соблюдать, охватили большую территорию. Они произошли на островах Крит, Кипр, Самос, в эйялетах Диярбакыр, Трабзон, в Македонии, Албании и других местах [53]. Тысячи повстанцев подписали жалобу, в которой говорилось, что они не хотят отложиться от султана, но требуют, чтобы соблюдался Гюльханейский хатт-и шериф.

Крупное крестьянское восстание вспыхнуло в 1841 г. в Нишском эйялете Западной Болгарии. Здесь после отмены военно-ленной системы (в 1832—1833 гг.) земли бывших ленников — сипахиев, занесенные в государственный фонд, оказались по праву долгосрочной наследственной аренды в руках крупных землевладельцев. Последние стали взимать с крестьян ту же самую арендную плату натурой, которая ранее поступала сипахиям. Однако после введения в 1840 г. системы взимания налогов непосредственно государственны-

[52] В докладе, представленном великим везиром султану о причинах волнений в Анатолии и Румелии, указывалось, что главной из них были злоупотребления, допущенные чиновниками при сборе налогов. H. İnalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 645.

[53] И. Пастухов, Българска история, т. II, стр. 676.

ми сборщиками крестьян обязали вносить такую же арендную плату и в государственную казну. Таким образом, крестьяне должны были платить уже две ренты вместо одной. Удвоение налогового бремени вызвало острое недовольство крестьян [54]. К этому добавились и злоупотребления, допускавшиеся государственными сборщиками при взимании налогов.

В восстании участвовали тысячи крестьян. Но они не имели огнестрельного оружия, были раздроблены, лишены единого руководства, плохо организованы. Нишский паша направил против восставших регулярные части низама с артиллерией и иррегулярные отряды головорезов — башибузуков. Каратели с необычайной жестокостью подавили восстание. Было уничтожено свыше 250 сел, тысячи мужчин были вырезаны, множество женщин и детей уведено на стамбульский невольничий рынок для продажи в рабство [55].

Чудовищные преступления турецких войск вызвали в Европе гнев и возмущение. Высокая Порта старалась доказать, что она не имеет отношения к зверствам нишского паши и не знает о них. Однако жестокая расправа с христианским населением, требовавшим лишь проведения в жизнь танзиматских реформ, компрометировала Турцию, ее монарха и правительство в глазах всей Европы.

Болгарские крестьяне, несмотря на беспощадное подавление восстания, не прекратили борьбы против тирании. Новые крупные восстания вспыхивали в разных местах. Особенно значительным было восстание в Видинском и Нишском эйялетах в 1850 г. [56]. Султанский уполномоченный Али Рыза-паша, посланный в эту область для выяснения причин восстания, в своем докладе великому везиру назвал следующие: террор и насилие со стороны турецких феодалов и местной администрации, сбор сверх установленного размера натуральных налогов с урожая и с овец, злоупотребления сборщиков налогов, произвол крупных земельных собственников, заставлявших крестьян нести барщину, постои, грабеж, насилия и другие беззакония, чинимые бродячими ту-

---

[54] С. Димитров, Из историята на революционото движение в Нишкия вилает през 1850 г.,— Известия на Института за история, т. 16—17, София, 1966, стр. 407; H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 645—646.

[55] История на България, т. I, стр. 346—347.

[56] Об этих восстаниях см.: С. Димитров, Въстанието на селяните в Северо-Западна България през 1850 г., София, 1961; его же, Из историята на революционото движение в Нишкия вилает през 1850 г.,— Известия на института за история, т. 16—17, София, 1966; H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 646—648.

рецкими солдатами и разными праздношатающимися элементами [57].

По мнению проф. X. Иналджыка, Видинское восстание было вызвано главным образом обострением отношений между крупными землевладельцами-турками и болгарскими крестьянами. В результате злоупотреблений на местах землевладельцы сумели использовать в своих интересах реформы Танзимата, направленные на укрепление и обеспечение права собственности, и закрепить за собой государственные земли мири, которыми они владели лишь на праве аренды. Они сумели это сделать еще и потому, что сами заседали в меджлисах, созданных при местных вали, и указы Порты, противоречащие их интересам, толковали в свою пользу. Оказавшись фактическими собственниками государственных земель и извращая в свою пользу принципы Танзимата, крупные землевладельцы усилили эксплуатацию крестьян, пользовавшихся их землями уже в качестве субарендаторов. Эта эксплуатация носила феодальный характер. Землевладельцы требовали от крестьян в качестве платы за аренду выполнения барщины в течение одного-двух месяцев в год, налагали на них натуральные и денежные повинности. Сами они жили в городах и местечках и управление своими деревнями доверяли старостам — субаши, которые обирали крестьян, налагая на них натуральные и денежные сборы, штрафы и пр. В сумме эти поборы достигали 1400—1500 курушей с крестьянской семьи в год. Сверх всего этого крестьяне-болгары еще были обязаны платить налоги государству — ашар и джизье [58]. Как видим, турецкие феодалы-землевладельцы поставили крестьян-болгар Видинского эйялета в крепостную зависимость от себя.

Во всех названных и других злоупотреблениях крестьяне Видинского и других эйялетов усматривали нарушение Гюльханейского хатт-и шерифа. Они жаловались Али Рыза-паше, что крупные землевладельцы «не позволяют осуществить ни одной реформы, провозглашенной в Константинополе». Крестьяне выдвигали, в частности, следующее требование: «Обеспечить осуществление на деле реформ, провозглашенных султаном, и строгий контроль над деятельностью местных властей, на которых крестьянин не может публично жаловаться, не рискуя жизнью» [59]. Сиприан Робер, француз-

[57] Документи за българската история. III. Документи из турските държавни архиви, ч. I (1564—1872), София, 1940, стр. 321—322.

[58] H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 646—648.

[59] Cyprien Robert, Les Slaves de Turquie. I. Paris, 1852, стр. 13. Цит. по: Н. Тодоров, Положението на Българския народ под турско робство, София, 1953, стр. 217.

ский этнограф, в течение нескольких лет живший среди южных славян и изучавший их язык и нравы, лично убедился в правоте болгарских крестьян. Он писал: «Из хороших мер, которые предписаны его величеством султаном в отношении раайа, ни одна не выполняется. Турецкое население измывается над христианами» [60].

Требования соблюдать Танзимат выдвигались не только болгарами, но и сербами, босняками и другими балканскими народами.

Казалось бы, реформаторы должны были рассматривать как свою опору угнетенные народы, требовавшие осуществления провозглашенных реформ, и сурово наказывать тех, кто их срывает. Однако правительство Мустафы Решид-паши сурово расправлялось не с саботажниками, а с болгарами, сербами и другими угнетенными немусульманами, с оружием в руках отстаивавшими принципы Гюльханейского хатт-и шерифа. Еще до восстания в Видинском эйялете Порта указом от 11 января 1850 г. предписала видинскому вали предупредить болгар, чтобы они воздержались от «бунта». В случае же, если они не послушаются «благосклонных советов», вали предлагалось «применить грубую силу» [61]. Это указание Порты было с усердием выполнено. Восстания 1850 г. в Болгарии были потоплены в крови (Решид-паша был в то время великим везиром). Даже английское правительство, дружески расположенное к Порте, вынуждено было осудить турецкие зверства и указать ей, что своими карательными акциями она дискредитирует реформы Танзимата. В ноте Порте от 14 августа 1850 г. английский посол в Стамбуле писал, что «последние ужасные события в Болгарии... совершенно смутили и опечалили доброжелателей Турецкой империи ...Реформы и улучшения, которые е. в. султан обещал и которые министры стараются претворить в жизнь, не только не осуществляются, но вследствие многочисленных злодеяний и фанатичных поступков властей и турецкого населения и утраты доверия болгарского населения становятся излишними и даже вредными» [62].

Таким образом, в вопросе об отношении к угнетенным народам, к их требованиям и нуждам реформаторы недалеко ушли от своих политических противников. Они смыкались с

---

[60] Там же. Следует указать и на массовые восстания албанских горцев против новой налоговой системы. Она лишала их преимуществ, которыми они пользовались, когда налоги собирались через их местные органы самоуправления. См.: П. Миле, Крестьянское восстание 1847 г. в Албании в свете новых данных,— «Народы Азии и Африки», 1961, № 3, стр. 18.

[61] Документи за българската история, т. III, стр. 308.

[62] Там же, стр. 324.

ними даже в тех случаях, когда эти требования сводились к выполнению обещаний, содержащихся в Гюльханейском хатт-и шерифе. Классовые и великодержавные чувства брали у них верх, и, как удачно выразился Розен, «слабый либерализм сделался рабом реакции» [63].

Сторонники и проводники реформ оказались в национальном вопросе в одном лагере с консерваторами, дискредитируя свое собственное творение — Гюльханейский хатт-и шериф — и провозглашенные им реформы.

В этой связи необходимо также отметить, что Решид-паша и его единомышленники оказывали поддержку и реакционным элементам, сосредоточенным в высших духовных управлениях немусульманских общин. Особенно отрицательное значение имела поддержка ими патриарха греко-православной общины.

Греческое духовенство располагало большими богатствами, движимым и недвижимым имуществом. Оно облагало свою паству налогами и многочисленными сборами, которые превышали сумму хараджа, предназначенную для Порты. В его ведении находилось взимание хараджа в пользу государства, суд по делам членов своей общины, оно распоряжалось школами, больницами, домами призрения и т. п. Все это использовалось в его корыстных интересах. Особенному угнетению со стороны греческого духовенства подвергались православные славянского происхождения, а также молдаване, валахи. Все мало-мальски важные должности в духовной иерархии греко-православной общины занимали греки. Чуждые своей пастве (кроме греков), даже не знающие ее языка, греческие священники были ненавистны сербам, болгарам, черногорцам, молдаванам, валахам, которые жаждали создать самостоятельную церковь.

Греческое духовенство, особенно высшее, было тесно связано с Портой и другими органами турецкой власти. С его помощью православные подданные султана удерживались в повиновении. Интересы Порты и патриархата совпадали [64]. При всяком выступлении против греческой духовной знати ее представители обращались за помощью к турецким властям и получали ее. Власти объявляли оппозиционеров бунтовщиками и заключали в тюрьму [65].

---

[63] Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 108.

[64] F. Eichmann, Die Reformen des Osmanischen Reiches mit besonderer Berücksichtigung des Verhältnisses der Christen zur türkischen Herrschaft, Berlin, 1858, стр. 245—247.

[65] История на България, т. I, стр. 378—380, 382. Русский дипломат К. Базили видел в 30-х годах XIX в. в стамбульской тюрьме турецких подданных — немусульман, осужденных главами своих религиозных общин (К. Базили, Очерки Константинополя, ч. 2, СПб., 1835, стр. 17—18).

Реформы Танзимата несколько ограничили вмешательство греческого духовенства в светские дела. Порта даже предоставила светским нотаблям православного вероисповедания право на участие в управлении делами общины, в том числе и такими, как назначение митрополитов и епископов, как это имело место в 1847 г.[66]. Реформы усиливали надежды славянских народов, валахов и молдаван на освобождение от власти греческого духовенства и на создание самостоятельной церкви. В частности, болгары боролись за восстановление болгарской церкви. В условиях того времени эта борьба была частью их национально-освободительного движения. Частичного успеха это движение добилось в 1847 г., когда в Стамбуле была образована болгарская церковная община[67]. Вот почему греческое духовенство было против реформ Танзимата. В этом вопросе оно полностью смыкалось с турецкими реакционерами. Тем не менее Порта, за исключением отдельных случаев, не оказывала поддержки болгарам в их борьбе за церковную независимость. В данном вопросе реформаторы, как и их реакционные предшественники в правительстве, были больше заинтересованы в том, чтобы обе стороны — греческое духовенство и его противники — ослабляли друг друга во взаимной борьбе.

* * *

Мы проанализировали борьбу между реформаторами и консерваторами в период Танзимата на протяжении около 15 лет.

Эта борьба носила ожесточенный характер и сопровождалась драматическими событиями. Главными ее персонажами были представители господствующего, феодального класса. Однако этот класс не был монолитным. Внутренний экономический и политический кризис, а также сложное и опасное внешнеполитическое положение Османской империи вызвали различную реакцию у отдельных слоев господствующего класса.

В рядах феодальной бюрократии, особенно в тех ее звеньях, которые по роду своей деятельности имели тесные контакты с западноевропейскими странами или их представителями в империи, нашлись люди, выступавшие за прогрессивные изменения в турецком обществе. Своей деятельностью они положили начало турецкому возрождению.

---

[66] A. Ubicini, Lettres sur la Turquie..., t. II, Paris, 1854, стр. 178.
[67] История на България, т. I, стр. 381—382.

И в этом состоит их историческая заслуга перед турецким народом.

В то же время факты убеждают, что в своей борьбе за либеральные реформы, весьма скромные и ограниченные, их идеологи и проводники не проявляли достаточной твердости и последовательности, что нашло наиболее яркое выражение в политике по отношению к угнетенным народам. Эта политика обнаружила консерватизм и шовинизм реформаторов и оттолкнула от них сотни тысяч людей, которые могли стать их опорой в борьбе за реформы.

История Танзимата показывает, что консерваторы обладали большей силой, чем реформаторы. Их влияние на широкие массы турецкого населения, главным образом благодаря духовенству, было несравненно бо́льшим и глубоким, базировалось на давних традициях. Велико было консервативное влияние аппарата власти в центре и в провинциях. По этой причине реформы Танзимата часто срывались и даже извращались их противниками.

Однако консерваторы уже были бессильны полностью ликвидировать Танзимат. Несмотря на их сопротивление, Танзимат продолжался после Крымской войны. Продолжалась на новом его этапе и борьба между консерваторами и реформаторами.

И. Е. Фадеева

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИДХАТ-ПАШИ В БОЛГАРИИ В 60-х ГОДАХ XIX в.

После провозглашения хатт-и хумаюна 1856 г. турецкое правительство пыталось предпринять некоторые шаги в деле реформирования провинциальной административной системы. С этой целью в провинции были направлены правительственные чиновники, в задачу которых входило составление отчетов о деятельности местных властей. В Видин и Силистрию был послан быстро продвигавшийся по служебной лестнице Ахмед Мидхат, будущий «отец турецкой конституции». В то время он занимал пост первого секретаря протокольного отдела Высшего юридического совета. Помимо основного задания Ахмеду Мидхату было поручено расследовать причины волнений болгар в районе Тырнова и объявить болгарскому населению о реформах, декларированных хатт-и хумаюном.

Тырновские события были связаны с борьбой болгарского народа против греческих церковников-фанариотов, за создание автокефальной церкви в интересах сохранения национального языка и национальной системы просвещения. В Тырновском округе эта борьба выражалась в том, что болгары отказывались платить налоги в пользу местного митрополита, учителя школ выражали свой протест против его действий, которые мешали делу болгарского народного просвещения [1].

В Видине и Силистрии Мидхат выявил злоупотребления местных турецких властей по отношению к болгарскому населению. Это послужило причиной смещения губернатора Силистрии Саид-паши. Нескольких его подчиненных, заме-

---

[1] Д. Косев. Новая история Болгарии, М., 1952, стр. 253.

шанных в наиболее крупных злоупотреблениях, Мидхат предал суду [2].

После поездки в Тырново Мидхат в противоположность трем правительственным чиновникам, посланным туда ранее и поддержавшим митрополита, в своем отчете правительству привел данные, которые доказывали неблаговидность многих действий тырновского священнослужителя [3]. Этот факт свидетельствует об объективности и независимости суждений Мидхата: его трудно было заподозрить в симпатиях к болгарскому национально-освободительному движению, в рамках которого в тот период шла и борьба за создание автономной болгарской церкви.

Инспекционная поездка в Болгарию дала Мидхату богатый материал для размышлений о методах управления провинциями Османской империи. Мидхат оказался одним из немногих сановников тех лет, кто понял необходимость проведения реформ в этой области в целях борьбы против ширившегося национально-освободительного движения нетурецких народов Османской империи.

После недолгой поездки в Европу Ахмеду Мидхату представилась возможность осуществить все то, в чем он видел настоятельную необходимость. В 1861 г. он был назначен губернатором Нишского эйялета в ранге везира, получив титул паши.

Одним из первых мероприятий Мидхат-паши в Нише явился созыв наиболее влиятельных представителей мусульманского и христианского населения края для обсуждения вопроса о положении в эйялете. Участники совещания выразили недовольство отсутствием дорог, что делало чрезвычайно затруднительной доставку на рынок продуктов сельскохозяйственного производства, а также чрезвычайно тяжелым налоговым бременем и повинностью по содержанию турецких войск [4]. Эти жалобы отразили интересы не только широких масс местного населения, но и торговой и сельскохозяйственной буржуазии, ратовавшей за экономическое развитие края.

Политика, проводившаяся Мидхат-пашой, отвечала, как правило, требованиям населения. Продолжая круто подавлять антитурецкие выступления, для чего в эйялете был создан корпус жандармерии, т. е. действуя давно испытанными средствами, Мидхат-паша одновременно принял ряд

---

[2] Мидхат-паша, его политическая жизнь, служба и жизнь в ссылке. Книга первая. Поучительный пример, Стамбул, 1325 (араб. шр.). Далее — Мидхат-паша, его политическая жизнь...

[3] Д. Косев, Новая история Болгарии, стр. 253.

[4] Мидхат-паша, его политическая жизнь..., стр. 16.

мер, которые выделили его из числа турецких администраторов, отличавшихся, как правило, крайней пассивностью и равнодушием к нуждам развития управляемых ими районов. По его распоряжению было начато строительство дорог, несколько ожививших торговлю в эйялете. Он обещал простить населению долги казне за два года и даже уменьшил некоторые налоги[5]. В местечке Шаркёй (Пирот) в ноябре 1863 г. он основал первую в Османской империи крестьянскую ссудную кассу[6]. Стремясь облегчить положение крестьян, страдавших от солдатских постоев, он построил для части войск казармы. В Нише Мидхат-паша создал первое в Турции ремесленное училище — «ислаххане», где дети-сироты могли получить начальное образование и обучиться какому-либо ремеслу. Мидхат-паша допустил к участию в управлении христиан, боролся против злоупотреблений при сборе десятины[7].

В Нишском эйялете наметились основные черты присущего Мидхату стиля управления. Мидхат-паша сделал первую попытку создать более благоприятные условия для экономического развития провинции в целях укрепления здесь турецкого господства. По его мнению, не насильственные средства, а реформы наиболее полно отвечали задаче ликвидации национально-освободительного движения в империи.

Опыт деятельности Мидхат-паши в Нишском эйялете сыграл немалую роль при подготовке закона о новом административном делении Османской империи. Этот закон разрабатывался при непосредственном участии Мидхат-паши и был издан в 1864 г. Он предусматривал укрупнение административных единиц, усиление централизации государства, а также создание Дунайского вилайета, включавшего в свой состав северную и юго-западную части нынешней Болгарии. Во главе Дунайского вилайета турецкое правительство поставило Мидхат-пашу, предоставив ему широкие полномочия.

В законе 1864 г. были подробно изложены принципы административного устройства вилайета. Он был разделен на санджаки во главе с мутасаррифами, каза во главе с каймакамами и карийе во главе с мухтарами. Во главе вилайета стоял генерал-губернатор, наделенный как гражданской, так и военной властью. При губернаторе, мутасаррифах, каймакамах и мухтарах создавались административные советы с совещательными функциями, в которые наряду с назначаемыми правительством чиновниками входили представители

---

5 Там же.

6 Yüz yıllık teşkilâtlı zirai kredi, Ankara, 1964, стр. 96.

7 М. Н. Тодорова, «Общеполезните каси» на Мидхат-паша,— «Исторически преглед», XXVIII, кн. 5, 1972, стр. 58.

местного населения. Они избирались в равном числе от мусульман и немусульман, хотя мусульмане составляли незначительную часть населения вилайета.

В административные советы всех категорий избиралось всего по четыре члена: по два мусульманина и по два немусульманина. В функции административных советов входило обсуждение вопросов, связанных с благоустройством соответствующих административных единиц, развитием сельского хозяйства. Советы не имели права вмешиваться в работу судебных органов [8].

Наряду с этим создавался Общий совет вилайета, в который входили по четыре выборных представителя от каждого санджака (два мусульманина и два немусульманина). Этот совет, собиравшийся один раз в год, имел право обсуждать вопросы, связанные со строительством, содержанием и охраной путей сообщения, общественных зданий, развитием сельского хозяйства и торговли, обложением налогами.

Каждому члену Общего совета вилайета вменялось в обязанность сообщать о нуждах района, от которого он был избран. Свои решения совет мог представлять через губернатора правительству [9].

По мысли Мидхата, равное представительство в советах мусульман и немусульман должно было положить конец самоуправству местных властей [10]. Однако сама система выборов в советы вела к подобному самоуправству. Положение о выборах предусматривало избрание населением выборщиков в соответствии с имущественным, образовательным и возрастным цензами. Выборщики же голосовали за список лиц, представленный исполнительной властью. При этом выборщики избирали большее число депутатов, чем было необходимо, с тем чтобы власти могли выбрать из них тех, кого считали наиболее для себя подходящими. Интересное описание системы выборов в советы дал русский консул в Видине М. Байков в своих донесениях за 1865 г.: «Каймакам Сабри-паша пригласил к себе протоиерея Иоанна и просил его составить ему список кандидатов из городских болгар, более богатых, умеющих свободно читать и писать на родном языке. При этом каймакам заметил протоиерею, чтобы он не записал в число кандидатов болгар подобных характером изгнанному отсюда Цанки Ходжи Ангелову и старику Ходжи Петову, который в 1860 г. смело высказал здесь Великому

---

[8] G. Young, Corps de droit Ottoman, vol. I, Oxford, 1905, стр. 36—45; Ф. Ш. Шабанов. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата, Баку, 1967, стр. 128—129.

[9] G. Young, Corps de droit Ottoman, vol. I, стр. 39—40.

[10] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2182б, л. 88.

Визирю Кибрисли Паше все местные злоупотребления. Составленный протоиереем список кандидатов был отправлен властью по всем округам для собрания голосов, и, по совершении этого, каймакам избрал тех, кто имели меньше голосов и неизвестны народу»[11].

Естественно, что при такой системе выборов членами административных советов от болгарского населения становились чаще всего представители чорбаджийской буржуазии, чьи интересы и должны были защищать советы. Сам каймакам Сабри-паша был вынужден признать, что члены советов из числа болгар совершенно неспособны выражать интересы местного населения[12].

Признавая необходимость создания административных советов в Болгарии с привлечением в них представителей местного населения, Мидхат-паша ставил своей целью создать из чорбаджийской буржуазии прочную опору турецкому господству в этой османской провинции. Создание советов было также своеобразным жестом, рассчитанным на внешнеполитический эффект, жестом, демонстрировавшим стремление правительства Турции предоставить христианам равные права с мусульманами.

Несмотря на все недостатки новой административной системы, в делах внутреннего управления страной впервые проводился, пусть и непоследовательно, принцип выборности.

Новая административная система предусматривала и реорганизацию судов. В центрах вилайета, санджаков, каза были созданы судебные палаты, часть членов которых избиралась населением. В судах в равном числе должны были быть представлены выборные члены от мусульман и немусульман[13]. Система выборов, аналогичная той, которая существовала для административных советов, позволяла местным властям назначать в суды угодных им лиц, сводя, таким образом, на нет декларированное отделение судебной власти от гражданской[14]. Сообщая о деятельности новых судов в вилайете, русский консул в Варне писал, что христиане попрежнему не могут найти справедливости в этих судах, так как в гражданских и уголовных судах председательствует кадий, который судит «по Корану», никогда не принимает свидетельства христиан против мусульман, а вынесенное им решение единогласно одобряется остальными членами суда в силу существующей системы выборов[15].

---

[11] Там же, д. 1650, л. 17.
[12] Там же, д. 1651, л. 45.
[13] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1652, л. 19.
[14] Там же, д. 1619, л. 8.
[15] Там же.

Новая судебная система, вводившаяся крайне медленно и непоследовательно, мало улучшила турецкую систему правосудия в целом. И все же то, что было начато — на практике, а не на бумаге — в Дунайском вилайете, имело существенное значение для становления и развития новых, буржуазных по своему духу правовых норм в жизни Османской империи.

Основное внимание в своей деятельности в Болгарии Мидхат-паша уделял строительству дорог. В период его пребывания на посту генерал-губернатора, т. е. в 1864—1868 гг., в Дунайском вилайете было построено около 3 тыс. *км* шоссейных дорог и 1420 мостов [16]. Методы, с помощью которых велось строительство, были таковы, что эта деятельность Мидхата, сама по себе полезная, крайне дорого обошлась местному населению.

Турецкому правительству проложенные Мидхатом дороги не стоили ни копейки. Русский консул в Рущуке писал, что местные христиане сильно жалуются на обременительность новых налогов по случаю улучшения путей сообщения [17]. А русский консул в Видине сообщал в Стамбул, что крестьяне очень недовольны тем, что их заставляют работать на строительстве дорог. Участие в этих работах было обязательно для всех категорий населения вилайета. В равной степени в них участвовали христиане и мусульмане. Тот, кто отказывался выполнять эту повинность, должен был вносить ежедневную плату для найма работника в размере до 6 курушей или же поставлять за себя кого-либо другого. Крестьян выгоняли на работы в самое дорогое для них весеннее и летнее время целыми селами [18]. С марта по ноябрь жители вилайета должны были четыре-пять раз отправляться к месту строительства дороги, теряя при этом около недели [19].

Столь интенсивное строительство дорог было вызвано экономическими потребностями края. Мидхат-паша справедливо считал, что дороги крайне необходимы для развития торговли в Болгарии [20]. Действительно, дорожное строительство объективно способствовало экономическому развитию Дунайского вилайета, расширяя внутренний рынок, а значит, и укрепляя торговую, главным образом болгарскую, буржуазию.

В условиях роста товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Дунайского вилайета росла нужда в кредите, который обеспечивался исключительно ростовщическим ка-

[16] Мидхат-паша, его политическая жизнь..., стр. 28.
[17] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2182а, л. 4.
[18] Там же, д. 1652, лл. 32—33.
[19] Там же, д. 2183, л. 188.
[20] Там же, д. 2182а, л. 94.

питалом, что при огромных процентах являлось тормозом на пути развития производительных сил. Стремясь найти новые способы кредитования, Мидхат-паша начал основывать сельскохозяйственные кредитные кассы, положившие в известном смысле также начало банковскому делу в Турции.

В передовой статье газеты «Туна» («Дунай»), основанной в Рущуке Мидхатом [21], заявлялось, что сельскохозяйственные кредитные кассы организуются для поддержки сельского хозяйства и промышленности [22]. В 1867 г. был разработан примерный устав касс. В уставе говорилось, что в санджаках Ниш и Видин в фонд касс должно быть внесено 5% стоимости зерновых, собранных с крестьян в виде ашара [23]. Население же санджаков Силистрия, Тырново и Варна должно было вырастить определенное количество зерна [24]. Для этого каждому крестьянину давалось в обработку по полдёнюма земли (т. е. около 469 *кв. м*), которая никем не обрабатывалась. Если необрабатываемой земли в том районе, где жили крестьяне, не было, то они должны были взять такой же участок в аренду. На этой площади нужно было посадить, вырастить и собрать зерно, а затем сдать его для продажи советам старейшин деревни, где жили крестьяне. Зерно доставлялось в центры каза и там продавалось с торгов под контролем местных административных советов. Вырученные от продажи зерна деньги поступали в фонды касс, которые находились в ведении особых чиновников — кятибов; контроль над кятибами осуществлялся двумя выборными местными торговцами — мусульманином и христианином. В базарные дни крестьянам, имевшим удостоверения советов старейшин своих деревень, в которых подтверждалось их участие в составлении капитала кассы, давались ссуды до 1 тыс. курушей на срок от трех месяцев до года из расчета 1% в месяц. Третья часть суммы, составившейся из процентов, поступивших в фонд касс, по уставу должна была идти на благоустройство вилайета. За три года существования касс в Болгарии их общий капитал возрос со 100 тыс. до 300 тыс. лир [25].

Чорбаджии, которые вначале пытались помешать созданию сельскохозяйственных касс, так как чаще всего сами были ростовщиками, впоследствии сумели воспользоваться

---

[21] B. S. Baykal, Midhat Paşa. Siyasi ve idari şahsiyeti, Ankara, 1964, стр. 33.

[22] Yüz yıllık teşkilâtlı zirai kredi, стр. 97.

[23] Там же, стр. 98.

[24] Там же, стр. 101—102.

[25] Мидхат-паша, его политическая жизнь..., стр. 29—30; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2182б, лл. 90—91.

ими. Они добивались получения ссуд и затем отдавали их крестьянам под 18 и 20% в год [26].

Несмотря на то что при организации касс большие суммы осели в карманах турецких чиновников [27], было бы ошибочным утверждать, что кассы не принесли никакой пользы болгарскому крестьянству, так как их существование в некоторой степени позволило уменьшить гнет ростовщичества. Сельскохозяйственные кассы Мидхат-паши облегчили положение значительной части болгарского крестьянства. Деятельность кредитных касс стимулировала рост производительных сил в сельском хозяйстве, увеличила его товарность, способствовала процессу развития капиталистических отношений в Болгарии.

В целях стимулирования сельскохозяйственного производства Мидхат-паша создал в окрестностях Рущука образцовое хозяйство — чифтлик, в котором применялись машины, выписанные им из Европы [28].

Мидхат-паша явился основателем общества по перевозке пассажиров дилижансами, а также судоходной компании на Дунае, для нужд которых им были основаны фабрики по производству транспортных средств [29]. Известно, что он основал в Рущуке суконную фабрику, заказав для нее оборудование в Европе [30]. Мидхат поддержал местных промышленников, выступавших против потребления иностранных товаров [31], очевидно понимая их губительное воздействие на развитие местной промышленности. Любопытно отметить также, что в речи на открытии Общего совета вилайета он выразил сожаление, что в вилайете еще недостаточно развита частная инициатива [32]. Это свидетельствует о том, что Мидхат-паша в некоторой мере пытался оживить и промышленное производство в крае.

По инициативе Мидхат-паши в Болгарии были открыты воспитательные дома по типу созданного им еще в Нише ремесленного училища. Здесь детей-сирот обучали какому-либо ремеслу или специальности, что позволяло им затем работать на местных предприятиях. В этих ремесленных учили-

---

[26] А. Н. Мошенин, При-Дунайская Болгария,— «Славянский сборник», т. II, СПб., 1877, стр. 372.

[27] А. А. Попова, Национально-освободительная борьба болгарского народа в 60-х годах XIX в.,— «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 58.

[28] Мидхат-паша, его политическая жизнь..., стр. 40.

[29] Там же, стр. 32—33; A. H. Midhat, Midhat Pacha, sa vie, son œvre, Paris, 1908, стр. 7.

[30] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. VII, Ankara, 1956, стр. 211; A. H. Yücebaş, Midhat Paşa, 1944, стр. 71.

[31] Д. Косев, Новая история Болгарии, стр. 235.

[32] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2182б, л. 94.

щах воспитывались совместно христиане и мусульмане[33]. Создание ремесленных училищ отчасти объяснялось стремлением Мидхата иметь в вилайете контингент квалифицированной рабочей силы. Подобные учебные заведения стали впоследствии появляться и в других городах страны. Мидхат-паше принадлежит также инициатива создания ремесленного училища для девочек при рущукской фабрике по производству тканей для нужд армии[34].

Проведение закона 1864 г. в жизнь и мероприятия Мидхата требовали огромных средств, которых турецкое правительство вовсе не желало выделять. Это привело к тому, что в Болгарии в годы губернаторства Мидхата налоговое бремя значительно возросло, что никак не могло способствовать процветанию провинции, к которому стремился Мидхат[35].

В Дунайском вилайете наметилась политика Мидхат-паши, направленная на смягчение или, вернее, на затушевывание противоречий между господствующей турецкой народностью и другими, отличными от нее по своей религиозной и национальной принадлежности народностями и складывающимися нациями Османской империи. Именно здесь Мидхат-паша начал закладывать основы политики «османизации», стремясь создать некую единую «нацию», в которую бы на равных правах вошли все народы империи независимо от религиозной и национальной принадлежности. Важным средством на пути достижения этой цели (по существу утопической) он считал совместное обучение в школах мусульманских и немусульманских детей, что вызвало всеобщее недовольство: немусульманские общины усмотрели в этом нарушение своей издавна сложившейся автономии в делах просвещения, а мусульманское духовенство — угрозу своему духовному господству над турецкой частью населения.

Программа организации новой системы образования в Дунайском вилайете, предложенная Мидхатом, включала предложение ликвидировать главные христианские училища, содержавшиеся за счет общин, и создать вместо них смешанные училища, в которых могли бы учиться дети как мусульман, так и христиан. Доходы, ранее собиравшиеся общинами в пользу своих школ, должны были поступать в специальную правительственную кассу для содержания смешанных школ. Недостающие средства должны были быть собраны за счет увеличения существующих налогов, а также введения новых.

Летом 1865 г. жителям Тырново было отдано распоряжение построить училище в месте, находящемся на равном рас-

[33] Мидхат-паша, его политическая жизнь..., стр. 33.
[34] O. Ergin, Türkiye maarif tarihi, Istanbul, 1970, c. II, стр. 572.
[35] Мидхат-паша, его политическая жизнь..., стр. 27.

стоянии от христианского и мусульманского кварталов. При этом было приказано закрыть местное главное народное училище и передать средства, собиравшиеся на его содержание, местным властям.

Христианская община воспротивилась закрытию своего училища. На собрании всей общины было решено не допустить этого. В результате Мидхат-паша вынужден был на время отказаться от своего плана [36].

В 1866 г. Мидхат-паша вновь предпринял попытку создать смешанные училища, но опять потерпел неудачу. Члены административного совета, на котором Мидхат выступил со своим предложением, отнеслись к нему отрицательно. По мнению немусульман, организацией смешанных училищ правительство стремилось к «уничтожению самостоятельного характера христианских общин и ослаблению по возможности народных и религиозных чувствований в молодом поколении» [37]. Вместе с тем ряд членов совета из числа болгар высказались за открытие смешанных училищ [38].

Отрицательное в большинстве случаев отношение болгар к проекту Мидхата объясняется еще и тем, что именно в этот период в Болгарии развернулось движение за создание автокефальной церкви. Это движение, как отмечалось выше, было одной из форм общей борьбы болгар за национальное освобождение. Организация смешанных училищ означала угрозу турецкого засилья в той сфере деятельности, которая издавна находилась в компетенции самих болгар, хотя бы и через греческую общину. Именно потому, что Мидхат-паша прекрасно понимал, к каким последствиям для Османской империи может привести независимость болгар от греческого духовенства, их полная автономия в делах просвещения и культуры, он всячески поддерживал греческую духовную верхушку в Болгарии, в частности митрополита Паисия, ненавидимого болгарами за его протурецкую политику [39].

Созданием смешанных училищ Мидхат преследовал и другую цель. Поскольку в болгарских национальных школах преподавание стояло на гораздо более высоком уровне, чем в соответствующих мусульманских учебных заведениях, смешанные училища могли несколько поднять общий уровень образования в среде самих турок. Мидхат-паша прекрасно понимал необходимость создания эффективной системы обу-

---

[36] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2182б, лл. 24—26.
[37] Там же, лл. 26—27.
[38] Там же, д. 1650, л. 36.
[39] Там же, д. 1650, л. 36; В. Паскалева, Прусия—Германия и българският въпрос през третата четвърт на XIX в.,— «Исторически преглед», XXIX, кн. 5, 1973, стр. 48.

чения. Его перу принадлежит представленная в министерство просвещения докладная записка, в которой доказывалась важность проведения в жизнь программы всеобщего начального образования. В той же записке Мидхат-паша предлагал расширить круг светских дисциплин, которые преподавались в школах рюштийе, и ввести преподавание иностранных языков[40]. Видимо, в связи с составлением этой записки Намык Кемаль интересовался организацией провинциальных школ во Франции и посылал соответствующие сведения секретарю административного совета в Рущуке[41].

Проект создания смешанных училищ не получил одобрения турецкого правительства. По Органическому закону о народном образовании 1869 г. не предусматривалось открытия смешанных начальных школ. Правительство, вероятно, было напугано кампанией, поднятой против создания смешанных школ в болгарских газетах, выходивших в Стамбуле[42]. Большую роль сыграла в этом и оппозиция мусульманского духовенства.

Мидхат-паше принадлежит еще одна важная инициатива, которую следует особо отметить. Речь идет о создании в Рущуке типографии и первой в Турции провинциальной газеты «Туна» («Дунай»), которая выходила раз в неделю на болгарском и турецком языках[43]. По мнению Мидхата, газета должна была морально воспитывать массы и способствовать развитию их культуры[44]. В рущукской типографии Мидхат-паша предлагал издавать книги, которые раньше ввозились из-за границы, что, по его мнению, должно было уменьшить цены на них и способствовать тем самым их более широкому распространению. В газете «Туна» начал свою литературную деятельность известный турецкий писатель Ахмед Мидхат, которому покровительствовал губернатор[45].

Создание типографии преследовало, однако, не только просветительские цели. В Рущуке начали издаваться учебники и книги, которые до этого ввозились в большом числе из России. Таким образом, мы видим попытку ослабить русско-болгарские связи, в которых Мидхат-паша усматривал угрозу целостности страны. Стараясь всячески подчеркнуть эту целостность, незыблемость турецкой власти в Болгарии, Мид-

---

[40] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции, М., 1965, стр. 35.

[41] R. Davison, Reform in the Ottoman Empire, 1856—1876, Princeton, 1963, стр. 154—155.

[42] Д. Косев, Новая история Болгарии, стр. 465.

[43] B. S. Baykal, Midhat Paşa..., стр. 33.

[44] Там же, стр. 33; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2182б, л. 92.

[45] R. H. Davison, Reform in the Ottoman Empire..., стр. 153—154.

хат-паша печатал в своей типографии священные книги для болгарских церквей, где на первой странице помещалась молитва во имя турецкого султана [46].

Оценивая политику Мидхат-паши в Болгарии в 60-х годах XIX в., в целом необходимо отметить, что она отвечала стремлениям чорбаджийской прослойки болгарской буржуазии, выступавшей за сохранение турецкого господства в этой провинции Османской империи. Жизненных интересов основной массы болгарского населения эта политика не отражала, несмотря на то что некоторые мероприятия Мидхат-паши носили прогрессивный характер. Объективно способствуя развитию в Болгарии капиталистических отношений, она усиливала национально-освободительное движение болгарского народа, направленное против османского феодально-клерикального строя. В. И. Ленин писал, характеризуя буржуазно-демократические национальные движения в странах Востока: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе... Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения» [47].

[46] B. S. Baykal, Midhat Paşa..., стр. 20.

[47] В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение,— Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 258—259.

А. В. Витол

ТУРЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ НА БЕРЛИНСКОМ КОНГРЕССЕ (1878 г.)

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. закончилась поражением Турции. 3 марта (19 февраля ст. ст.) 1878 г. в местечке Сан-Стефано под Стамбулом был заключен прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией на весьма тяжелых для побежденной Турции условиях. Главным в нем было создание обширного Болгарского княжества. Договор предусматривал переход под власть России ряда территорий в Малой Азии с городами Ардаганом, Карсом, Батумом и Баязидом, выплату Турцией 310 млн. руб. контрибуции и т. д.[1].

Турецкий историк Ахмет Селахаттин писал: «Не приходилось заблуждаться: Сан-Стефанский договор означал конец существования Турции»[2]. Конечно, такое заявление не соответствовало действительности, потому что только на Европейском материке за Турцией оставались Фракия, Эпир, Фессалия, Албания, Босния и Герцеговина. А главное, в Европе были по крайней мере две державы — Англия и Австро-Венгрия, твердо решившие не допустить, чтобы Россия воспользовалась плодами своей победы. Еще 15 февраля 1878 г. эскадра английского адмирала Хорнби без разрешения султана прошла Дарданеллы и бросила якорь у Принцевых островов, с тем чтобы предупредить вступление русских войск в Стамбул. В это же время Австро-Венгрия сосредоточивала свои войска на границах Боснии и Сербии. Россия была не в состоянии начинать войну с европейскими державами за сохранение результатов русско-турецкой войны: силы ее были ис-

---

[1] О Сан-Стефанском договоре подробнее см.: С. С. Татищев, Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. 2, СПб., 1903, стр. 465—466.

[2] A. Selâhattin, Külliyat-i hukuk ve siyasetten birinci kitab. Berlin Kongresinin diplomasi tarihine bir nazar, İstanbul, 1327 (1911—1912) (араб. шр.), стр. 103.

тощены, финансы сильно расстроены, в стране шло революционное брожение. По этой причине Сан-Стефанский договор получил название «прелиминарного», т. е. предварительного. Царское правительство рассчитывало заключить с турками мир, а затем защитить мирный договор на международной конференции. Оно надеялось при поддержке Германии отколоть от Англии Австро-Венгрию ценой незначительных уступок и таким способом избежать новой войны (без коалиции с Австро-Венгрией Англия не стала бы воевать), обеспечив интересы России мирным путем. Что касается побежденной Турции, то ее армия находилась в расстроенном состоянии и ожидать вооруженного выступления с ее стороны пока не приходилось.

Австро-Венгрия выступила с предложением созвать в своей столице общеевропейскую конференцию для решения спорных вопросов, вытекавших из положения, создавшегося в результате русско-турецкой войны. Однако Россия не хотела допустить, чтобы конгресс заседал под председательством графа Андраши[3] и чтобы значение «Вены и Венгрии в такой степени возвысилось в глазах славян и Турции убеждением, что судьба их тут будет решаться окончательно»[4]. Министр иностранных дел России А. М. Горчаков не согласился на проведение конференции в Вене и обратился за посредничеством к Бисмарку, но германский канцлер заявил, что не станет жертвовать традиционной, в течение нескольких поколений испытанной дружбой с Россией и Австро-Венгрией ради неблагодарной роли третейского судьи в таком вопросе и должен ограничиться ролью «честного маклера». Другими словами, Бисмарк устранился от активной поддержки русского правительства. В конце марта 1878 г. в Вену был послан русский дипломат Н. П. Игнатьев с целью договориться с правительством Австро-Венгрии. Если бы это удалось, Англия оказалась бы изолированной на предстоящем конгрессе. Однако австро-венгерское правительство предъявило России требования, далеко выходившие за рамки соглашения, установленного в январе 1877 г. Будапештской конвенцией: Австро-Венгрия претендовала не только на Боснию и Герцеговину, но и желала получить в той или иной форме политический и экономический контроль над всей западной частью Балканского полуострова. Соглашение на такой основе представлялось русскому правительству неприемлемым. Игнатьев уехал, не достигнув договоренности.

Премьер-министр Англии лорд Биконсфилд (Дизраэли) в

[3] Крупнейший политический деятель Австро-Венгрии, министр иностранных дел в 1871—1879 гг.

[4] Н. П. Игнатьев, После Сан-Стефано, Пг., 1916, стр. 5.

эту решающую минуту понял свою тактическую задачу. Необходимо было внушить царскому правительству, что Англия готова воевать даже в одиночку (без союза с Австро-Венгрией), если Россия не пойдет на уступки и не изменит некоторые статьи Сан-Стефанского договора. Биконсфилд распорядился начать демонстративные военные приготовления. В знак протеста против этих мероприятий в отставку ушел министр иностранный дел лорд Дерби, сторонник осторожной политики. Его преемником стал лорд Солсбери, выступавший за соглашение с Россией, но считавший, что ее надо предварительно как следует запугать[5]. Новый министр не замедлил опубликовать циркуляр, в котором утверждалось, что выполнение Сан-Стефанского договора повлечет за собой полное уничтожение Россией политической независимости Турции. Англия не может допустить, заявлял Солсбери, чтобы турецкое правительство находилось под давлением державы, посягающей на независимость Турции и подвергающей постоянной опасности само ее существование. Выступления Солсбери побудили русского посла в Лондоне П. А. Шувалова запросить нового министра: каких изменений Сан-Стефанского договора добивается английское правительство? Результатом этого запроса явились секретные переговоры Шувалова с Солсбери. Переговоры велись без протоколов, для сохранения секретности Шувалов сам поехал в Петербург за инструкциями. На пути в Петербург и затем на обратном пути в Лондон Шувалов нанес визиты Бисмарку, который к нему очень благоволил, и получил его согласие на созыв конгресса в Берлине.

Переговоры в Лондоне закончились 30 мая 1878 г. подписанием англо-русского соглашения. Свое согласие участвовать в работе конгресса (т. е. не начинать войны) Англия оговорила следующими условиями: Болгарское княжество должно быть сокращено на две трети, отделено от Эгейского моря и ограничено пределами Балкан; значительная часть Болгарии вновь перейдет под непосредственную власть султана; Порта должна взять обязательство о проведении реформ в Армении не только перед Россией, но и перед Англией. Сумма военной контрибуции, возложенной на Турцию, оставалась прежней — 1410 млн. руб., из которых 1100 млн. считались уплаченными за уступку России ряда территорий. Остаток в 310 млн. руб. по условиям англо-русского соглашения не мог быть заменен территориальными уступками, а турецкий долг не мог выплачиваться России в ущерб правам Англии, давно уже являющейся кредитором Порты. В Азии Россия отказывалась от Алашкертской долины и от г. Баязида. В свою очередь, Ан-

---

[5] История дипломатии, т. 2, М., 1963, стр. 128.

глия, хотя и не одобряла возвращения Бессарабии царю, все же заявила, что не будет считать его за casus belli. Некоторые вопросы (о территории Болгарии, о длительности русской оккупации Болгарии, о судоходстве по Дунаю) предполагалось вынести на обсуждение конгресса. Англо-русское соглашение от 30 мая сокращало более чем наполовину все те выгоды, которые предоставлял России Сан-Стефанский договор. Тем не менее согласие Англии на переход в русское владение Батума и Карса вызвало удивление не только Бисмарка (об условиях соглашения ему сообщил Шувалов), но и Александра II. Царь выразил сомнение по поводу заключенного соглашения: «Что касается Карса, Батума и так далее, я ничему не верю. Когда дело дойдет до подписания соглашения, англичане откажутся от этого. Одним словом, они нас обманывают»[6]. Однако Англия не отказалась от своих уступок России. Дело заключалось в том, что английская дипломатия добилась «уступки» Турцией Англии о-ва Кипр.

Англия уже давно стремилась сделать на Востоке ряд территориальных приобретений. Английские притязания на турецкие острова в восточной части Средиземного моря стали известны Н. П. Игнатьеву во время его беседы с лордом Биконсфилдом весной 1877 г., о чем Игнатьев сообщил Горчакову[7]. Во время русско-турецкой войны английское правительство дважды предлагало Порте продать некоторые территории Османской империи, причем оба раза в числе объектов фигурировал о-в Кипр. Первый раз закулисные переговоры велись летом 1877 г., но закончились безрезультатно. В ноябре 1877 г., когда Турция испытывала острый финансовый кризис и было очевидно, что она не сможет долго сопротивляться России, Биконсфилд вновь предложил ей продать ряд территорий. Цель Биконсфилда была ясна: под видом «покупки» Англия захватывала ряд важных в стратегическом отношении территорий, а английская финансовая поддержка позволяла Турции продолжать войну с Россией. Турецкое правительство отвергло и это предложение, заявив, что султан не может продать какую-либо часть своего государства, потому что другие державы потребуют соответствующей компенсации.

Подписание русско-турецкого перемирия, а затем мира затруднило проведение захвата Дарданелл под видом помощи Турции, что также входило в планы Англии. Тем настойчивее она стремилась закрепиться в Восточном Средиземноморье.

---

[6] П. А. Шувалов, О Берлинском конгрессе 1878 года,— «Красный архив», 1933, № 4 (59), стр. 96, 98.

[7] Поездка графа Игнатьева по европейским странам перед войной 1877—78 гг.,— «Русская старина», т. 159, июль 1914.

8 марта 1878 г. английское правительство приняло решение, имевшее важное значение для всей его дальнейшей политики. «Кабинет решил,—говорилось в постановлении, принятом правительством, — что после пересмотра мирного договора, заключенного между Россией и Турцией на международной конференции или, если она не состоится, помимо нее должна быть приобретена новая морская станция в Восточном Средиземноморье для компенсации британских интересов и, в случае необходимости, путем применения силы»[8]. 12 апреля 1878 г. был отдан приказ о переброске семитысячного отряда англо-индийских войск на о-в Мальту в качестве подготовительной меры для захвата Кипра.

24 мая того же года Англия предъявила Турции требования, которые нельзя оценить иначе, как ультиматум. Заявление английского правительства начиналось словами: «Османские армии потерпели поражение. Османское правительство в безвыходном положении». Далее говорилось, что Англия надеется изменить некоторые статьи Сан-Стефанского договора, затрагивающие интересы Европы и Англии на Балканах. Однако эти изменения не устраняют «русскую опасность» для Османской империи в Азии. Пояснялось, что под этой опасностью следует понимать возможность восстания подвластных Османской империи народов Анатолии, Сирии и Ирака, подстрекаемых Россией. «Русская опасность» усиливается в связи с передачей России Карса, Ардагана и Батума. В заявлении утверждалось, что, поскольку слабость Османской империи теперь очевидна, подвластные ей народы покинут государство, находящееся в упадке, и будут искать другое руководство (т. е. начнут ориентироваться на Россию), «а это будет означать конец Османской империи». Подведя к такому заключению, английское правительство подсказывало Турции выход из опасного положения «для продолжения османского владычества в Азии»: «союзническая гарантия державы, способной силой оружия воспрепятствовать русской агрессии в Азии». Англия готова была предоставить такую гарантию на следующих двух условиях: «1. Турецкое правительство дает официальную гарантию проведения реформы среди христиан и других подданных Османской империи. 2. Для того чтобы Англия могла выполнить свое обещание, ей передается территория, расположенная вблизи Сирии или берегов Анатолии. Англия считает пригодным и достаточным для этой цели остров Кипр». Англия заверяла турецкое правительство, что Кипр по-прежнему будет принадлежать Турции, что на-

---

[8] Цит. по: Г. Н. Реутов, Из истории захвата Кипра Англией,— «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 141.

логи с острова будут поступать в турецкую казну, а использоваться Англией он будет только в военных и стратегических целях. Если Россия возвратит Турции Карс, Ардаган, Батум и другие оккупированные территории, «Англия уйдет с Кипра» [9].

Английский посол ознакомил с этим заявлением морского министра Саид-пашу и добавил, что, если предложение английского правительства о заключении англо-турецкого оборонительного договора будет принято, Англия обещает поддержать Турцию на будущих переговорах в Берлине; в противном же случае Англия отказывается от поддержки турецкого правительства. На последовавшей затем аудиенции у Абдул Хамида II английский посол потребовал ответа на предложение своего правительства в течение 48 часов. Это предложение не было представлено на рассмотрение совету министров, так как должно было содержаться в строгой тайне: кроме названных лиц о нем знали лишь великий везир Садык-паша и министр просвещения Мюниф-эфенди. Об английском предложении не был поначалу поставлен в известность даже министр иностранных дел Саффет-паша [10].

Перед Абдул Хамидом II стояла трудная задача. С одной стороны, передача Англии о-ва Кипр была бы для побежденной Турции новым тяжелым ударом. С другой стороны, внутреннее и внешнеполитическое состояние Турции в тот момент было весьма сложным. Ослабленная войной страна находилась в изоляции на международной арене. Поражение привело к росту недовольства внутри страны: 20 мая 1878 г. произошел так называемый Чераганский инцидент — попытка низложить султана [11]. Попытка не удалась, но Абдул Хамид был сильно напуган. Русские войска стояли под Стамбулом, надежда на изменение тяжелейшего Сан-Стефанского договора могла осуществиться только с помощью Англии. В таких условиях Турция не могла сопротивляться английским требованиям, Абдул Хамид II дал положительный ответ британскому правительству, и 4 июня 1878 г. англо-турецкий оборонительный договор (или Кипрская конвенция) был подписан. 6 июля 1878 г. султан ратифицировал англо-турецкий договор (по требованию английского правительства ферман о ратификации был датирован 1 июля 1878 г.). В тот же день главнокомандующему английской средиземноморской эскадрой Джо-

---

[9] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. 8, Ankara, 1962, стр. 71—72; см. также: R. Ekrem, Osmanlı muahedeleri ve kapitülâsyonlar, İstanbul, 1934, стр. 224.

[10] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, стр. 73.

[11] Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение, М., 1971, стр. 98—99.

ну Хею был отдан приказ направить свои корабли к о-ву Кипр. Первые контингенты английских войск высадились на Кипре 11 июля 1878 г. Английское правительство, опасавшееся противодействия Франции, добилось своего: издание фирмана и занятие Кипра были произведены почти одновременно.

8 июля 1878 г. содержание англо-турецкого договора было объявлено английскому парламенту. Консервативная пресса и колониальные круги Англии одобрили договор. 10 июля 1878 г. газета «Таймс» писала, что Кипр явится «превосходной морской базой, которая будет служить условием защиты Суэцкого канала, обезопасит второй путь в Индию и предоставит Англии необходимый авторитет в отношениях с Портой»[12].

Таким образом, еще до начала Берлинского конгресса Англия обеспечила себе приобретение Кипра — плацдарма для предстоящего захвата Египта.

3 июня 1878 г. от имени Бисмарка были разосланы официальные приглашения державам — участницам Парижского конгресса 1856 г. и Лондонского совещания 1871 г.: России, Турции, Англии, Австро-Венгрии, Франции и Италии.

Россию представляли А. М. Горчаков, П. А. Шувалов и посол в Берлине барон Убри. Английской делегацией руководил премьер-министр Англии лорд Биконсфилд. Вторым и третьим уполномоченными были лорд Солсбери и посол в Берлине Одо Рассел. Французскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Уильям Генри Ваддингтон. Секретарем конгресса Бисмарк назначил известного дипломата Радовица, которому он очень доверял.

От Турции на конгресс приехала многочисленная делегация. Главным уполномоченным был назначен министр общественных работ Александр Каратеодори-паша (принц Александр). Каратеодори-паша, происходивший из семьи греческого врача, родился в 1833 г. в Стамбуле. Он был последовательно секретарем посольства, помощником министра иностранных дел, посланником Порты при римском дворе. После конгресса Каратеодори несколько месяцев (с декабря 1878 по июль 1879 г.) был министром иностранных дел. Историки отмечают образованность Каратеодори-паши, его такт и умение завоевывать симпатии окружающих[13]. «Во всяком случае,— пишет Радовиц,— Каратеодори был одним из лучших и достойных уважения высших чиновников, которые служи-

---

[12] Цит. по: Г. Н. Реутов, Из истории захвата Кипра Англией, стр. 150.

[13] B. H. Sumner, Russia and the Balkans, 1870—1880, Oxford, 1937, стр. 509.

ли Порте в наше время»[14]. Однако в Берлине Каратеодори-паша мало что мог сделать для облегчения участи Турции; он был связан многочисленными запретами и инструкциями из Стамбула, а главное — самой обстановкой конгресса, когда никто не собирался обращать внимания на турецких делегатов.

Какие цели преследовала Порта, поручая пост руководителя турецкой делегации не министру иностранных дел и вдобавок христианину? Турецкий историк Карал полагает, что христианина Каратеодори назначили в Берлин с целью «произвести на конгресс психологическое воздействие»; он отмечает, что достигнуть этого не удалось[15]. Более вероятным представляется суждение Радовица, который считает, что Порта предназначила Каратеодори для выполнения такой неблагодарной работы, как участие в конгрессе, для того, чтобы потом было «удобнее взвалить на него ответственность за все неприятное»[16].

Вторым турецким представителем был посол в Берлине Садулла-бей. В дипломаты Садулла-бей попал только благодаря дворцовым интригам и никакой роли ни в посольстве, ни в делегации не играл. Вскоре после конгресса он скоропостижно скончался[17]. Самым неудачным было назначение третьим турецким уполномоченным генерала Мехмеда Али-паши. В Стамбуле надеялись, что благодаря своему германскому происхождению Мехмед Али-паша будет особенно цениться в Берлине и, следовательно, сможет сделать что-нибудь полезное для Турции. Но именно германское происхождение было причиной того, что Мехмеда Али-пашу третировали как человека второго сорта. Дело заключалось в следующем. Мехмед Али-паша родился в Магдебурге. В 1843 г. он бежал в Стамбул с немецкого корабля, где служил юнгой, и принял мусульманскую веру. Воспитывался он в доме Али-паши, знаменитого сановника Османской империи, под чьим покровительством быстро сделал карьеру. Во время русско-турецкой войны он достиг высоких военных постов и считался талантливым военачальником. Однако могло ли блестящее общество, собравшееся на конгрессе, хорошо отнестись к дезертиру с прусской службы? Конечно, нет.

---

[14] Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz 2 Bd, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 31 (далее — Radovitz, Erinnerungen).

[15] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, стр. 74.

[16] Radowitz, Erinnerungen, стр. 31.

[17] Там же: «Он был ничтожеством, пришедшим на свой пост по протекции дворца... Позже он скончался от слишком обильного употребления алкоголя».

Кроме трех главных турецких представителей в Берлин прибыл из Турции целый штаб из 14 секретарей и военных консультантов. Среди этого персонала были Этьен Каратеодори — будущий посланник Порты в Бельгии, Парнис-эфенди — юрисконсульт Порты, Наум-эфенди — будущий губернатор Ливана. Турецкие делегаты приехали на конгресс со следующими устными инструкциями, полученными от султана и от правительства: добиться оставления за Османской империей крепости Варны и оборонительной линии на Балканах; воспрепятствовать расширению Сербии и Черногории в сторону Албании; обеспечить возвращение Османской империи Баязида и долины Алашкерта, а также отстаивать Батум; освободить Османскую империю от денежного возмещения России, т. е. от контрибуции[18]. В вопросе о Болгарии турецкие представители надеялись на помощь Англии. С английской делегацией у турок установились довольно тесные отношения. Английские делегаты ознакомили турецких представителей с общим содержанием англо-русского соглашения от 30 мая 1878 г., но не сообщили им о Кипрской конвенции от 4 июня, о которой турецкие делегаты были информированы своим правительством только 4 июля 1878 г.[19].

Положение турецкой делегации Бисмарк достаточно полно обрисовал Каратеодори-паше во время их первой встречи (еще до открытия конгресса): «Я не хочу скрывать от вас положение: не обманывайте себя, полагая, что конгресс собрался ради Османской империи. Если бы Сан-Стефанский договор не содержал некоторых статей, которые затрагивают интересы Европы, то его оставили бы без изменений. При решении имеющихся трудностей некоторые статьи, вышеупомянутого договора будут, конечно, сильно изменены. Из этого извлеките для себя выгоду, однако, если вы захотите пойти дальше, вы не сможете добиться никакого успеха. Еще раз вам повторяю, что конгресс собрался не ради Османской империи. Если из-за упорства Османской империи возникнет война, то для вашей страны не может быть более пагубного события... нет сомнения в том, что причиной гибели Турции будет желание понесших убытки стран возместить свои потери за ее счет»[20]. Поведение Бисмарка на конгрессе соответствовало тону сделанного им заявления: он резко обрывал турецких делегатов и заставлял их молчать при любом признаке недовольства с их стороны. Особенно доставалось Мехмеду Али-паше: «Бисмарк обращался с ним с ужасной

[18] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, c. 2, Ankara, 1957, стр. 63—64.

[19] B. H. Sumner, Russia and the Balkans..., стр. 510.

[20] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, c. 2, стр. 65.

грубостью»[21]. Когда Каратеодори-паша на одном из заседаний конгресса воздержался от голосования по вопросу о присоединении г. Враньи к Сербии, Бисмарк устроил ему такой унизительный выговор: «Вы только что уклонились от голосования по вопросу о Вранье. Вы полагаете, что конгресс — это Порта Вы не должны затруднять принятие решений, за которые высказались державы»[22].

Делегаты от России, конечно, тоже не очень жаловали только что побежденных турок, нашедших себе европейских покровителей. Русские представители были искренне возмущены, когда вечером 13 июня на приеме у германского кронпринца их место оказалось рядом с турками и чуть ли не в самом конце зала. Они успокоились только тогда, когда узнали, что уполномоченные размещены в алфавитном порядке по названиям представляемых ими государств (по французскому алфавиту)[23]. Или, например, 16 июня к Шувалову приехали Каратеодори-паша и Мехмед Али-паша, но Шувалов отказался их принять[24].

Немногим лучше относились к туркам и англичане, обязанные по условиям англо-турецкого соглашения защищать интересы Порты. Лорд Биконсфилд, рассердившись по поводу неуступчивости турок в вопросе о передаче Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии, сделал им резкий выговор, обвиняя их в непонимании обстановки конгресса и собственной выгоды[25].

Турецким представителям посочувствовал только Ваддингтон. В частной беседе он сказал туркам: «Вы выглядите очень опечаленными, вы правы, я вам сочувствую, но сделать что-либо не в моей власти»[26]. «Одним словом,— пишет турецкий историк А. Ф. Тюркгельди,— хотя Османская империя с большими надеждами приняла участие в конгрессе, она не видела добра и пользы ни от друзей, ни от врагов»[27]. Турецкому правительству и султану и не следовало обольщаться насчет надежд на «спасение Турции» на конгрессе, о чем сразу предупредил Каратеодори-пашу Бисмарк. Помощь же английских друзей Турции, еще до начала конгресса обеспечивших себе получение о-ва Кипр, была оказана в таких вопросах, где интересы Англии и России прямо противоречили друг другу.

---

[21] Там же; B. H. Sumner, Russia and the Balkans..., стр. 510.
[22] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, c. 2, стр. 65.
[23] Берлинский конгресс 1878 г. Дневник, веденный на месте Анучиным,— «Русская старина», 1912, февраль, стр. 234—235.
[24] Там же.
[25] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, c. 2, стр. 65.
[26] Там же.
[27] Там же.

Можно сказать, что Англия лишь в той степени была другом Турции, в какой она была врагом России.

К 12 июня в Берлин собрались представители всех приглашенных держав. 13 июня, в четверг, в 2 часа дня, конгресс начал свою работу. Председателем избрали Бисмарка. Во вступительной речи Бисмарк заявил, что, так как постановления Сан-Стефанского договора в некоторых статьях изменяют порядок вещей, установленный прежними европейскими договорами, представители держав собрались здесь, чтобы подвергнуть Сан-Стефанский договор свободному обсуждению кабинетов, подписавших трактаты 1856 и 1871 гг.

После выступления Бисмарка конгресс должен был перейти к обсуждению статей Сан-Стефанского договора о Болгарии. Однако слово взял Биконсфилд и в запальчивой речи потребовал немедленного отвода русских войск от Босфора, чем едва не вызвал прекращения работы конгресса. Горчаков возразил Биконсфилду, что единственная цель русского императора — обеспечить самостоятельное существование христианских подданных Порты. Шувалов добавил, что за три месяца пребывания русских войск вблизи турецкой столицы не произошло никаких столкновений, тогда как отступление войск может служить сигналом к серьезным беспорядкам. Бисмарк заявил, что этот вопрос уполномоченные Англии и России должны решить в частных заседаниях и конгресс выступит в качестве посредника между ними только в том случае, если им не удастся прийти к соглашению. Конечно, Бисмарку было невыгодно, чтобы созванный им конгресс, на котором он председательствовал, потерпел неудачу. Поэтому в критические моменты он не останавливался перед принятием решительных мер, причем больше всего доставалось турецким делегатам, находившими «мужество для согласия с некоторыми решениями конгресса только под давлением авторитета Бисмарка»[28].

После первого заседания Бисмарк с помощью Радовица подготовил следующее предложение, на случай если англичане вновь возбудили бы вопрос об отводе русских войск: Россия отводит свои войска из района между Константинополем и Адрианополем, турки очищают Шумлу и Варну, а Англия отзывает свой флот из Мраморного моря[29]. Беспокойство Бисмарка оказалось несколько преувеличенным: вопрос о положении русской армии под Константинополем больше не возбуждался на заседаниях, и до конца конгресса как русские войска, так и английская эскадра не покидали занятых ими позиций.

---

[28] Radowitz, Erinnerungen, стр. 40.
[29] B. H. Sumner, Russia and the Balkans..., стр. 515—516.

Итак, первое же заседание конгресса обнаружило глубину англо-русских противоречий. Дальнейшему осложнению обстановки послужило опубликование в лондонской газете «Глоб» от 15 июня тщательно скрываемого соглашения между Солсбери и Шуваловым от 30 мая 1878 г., причем текст был передан очень точно, отсутствовало лишь несколько малозначащих слов. В Англии стали обвинять Солсбери в излишней уступчивости России, слово «Батум» стало лозунгом английских шовинистов [30]. В беседе с Шуваловым Солсбери заявил, что отказывается от уступки России Батума, а так как под соглашением стоит его подпись, то он уйдет в отставку, а для нового министра иностранных дел его подпись будет необязательной. Конгресс опять-таки был на грани срыва. Шувалов спешно отправился к Бисмарку и попросил его что-нибудь предпринять. После беседы с Шуваловым Бисмарк поехал к Биконсфилду и с трудом уладил дело. Бисмарк заявил английскому премьер-министру, что отказ от выполнения соглашения от 30 мая будет делом не только России и Англии, но явится нелояльным поступком по отношению к Германии. Радовиц замечает по этому поводу: «...во всяком случае, разоблачение «Глоб» имело такое действие, как палка в колесе, и больше всех был раздосадован Бисмарк» [31].

16 июня, в воскресенье, у Шувалова состоялось совещание русских уполномоченных. Присутствовали Генерального штаба генерал-лейтенант Анучин, генерал-майор Бобриков и полковник Боголюбов, А. И. Нелидов, Убри и барон Жомини [32]. Шувалов ознакомил присутствующих с обстановкой и подчеркнул, что ему приходится защищать дело, во многом уже предрешенное безвозвратно и непоправимо, к тому же он знаком только с вопросом в целом и массы подробностей совершенно не знает. Шувалов сообщил, что на создание Болгарии в границах Сан-Стефанского договора надежды нет. По соглашению с Англией — текста Шувалов не предъявил, так как он уже был напечатан в «Глоб»,— Россия согласилась на создание Болгарии в размерах, определенных Константинопольской конференцией 1876—1877 гг.

На втором заседании конгресса, 17 июня, Солсбери потребовал включения в состав делегатов уполномоченных Греции. Представители Греции добивались участия в обсуждении вопроса о Болгарии. Греция, на территориальное увеличение которой Россия не рассчитывала, тоже хотела получить свою

---

[30] Там же.

[31] Radowitz, Erinnerungen, стр. 44.

[32] А. И. Нелидов в 1877—1878 гг.— директор дипломатической канцелярии при штабе действующей армии, в 1883—1897 гг.— посол в Турции; А. Г. Жомини — старший советник министерства иностранных дел.

долю Османской империи: она требовала Эпир, Фессалию, Крит и даже Македонию, входившую в состав Болгарии по условиям Сан-Стефанского договора. Биконсфилд проявлял к делу греков большой интерес: ему казалось правильным тактическим приемом в данный момент противопоставить их покровительствуемым Россией славянам. Англичан поддержал Ваддингтон, и на третьем заседании конгресса (19 июня) вопрос о допуске греческих делегатов был в принципе решен, правда, с оговоркой, что греки могут представить свои замечания конгрессу только тогда, когда станет обсуждаться вопрос о греческих провинциях Турции, граничащих с греческим государством, т. е. об Эпире и Фессалии. Турецкие представители, конечно, возражали против такого решения, но затем стали держаться пассивно[33]. В дальнейшем решение конгресса относительно Греции было занесено в ст. XXIV Берлинского трактата. Греция и Турция должны были сами решить вопрос об «исправлении границ»; если же они не придут к согласию, конгресс предусматривал посредничество великих держав «для облегчения переговоров»[34]. Что касается Крита, то конгресс ограничился утверждением статьи Сан-Стефанского договора о соблюдении на острове «органического устава» 1868 г.[35].

Дискуссия о Болгарии была начата на втором заседании конгресса, продолжалась на последующих пяти и закончилась только 26 июня. Болгарский вопрос был самым трудным и важным из решавшихся на конгрессе; достаточно сказать, что из 64 статей Берлинского трактата 22 посвящены Болгарии и Восточной Румелии. Обсуждение болгарского вопроса превратилось в подлинное сражение между представителями России, с одной стороны, Англии и Австро-Венгрии — с другой. На втором заседании Биконсфилд выдвинул новые предложения по Болгарии, выходящие за рамки соглашения от 30 мая 1878 г.: он настаивал на предоставлении Турции права держать свои войска в Восточной Румелии (южной части Болгарии), на включении в ее состав Софийского санджака, Варны и т. д. Русские делегаты были в затруднительном положении: идти на крупные уступки Англии без ведома царя они не решались. В Петербург был срочно отправлен полковник Боголюбов для устного сообщения о конгрессе и для получения инструкций.

Бисмарк предложил разрешать главные затруднения пу-

---

[33] R a d o w i t z, Erinnerungen, стр. 44.

[34] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составил Ф. Мартенс, т. 8, СПб., 1888, стр. 658 (далее — М а р т е н с, Собрание трактатов и конвенций).

[35] Там же, стр. 657.

тем частных соглашений между заинтересованными сторонами, т. е. чтобы представители России и Англии договаривались между собой вне заседаний конгресса. Андраши заявил, что Австро-Венгрии необходимо иметь своего представителя на таких совещаниях. Принятый по предложению Бисмарка порядок был невыгоден для России: в совещаниях трех держав Англия и Австро-Венгрия обычно выступали против нее. Была создана и специальная комиссия по разграничению, в которую от России вошли Анучин, Бобриков и Боголюбов, от Англии — капитан Симмонс и капитан Эрдаг, от Австро-Венгрии — барон фон Швегель и подполковник фон Теммель. На заседаниях комиссии большинство было не на русской стороне. Бисмарк выдвинул также принцип единогласного принятия решений. Утвержденный порядок был особенно невыгоден для турецких делегатов: он вынуждал их присоединяться к решениям остальных держав или противоречить им, на что они вряд ли могли решиться. Для России такой порядок означал обязательное вовлечение в предварительные переговоры с Англией и Австро-Венгрией и принятие компромиссных решений.

На третьем заседании конгресса решено было воздержаться от обсуждения вопроса о Болгарии: русские уполномоченные ожидали инструкций из Петербурга. Однако Биконсфилд требовал принятия его предложений немедленно. Четвертое заседание было назначено на 22 июня, а 20 июня англичане стали распространять слухи о том, что Биконсфилду по телеграфу заказан экстренный поезд из Кельна на утро 23-го (воскресенье). Биконсфилд якобы сделал такое заявление: «В воскресенье вечером я хотел бы прибыть в Лондон, в понедельник отправиться к королеве, и после этого последует объявление войны России» [36]. Но до разрыва не дошло: согласно полученным из Петербурга инструкциям, предписывавшим не доводить дело до крайности, а также благодаря вмешательству Бисмарка, склонявшего русских уполномоченных (главным образом Шувалова) к компромиссу, делегация России пошла на уступки Англии в вопросе о Болгарии.

В соответствии с окончательным решением территория Болгарии в границах, установленных Сан-Стефанским договором, была разделена на три части. Македонская часть снова становилась владением Турции, к югу от Балкан образовывалась Восточная Румелия с особым статутом, к северу от Балкан создавалось Болгарское княжество, платящее дань султану. Русским уполномоченным удалось отстоять за Бол-

---

[36] Radowitz, Erinnerungen, стр. 45.

гарией крепость-порт Варну[37]. Болгария сохранила и Софийский санджак (хотя и не целиком), что явилось большим успехом русских представителей в комиссии по разграничению, а также Шувалова, сумевшего использовать желание Австро-Венгрии отдалить южную границу Восточной Румелии от Эгейского моря. Такое постановление конгресса повергло турецких уполномоченных в отчаяние: по инструкции султана Каратеодори-паша должен был сохранить за Турцией Варну с окрестностями.

Болгарское княжество по Берлинскому трактату сокращалось со 163 тыс. до 64 тыс. *кв. км*, население — с 4 млн. до 1,5 млн. человек (по сравнению с решениями в Сан-Стефано). Организация государственного устройства Болгарии должна была проходить не под наблюдением русского комиссара, а под надзором европейской комиссии. Восточная Румелия со столицей в Филиппополе (Пловдиве) оставалась под властью султана на условиях административной автономии. Генерал-губернатор этой провинции назначался из христиан[38]. Русские уполномоченные активно выступали за ограничение прав султана на размещение и ввод войск в Восточную Румелию. По просьбе Бисмарка согласование английских (английская делегация требовала предоставить султану неограниченное право на ввод и размещение войск) и русских взглядов взял на себя Ваддингтон, составивший статьи о случаях и пределах занятия турецкими войсками Восточной Румелии. По ст. XV султану предоставлялось право на оккупацию и защиту Восточной Румелии, но внутри провинции турецкие войска находиться не могли; султан обязывался не употреблять в пограничных гарнизонах иррегулярных войск. Генерал-губернатор имел право призывать турецкие войска в случае опасности, но Порта должна была предупреждать представителей державы в Константинополе о своем решении и о причинах, его вызвавших (ст. XVI)[39].

Таким образом, права султана в Восточной Румелии были довольно сильно урезаны. Тюркгельди считает, что при решении судьбы Восточной Румелии было сделано «столько оговорок по настоянию русских, что основная цель, можно сказать, достигнута не была»[40].

---

[37] Тюркгельди сетует на то, что «даже мусульманская крепость Варна осталась у Болгарии» (A. F. Türkgeldi, Mesâil-i muhimme-i siyasiyye, стр. 69), забывая сказать, что Варна находится почти посредине Болгарии и передача этого города Османской империи в известной степени уничтожала Болгарию.

[38] Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, стр. 651.

[39] Там же, стр. 654.

[40] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, стр. 69.

По предложению делегатов Австро-Венгрии, Франции и Италии на Болгарию и Восточную Румелию было распространено действие всех торговых договоров, заключенных Турцией с иностранными державами, а также все признанные Портой права и преимущества иностранцев (капитуляции), консульская юрисдикция и покровительство консулов своим соотечественникам; никаких транзитных пошлин с товаров, провозимых через Болгарию, не должно было взиматься. Австро-Венгрия настояла на признании обязательными для Болгарии договоров Порты по вопросам строительства и эксплуатации железных дорог. Конгресс постановил, что независимо от выплаты Турции ежегодной дани Болгарское княжество должно принять на себя определенную долю Оттоманского долга [41]. Все эти постановления не встретили каких-либо возражений русских уполномоченных. Шувалов заявил, что Россия не имеет на Балканском полуострове материальных интересов, а одни только интересы нравственные [42].

На седьмом заседании конгресса, 26 июня, на обсуждение был вынесен вопрос о Боснии и Герцеговине, которые по Сан-Стефанскому договору оставались под властью султана при условии проведения в них реформ, обеспечивающих права христианского населения. «Права» на оккупацию этих областей давно добивалась Австро-Венгрия. Босния и Герцеговина были обещаны ей сначала во время рейхштадтского свидания императоров Александра II и Франца-Иосифа (8 июля 1876 г.), затем — по условиям русско-австрийской Будапештской конвенции от 15 января 1877 г.[43]. После Сан-Стефанского договора Австро-Венгрия опасалась, что Россия и на Берлинском конгрессе не поддержит передачу в австрийские руки Боснии и Герцеговины [44], поэтому англо-австрийское сближение, стараниями в основном австрийской стороны, завершилось 6 июня 1878 г. подписанием секретного соглашения между Англией и Австро-Венгрией о проведении согласованной политической линии на конгрессе. Оба правительства договорились не допускать расширения болгарской территории южнее Балканского хребта и ограничить срок русской оккупации Болгарии шестью месяцами; Англия обязывалась поддержать

[41] Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, стр. 648—656.

[42] С. С. Татищев, Император Александр II..., стр. 497—498.

[43] Русскую запись рейхштадтских переговоров см.: А. Н. Шебунин, Россия на Ближнем Востоке, Л., 1926, стр. 81—82. О Будапештской конвенции см.: С. Горяинов, Босфор и Дарданеллы, СПб., 1907, стр. 304.

[44] Сан-Стефанский договор нарушал условия Рейхштадтского соглашения и Будапештской конвенции: Россия стала на путь создания большого славянского государства (Болгария) на Балканах, Босния и Герцеговина оставались под властью султана, Сербия и Черногория получали часть территории Боснии и Герцеговины.

притязания Австро-Венгрии на Боснию[45]. До открытия конгресса (в конце мая — начале июня) австро-венгерское правительство делало попытки договориться непосредственно с Портой о получении Боснии и Герцеговины, но турецкое правительство ответило отказом. Заключение англо-турецкого соглашения от 4 июня 1878 г. вселило в турецкое правительство надежду на оставление этих областей за Турцией.

На восьмом заседании Андраши прочел пространную записку с изложением причин, по которым Австро-Венгрия больше всех других держав заинтересована в том, чтобы в двух соседних с ней провинциях Турции раз и навсегда были восстановлены спокойствие и порядок, нарушенные рядом восстаний, усмирить которые Турция не в силах и которые стоили Австро-Венгрии многих тяжелых жертв. Оставить области под властью Турции — значит обратить их в постоянный очаг волнений и смут, утверждал Андраши. После Андраши выступил Солсбери. Он подчеркнул, что нельзя допустить расширения Сербии и Черногории за счет Боснии и Герцеговины, как предусматривал Сан-Стефанский договор, так как в этом случае на всем протяжении Балканского полуострова образовалась бы сплошная цепь славянских государств, которые угрожали бы существованию других племен, населяющих полуостров (Солсбери имел в виду греков). Солсбери предложил конгрессу постановить, что Босния и Герцеговина будут заняты Австро-Венгрией и вверены ее управлению. Предложение Солсбери поддержали Бисмарк и Ваддингтон. Первый итальянский уполномоченный граф Корти попросил Андраши дать несколько дополнительных объяснений, ничем не выразив своего недовольства. Биконсфилд произнес с большим воодушевлением речь о суверенных правах султана, которые никоим образом не должны быть затронуты предложенной Австро-Венгрией помощью в пограничных провинциях. Предложение Солсбери поддержал, наконец, Горчаков. Российский канцлер заявил, что речь, в сущности, идет о защите христианского населения от векового произвола и что предложение Солсбери входит в общие намерения России, поэтому русские уполномоченные присоединяются к нему[46].

Каратеодори-паша пытался протестовать: он прочел конгрессу докладную записку, где провозглашались добрые намерения турецкого правительства относительно будущего управления христианскими провинциями, что якобы делало ненужной австрийскую помощь. Каратеодори-паша заявил, что без инструкций из Стамбула он не может подписать решение кон-

---

[45] История дипломатии, т. 2, стр. 129.
[46] С. С. Татищев, Император Александр II..., стр. 500.

гресса по Боснии и Герцеговине. Бисмарк, однако, дал понять турецким уполномоченным, что в случае согласия остальных держав протест турок не будет принят во внимание; он напомнил, что Высокая Порта не вправе жаловаться, так как ей возвратили Македонию и Болгарию. Протокол этого (восьмого) заседания турецкие уполномоченные не подписали, но ничего изменить не смогли, а через несколько дней из Стамбула пришло разрешение подписать решения конгресса по Боснии и Герцеговине. Каратеодори-паша пытался договориться по этому вопросу в частной беседе с представителями Австро-Венгрии еще на конгрессе, затем — на обратном пути, заехав в Вену, но тоже тщетно [47].

Итак, Австро-Венгрия получила право оккупировать на неопределенный срок Боснию и Герцеговину и управлять этими провинциями, которые, следовательно, лишь номинально оставались частью Османской империи. Австро-Венгрии разрешалось также содержать свои гарнизоны в Новобазарском санджаке — передовом посту в направлении Салоник [48].

Последующие заседания конгресса были посвящены в первую очередь Сербии и Черногории. Была признана независимость этих государств при условии провозглашения в них полного религиозного равенства и свободы. Значительная часть территориальных уступок, обеспеченных Сербии Сан-Стефанским договором, переносилась к востоку, т. е. их представляли за счет не Боснии, а Болгарии. Сербия получила города Пирот и Вранья в обмен на часть Новобазарского санджака, что являлось дополнительной выгодой для Австро-Венгрии и унижением для России. Во время обсуждения вопроса о Черногории Каратеодори-паша заявил, что Турция не может отказаться от албанского порта Бар (Антивари) и вообще не может допустить расширения границ Черногории в ущерб Албании. На заявление турецкой стороны Бисмарк возразил, что необходимо сохранить принципы договора в Сан-Стефано [49]. В конце концов у Черногории отобрали Спиццу, которую присоединили к Далмации (владение Австро-Венгрии), но оставили ее единственный порт Антивари. Территория Черногории сокращалась с 15 тыс. (по Сан-Стефанскому договору) до 8 тыс. *кв. км* — это было решено в частных встречах австрийских и русских представителей.

На десятое заседание конгресса, 1 июля, были приглашены румынские делегаты Братиану и Когольничеану. Их выслушали, но на обсуждение вопросов о Румынии они не были допущены. Румынское княжество объявлялось независимым,

[47] Radowitz, Erinnerungen, стр. 53.
[48] Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, стр. 658.
[49] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, стр. 76.

в нем провозглашалось полное гражданское равенство всех подданных, без различия вероисповедания. Россия категорически потребовала передать ей Бессарабию — это был вопрос престижа — и настояла на своем требовании, несмотря на сопротивление Англии. Румыния тоже приобрела значительную территорию, на 3,5 тыс. *кв. км* превышающую площадь Бессарабии, и порт Констанцу на Черном море.

Россия вынуждена была отказаться от намерения обеспечить себе одной право покровительствовать христианским подданным Османской империи. Порта обязалась осуществить без дальнейшего промедления «улучшения и реформы» в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она дала также обещание периодически сообщать державам о принимаемых ею мерах по выполнению своих обязательств[50]. Конгресс принял эту формулировку, хотя в прошлом Турция не раз давала подобные обещания (например, в 1856, 1875, 1876 гг.), но ничего не делала для их осуществления.

6 июля, на четырнадцатом заседании конгресса, оставалось решить вопрос об азиатских территориях. От исхода этого заседания зависели мир или война в Европе. Россия осталась верной своим обязательствам: она отказалась от Алашкертской долины и Баязида. Карс, Ардаган и Батум оставались за Россией, причем Батум Россия обязалась не укреплять и сделать из него свободный торговый порт.

Конгресс вынес решение оставить в проливах порядок вещей, существовавший ранее, т. е. определенный конвенцией о проливах 1856 г. и ст. 2 Лондонской конвенции о проливах от 13 марта 1871 г.

На одном из последних заседаний конгресса, 11 июля, русские уполномоченные выступили с предложением включить в Берлинский трактат статью, которая определяла бы способ проведения в жизнь решений конгресса. Против этого предложения выступил Каратеодори-паша, доказывая, что ввиду серьезных и искренних намерений турецкого правительства никаких гарантий выполнения решений конгресса не требуется[51]. Каратеодори-пашу поддержал Бисмарк. Дискуссия по этому вопросу длилась три дня и закончилась ничем.

8 июля последовало разглашение секретного англо-турецкого соглашения: его текст был объявлен английскому парламенту. В тот же день по телеграммам из Лондона о нем узнали в Берлине. Сообщение это не вызвало дискуссии на конгрессе: к соглашению Англии и Турции отнеслись так, как

---

[50] Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, стр. 674.

[51] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, стр. 90.

если бы оно не имело никакой связи с Сан-Стефанским договором.

Когда речь зашла о контрибуции, Каратеодори-паша стал просить конгресс признать невозможным для Порты принять на себя невыполнимое обязательство. Бисмарк не поддержал турок и строго заметил, что Турция взяла на себя обязательство об индемнизации в Сан-Стефано. Русские уполномоченные успокоили встревоженных англичан и французов, заверив их, что денежное возмещение не будет обращено в территориальные уступки и что Россия признает преимущественное право кредиторов Порты, ссудивших ее деньгами до заключения мира. Размеры контрибуции окончательно были установлены Константинопольским договором, подписанным в феврале 1879 г. Контрибуция была определена в сумме 802,5 млн. фр. (225 млн. руб.), не считая претензий русских подданных за убытки, понесенные ими во время войны. Подписанный договор увеличивал денежный долг Турции на 30%. Финансовое положение Османской империи было катастрофическим, тем более что, хотя Берлинский конгресс и постановил, что Болгария, Сербия, Черногория и Греция возьмут на себя часть Оттоманского долга, никто из них ничего не платил: Болгария находилась под защитой России, остальные — под защитой держав [52].

Последнее (двадцатое) заседание конгресса Бисмарк открыл в 3 часа дня 13 июля 1878 г.; он пригласил уполномоченных от держав подписать договор. Вскоре Берлинский трактат был переведен на турецкий язык и статья за статьей прочитан комиссии, в которую входили министр иностранных дел Саффет-паша, Рюштю-паша, Ахмед Вефик-паша, Намык-паша и гази Осман-паша. При чтении присутствовал и сам Абдул Хамид II. Договор был ратифицирован. Турецкому послу в Берлине было разрешено произвести обмен ратификационными грамотами [53].

Ни одна из стран, принявших участие в конгрессе, не вернулась домой без некоторого недовольства. «В Берлине не мир водворили, а европейский и восточный разлад на многие годы» [54],— писал Н. П. Игнатьев. Особенно была недовольна Россия: она была лишена значительной части плодов своей победы. Национальные интересы балканских народов грубо попирались в угоду политическим и стратегическим интересам держав. Как это ни странно звучит, считалось, что конгресс

[52] Болгария должна была внести 9 898 662 лиры, Сербия — 2 107 457 лир, Греция — 2 130 780, Черногория — 98 986 лир (Х. Авни, Как Турция стала полуколонией, Л., 1934, стр. 24).

[53] A. F. Türkgeldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, стр. 91.

[54] Н. П. Игнатьев, После Сан-Стефано, стр. 97.

упрочил Османскую империю, — так заявил лорд Биконсфилд в английском парламенте. В действительности же никогда еще турецкое государство не подвергалось более бесстыдному разграблению. «Защитники» Турции — Англия и Австро-Венгрия захватили Кипр, Боснию и Герцеговину. Решения конгресса оставили открытой дверь для раздела Турции. «Грабят Турцию»[55] — так характеризовал В. И. Ленин Берлинский конгресс. Постановления конгресса способствовали более быстрому превращению Турции в полуколонию: громадные военные расходы, сокращение территории Османской империи и уменьшение поступлений в ее казну подрывали и без того расстроенные финансы страны. Деспотический режим султана Абдул Хамид II препятствовал развитию производительных сил страны, ее движению по пути прогресса. Спасти Турцию могли только ликвидация средневекового режима, избавление от империалистического гнета, однако в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. условий для этого не было.

---

[55] В. И. Ленин, Тетради по империализму, — Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 672.

Ю. А. Петросян

ИЗ ИСТОРИИ ПРОПАГАНДЫ ДОКТРИНЫ ОСМАНИЗМА НА БАЛКАНАХ

(по материалам библиотек и архивов Сараева [1])

Османская империя сложилась в результате завоевательных походов турецких султанов из династии Османа, силой оружия навязавших свое господство многим народам, представлявшим различные этнические общности. В эпоху средневековья наименование «османы» стали применять для обозначения всех подданных султана, независимо от их религиозной или этнической принадлежности. Однако в эпоху расцвета Османской империи термин «османы» применительно к нетурецким народам империи использовался лишь как форма, которая не наполнялась особым идейным содержанием. В период, когда господство турок над покоренными народами казалось вечным, правящие круги Османской империи не были озабочены тем, чтобы внушать нетурецким народам мысль о каком-то особом единстве всех подданных султана, независимо от религиозных или этнических различий. В тот период понятие «османизм» (osmanlılık) не имело другого содержания, кроме обозначения общности подданных одного монарха. Нельзя не согласиться с турецким историком Э. З. Каралом, который пишет, что в практике жизни средневекового османского государства существовал «династийный османизм» [2].

В XIX в. по мере роста национально-освободительных движений нетурецких народов Османской империи все большее значение начала приобретать идея общности всех народов империи в качестве «соотечественников-османов». Уже в эпоху

---

[1] Осенью 1972 г. автор настоящей статьи находился в научной командировке в г. Сараево, где имел возможность работать в библиотеках и архивах. Пользуясь случаем, автор приносит благодарность коллегам за дружеское внимание и полезные консультации.

[2] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. VII, Ankara, 1956, стр. 297.

Танзимата отдельные турецкие политические деятели реформаторского направления начали сознавать, что в условиях социального и политического кризиса, переживаемого османской державой, необходимо выработать идейно-политическую доктрину единства всех народов империи в качестве «детей одной отчизны».

Как идейно-политическая концепция османизм окончательно сформировался в 60—70-х годах XIX в. в результате деятельности идеологов и лидеров движения «новых османов». Именно в работах Намыка Кемаля, Мидхат-паши и ряда других идеологов «новых османов» подробно обосновывалась идея о возможности полной ликвидации национальных и религиозных противоречий в результате осуществления конституционных преобразований в Османской империи. Идейные вожди «новых османов» доказывали, что возможно братское единение всех народов империи. Термин «османизм» стал трактоваться как определение единства соотечественников. То, что веками было лишь формой официальной традиции, стало приобретать в пропаганде турецких конституционалистов особое идейное содержание. Пропаганда «новых османов» ввела в обиход политической жизни Османской империи даже термин «османская нация» («османский народ» — osmanlı milleti) для обозначения всех народов страны. Османизм как идейная концепция занял центральное место в системе идейных воззрений лидеров младотурецкого движения, а термин «соотечественники-османы» прочно вошел в арсенал средств политической пропаганды младотурок.

Некоторые черты османизма как идейно-политической доктрины и наиболее характерные приемы ее пропаганды рассмотрены в нашей исторической литературе[3]. Вместе с тем представляет немалый интерес изучение тех материалов, которые позволяют проследить методы османистской пропаганды в отдельных районах империи, в частности в некоторых балканских провинциях. В этой связи заслуживает особого внимания пресса Сараева как до австрийской оккупации Боснии и Герцеговины, так и после нее.

Примечательно, что первые признаки пропаганды идей «общеимперского», «османского» патриотизма мы находим в материалах сараевской прессы начала 70-х годов XIX в., т. е. в период, когда начинают формироваться и крепнуть силы,

---

[3] О доктрине османизма в системе взглядов «новых османов» — младотурок см.: Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958, стр. 55—58; его же, Младотурецкое движение, М., 1971, стр. 125—130, 265—271; А. Д. Желтяков, Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908), М., 1972, стр. 112—114, 131—133, 254, 262, 277—278.

которые возглавили мощное антифеодальное и антитурецкое крестьянское восстание, вспыхнувшее на Балканах в 1875 г. В тот момент пропаганда идей османизма стала рассматриваться турецкими властями в Боснии и Герцеговине как важный инструмент политической борьбы с нараставшим освободительным движением в этом районе империи.

В газете «Сараевский цветник» в июле 1870 г. была опубликована статья «Патриотизм»[4]. «Быть патриотом,— утверждал „Сараевский цветник“, — это не значит любить только тех, кто исповедует одну и ту же веру и принадлежит к одному и тому же народу. Быть патриотом — значит заботиться об интересах *всех сынов родины*» (курсив наш.— *Ю. П.*). Пафос статьи состоит в призыве к общему чувству патриотизма всех жителей османского государства. И хотя термины «соотечественники-османы» и «османское единство» в ней не употребляются, статья призывает представителей всех народов империи быть «верными сынами отечества и государя», убеждает, что они должны ощущать себя «сыновьями одного отца и жить в единении и согласии». Статья явно направлена против тех общественных сил, которые выступали против феодально-султанской деспотии, за независимость и национальное освобождение народов Балкан. Не случайно поэтому в статье «Патриотизм» с негодованием говорилось о том, что ошибкой является стремление к борьбе за интересы какой-либо одной нации. Авторы статьи прямо писали, что мнение о том, будто патриотом можно быть, борясь за дело какой-либо политической партии или интересы той нации, к которой принадлежишь, является большим заблуждением.

Более интенсивной и целенаправленной становится пропаганда идей османизма в период борьбы за первую турецкую конституцию и деятельности парламента (1876—1877 гг.). В этот период статьи, пропагандирующие идеи «османского единства», неоднократно публиковались на страницах официоза Боснийского вилайета — газеты «Босна».

В январе 1877 г. «Босна» опубликовала редакционную статью под названием «Единство, верность и согласие»[5]. Основное содержание этой статьи — призыв к единению всех подданных султана — жителей вилайета. Явно обращаясь к участникам антитурецких освободительных движений, газета призывала население вилайета не поддаваться «неприятельской агитации», которая направлена к тому, чтобы подорвать

[4] «Сарајевски цвјетник», 25.VII.1870. Газета выходила с 1866 по 1872 г., один раз в неделю, имела параллельный текст на сербском и турецком языках.

[5] «Босна», № 551, 1877. Газета выходила один раз в неделю, имела параллельный текст на сербском и турецком языках.

единство и нарушить согласие «соотечественников», именуемых «османами». Газета утверждала, что все подданные империи представляют единое целое. Говоря о мусульманах и немусульманах, газета заявляла, что все они «известны под именем османов» и составляют «единое тело — сообщество соотечественников». Статья называла «священной» идею общности всех «соотечественников-османов». В самых энергичных выражениях осуждались те, кто не ценит «священное чувство» и пытается подорвать «единство соотечественников». Авторы статьи стремились доказать читателю, что все народы Османской империи могут жить в полном благополучии, что их единство и согласие являются залогом прогресса земледелия, ремесла и торговли, развития просвещения.

Осенью того же года «Босна» опубликовала в двух номерах обширную статью под названием «Османское единство»[6]. Статья начиналась с утверждения, что «османские народы разных вероисповеданий — дети одной матери-отчизны». При этом авторы подчеркивали, что чувством единства должны проникнуться все народы Османской империи. Они вновь и вновь повторяли мысль о том, что все народы империи — единое целое, что они «составляют османское братство, одно тело, одно целое». Статья призывала все народы империи трудиться «совместно и по-братски», помогать друг другу, защищать интересы друг друга. Авторы убеждали читателя, что совместный труд во имя общих целей может обеспечить всем народам империи благосостояние и благополучие, обеспечить их будущее[7]. Они доказывали необходимость всячески пропагандировать мысль о единстве всех «османских народов» в качестве жизненно важного условия прогресса земледелия, ремесла и торговли, развития науки и распространения знаний. В статье говорилось о том, что всегда сильна та страна, жители которой независимо от принадлежности к тому или иному народу или вере живут в согласии и дружбе. Авторы статьи призывали к единству в борьбе с врагами родины, имея в виду военные действия на фронтах русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В статье патетически утверждалась мысль о том, что для «народов, украшенных именем османов», наступил тот день, когда необходимо покончить с недоверием и враждой и «прислушаться душой к голосу единства»[8].

Через несколько недель в газете была опубликована статья, специально посвященная проблеме единства в качестве гарантии обеспечения счастливого будущего всех народов Ос-

[6] «Босна», №№ 588, 590, 1877.
[7] «Босна», № 588, 1877.
[8] «Босна», № 590, 1877.

манской империи. Статья заканчивалась призывом: «Да здравствуют османы!» [9].

Пропаганда идей османизма была явно направлена на формирование чувств «общеимперского патриотизма» у всех народов, населявших Боснию и Герцеговину. Но особую надежду пропагандисты османизма возлагали на босняков. Эта часть населения, говорившая на одном из диалектов сербскохорватского языка, в результате исторически сложившихся обстоятельств приняла ислам после турецкого завоевания Боснии и Герцеговины. С течением времени босняки превратились в обособленную от сербов и хорватов в этническом и культурном отношении группу населения Боснийского вилайета.

Несмотря на это особое и, казалось бы, благоприятное для идеологов османизма положение вещей, пропаганда идей османизма в Боснии и Герцеговине, как, впрочем, и на Балканах в целом, не имела сколько-нибудь заметного успеха. Пожалуй, можно говорить о том, что реальную политическую значимость идеи османизма приобрели в глазах общественности Боснии и Герцеговины только в конце XIX — начале XX в., после того как эта провинция Османской империи была оккупирована Австро-Венгрией на основании решений Берлинского конгресса (1878 г.). Австрийские оккупационные власти оказались ненавистны практически для всех этнических групп населения. В этих условиях различные общественно-политические организации в Боснии и Герцеговине стали пропагандировать идеи османизма, явно идеализируя период, когда эти области находились под властью турецких султанов.

Естественно, что особую популярность в этот период идеи османизма приобрели среди босняков. Весьма настойчиво, хотя и в завуалированной форме, вела пропаганду идей османизма, идей органической связи населения Боснии и Герцеговины с Турцией издававшаяся в 1897—1899 гг. в Сараеве на турецком языке газета «Рехбер» («Путеводитель»). Ее содержание было буквально пронизано «османским патриотизмом». Например, во время греко-турецкой войны все симпатии газеты были на стороне Турции. Газета регулярно печатала списки лиц, сделавших пожертвования в пользу пострадавших мусульман Крита. День восшествия султана Абдул Хамид II на престол газета почтительно называла «днем радости всех мусульман и османов» [10]. Газета постоянно в косвенной форме напоминала местным мусульманам об их связи с османским государством.

---

[9] «Босна», № 594, 1877.

[10] «Рехбер», 4.IX.1897 (араб. шр.).

От имени мусульман Боснии и Герцеговины султану несколько раз направлялись меморандумы, в которых рассказывалось об их тяжелом положении под австрийским игом. Авторы меморандума, направленного Порте в декабре 1894 г., просили турецкое правительство добиться от австрийских властей хотя бы выполнения Енибазарской конвенции, которая обязывала обеспечить в Боснии и Герцеговине свободу вероисповедания и школьного дела [11].

Примечателен текст меморандума, направленного от имени мусульман Боснии и Герцеговины турецкому парламенту. Этот документ был опубликован на сербском и турецком языках. Турецкий текст был отпечатан в Стамбуле в 1908 г.[12]. Скорее всего он был подготовлен группой мусульман-эмигрантов из Боснии и Герцеговины. Сербский текст меморандума был издан без ссылки на год и место издания [13]; это свидетельствует, возможно, о том, что он был предназначен и для нелегального распространения. Общая идея меморандума — призыв к Османской империи освободить мусульманское население Боснии и Герцеговины от австрийского гнета. Авторы меморандума всячески подчеркивали, что всей своей историей этот край связан с Османской империей. В меморандуме приводились многие примеры притеснения мусульман австрийскими властями: насильственное обращение детей в католичество, закрытие или разрушение мечетей, захват вакуфных земель и т. д. Авторы меморандума патетически утверждали, что «сегодня всякий деревенский житель и горожанин с плачем вспоминает о турецком управлении», что ныне таково настроение даже тех, кто некогда боролся против турецкой власти. В меморандуме говорилось о том, что сегодня за восстановление суверенитета Османской империи в этом районе выступают совместно мусульмане и православные, живущие в Боснии и Герцеговине [14].

Конечно, авторы меморандума сильно преувеличивали, когда писали, что все население Боснии и Герцеговины мечтало о возврате к временам турецкого владычества. Однако очевидно, что политика австрийских оккупационных властей создала в Боснии и Герцеговине благоприятную обстановку

---

[11] Borba muslimana Bosne i Herzegovine za vjersku i vakufsko-mearifsku autonomiju, Sabrao i uredio F. Hauptmann, Izdavac Archiv SRHiH, Sarajevo, 1967, стр. 49—56.

[12] Bosna-Hersek ahali-i islamiyesi tarafından meclis-i mebusan osmaniye takdim olum lâyihadir, Derisaadet, 1324 (араб. шр.).

[13] Меморандум муслимана из Босне и Херцеговине. Предан Османлијском Парламенту месяца фебруара 1909 г. у Цариграду, преведено с турского.

[14] См. стр. 25—26 сербского текста меморандума; см. также стр. 37—38 его турецкого текста.

для сближения между мусульманами и немусульманами. Так, по сведениям австрийского наместника в Боснии и Герцеговине, летом 1901 г. между ними наметилось сближение и даже было заключено соглашение о совместных действиях против австрийских властей[15]. Весной 1908 г. группа мусульман и православных подготовила документ, в котором содержалось требование ввести в Боснии парламентское представительство[16].

После победы младотурок в июле 1908 г. и восстановления турецкой конституции пропаганда идей османизма имела успех не только в Боснии и Герцеговине, но и в Сербии. В частности, сербская газета «Застава» (издавалась в г. Нови Сад) всячески подчеркивала, что младотурки вели борьбу за обеспечение политических прав всех народов империи, без различия вероисповедания[17]. В одном из номеров этой же газеты была помещена статья, в которой отмечалось, что Австро-Венгрия не радуется восстановлению турецкой конституции, ибо вопрос теперь стоит так: если созрела для конституции Турция, то почему же не созрели для парламентарного управления Босния и Герцеговина? Газета подчеркивала, что австрийским оккупантам трудно найти ответ на этот вопрос[18]. В августе 1908 г. большая группа сербов из Белграда посетила Турцию, чтобы поздравить младотурок с победой[19]. Вскоре после этого «Застава» опубликовала сообщения о том, что сербы — жители Скопле выступили в защиту «неделимости Османской империи». На конференции в Скопле сербами была создана лига, которая своим основным принципом провозгласила признание целостности Османской империи. Члены этой лиги называли себя «османскими сербами» («срби османлиjе»)[20].

Однако не следует переоценивать эти факты, считая их показателем крупного успеха пропаганды идей османизма. В период «весны» младотурецкой революции, летом и осенью 1908 г., многим деятелям нетурецких буржуазно-национальных организаций казалось возможным «равноправное единение» всех народов Османской империи. Эти наивные надежды были разбиты практикой деятельности самих младотурок, которые вскоре после прихода к власти начали проводить шовинистическую, великодержавную политику по отношению к нетурецким народам Османской империи.

---

[15] Borba muslimana Bosne i Herzegovine..., стр. 150—151.
[16] Там же, стр. 560—561.
[17] «Застава», 8.VII.1908.
[18] «Застава», 15.VII.1908.
[19] «Застава», 13.VIII.1908.
[20] «Застава», 20 и 23.VIII.1908.

Пропаганда идей османизма в Боснии и Герцеговине была направлена против антитурецких освободительных движений. В период австрийской оккупации доктрина османизма была одним из средств политической борьбы ряда организаций босняков и сербов против австрийского ига. Некоторый успех пропаганда османизма в Боснии и Герцеговине имела, как и в ряде других балканских провинций Османской империи, только накануне младотурецкой революции 1908 г. и в первые месяцы после ее победы. Историческая обреченность доктрины османизма и полная бесперспективность ее пропаганды на Балканах стали совершенно очевидны в период первой балканской войны 1912—1913 гг.

Ю. А. Петросян

МЛАДОТУРЕЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ И МЕМУАРАХ

Младотурецкое движение до сих пор привлекает к себе внимание историков. Деятельность турецких конституционалистов 60—70-х годов и младотурецких организаций в конце XIX — начале XX в. рассмотрена в ряде работ советских и зарубежных исследователей [1]. Младотурецкому движению посвящены труды многих современных турецких историков [2]. Однако дальнейшее углубленное изучение общественно-политической деятельности и идеологии младотурок продолжает оставаться одной из важных научных задач специалистов, занимающихся исследованием истории Турции нового времени. В связи с этим представляется целесообразным специальное рассмотрение наиболее важных из выявленных до настоящего времени и оказавшихся нам доступными источников, содержащих материалы о политике и идеологии младотурок.

Наибольшую ценность для исследователя имеют, естественно публикации турецких архивных материалов, освещающих различные события, связанные с борьбой за конституцию 1876 г. и деятельностью младотурецких организаций в конце XIX — начале XX в. Известный турецкий историк И. Х. Узунчаршылы издал ряд ценных документов, в том числе секретный доклад историографа Ахмеда Лютфи-эфенди об обстоятельствах низложения султана Абдул Азиза в мае

---

[1] Обзор этих работ см.: Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958, стр. 4—9; его же, Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.), М., 1971, стр. 7—12; В. И. Шпилькова, Обзор французской литературы о младотурецкой революции,— «Народы Азии и Африки», 1967, № 2. ,

[2] См. о них: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение в трудах турецких историков,— «Народы Азии и Африки», 1965, № 3.

1876 г., материалы о деятельности заговорщиков, выступивших в 1878 г. против султана Абдул Хамида II, важные документы, содержащие сведения о деятельности младотурок в июне — июле 1908 г., накануне первой в истории Турции буржуазной революции[3]. Издатель сопроводил публикации исследованием, в котором сопоставляются и анализируются материалы не только из публикуемых, но и из других известных ему источников.

Важный для изучения обстоятельств борьбы за конституцию 1876 г. документальный материал содержится в книгах историков — очевидцев и современников событий. В частности, в работе Ахмеда Мидхата «Основа революции»[4] опубликованы тексты многих правительственных документов периода подготовки конституции, а также различные проекты конституции, составленные лидером конституционалистов Мидхат-пашой и одним из его политических противников — главным секретарем султана Абдул Хамида II Саид-беем. Этот важный материал дает историку возможность проанализировать расстановку политических сил накануне провозглашения конституции, выявить существо разногласий и споров вокруг проекта конституционной реформы. Аналогичное значение имеют султанские указы, переписка великого везира Мидхат-паши и другие документы, опубликованные в книге сына Мидхат-паши — Али Хайдара Мидхата[5].

Большую ценность для историков представляют дошедшие до нас уставы тайных организаций общества «Единение и прогресс», создание которого в 1889 г. стало важнейшей вехой в истории младотурецкого движения.

Уставы тайных младотурецких организаций являются одним из важнейших источников, предоставляющих в распоряжение исследователей ценный документальный материал для изучения истории младотурецкого движения и анализа процесса эволюции политической программы и тактики младотурок.

Первый из этих уставов был обнаружен в виде рукописи турецким историком А. Б. Кураном в архиве историка и политического деятеля конца XIX в. Махмуда Джелаледдина-паши. Ныне этот документ хранится в архиве Института истории турецкой революции Анкарского университета. Публикуя текст устава, видный турецкий историк Т. З. Туная не

---

[3] Подробнее о них см.: Ю. А. Петросян, Ценные публикации турецких архивных материалов,— «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 158—159.

[4] Ahmed Midhat, Üssü inkilâp, kısm 1—2, İstanbul, 1294—1295 (араб. шр.).

[5] A. H. Midhat, Midhat Pacha, sa vie, son oeuvre, Paris, 1908.

высказал определенного мнения относительно его датировки[6]. Изучение текста устава позволяет нам утверждать, что он действовал, во всяком случае, не позднее 1895—1896 гг. Основанием для нас служит тот факт, что изданная в 1313/1895-96 г. в Париже от имени общества «Единение и прогресс» брошюра под названием «Отечество в опасности» имела на титульном листе следующую помету издателей: «Это рисале, присланное нашему обществу одним из патриотов, печатается в соответствии со ст. 21 нашего устава»[7]. Между тем именно в ст. 21 устава, найденного в архиве Махмуда Джелаледдина, говорится о том, что общество «Единение и прогресс» должно «обеспечивать издание газет и различных брошюр и листовок для их распространения в Османской империи с целью оказания воздействия на общественное мнение как в Европе, так и в Османской империи»[8].

Устав содержал 39 статей, в которых определялись цели общества «Единение и прогресс», права и обязанности его членов, регламентировались строгие конспиративные правила организации и деятельности ячеек, определялись источники финансирования и статьи расходов общества. Особый интерес для историка представляют статьи 1—5, в которых, в сущности, изложена политическая программа общества — восстановление режима конституционной монархии, обеспечение экономического и культурного развития страны.

Другим важным источником для исследования деятельности младотурецких организаций является «Основной регламент Османского общества прогресса и единения»[9]. Текст этого документа, напечатанного типографским способом в Каире в 1907 г., опубликован Т. З. Туная на основе экземпляра «Регламента», хранящегося в Стамбульской муниципальной библиотеке[10]. В нашем распоряжении был другой экземпляр, полученный в 1961 г. во время научной командировки в Румынию от вдовы одного из основателей первой тайной организации младотурок — Ибрагима Темо[11]. В публикации Т. З. Туная имеется, как видно из сравнения текстов, неточность, искажающая смысл важного программного

---

[6] T. Z. T u n a y a, Türkiyede siyasi partiler, Istanbul, 1952, стр. 117—122.

[7] «Vatan tehlikede», [б. м.], 1313 (араб. шр.).

[8] T. Z. T u n a y a, Türkiyede siyasi partiler, стр. 120.

[9] Так стала называть себя после раскола младотурецкого движения, происшедшего на конгрессе в Париже (1902), группа младотурок во главе с Ахмедом Ризой. Новая организация восприняла основные программные установки общества «Единение и прогресс».

[10] T. Z. T u n a y a, Türkiyede siyasi partiler, стр. 123—126.

[11] «Osmanlı Terakki ve İttihad cemiyeti nizamname-yi esasî», Mısır, 1323 (араб. шр.).

положения. В тексте ст. 5 вместо слов «idare-i meşrute» («конституционное управление») напечатано «idare-i mes'ude» («режим благоденствия»).

В «Регламенте» 1907 г. 41 статья, в которых детально определяются организационные принципы построения общества, регламентируются права и обязанности его членов, функции руководящих органов. Статьи 2—5 носят программный характер. В них более четко, чем в первом уставе младотурок, формулируются политические цели общества — речь идет о требовании восстановления конституции 1876 г.

Важным документом, содержащим ценные сведения о направлении деятельности младотурок накануне революции 1908 г., является «Устав внутренней организации[12] Османского общества прогресса и единения». Его текст опубликован Т. З. Туная по экземпляру, напечатанному в 1908 г. и переданному ему отставным генералом Дж. Т. Егильмезом[13]. Этот устав имел 67 статей, в которых особенно подробно регламентировалась конспиративная деятельность первичных ячеек общества, подчиненных центральному комитету «внутренней организации».

Ценнейший документальный источник — материалы переписки эмигрантских центров младотурецких организаций. Они, к сожалению, сохранились лишь частично, да и то, что дошло до нас, не представлено в виде самостоятельной публикации. В частности, бо́льшая часть из 600 писем досье парижского центра младотурок за 1906—1907 гг. опубликована в 1948 г. в книге А. Б. Курана «Наша революционная история и „Единение и прогресс"»[14]. Значительная часть этого важного документального фонда, в частности переписка парижского центра с организациями младотурок в Турции (до конца марта 1908 г.), представлена в первом томе труда Ю. Х. Баюра «История турецкой революции»[15]. Эти материалы дают возможность не только осветить многие важные стороны практической деятельности тайных младотурецких организаций, оценить их стратегию и тактику, но и позволяют охарактеризовать различные черты идеологии младотурецкого движения. В частности, материалы досье переписки па-

[12] После объединения эмигрантской организации младотурок «Османское общество прогресса и единения» с тайным салоникским «Османским обществом свободы» (сентябрь 1907 г.) было организационно оформлено существование заграничной («внешней») и внутриимперской («внутренней») организаций общества со своими руководящими центрами (см. текст соглашения об объединении: A. B. Kuran, İnkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terrakki, İstanbul, 1948, стр. 238.

[13] T. Z. Tunaya, Türkiyede siyasi partiler, стр. 129—135.

[14] A. B. Kuran, İnkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terakki.

[15] Y. H. Bayur, Türk inkilâbı tarihi, c. I, kısım 1, 2 baskı, Ankara, 1963.

рижского центра освещают такой важный вопрос, как связь зарубежных и внутриимперских организаций в период активизации деятельности младотурок внутри страны весной 1908 г. Эти же материалы помогают выявить связи младотурок не только в Турции, но и в Болгарии, Румынии, Боснии и Герцеговине, на Кавказе, Крите и Кипре. Наконец, исследователь может почерпнуть из них важные данные для характеристики отношения младотурок к паносманизму и панисламизму, выявить истоки возникновения в их среде пантюркистских идей.

Ценные документы, характеризующие начальный этап деятельности общества «Единение и прогресс», опубликованы в книге Ибрагима Темо[16]. Среди них первый документ младотурок программного характера — листовка, напечатанная и распространенная в 1894 г., а также личная деловая переписка наиболее видных деятелей младотурецкого движения конца XIX в. Эти документы позволяют выявить многие причины организационной слабости и идейной разобщенности младотурецких эмигрантских групп до первого конгресса младотурок.

Важнейший источник для исследования истории младотурецкого движения и его идеологии — довольно многочисленные публикации различных организаций младотурок и их лидеров — газеты, брошюры, листовки, печатавшиеся в эмигрантских центрах в Париже, Лондоне, Женеве и Каире.

Для изучения общественно-политических взглядов первых турецких конституционалистов большую ценность представляют газеты, издававшиеся в эмиграции «новыми османами»,— «Хюрриет» («Свобода») и «Мухбир» («Корреспондент»)[17]. Материалы основных органов эмигрантской прессы младотурок конца XIX — начала XX в.— «Мешверет» («Дебаты»), «Мизан» («Весы»), «Шура-и уммет» («Совет общины»), «Османлы» («Османец»), «Тераккы» («Прогресс») — являются важным источником для изучения социально-политических и идейных воззрений младотурок. Говоря об этом, следует отметить, что многие газеты младотурок имеются в наших библиотеках в весьма неполных комплектах. Некоторые органы младотурецкой нелегальной прессы вообще представлены в книгохранилищах мира лишь отдельными, ставшими уникаль-

---

[16] İ. Temo, İttihad ve Terakki cemiyetinin teşekkülü ve hidematı vataniye ve inkilâbı milliye dair hatıratım, Romanya, Mesidiye, 1939.

[17] Почти полные комплекты этих ценных изданий имеются в библиотеках Ленинграда («Хюрриет» — в библиотеке восточного факультета ЛГУ; комплект «Мухбир», считавшийся утраченным, обнаружен недавно в фондах библиотеки ЛО ИВАН СССР).

ными экземплярами [18]. Среди изданий, ставших библиографической редкостью, выделяются хранящиеся в библиотеке им. Ив. Вазова в Пловдиве экземпляры сатирических газет младотурок, издававшихся в 1898—1899 гг. в Женеве и Фолкстоне (Англия) [19].

Оценивая значение прессы младотурок в качестве источника для изучения политической истории идеологии движения, следует прежде всего отметить, что в этих газетах публиковались программные документы движения. В частности, в «Мешверет» (на французском языке) и «Шура-и уммет» были опубликованы документы второго конгресса младотурок, состоявшегося в Париже в 1907 г. и ставшего важной вехой на пути к революции 1908 г. На страницах основных органов младотурок находила полное отражение острая идейная борьба между различными организациями и группами. Печатавшиеся в газетах младотурок статьи лидеров движения — Ахмеда Ризы, Мурада, Сабахеддина, Абдуллаха Джевдета и др.— являются ценнейшим источником для изучения идеологии младотурецкого движения.

Наряду с материалами прессы важнейшим источником для изучения социально-политических взглядов и идейных концепций «новых османов» — младотурок являются публицистические произведения лидеров и идеологов младотурецкого движения.

Для изучения политической программы «Общества новых османов» в начальный период его деятельности значительную ценность представляет письмо крупного турецкого сановника Мустафы Фазыл-паши султану Абдул Азизу. Этот интересный исторический документ, отражавший программные установки первых турецких конституционалистов до эмиграции, известен нам в двух изданиях — на турецком [20] и на болгарском [21] языках.

Для характеристики идейных воззрений различных групп

---

[18] Материалы из прессы младотурок, естественно, довольно широко представлены в книгохранилищах Турции, а также имеются в библиотеках Франции, Англии, Болгарии. Они широко используются в исследованиях турецких историков Шерифа Мардина (Ş e r i f M a r d i n, Jön türklerin siyasi fikirleri, Ankara, 1964), А. Б. Курана и Ю. Х. Баюра (см. указанные выше работы названных авторов).

В советской историографии исследование младотурецкой прессы по всем доступным материалам представлено в работе: А. Д. Ж е л т я к о в, Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908), М., 1972.

[19] См. о них: Ю. А. П е т р о с я н, Политическая сатира младотурок,— «Народы Азии и Африки», 1969, № 6, стр. 136—143.

[20] «Paris'ten bir mektup», Dersaadet, 1326 (араб. шр.).

[21] Письмо отправлено до негово величество султана от н. выс. Мустафа-Фазиль-паша, [б. м.], [б. г.].

в конституционном движении 60—70-х годов весьма ценны публицистические произведения Мидхат-паши, Намыка Кемаля и Зии — лидеров и идеологов движения: «Прошение» Зии, представленное им султану Абдул Азизу в 1867 г.[22], брошюра Мидхата «Османская империя — ее прошлое, ее будущее»[23], публицистические и литературные произведения Намыка Кемаля и Зии. Важные для изучения взглядов Намыка Кемаля материалы содержит сборник его высказываний по важнейшим общественным и политическим вопросам, который составил Тевфик Эбуззия по материалам газет, издававшихся Намыком Кемалем, и его литературных произведений[24].

Среди источников, представляющих особую ценность для изучения идеологии младотурок, следует выделить публицистические произведения лидеров и идеологов младотурецких организаций конца XIX — начала XX в. Значительный интерес представляют программная работа Мурада «Сила и слабость Турции»[25] и сборник его статей по различным вопросам положения Османской империи в рассматриваемый период, публиковавшихся в газете «Мизан»[26]. Для изучения программных установок и идейных воззрений лидеров «Общества личной инициативы и децентрализации» основным источником являются три работы лидера этого общества Сабахеддина[27].

Большое значение для понимания характера младотурецкого движения в период до первого конгресса младотурок имеют их нелегальные издания 1895—1901 гг., распространявшиеся в пределах Османской империи. Это были пропагандистские брошюры или листовки, содержавшие резкую критику султана Абдул Хамида, призывавшие к восстановлению конституции и созыву парламента[28]. Среди них были и такие публикации, в которых делались попытки теоретически обосновать преимущества конституционного управления, ставились вопросы об ответственности султана и его правитель-

---

[22] «Ziya paşanın arzuhalı», İstanbul, 1327 (араб. шр.).

[23] Midhat Pacha, La Turquie, son passè, son avenir, Paris, 1878.

[24] Etüzziya Tevfik, Cumel-i muntehabe-yi kemal, İstanbul, 1299 (араб. шр.).

[25] Murad-Bey, La force et la faiblesse de la Turquie, Geneve, 1897.

[26] Mehmed Murad, Taharri-yi istikbal, [б. м.], 1329 (араб. шр.).

[27] Sabaheddin, Teşebbüs-ü şahsi ve tevsi mazuniyet hakkında bir izah, İstanbul, 1324 (араб. шр.); Sabaheddin, Teşebbüs-ü şahsi ve adem-i merkeziyet hakkında ikinci bir izah, İstanbul, 1324 (араб. шр.); Sabaheddin, İttihad ve terakki cemiyetine açık mektubler: meslekimiz hakkında üçüncü ve son bir izah, İstanbul, 1327 (араб. шр.).

[28] См. о них: Ю. А. Петросян, Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции,— «Народы Азии и Африки», 1963, № 4, стр. 184—188.

ства перед нацией[29]. Значительный интерес для изучения истории борьбы за созыв первого конгресса младотурок имеют брошюры Али Фахри «Конгресс Молодой Турции»[30] и принцев Сабахеддина и Лютфуллаха «Всеобщая декларация»[31].

Среди источников, имеющихся в распоряжении советских историков и весьма важных для исследователя младотурецкого движения, заметное место принадлежит документам Архива внешней политики России (АВПР). Донесения русских дипломатов из Стамбула и ряда крупных провинциальных центров Османской империи содержат ценнейший материал для характеристики политического положения страны в период борьбы за конституцию 1876 г.[32]. Материалы АВПР освещают состояние промышленности и сельского хозяйства, торговли и финансов страны во второй половине XIX — начале XX в. Они позволяют, в частности, осветить такой важный вопрос, как попытка пересмотра неравноправных торговых договоров с капиталистическими державами, предпринятая турецким правительством в 1874 г.[33]. В фондах АВПР содержится ценный материал для характеристики деятельности «Администрации Оттоманского долга», которая была в конце XIX — начале XX в. одним из важнейших инструментов экономического и финансового контроля империалистических держав над полуколониальной Османской империей[34]. Материалы АВПР позволяют глубже проанализировать процесс финансового закабаления Османской империи, методы, с помощью которых империалистические державы использовали внешние займы как средство обеспечения своих экономических и политических интересов в Турции[35]. Наконец, в донесениях русских дипломатов в Турции в рассматриваемый период содержится немало ценных фактов и наблюдений, освещающих различные стороны государственной и общественной жизни Османской империи на рубеже столетий.

Материалы АВПР содержат немало фактов о деятельности младотурецких организаций в конце XIX — начале XX в. Они освещают различные вопросы, связанные с пребыванием в эмиграции, в частности эпизоды, касающиеся пребывания в Каире Мурада[36]. В фондах АВПР сохранился опубликованный в издававшейся Ахмедом Ризой газете «Мешверет»

[29] «Usûl-u idare ve ıslahat, muharriri bir diplomat», [б. м.], 1319 (араб. шр.).
[30] Ali Fahri, Congrés de la Jeune Turquie, Geneve, 1900.
[31] «Beyanname-yi umumi», [б. м.], [б. г.].
[32] АВПР, ф. Канцелярия, 1876, дд. 28, 29, 30.
[33] АВПР, ф. Турецкий стол (старый), д. 2027.
[34] АВПР, ф. Канцелярия, 1890, д. 25; 1892, д. 25.
[35] АВПР, ф. Канцелярия, 1905, д. 30; 1907, д. 32.
[36] АВПР, ф. Политархив, 1896, д. 834.

протокол конгресса младотурок, состоявшегося в 1907 г.[37]. Эти материалы в сочетании с данными турецких источников позволяют подробно осветить важнейший момент истории младотурецкого движения до революции 1908 г., изучить основные документы конгресса 1907 г.— доклад оргкомитета, готовившего конгресс, и декларацию, принятую конгрессом.

Содержащиеся в фондах АВПР донесения русских дипломатов из столицы и провинциальных центров Османской империи, особенно из крупных городов Македонии, позволяют на конкретном материале рассмотреть вопросы тактики и практической деятельности младотурецких комитетов в период непосредственной подготовки и осуществления восстания 1908 г. Особую ценность при этом имеют копии ряда воззваний младотурок, обращенных как к населению страны, так и к дипломатическим представителям иностранных держав в Македонии[38]. Часть этих документов была опубликована в журнале «Красный архив»[39].

В фондах АВПР содержатся ценные документы, освещающие народные волнения в Малой Азии, в частности восстания городского населения ряда крупных городов Восточной Анатолии в 1906—1907 гг.[40].

Мемуарная литература, посвященная деятельности турецких конституционалистов 60—70-х годов, ограничена практически воспоминаниями одного из активных участников конституционного движения, Тевфика Эбуззии, которые были опубликованы в 1909 г. в ряде номеров газеты «Ени Тасвир-и эфкяр» («Новое Изображение идей»)[41]. Эти воспоминания особенно ценны для изучения деятельности «новых османов» до эмиграции их лидеров в 1867 г.[42].

---

[37] АВПР, ф. Канцелярия, 1908, д. 104.

[38] АВПР, ф. Политархив, 1908, д. 3083.

[39] Турецкая революция 1908—1909 гг. (публикация А. Попова),— «Красный архив», 1930, т. 6/(43).

[40] См. об этих материалах: А. А. Валуйский, Восстания в Восточной Анатолии накануне младотурецкой революции (по материалам московских архивов),— Турецкий сборник, М., 1958; его же, Новые архивные документы о народных волнениях в Малой Азии в период русской революции 1905—1907 гг.,— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, XXII, 1956.

[41] Такое название объясняется тем, что в 60-х годах XIX в. выходила общественно-политическая газета «Изображение идей», вокруг которой группировались прогрессивные деятели, составившие ядро «Общества новых османов».

[42] К сожалению, в наших библиотеках нет номеров «Ени Тасвир-и эфкяр», в которых публиковались воспоминания Тевфика Эбуззии, однако сравнительно полное представление о них дают извлеченные из этих воспоминаний материалы, содержащиеся в работах турецких исследователей (см., например: M. C. Kuntay, Namık Kemal. Devrinin insanları ve olayları, arasında, c. I. İstanbul, 1949).

Более обширна мемуарная литература, освещающая различные периоды и стороны деятельности тайных организаций младотурок в конце XIX — начале XX в. Для изучения начального этапа деятельности тайных организаций общества «Единение и прогресс» одним из важнейших источников являются воспоминания Ибрагима Темо[43]. Будучи одним из организаторов первой ячейки младотурок в военно-медицинском училище и активным деятелем эмигрантских организаций младотурок, Темо подробно описывает первые шаги тайного общества, рассказывает о вербовке новых сторонников и о пропаганде идей борьбы с деспотическим режимом султана Абдул Хамида. В книге Темо много важных сведений о деятельности младотурок в военных учебных заведениях Стамбула, об арестах и преследованиях, которым подвергались участники первых младотурецких кружков и групп. Темо много внимания уделяет характеристике деятельности эмигрантских групп в Париже, Женеве и Каире. Поскольку, как отмечалось выше, мемуары Ибрагима Темо обильно документированы, его труд приобретает для историка особую ценность.

Значительный интерес для изучения деятельности организаций младотурок в городах Албании, и в особенности в Салониках, представляет книга Кязыма Намы Дуру «Мои воспоминания об обществе „Единение и прогресс"»[44]. Автор мемуаров был активным участником тайных групп младотурок в период своей учебы в военном училище в Стамбуле, а затем входил в состав младотурецких тайных ячеек в Тиране и Скутари. В 1906 г. он участвовал в создании в Салониках «Османского общества свободы», сыгравшего немалую роль в истории младотурецкого движения. Дуру весьма подробно рассказывает о конспиративной деятельности этой организации, принципах вербовки и условиях приема в общество новых членов, пишет о связях общества с зарубежными центрами младотурок.

О деятельности тайных антиправительственных организаций в некоторых военных и специальных гражданских учебных заведениях Стамбула в 1906 г. ценные сведения сообщают в мемуарах участники одной из этих групп, созданной в общевойсковом военном училище,— А. Б. Куран[45] и Дж. Кутай[46]. Они рассказывают о связях между группами, действо-

[43] İ. Temo, İttihad ve Terakki cemiyetinin teşekkülü...

[44] K. N. Duru, «İttihat ve Terakki» hatıralarım, İstanbul, 1957.

[45] A. B. Kuran, Harbiye mektebinde hürriyet mücadeleri, İstanbul, 1958.

[46] C. Kutay, Prens Sabahattin Bey, Sultan II Abdülhamit, İttihad ve Terakki, İstanbul, 1964.

вавшими в различных учебных заведениях, о распространении нелегальных изданий младотурок. Мемуары А. Б. Курана и Дж. Кутая освещают обстоятельства разгрома властями в конце 1906 г. тайных организаций учащихся.

Ценнейшим источником для изучения деятельности младотурок в период непосредственной подготовки революционного взрыва в июле 1908 г. являются воспоминания Ахмеда Ниязи — командира первого повстанческого отряда младотурок[47]. Ниязи подробно описывает рейд своего отряда по городам Македонии, рассказывает о деятельности тайных младотурецких комитетов в армейских частях и правительственных учреждениях в Македонии. Его мемуары представляют особую ценность для анализа тактики младотурок накануне и в период революции.

Характеризуя мемуарную литературу, освещающую историю младотурецкого движения, следует особо отметить тот факт, что ряд оставшихся в живых участников движения представил в 1941 г. по просьбе турецкого министра внутренних дел Джами Байкурта свои воспоминания английскому историку Э. Рэмсору, работавшему над книгой о младотурках. Эта книга вышла в свет в 1957 г.[48], и в ней широко использованы неопубликованные воспоминания различных деятелей младотурецкого движения. Среди них воспоминания Рахмибея — одного из организаторов комитета младотурок в Салониках, мемуарные записи офицера Фазлы Тунга, эмигрировавшего в Европу в 1897 г. и активно участвовавшего в деятельности младотурецких эмигрантских центров, а также воспоминания некоторых других деятелей движения — Акыла Мухтара Ездена, Али Османа Онбулака, Фехми Янера. Материалы этих неопубликованных мемуарных записей широко использованы Э. Рэмсором для описания деятельности младотурок до революции 1908 г.

Все рассмотренные источники дают в руки исследователя обширный материал для характеристики общественно-политической деятельности младотурок на всех этапах движения, анализа основных черт идеологии младотурок. Однако в них можно найти ответ далеко не на все вопросы, возникающие у историка. В частности, из охарактеризованных выше источников мало что можно почерпнуть о социальном составе многих групп младотурок. Крайне скудны сведения о деятельности младотурок в Анатолии в 1906—1907 гг. Почти ничего не сообщают известные нам источники о персональном составе

---

[47] Ahmed Niyazi, Hâtırat-ı Niyazi yahud tarihçe-yi inkilâb-i kebir-i osmaniden bir sahife, İstanbul, 1326 (араб. шр.).

[48] E. E. Ramsaur, The Young Turks, Prelude to the Revolution of 1908, Princeton, 1957.

объединительного съезда младотурок в 1907 г. Все еще незначительны конкретные сведения о деятельности младотурок в армии в конце 1907 — первой половине 1908 г. Весьма ограниченны материалы, позволяющие выявить социальную подоплеку идейных разногласий между основными группами младотурок.

Дальнейшее выявление источников по истории младотурецкого движения второй половины XIX — начала XX в., их публикация и всестороннее исследование — одна из серьезных задач историков-туркологов. Многое, естественно, может дать изучение материалов турецких архивов, которые, к сожалению, до настоящего времени все еще мало известны историкам, занимающимся исследованием истории Турции в эпоху нового времени.

Джалиле Джалил

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КУРДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Конец XIX в. в политической жизни Османской империи характеризуется общим подъемом освободительной борьбы подвластных туркам народов, зарождением и развитием идеологии национально-освободительного движения. В тот же период турецкое буржуазно-либеральное реформаторское движение перерастает в буржуазно-революционное. Общность интересов национальных организаций и турецких буржуазных эмигрантских групп в борьбе за свержение феодально-абсолютистского режима и установление в стране буржуазно-демократических правопорядков, а также просветительская направленность их деятельности стали той основой, на которой в дальнейшем началось их сближение. Общность интересов подразумевала и возможность решения национального вопроса[1]. В этой общественно-политической среде зарождалась и идеология курдского национального движения, выявлялись характерные черты и тенденции его становления.

Стремление курдов к политической независимости, выразившееся в ожесточенной вооруженной борьбе против султанского ига в течение всего XIX в., принудило султанское правительство к политическому маневрированию с целью внести раскол в курдское движение. В 1891 г. султан Абдул Хамид издал указ о создании конницы хамидие под командованием курдских феодалов[2]. Всем, кто зачислялся в это войско, предоставлялся ряд льгот: с них были сняты некоторые подати и повинности[3], их не наказывали за грабежи и бесчинства среди гражданского населения Западной Армении. Курдским вождям щедро раздавались чины, ордена и деньги.

---

[1] См.: Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение, М., 1971, стр. 261.

[2] Hasan Arfa, The Kurds and Historical and Political Study, London, 1966, стр. 24.

[3] Карцов, Заметки о курдах, Тифлис, 1896, стр. 32.

Организацией привилегированных воинских соединений правительство помимо важной задачи внесения раскола в курдское освободительное движение преследовало две цели: создать своеобразный военный кордон, могущий помешать дальнейшему усилению влияния России на население районов Западной Армении, и предотвратить возможность проявления оппозиции со стороны армянского населения этих районов.

Вместе с организацией хамидие предусматривалось открытие курдских школ в районах, заселенных курдами. Предполагалось, что школы будут способствовать подготовке нового поколения преданных феодально-клерикальной власти султана военачальников и административных чиновников. Из казны было отпущено на создание таких школ 8 млн. лир[4]. К 1895 г. школы были открыты в Патносе, Соиламазе, Топрахкале, Мадраке, Ване и ряде других мест. «В каждом из этих пунктов,— писал П. И. Аверьянов,— построена мечеть и при ней школа для первоначального обучения. В военном отношении эти школы никакого значения, конечно, не имеют, так как и не касаются военного обучения, но в политическом отношении они имеют весьма важное значение, так как все дело обучения курдских мальчиков сосредоточено в руках турецких мулл, разжигающих в своих учениках мусульманский фанатизм, вообще чуждый курдам; в этих же школах идет и отуречивание молодых курдов с помощью изучения турецкого языка и письменности»[5].

В 1892 г. в Стамбуле открылась пятилетняя «Аширетская школа» («Аширет мактаби»). Среди 250 учащихся школы дети глав курдских аширетов составляли преобладающее большинство. Учились там также дети из арабских и албанских знатных семей. По окончании школы ее выпускники могли получить образование в высших военных учебных заведениях. Один из журналистов того времени подметил в открытии «Аширет мактаби» замаскированный замысел султана держать детей курдских вождей племен в Стамбуле в качестве заложников[6]. Об этом, впрочем, недвусмысленно говорил и сам Абдул Хамид[7].

Однако вопреки ожиданиям султана и в стенах «Аширет мактаби» вскоре возникла оппозиция. В 1903 г. газета «Гнчак», выходившая в Каире, писала: «Курдские дети, получая среднее, хотя и турецкое, образование, соприкасались

---

[4] Ф. Ф. Грязнов, Курды и курдская конница,— Известия штаба Кавказского военного округа, Тифлис, 1907, № 20, стр. 21.

[5] П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, Тифлис, 1900, стр. 263.

[6] «Гнчак», 1903, № 7—8, стр. 47.

[7] См.: М. С. Лазарев, Курдский вопрос, М., 1972, стр. 59.

часто со свободомыслящими элементами в Константинополе, заразились там идеями, против которых так яростно боролось турецкое правительство,— национальными устремлениями. У этих молодых людей, находившихся в постоянном контакте с революционными организациями Константинополя, понявших темные цели хамидовского правительства, зарождалась идея, которая вначале казалась неосуществимой мечтой. Однако вскоре эта идея — идея создания свободного Курдистана — стала политическим кредо этой группы курдской молодежи» [8]. Многие выпускники школы после возвращения на родину тайно продолжали пропаганду освободительных идей. В результате в 1906 г. султан закрыл «Аширет матаби».

Идеи, направленные против абдулхамидовского режима, проникли и в военные школы за пределами столицы. В 1903 г. воспитанники военной школы в Багдаде, арабы и курды, создали две антиправительственные группировки. Не желая повиноваться директору школы Фаик-бею, учащиеся на стенах классов вывесили прокламации антисултанского содержания. Спровоцировав столкновение между арабскими и курдскими курсантами, генерал-губернатор Багдадского вилайета распорядился закрыть школу и арестовать участников «беспорядков» [9].

Важную роль в курдском национальном движении играла возникшая в конце XIX в. политическая эмиграция. В 1898 г. в Каире начала выходить первая газета на курдском языке — «Курдистан». Вокруг газеты, ставшей рупором курдского освободительного движения, группировались ее курдские деятели, находившиеся за пределами Турции. Редактором и издателем «Курдистана» вначале был Микдат Мидхад Бадрхан. С шестого номера редактором газеты стал его брат — Абдуррахман Бадрхан, которого позже сменил третий брат — Сурея Бадрхан. С перерывами газета издавалась до первой мировой войны [10].

«Курдистан» был четырехстраничной газетой небольшого формата. Выходил он два раза в месяц, тиражом 2 тыс. экз., на двух языках — курдском и турецком. Вначале газета печаталась в Каире, а с шестого номера издание было перенесено в Женеву. В последующие годы редакция газеты часто меняла свое местопребывание: Лондон, Фолкстон, опять Женева, Каир. Повсюду ее преследовали султанские агенты. Га-

---

[8] «Гнчак», 1903, № 7—8, стр. 47.

[9] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1900, д. 1224, лл. 146—147.

[10] По свидетельству В. Никитина, газета «Курдистан» в период младотурок издавалась в Стамбуле (редактором был Сурея Бадрхан), а затем, с 1909 г., после запрещения властями,— в Каире (см.: В. Никитин, Курды, М., 1964, стр. 290).

зета испытывала и немалые финансовые трудности[11]. «Курдистан» печатался в типографиях оппозиционных султанскому режиму организаций, существовавших в Европе.

Номера газеты из Каира в Курдистан доставлялись через Сирию. Они попадали главным образом к жителям южных районов Курдистана. Часть выпуска распространялась в Европе среди курдских эмигрантов и европейцев, интересовавшихся курдскими делами. В Турции газета была запрещена. Судя по письмам, поступавшим из Курдистана в редакцию газеты, она вызывала большой интерес курдского населения. Из разных мест обращались в редакцию с просьбой увеличить количество высылаемых им экземпляров, рассказывали о коллективных чтениях газеты.

В каирский период газета имела либеральное направление, преследовала сугубо просветительские цели — способствовать распространению грамотности среди курдов и их культурному развитию. В приложении на французском языке к первому номеру «Курдистана» Микдат Мидхад Бадрхан писал: «Основав эту газету, я задался целью развить любовь к учебе у людей моей национальности, поощрять народ к ознакомлению с современной цивилизацией и прогрессом, со своей же литературой... Находясь в Египте, я хочу видеть в Курдистане порядок и мечтаю с помощью этой газеты издали служить интересам моего народа, его счастью и повышению культурного уровня моих сородичей»[12].

В первом номере газеты излагалась будущая программа издания: освещать международные события, открытия в науке, торговые вопросы, рассказывать об образовательной сети в других странах и пр. Статьи были построены так, чтобы читатель в пропаганде просвещения и науки не видел противоречия догмам шариата. Каждое программное положение подкреплялось соответствующими изречениями из Корана или высказываниями пророка. Таким образом, редактор стремился совместить религию с требованиями века. В этом он находился под влиянием младотурецких реформистов.

Как в первом, так и в последующих пяти номерах «Курдистана» сознательно обходились вопросы, которые могли бы задеть турецкие власти или самого султана. Этим редактор газеты, по-видимому, стремился обеспечить беспрепятственный доступ номеров газеты в страну. Однако сообщения, поступавшие в редакцию, говорили о повсеместном преследовании пропагандистов газеты. По утверждению одного из современников, каждого курда, в руках которого обнаружили бы

[11] W. G. Elphinston, The Kurdish Question,— «Journal of the British Institute of International Affairs», vol. 22 (January), 1946, стр. 94.

[12] «Курдистан», 1898, № 1.

номер «Курдистана», ожидало суровое наказание[13]. Микдат Мидхад Бадрхан все это объяснял лишь самовластностью чиновников и потому в ответ на такие письма советовал их авторам обо всем написать султану. Сам он в специальной статье обратился к султану, веря в его благосклонное отношение к чаяниям курдов.

Политическая недальновидность Микдата Мидхада Бадрхана скоро привела его к разочарованию, а шантаж и преследования заставили отказаться от издания газеты. Выпуск «Курдистана», как уже отмечалось, продолжил в Женеве его брат Абдуррахман.

Переезд в Женеву привел к положительным сдвигам, так как газета оказалась под непосредственным влиянием европейской буржуазно-демократической мысли. Устанавливаются более тесные контакты с эмигрантскими политическими организациями, в частности с армянскими и турецкими. Либеральные тенденции все больше уступают место радикальным воззрениям. Начиная с тринадцатого номера на страницах «Курдистана» открыто звучит призыв к народу «не гнуть шею перед султанскими чиновниками, восстать против зла и несправедливости». В отличие от первых номеров, в которых виновниками разрухи и бедности в стране были названы лишь неблагочестивые чиновники, в последующих номерах, в частности в шестнадцатом, главным злодеем и казнокрадом назван султан, жизнь и деятельность которого, по оценке газеты, были примером порочности и преступности.

Важное место на своих страницах газета отводила публикации лучших произведений курдской литературы. Начиная со второго номера стала печататься поэма курдского классика XVIII в. Ахмеда Хани «Мам и Зин», вызвавшая большой интерес как у курдских читателей, так и у европейских ученых. Известный ориенталист Мартин Гартман писал по этому поводу: «Если газета („Курдистан“.— *Д. Д.*) вызвала большой интерес как первый опыт подобного рода, то еще больше была моя радость... когда я увидел, что начиная со второго номера каждый номер содержал отрывок из „Мам и Зин“» [14].

В нескольких номерах «Курдистана» публиковались отрывки из исторического сочинения Шараф-хана Битлиси «Шараф-наме», в том числе раздел, относящийся к истории правителей Бохтана, к роду которых принадлежал сам редактор газеты.

Основной круг вопросов, освещавшихся в газете, можно определить следующим образом: жизнь курдского общества,

---

[13] M. Hartman, Zur kurdischen Literatur,— «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes» (Wien), Bd XII, 1898, стр. 112.

[14] Там же.

внутренняя жизнь Османской империи, критика деятельности султана Абдул Хамида и его реакционной клики, международные события. Особый интерес представляет статья, посвященная курдской коннице хамидие, курдские деятели считали ее орудием правительства, направленным против армянского населения.

Немало материалов было посвящено армянскому вопросу. Учитывая уроки прошлого, когда султанские власти не раз провоцировали курдско-армянские столкновения, газета постоянно разъясняла курдам важность единства интересов обоих порабощенных народов.

В статьях, посвященных внутриполитическим и общественным вопросам, резкой критике подвергалась порочная система управления страной, подробно рассказывалось о коррупции и казнокрадстве в правительственном аппарате. Общественная жизнь, отравленная абдулхамидовским шпионажем и недоверием между людьми, описывается в статье «Стамбул» [15]. Усиление реакции и попрание всех норм законности автор статьи объясняет страхом султана перед народным негодованием, перед усиливающимся недовольством масс.

На страницах «Курдистана» находили освещение и социальные вопросы курдского общества. Для авторов статей, поднимавших эти вопросы, социальное неравенство, эксплуатация и порабощение курдских крестьянских масс — не классовая проблема, а результат национального угнетения. Подобная позиция не случайна: издатель газеты и ее корреспонденты были выходцами из феодальных семей: в их оценке, курдское общество — это единый национальный организм, где все в равной степени угнетаются и эксплуатируются султаном. Свои призывы издатель прежде всего обращал к курдским феодалам, которые, по его мнению, были естественными вождями курдского народа, курдского национально-освободительного движения.

Пропаганда идей просвещения, столь широко отразившаяся в первых номерах газеты, занимала значительное место и во всех последующих номерах. Но само по себе просвещение рассматривалось уже как путь к политическому прозрению, как средство подготовки к политической борьбе.

Отдельные статьи («Курдизм», «Курды», «Курды и Курдистан» и др.) посвящены зарождавшейся концепции курдского национализма [16].

Наряду с газетой «Курдистан» существовали и другие

---

[15] «Курдистан», 1899, № 21.

[16] Проблема зарождения курдского национализма остается совершенно неизученной, и материалы газеты могут стать важным источником для исследований в этой области.

курдские эмигрантские издания. К ним относятся прежде всего многочисленные прокламации, выпускавшиеся в Европе различными курдскими политическими деятелями. Некоторые из этих прокламаций дошли до нас в армянском переводе, а большинство утрачено.

Резкий антиправительственный тон этих прокламаций лучше всего отражен в одной из них, написанной в 1898 г. В ней говорится: «Эй, курды! Наш век — век науки. Прошло время подвигов в горах, все нации теперь учатся в школах, благодаря учебе они вырывают свои права и свободу из рук узурпаторов. С утра до вечера вы трудитесь, зарабатываете 60 пара, причем половину вы вынуждены отдавать правительству. Пожиная плоды вашего труда, правительство посылает к вам заптиев и чиновников, которые берут ваши деньги, насилуют ваших дочерей и жен. Почему вы молчите? Потому что они государственные чиновники? Хоть раз наберитесь ума. Ведь вы же кормите этих собак, именуемых правительственными чиновниками, ведь они ваши слуги. Вы же платите им. Правительство обязано вас защищать, а не разорять. Почему же вы не говорите им в лицо, что деньги, заработанные в мучениях, вы платите не для насилия, а для спокойной жизни?» [17].

В прокламации затрагивается также вопрос о единстве целей курдов и армян в борьбе за национальные права. «Хоть раз вы спросили у своих соседей-армян, какова их цель? — задает автор прокламации вопрос своим сородичам.— Почему они восстают? Они бы ответили вам: „Проливали кровь во имя освобождения“. Насколько похвален подобный поступок армян, настолько не оправдана занятая вами беспечная позиция в отношении правительства. Теперь не время разделять нации и религии. Сегодня век гуманности».

Прокламации на курдском и турецком языках вместе с номерами «Курдистана» доставлялись в Турцию. Значительную помощь в этом оказывали каналы нелегальной транспортировки, которыми пользовались другие антисултанские организации, в частности младотурецкие и армянские. Абдуррахман Бадрхан, редактор «Курдистана», одновременно был активным сотрудником младотурецкой газеты «Османлы», органа женевской группы младотурок [18]. Небезынтересно отметить, что двое из лидеров младотурок — создателей партии «Единение и прогресс», Исхак Сукюти и Абдулла Джевдет, были курды. Армянская газета «Нор дар» («Новый век») в 1900 г. в одной из своих корреспонденций даже Абдуррах-

[17] «Дрошак», 1898, № 6, стр. 51.
[18] «Pro Armenia», 1900, № 4, стр. 31.

мана Бадрхана называла «одним из влиятельных лидеров младотурок за границей»[19]. Султан через свою агентуру безуспешно пытался заманить его обратно в страну. В 1900 г. турецкий суд заочно приговорил Абдуррахмана к пожизненному заключению с лишением всех прав на имущество и наследство. Решение это было опубликовано во всех турецких газетах. В нем, в частности, говорилось: «Из Йылдыз Кёшка Абдуррахману неоднократно предлагалось отречься от своих заблуждений, возвратиться в Стамбул и принять назначенную ему султаном высокую должность, но упорный курд предпочел бродячую жизнь в Европе и постыдную деятельность, чтобы заслужить имя предателя»[20].

В Европе Абдуррахман примыкал к децентралистскому крылу младотурок. Борьба за федеративную и неделимую Турцию и была тем лозунгом, вокруг которого объединялись все антисултанские силы народов, населявших Османскую империю. О политических взглядах Абдуррахмана армянская газета «Нор дар» писала: «Основав газету на курдском и турецком языках, он призывает свергнуть султана и основать федеративное турецкое государство, автономными частями которого должны быть албанцы, христиане Румелии, армяне, сирийцы (арабы.— *Д. Д.*) и курды»[21].

В Европе Абдуррахман Бадрхан поддерживал тесный контакт с видными ориенталистами, оказывая им деятельную помощь в исследованиях и подготовке к изданию курдских памятников культуры. Дружественные отношения он поддерживал с М. Гартманом и Г. Макашем. «Господин Абдуррахман весьма одобрял мое стремление к изучению курдской литературы и, насколько был в состоянии, объяснял мне все то, что для меня было неясным»,— с благодарностью отмечает Г. Макаш в своей книге[22].

Плодотворными были контакты Абдуррахмана с армянскими организациями. Ведущее место среди них занимала «Дашнакцутюн» — партия, представлявшая радикальное крыло армянских буржуазных сил. Она действовала в контакте с македонскими, младотурецкими, арабскими и курдскими оппозиционными силами. Ее орган «Дрошак» часто отводил свои страницы выступлениям политических лидеров этих групп.

В «Дрошаке» под рубрикой «Наши политические приверженцы в Турции» была опубликована статья за подписью «один курд». В ней аргументированно разоблачалась гнус-

---

[19] «Нор дар», 1900, № 226.
[20] Там же.
[21] Там же.
[22] H. M a k a s, Kurdische Studien, Heidelberg, 1900, стр. 19.

ная роль султана в провоцировании армяно-курдских конфликтов, подчеркивалось единство интересов двух народов [23].

Представляет интерес и напечатанная в «Дрошаке» прокламация Абдуррахмана Бадрхана [24]. Содержание прокламации — изложение идейной программы Абдуррахмана, круг основных вопросов, освещавшихся на страницах газеты «Курдистан». В ней отмечалась необходимость активизации общественной жизни курдов путем распространения просвещения и грамотности, пропагандировалась идея национального пробуждения, указывались причины социального и национального неравенства, пути для его ликвидации. Залог осуществления этих задач Абдуррахман видел в активности каждого члена общества. «Как человек, который вынужден изыскивать средства к существованию, который не может жить в одиночестве и стремится к общению с другими, ты должен отдать все силы делу служения обществу, защищать его честь и имя, обеспечить будущее своей семьи, защитить любимую землю, Родину от врагов»,— писал Абдуррахман.

Идея «личной инициативы» каждого члена общества была популярной и среди младотурок; в частности, ее пропагандировало и крыло децентралистов во главе с принцем Сабахеддином [25]. Упрекая соотечественников в политической слепоте и инертности, Абдуррахман писал: «В своем большинстве... вы ничего не делаете. Цель падишаха — держать вас в невежестве. Пользуясь вашим состоянием, он одаривает одного-двух знаками почета. Вы не понимаете, что эти знаки и медали почета — цена потери вашей национальной культуры, самолюбия и вашего будущего» [26].

Выдвинутые Абдуррахманом в прокламациях и на страницах газеты «Курдистан» вопросы были общими для идейных воззрений большинства курдских патриотов. Главным было осознание оторванности курдского народа от цивилизации и прогресса, понимание гнетущей роли султанской власти. Все это и привело их в армию борцов за свержение тирании в стране.

В первом конгрессе младотурок, состоявшемся в Париже в 1902 г., участвовал Абдуррахман Бадрхан. Курды приняли участие в работе второго младотурецкого конгресса (Париж,

---

[23] «Дрошак», 1900, № 1, стр. 5.

[24] «Дрошак», 1901, № 4. В сокращенном виде прокламация была опубликована на французском языке еще в 1900 г. в журнале «Pro Armenia» (№ 12, стр. 92).

[25] Подробнее см.: Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение, стр. 258.

[26] «Дрошак», 1901, № 4, стр. 67—68.

1907 г.). На конгрессе присутствовали, в частности, делегаты от газеты «La Jara», органа эмигрировавших в Америку турок, армян и курдов. В решении конгресса упоминалось о необходимости издания антиправительственных прокламаций на многих языках народов Османской империи, в том числе на курдском.

Джалиле Джалил

ПЕРВЫЕ КУРДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД МЛАДОТУРЕЦКОГО ГОСПОДСТВА

Обострение социальных и национальных противоречий в Османской империи привело к младотурецкой революции 1908 г. Успех революции был обусловлен «прежде всего результатом объединения вокруг выдвинутых младотурками лозунгов свободы, равенства и братства революционных сил всех народов империи, увидевших в программе младотурок единственный реальный путь к свержению ненавистного феодально-абсолютистского режима»[1]. Однако вскоре после захвата власти младотурки «забыли» свои обещания и в национальном вопросе встали на путь шовинизма. Это был путь ущемления интересов народов, национальные организации которых в борьбе за свержение феодально-абсолютистского режима выступали вместе с младотурками. Тем не менее в результате политической разрядки, наступившей после 1908 г., общественно-политическая жизнь в стране значительно активизировалась.

Заметно оживилось и курдское национальное движение. Центром его стал Стамбул. Здесь жили многие курды — и те, кто служил в армии и административном аппарате Османской империи, и переселенные в столицу под надзор полиции выходцы из знатных феодальных семей, подозреваемые в неблагонадежности, и учащаяся молодежь, и многочисленные, приехавшие в большой город на заработки крестьяне.

После младотурецкой революции в Стамбул из Европы перебралась редакция газеты «Курдистан». Она выходила два раза в неделю на турецком и курдском языках. По утверждению современников, вокруг «Курдистана» группировались

---

[1] Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение, М., 1971, стр. 314.

литературоведы, лингвисты, юристы и люди других специальностей, выходцы из рода Бадрхан [2].

Осенью 1908 г. впервые появляется курдская национальная организация, сделавшая попытку направить в единое русло политические акции и просветительскую работу различных групп складывающейся курдской интеллигенции. Вернувшийся из многолетней ссылки Абдуль Кадер, сын известного руководителя курдского восстания 1880 г. шейха Обейдуллы [3], и принц Эмин Бадрхан основали в Стамбуле «Курд таавун ва таракки джамиати» («Общество курдской взаимопомощи и прогресса») [4]. Членами этого общества стали почти все курдские политические деятели и представители интеллигенции. Организация была очень многочисленной, объединяя представителей разных политических убеждений.

Не отступая от главного лозунга младотурецкой революции, провозгласившей идею единения всех народов Османской империи в стремлении к прогрессу, деятели курдского общества выработали свою программу: открытие школ в курдских районах, назначение курдов для управления районами с курдским населением, признание в этих районах курдского языка в качестве официального, открытие университета в Курдистане, издание политической газеты и журнала на курдском языке, судопроизводство на курдском языке, назначение судей из среды курдов, назначение постоянного курдского представителя в меджлисе, активизация строительных работ в Курдистане [5].

В руководстве общества ведущую роль играли шейх Абдуль Кадер, Эмин Бадрхан, Зейни-паша Балан, Дамад Ахмед Зелькафил-паша, Халил Хайали, Джамил-бек, Ахмед Рамзи-бек и др. [6].

Политически общество «Курд таавун ва таракки джамиати» заявило о себе 25 сентября 1908 г. открытием в Стамбуле своего клуба. В этот день в читальном зале «Везеджилери» присутствовало свыше 500 членов общества и гостей. Выступавшие говорили о преданности новым порядкам, о солидарности с другими народами империи в деле прогресса. В част-

---

[2] «Мшак», 28.II. 1908, № 288; A. Safrastian, Kurds and Kurdistan, London, 1948, стр. 70—71; М. С. Лазарев, Курдистан и курдская проблема, М., 1964, стр. 139.

[3] Подробнее см.: Джалиле Джалил, Восстание курдов 1880 года, М., 1966.

[4] A. Safrastian, Kurds and Kurdistan, стр. 70.

[5] «Kurd teavün ve terakki cemiyeti nizamnamesi», İstanbul, 1324 (араб. шр.); «Рожа нови», 1960, № 6, стр. 34 (араб. шр.).

[6] «Ат-Тахи», 1967, № 10 (араб. шр.). К сожалению, в доступных нам материалах почти не содержится биографических сведений о большинстве перечисленных выше деятелей.

ности, курдский представитель из Муша Муфти-заде Решид-бей сказал, что поскольку курдам при новых порядках предоставлено равное право вместе с другими народами идти по дороге просвещения, экономического благоустройства и политической свободы, то для курдов священным долгом будет честное и беззаветное служение конституции — «канун асаси», активное участие в ее упрочении и претворении в жизнь.

Важным событием в деятельности общества было появление собственного печатного органа: 9 ноября 1908 г. в Стамбуле вышел в свет первый номер газеты «Курд»[7]. Издателем газеты был Тофик (из г. Сулеймания), а ее главным редактором — Ахмед Джамил-бек (родом из г. Диярбакыра). На первой странице, под заголовком, сообщалось, что газета является органом «Курд таавун ва таракки джамиати» и ставит целью пропаганду идей общества. Газета выходила еженедельно на восьми страницах (каждая из четырех колонок)[8].

Круг вопросов, обсуждавшихся в газете, был достаточно широк. Прежде всего, в ней нашло отражение стремление курдов к завоеванию гражданских и политических прав, к национальной консолидации. Газета отмечала, что «курды в Османской империи были лишены всяких нужных благ жизни». Между тем своей храбростью и влиянием на жизнь страны они уже давно заслужили большее уважение[9]. Значительное место занимали статьи культурно-просветительного характера.

---

[7] «Revue du Monde Musulman», 1909, t. VII, № 1—2, стр. 170—171. О газете «Курд» в библиографической литературе существуют весьма скудные и неточные сведения. О ней нет даже упоминания в интересной статье О. Л. Вильчевского (О. Л. Вильчевский, Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии,— сб. «Иранские языки», кн. 1, М.—Л., 1945).

[8] Единственным источником наших сведений о газете «Курд» является журнал «Revue du Monde Musulman», 1909, t. VII, № 1—2), где, в частности, сообщается, что газета была «религиозным политическим и общественным еженедельником». Номера газеты, насколько нам известно, не сохранились, но содержание ряда статей первых шести выпусков приводится с обильными цитатами в книге Х. Шахбазяна «Курдо-армянская история», которая является в этом случае нашим единственным источником (см.: Х. Шахбазян, Курдо-армянская история, Стамбул, 1911, стр. 177 (на арм. яз.).

В том же номере «Revue du Monde Musulman» имеется сообщение о газете «Шарк ва Курдистан» («Восток и Курдистан»), издатели которой Харсакли Ахмед Шериф, Малатиали Бедри и Харсакли Исмаил преследовали исключительно цели мусульманской религиозной пропаганды и никак не были связаны с курдским национальным движением. Никаких иных сведений об этой газете в доступной автору литературе не содержится.

[9] Х. Шахбазян, Курдо-армянская история, стр. 178.

Их авторами были идеологи курдского движения, в их числе Саид Курди, Исмаил Хакки Бабан-заде [10].

Саид Курди в статье, помещенной во втором номере газеты, задав вопрос: «Что нужно курдам?», сам же отвечал на него: «Уже пятнадцать лет, как я над этим раздумываю, и, кроме следующих двух идей, я не нашел другого выхода, который бы гарантировал судьбу Курдистана: национальное единство; вместе со знанием религиозных наук усовершенствование некоторых необходимых для цивилизации наук и искусств». Необходимым фактором для защиты национальной независимости он считал создание курдской армии.

Важной по значению поставленных вопросов была статья Исмаила Хакки Бабан-заде о роли национального языка, помещенная в третьем номере газеты «Курд». В начале статьи автор останавливался на важности языка и образования как необходимых атрибутов национальной консолидации. Он подчеркивал необходимость обучения курдских детей на родном языке. В статье выдвигались и принципы усовершенствования и развития курдского литературного языка. Бабан-заде предлагал собрать устные рассказы, предания о прошлом народа и писать на родном языке его историю. «Совершенствование языка,— писал он,— откроет дорогу нашему развитию. Наконец, первоосновой спасения нации служит образование, ключом же образования — язык. Двери цивилизации должны быть отперты этим ключом» [11].

О роли религии в курдском движении писал в шестом номере газеты Саид Курди. Он старался примирить идеи прогресса и свободы с догмами ислама, предлагал использовать шариат при организации нового общественного устройства. Автор резко выступил против панисламизма, использовавшегося в Османской империи для угнетения немусульманских подданных султана. Эта точка зрения исходила из общей тенденции курдских деятелей, определявших в значительной мере и направление газеты,— пропаганды дружеских отношений с соседними народами. Редактор газеты «Курд» помещал в газете обращения, призывавшие его соотечественников установить тесный союз со всеми народами, населявшими страну [12].

В целом газета «Курд» стояла на либеральных позициях, политически мало отличимых от направления многих издававшихся в Стамбуле газет на турецком и армянском языках [13].

---

[10] После революции 1908 г. Исмаил Хакки Бабан-заде вошел в младотурецкое правительство в качестве министра просвещения.

[11] Х. Шахбазян, Курдо-армянская история, стр. 178—179.

[12] «Горц», 18.I.1909, № 11.

[13] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции, М., 1965.

В своей деятельности стамбульский курдский клуб стремился упрочить дружественные отношения с другими национальными меньшинствами Османской империи, в особенности с армянами. Многовековая общность исторической судьбы курдов и армян, многовековая территориальная общность предопределили общность их национальных интересов, постоянную близость обоих народов в их политических устремлениях, зачастую омрачавшуюся конфликтами, провоцировавшимися и раздувавшимися султанским двором.

С первых же дней утверждения в Турции конституционно-монархического режима в столице регулярно проходили совместные манифестации и митинги армян и курдов под лозунгами сотрудничества и сплоченности. Курдский клуб Стамбула специально организовывал вечера дружбы курдов и армян, где выступали видные курдские и армянские лидеры, писатели и другие видные лица. В армянских, курдских и турецких газетах часто можно было встретить сооообщения или статьи о собраниях и митингах дружбы, проводимых по инициативе то курдского клуба, то армянского. Особенно многолюдными были митинги дружбы, организовывавшиеся на окраинах столицы или в примыкающих к городу деревнях, где проживали курды и армяне. «Среди нас, армян,— писал корреспондент „Горц", — это вызывает большое восхищение и удовлетворение, поскольку является отзвуком столь желательной и взлелеянной идеи содружества, нашедшей отклик среди курдских соотечественников» [14].

Усилия армянских и курдских политических деятелей в Стамбуле, направленные на укрепление дружеских уз двух народов, находили, правда в меньшей степени, отклик в Курдистане и Армении, где еще прочны были феодально-клерикальные устои.

Политическая активность «Курд таавун ва таракки джамиати» вышла за пределы Стамбула вместе с организацией его клубов в восточных районах Анатолии, в Диярбакыре, Битлисе, Мосуле, Багдаде, Муше, Эрзуруме — клубов, которые превратились в местные комитеты общества. Вскоре эти клубы приобрели огромное влияние на общественную и политическую жизнь районов. Местные ячейки клубов организовывались почти в каждом небольшом городке или местечке с курдским населением. В курдские клубы записывались и представители феодально-племенной верхушки, которые видели в этой организации возможность приобщения к новому режиму, гарантию защиты своих интересов.

Самым крупным и влиятельным был битлисский клуб. Рус-

[14] «Горц», 12.XI.1908, № 53.

ский консул в Битлисе Акимович определял число лиц, участвовавших в мероприятиях клуба, в несколько десятков тысяч человек. В отличие от стамбульского курдского клуба в местных клубах среди руководства и активных членов почти отсутствовали представители курдской интеллигенции. Здесь выделялась состоятельная прослойка, приспосабливавшаяся к новым экономическим и политическим условиям. Акимович утверждал, что «в члены этого клуба (битлисского.— *Д. Д.*) записывались все богатые курды... Члены этого клуба собирают между собой капитал в сорок тысяч лир, на каковой намереваются открыть в Битлисе фабрики» [15].

Клуб иттихадистов, чья партия правила государством, видя причины ослабления своего влияния в районе Битлиса в деятельности курдского клуба, принял энергичные меры для его упразднения. В мае 1909 г. курдский клуб был закрыт. Многие его члены вынуждены были записаться в клуб иттихадистов, что для последних имело и чисто экономическое значение, поскольку членские взносы были главным источником финансирования клуба. «Нуждаясь в денежных средствах, [клуб «Единение и прогресс»],— писал русский консул из Битлиса,— стремится лишь привлечь в свою среду как можно большее число членов из богатых и влиятельных курдов» [16]. Впрочем, более важным для иттихадистов было обеспечить свое политическое влияние на курдское население. Постепенно закрывали и другие курдские клубы. Иттихадисты всюду принуждали курдов записываться в свои клубы. Но курды охотнее сотрудничали с итиляфистами, оппозиционно настроенными к правящей партии.

В середине лета 1909 г. по распоряжению властей «Курд таавун ва таракки джамиати» прекратило свое существование. Это общество сыграло немалую роль в развитии национального самосознания курдов, в политическом оформлении курдского национального движения.

Просветительская деятельность общества из-за короткого срока его существования не была столь значительной, как политическая активность клубов. Одной из главных своих задач деятели «Курд таавун ва таракки джамиати» видели в распространении грамотности среди курдского населения. С этой целью при обществе была создана «Курд нетр маарифи» («Ассоциация распространения курдской грамотности»), единственная задача которой заключалась в открытии школ и издании книг на курдском языке. Руководство и члены Ассоциации свою деятельность согласовывали с министерством

---

[15] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1908, д. 1401а, л. 58.
[16] Там же, л. 15об.

народного просвещения Турции[17]. Финансы Ассоциации складывались из добровольных пожертвований состоятельных курдов, принимавших деятельное участие в курдской общественной жизни. На собранные таким образом деньги в Стамбуле, в районе Диванилу, на улице Ходжа-паша, была построена курдская мужская школа, названная «конституционной». Об этом событии почти одновременно сообщили газеты «Оризон», «Азатамарт», «Жаманак» и др. По свидетельству одной из газет, школьная программа соответствовала программе, утвержденной для турецких школ. Разъясняя главные цели и задачи, стоящие перед школьными воспитателями, корреспондент армянской газеты «Оризон» отмечал, что «в этой школе курдские дети получат общее образование и будут обучаться в строго конституционном духе»[18]. Распорядителем школы был назначен Абдуррахман Бадрхан, человек с европейским образованием, бывший редактор газеты «Курдистан». Вначале в школе училось 30 курдских мальчиков, затем их число увеличилось.

Пафос просветительских и общественных идей, столь явный в Стамбуле, не успел найти отклика в глухих районах Восточной Анатолии, где были еще очень сильны религиозные и феодальные устои. В период деятельности Ассоциации в самом Курдистане не было построено ни одной школы. Имевшиеся трудности усугублялись искусственными преградами, которые создавались турецкими властями, с опаской наблюдавшими за нежелательным для них усилением духа национального самосознания курдов.

После закрытия «Курд таавун ва таракки джамиати» и его организаций политические выступления деятелей курдского национального движения прекратились, само это движение оказалось лишенным легальных форм существования. По сведениям, поступившим из Муша в редакцию газеты «Оризон», после закрытия клубов центрами курдской общественной жизни стали медресе. Именно тогда открылись курдские медресе в Копе (район Буланух), Маназкерте и ряде других мест[19]. Там курды проводили свои собрания, держа в глубокой тайне обсуждаемые вопросы. В строгом секрете держалась и программа преподавания. О роли медресе или о масштабе оказанного ими в тот период влияния на курдскую общественную мысль трудно говорить определенно.

С закрытием курдских клубов и «Курд таавун ва таракки джамиати» курдское движение, процесс развития курдской

---

[17] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции.

[18] «Оризон», 1910, № 30.

[19] «Оризон», 1910, № 31.

общественно-политической мысли не остановились. Внешняя и внутренняя политика младотурок с середины 1909 г. претерпевает резкие изменения, проявляет реакционное, шовинистическое содержание в национальном вопросе. Усиление в стране турецкого шовинизма способствовало активизации национальных меньшинств, поднимавшихся на борьбу за свои интересы.

В начале 1912 г. курдские студенты организовали в Стамбуле общество «Хива» («Надежда»)[20]. Его члены и руководство находились в тесном контакте с курдскими деятелями Стамбула. «Хива» была создана при сельскохозяйственном колледже «Халкали», где число курдских студентов было значительным[21]. В общество были вовлечены также студенты из других колледжей. Председателем «Хивы» был Омар Джамил-паша, секретарем — Кадри Джамил-паша, наиболее активными членами — Фуад Тамо, Джарах-заде Мамдух Селим, Наджмадин Хусейн, Абдуль Азиз Бабан, Эфенди Омар, Зеки-бек[22]. Общество работало в тесном контакте с арабскими политическими и общественными деятелями. Так, у Наджмадина Хусейна и Кадри Джамил-паши были налажены дружеские отношения с известными арабскими писателями и общественными деятелями Садуллой Джабири и Рашидом Риза (последний — один из основателей крупнейшей и наиболее влиятельной арабской национальной организации «Хизб ал-лямарказия ал-идария ал-османи» — Османская партия децентрализации,— созданной в конце 1912 г. в Каире[23]).

В отличие от «Курд таавун ва таракки джамиати» общество «Хива» смогло шире распространить свою деятельность в районах с курдским населением. Его отделения действовали в Битлисе, Эрзуруме и других городах. Своей активностью особенно выделялось эрзурумское отделение, организованное при местной средней школе. Руководил им Таиб Али. Общество имело также заграничное отделение с центром в Лозанне.

Когда началась мировая война, «Хива» временно прекратила работу. Все члены общества были мобилизованы в армию[24]. Архив и весь денежный фонд были переданы на хранение Абдул Азизу Бабану[25]. Организация возобновила свою

---

[20] В. Ф. Минорский, Курды, Пг., 1915, стр. 18.

[21] «Ат-Тахи», 1967, № 10 (араб. шр.).

[22] Ад-Доктор Балеч Ширку, Аль-Кадийя аль-курдийя, [б. м.], 1930, стр. 52 (араб. шр.).

[23] La verité sur la question sirienne, Stamboul, 1916, стр. 58.

[24] Мехмет Амин Заки-бек, Хуласат тарих аль-курд ва Курдистан, Мыср, 1936, стр. 35 (араб. шр.); Ад-Доктор Балеч Ширку, Аль-Кадийя аль-курдийя, стр. 52.

[25] «Ат-Тахи», 1967, № 10.

работу лишь после войны, на этот раз под председательством Асифа Бадрхана. Общество издало ряд книг, в том числе уникальный сборник произведений средневекового курдского классика поэта Ахмеда Хани, учебник «Изучение курдского языка», написанный Акрамом Джамил-пашой, и др. В 1922 г. «Хива» окончательно перестала существовать.

В 1913 г. «Хива» издавала ежемесячный журнал «Рожа курд» («Солнце курда»). Вышло всего несколько номеров. Первый номер датирован 6 июня 1913 г. Журнал издавался на турецком и курдском языках. Редактором «Рожа курд» был Абдул Кярим из г. Сулеймании. После третьего номера журнал был переименован в «Хатави курд», что на соранском диалекте курдского языка также означает «Солнце курда».

Хотя журнал был основан курдскими студентами, активную роль в нем играли опытные курдские политические и общественные деятели — Наджмадин Киркукли, Салах Бадрхан. Знаменательно, что на страницах журнала часто выступали крупные курдские деятели Абдулла Джевдет, известный как один из основателей и идеологов младотурецкого движения [26], и Исмаил Хакки Бабан-заде, примкнувшие к курдскому движению после того, как младотурки, придя к власти, отказались от провозглашенных ранее лозунгов национальной политики.

Номера «Рожа курд» из Стамбула доставлялись в Курдистан. В книге «Курды» В. Ф. Минорский писал после своего путешествия по Курдистану: «По-видимому, [«Рожа курд»] получил довольно широкое распространение. Мне приходилось слышать о нем в далекой Сулеймании, где ханов и интеллигентов живо интересовали вновь поднятые национальные вопросы» [27].

«Рожа курд» ставил перед читателями все те актуальные проблемы, которые тогда определяли основные тенденции развития курдского общества, затрагивал вопросы, решение ко-

---

[26] Кстати, до сих пор в курдоведческой литературе мало внимания уделено Абдулле Джевдету и его деятельности в курдском движении. Между тем немаловажна его роль в зарождении курдской национальной идеологии. Бесспорным подтверждением этого могут служить его статьи, опубликованные во всех номерах «Рожа курд» и в разных турецких газетах, где он поднимал программные вопросы, касающиеся деятельности курдской интеллигенции или посвященные истории и культуре курдского народа. В период первой мировой войны и после нее он принимал активное участие в организации и деятельности курдских политических организаций. В этой связи не случайно, что после первой мировой войны, накануне курдского восстания 1925 г., турецкие газеты обвиняли Абдуллу Джевдета в том, что он замышлял создание независимого курдского государства (см., например, «Акшам», 1925, январь).

[27] В. Ф. Минорский, Курды, стр. 18.

торых способствовало бы росту курдского движения, стимулировало бы формирование национальной идеологии. В этом отношении определенный интерес представляли статьи Абдуллы Джевдета.

В статье «Обращение» он фактически изложил свои воззрения на вопросы национального становления. Он писал: «Мы живем в эпоху, когда формируются нации». Нация, по представлению Абдуллы Джевдета, это народ, выделяющийся «индивидуальностью» и «самобытностью». Под словами «индивидуальность» и «самобытность» автор, очевидно, подразумевал национальный характер и этнические особенности народа, которые, по его мнению, находятся в постоянном движении, изменяя сознание людей. «У нации,— продолжал он,— нет застывшей истории». И поскольку, как считал Абдулла Джевдет, знание истории питает национальное самосознание народа, он и призывал курдов изучать и знать свое прошлое. Отмечая важность этого, он писал: «Мы живем в XX в. Нация, которая не овладела знанием прошлого и не определяет историю своего будущего, не является сама себе владыкой. А нация и отдельные личности, не являющиеся хозяевами над собой, превращаются в рабов и становятся жертвой других» [28].

Вопрос об определении обязанностей, задач и осознании каждым курдским студентом своей роли в обществе Абдулла Джевдет поставил в статье, напечатанной в «Хатави курд». Здесь он дал реальную картину тяжелой жизни курдского населения, его культурной, социальной и экономической отсталости. Он предупреждал курдских деятелей и молодежь, что одного лишь вдохновения и желания недостаточно для борьбы с этим злом. Настоящее дело, по его мнению, это непременное переселение в Курдистан, «в народ». «Вовсе бесполезны разговоры и размахивание руками здесь, в Константинополе,— замечал он,— в деревню, в деревню! Есть пшеничный хлеб, пить козье молоко, озарять крестьян светом, учить их овладению благами цивилизации — вот цель нашей молодежи» [29].

Авторы многих статей, напечатанных в «Рожа курд», стремились найти причины отсталости курдского народа. Так, Абдулла Джевдет настаивал на необходимости изучения характера занятий курдов, уровня их хозяйственной жизни, процентного соотношения мужского и женского населения, рождаемости и смертности, грамотности, хозяйственных отношений курдов с соседними народами, состояния ремесла, уровня

---

[28] «Рожа курд», 1913, № 1.
[29] «Жаманак», 1913, № 1608.

земледелия, процесса эмиграции, определения соотношения землевладельцев и безземельных крестьян и др.

Представители курдской интеллигенции заимствовали многие демократические идеи Запада. Их просветительская деятельность проявилась в попытках создания курдской письменности, преобразования школьной системы, изучения истории и культуры своего народа; она стимулировала рост национального самосознания и ориентировала на борьбу за реформы в социальной и экономической жизни.

Политические вопросы в журнале не могли получить широкого освещения из-за цензурных ограничений. С. Бадрхан в статье «Проснитесь!» с возмущением констатировал, что редакция журнала скована в своей деятельности внешними факторами и поэтому вынуждена обходить молчанием политические вопросы. «Этот журнал,— писал он,— рассказывает только о науке и знании, и ни о чем другом он не может говорить, поскольку в правительственном законе имеется статья, гласящая, что тот, кто издает политический орган, обязан оставить залог в размере 500 золотых. Что касается курдов, то они имеют лишь один журнал „Рожа курд“» [30].

«Рожа курд», будучи органом зарождающейся курдской буржуазии, стал выразителем основных идей и интересов, определяющих, правда еще не совсем четко, идеологию курдского движения. В то же время «Рожа курд» свидетельствовал о тех важных изменениях в идеологии курдских деятелей, которые происходили в результате влияния младотурецкой революции и европейского просвещения.

В «Рожа курд» публиковались статьи об экономическом прогрессе общества. Этому были посвящены, в частности, статьи Абдул Кярима «Горькое и сладкое», Ниджата Диарбекири «Землепашество» и др. «Сегодня,—писал Ниджат, — наши поля не удовлетворяют нашим потребностям, поэтому мы вынуждены ввозить из-за границы не только промышленные товары, но и хлеб. Все это потому, что в странах Европы применяют новые способы обработки земель, широко используя новейшую технику, в то время как в курдских деревнях ведется агитация против употребления сельскохозяйственных машин как запрещенных богом. Тот из нас, кто утверждает, что это грешно, что не надо пользоваться машинами, говорит неправду, он ничего не знает». Свою статью Ниджат заканчивает призывом: «Вы должны постепенно приобрести их (машины.— *Д. Д.*), использовать... чтобы наши гумна были просторными, а наши пазухи — полными» [31].

---

[30] «Рожа курд», 1913, № 1.

[31] Там же.

Но главное место в журнале занимали вопросы народного просвещения. Уже в первом номере «Рожа курд» Масуд Сулейманли выступил со статьей «Наши буквы и доступность чтения», в которой писал о необходимости пересмотра курдского алфавита. Прямым откликом на эту статью явилось выступление М. С. Азизи во втором номере журнала. Автор предложил свой вариант курдского алфавита. Проблемам школьного образования была посвящена статья редактора журнала Абдул Кярима Сулеймани «Почему дети не могут быстро обучаться грамоте». Основная ее идея — критика образовательной системы и программ обучения в медресе.

Оценивая деятельность курдской интеллигенции, следует отдать должное той роли, которую она сыграла в пропаганде национальных идей, пробуждении в народе национального самосознания и национальной гордости.

В 1912—1913 гг. наметились разные пути политической ориентации курдского движения. Одни курдские лидеры придерживались программы умеренных действий в рамках Османской империи, другие выступали за независимость Курдистана. В курдском движении уже давала о себе знать и прорусская ориентация. Видная роль в этом принадлежала Абдуррезаку Бадрхану, крупному политическому и общественному деятелю. Возникновение и усиление прорусской ориентации было обусловлено активизацией ближневосточной политики России, ростом ее влияния на политическую и общественную жизнь народов, томившихся под турецким гнетом. Важным фактором был также опыт освобожденных с помощью России из-под турецкого ига балканских и кавказских народов.

Сторонники прорусской ориентации провозглашали радикальную программу борьбы. Поэтому их деятельность в основном разворачивалась в самом Курдистане, на пограничной с Россией территории.

Еще с конца 1912 г. под руководством радикальных курдских лидеров в Турции действовала тайная политическая организация «Иршад» («Просвещение»), руководящий комитет которой возглавлял подготовку восстания. По сообщению одного из активных участников этой организации, Хайреддина Берази, русскому генеральному консулу, «Иршад» имел свои отделения в Ване, Диярбакыре, Урфе и других городах. В состав комитета, возглавлявшего организацию, входили, в частности, Сибки Азиз-бек, Зирки Акид-эфенди, Бакир-эфенди, алашкертский шейх Осман-эфенди, Селим-эфенди. Организация имела свою печать и кассу, куда ежемесячно ее члены уплачивали взносы. По признанию членов «Иршада», «будь у комитета достаточно денег, восстание можно было бы орга-

низовать за пятнадцать дней»[32]. Для выхода из финансовых трудностей руководство «Иршада» начало в курдских районах сбор налогов от населения. На полученные средства оно закупило большую партию оружия.

Весной 1913 г. в округе Ширван Сеертского санджака было созвано представительное собрание курдских лидеров, где обсуждался вопрос о характере будущего курдского бейлика. Там же рассматривался вопрос об отношении к России, о налаживании активных контактов с русскими властями в Закавказье. На совещании было решено отправить курдского представителя в Тифлис, с тем чтобы выяснить намерения России в отношении курдов[33].

Османское правительство внимательно следило за ходом событий в Курдистане. От своих агентов оно узнало обо всех подробностях готовящегося восстания. В сентябре 1913 г. турецкие агенты вероломно убили видного деятеля «Иршада» эмиссара Абдуррезака Бадрхана Хайреддина Берази. В результате спровоцированных убийств и арестов властям удалось ликвидировать организацию «Иршад».

Усилиями Абдуррезака Бадрхана и названных выше лиц в начале 1913 г. было организовано курдское культурно-просветительское общество «Гехандени» («Образование»). В общество были вовлечены многие курдские феодалы. Его цель заключалась в организации в Хойском районе курдских школ, выпуске курдских газет и журналов, создании курдского алфавита. Общество намеревалось послать представителей курдской молодежи в Россию для получения образования[34]. Главой общества был Абдуррезак Бадрхан.

Залог успеха деятельности «Гехандени» Абдуррезак и его сподвижники видели в тесной поддержке со стороны русского вице-консула в Хое Чиркова. Поэтому они просили Чиркова взять «Гехандени» под официальное покровительство России.

«Гехандени» выдвигало обширную программу не только образовательного характера, но и духовного сближения курдов с русской культурой. В этом направлении серьезной мерой должно было служить создание нового курдского алфавита на основе русского алфавита. Необходимость такой реформы Абдуррезак Бадрхан аргументировал двумя обстоятельствами: во-первых, арабский алфавит из-за отсутствия в нем некоторых гласных букв не мог быть применен для курд-

---

[32] АВПР, ф. Политархив, 1912—1914, оп. 482, д. 1648, л. 30.

[33] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1912—1914, д. 3573, лл. 108 об.— 109.

[34] О. Л. Вильчевский, Курды Северо-Западного Ирана, Л., 1944, стр. 61.

ского языка; во-вторых, русская письменность должна была послужить курдским детям и при изучении русского языка, приобщить их к передовой русской литературе и культуре. Абдуррезак отмечал, что русская письменность «облегчит нам изучение русского языка, необходимого для нас ввиду настоятельной нужды отправлять наиболее способных молодых людей в Россию для усовершенствования в науках»[35].

Абдуррезак встречался с видными русскими востоковедами Н. Я. Марром и И. А. Орбели. Ссылаясь на большие достижения русского курдоведения, он ходатайствовал об открытии в Петербурге, в Академии наук, центра по изучению курдского языка и литературы[36].

Первая курдская школа была торжественно открыта 22 октября 1913 г. в Хое. Комнаты для занятий были обставлены по образцу европейских школ. В школе имелись учительская, столовая на 30 учеников, амбулатория. Были созданы столярная, токарная, кузнечная и портняжная мастерские, снабженные необходимыми инструментами и оборудованием.

В школьную программу были включены история, география, начальная математика и другие дисциплины. Открытие школы в Хое вызвало широкий отклик среди курдского населения Турции. Турецкие, армянские и русские газеты сообщали об этом событии, по-разному комментируя цель и назначение школы. Как бы ни расходились их оценки, бесспорным было повышение авторитета России среди курдских масс. Это побудило Турцию и Германию к соперничеству в культурно-просветительских начинаниях. Младотурки поспешили громогласно заявить о том, что власти ассигновали на открытие курдских школ в турецко-персидской пограничной зоне большую сумму[37]. Германский вице-консул срочно предпринял путешествие по Курдистану, всюду уверяя в благосклонности своего правительства к делу культурного развития курдского населения. Обещания турецких властей и немецких дипломатов не выражали их истинных намерений, поэтому и практические шаги в этом направлении не были сделаны.

* * *

Таким образом, политическая разрядка в стране, наступившая после младотурецкой революции, стимулировала развитие общественной жизни курдов. В результате были созда-

---

[35] ЦГИА ГрузССР, ф. 15, д. 372, л. 130; Сводка сведений о сопредельных странах..., Тифлис, 1913, № 40, стр. 12.

[36] М. С. Лазарев, Курдистан..., стр. 227.

[37] ЦГИА ГрузССР, ф. 15, д. 371, лл. 161 об.— 162.

ны первые курдские общественные и политические организации, появились курдские газеты и журналы.

Главной своей задачей курдские общественные деятели считали развитие просвещения, приобщение народа к цивилизации, с тем чтобы в будущем добиться политической консолидации курдов. Их деятельность протекала в обстановке усиления шовинистической политики младотурок, в атмосфере острых политических столкновений. Этим объясняется столь недолгое существование курдских организаций.

Участие Османской империи в первой мировой войне парализовало деятельность курдской интеллигенции, а отделение от Турции, Ирака и Сирии наложило глубокий отпечаток на дальнейшее развитие курдского общественного движения и его идеологии.

Г. З. Алиев

К ВОПРОСУ О ПОМОЩИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ МЛАДОТУРЕЦКОМУ ДВИЖЕНИЮ

Известно, что младотурецкое движение пользовалось поддержкой прогрессивной общественности Закавказья, в частности азербайджанских революционных демократов, группировавшихся вокруг газеты «Даветкоч» («Приглашение»), выходившей на азербайджанском и армянском языках под редакцией М. Азизбекова, С. М. Ахундова, П. Мнацаканяна, газеты «Йолдаш» («Товарищ») под редакцией А. Ахундова, большевистской газеты «Гуммет», газеты «Текамюл» («Эволюция»), юмористического журнала «Бахлюл» («Насмешник») и других газет и журналов.

Весьма большое распространение получил в Турции, особенно в Восточной Анатолии, издававшийся в Тифлисе с апреля 1906 г. на азербайджанском языке сатирический журнал «Молла Насреддин», основателем и главным редактором которого был выдающийся азербайджанский революционный демократ Мирза Джалил Мамедкулизаде. Журнал этот был очень хорошо осведомлен о жизни в Турции и Иране, откликался на злободневные события в этих странах. Мамедали Сидги, один из соратников Джалила Мамедкулизаде, в своих мемуарах сообщает, что многочисленные подписчики «Моллы Насреддина» имелись не только в России, Турции и Иране, но и в Англии, Италии, США, Германии, Франции, Египте и Индии[1]. Мамедкулизаде впоследствии писал, что «перед „Моллой Насреддином" стояли, подобно черной скале, не только царь Николай II, но и султан турецкий и шах иранский, которые олицетворяли восточный деспотизм и религиозный фанатизм».

Вместе с тем азербайджанские демократы оказывали ту-

[1] См.: «Эдебиjjат», 20.IV.1941.

рецким буржуазным революционерам и практическую помощь.

В рукописном фонде АН АзербССР нами недавно обнаружен документ, свидетельствующий о тесных связях молланасреддиновцев с обществом «Иттихад ве теракки». В личном архиве Омера Фаика Неманзаде, близкого друга и соратника Мирзы Джалила Мамедкулизаде, имеется тетрадь, в которой содержится сообщение о том, что еще задолго до выхода журнала «Молла Насреддин» в Тифлисе, в типографии «Гейрат» («Рвение»), печатались прокламации, призывавшие турецкий народ подняться на борьбу против тирании. Эти прокламации нелегальным путем переправлялись в Турцию.

Омер Фаик пишет: «Мы печатали прокламации не только для рабочих Тифлиса, но и для Турции. По личному поручению принца Сабахеддина из Парижа к нам приехал молодой человек по имени Хусейн Тосун, который привез составленные самим принцем тексты таких прокламаций»[2]. Далее Омер Фаик сообщает, что этот посланец младотурецкого общества около двух месяцев жил в его квартире и что прокламации принца были напечатаны и со специальным человеком через Эрзурум отправлены в Турцию[3]. Омер Фаик считает, что эти прокламации, распространявшиеся главным образом среди турецких солдат и крестьян, сыграли важную роль в подготовке эрзурумского восстания 1906 г.[4]. Достоверность фактов, приводимых Омером Фаиком, подтверждает Ахмед Бедави Куран, один из ближайших соратников принца Сабахеддина, сообщающий в своей книге, что одним из руководителей эрзурумского восстания был представитель Общества децентрализации и частной инициативы Хусейн Тосун-бей[5].

Установление связей с азербайджанскими революционными демократами дало младотуркам возможность развернуть организационно-пропагандистскую деятельность в Закавказье.

А. Б. Куран приводит выдержки из письма младотурецкого лидера Бахаеддина Шакира «братьям-мусульманам Кавказа» от 23 ноября 1906 г., в котором утверждается, что младотурецкое Общество децентрализации установило связь с тайными организациями кавказских мусульман[6].

---

[2] Рукописный фонд АН АзербССР, архив О. Фаика, инв. № 22555, тетрадь 2, стр. 49.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] См.: A. B. Kuran, Inkilâp tarihimiz ve jön türkler, Istanbul, 1945, стр. 192—193.

[6] A. B. Kuran, Inkilâp tarihimiz ve Ittihad ve Terakki, Istanbul, 1948, стр. 214—215.

На наш взгляд, к числу таких организаций можно отнести и «Дифаи» («Общество национальной защиты»), о создании и деятельности которого свидетельствует ряд не опубликованных до сих пор материалов, хранящихся в Государственном архиве Азербайджанской ССР.

Так, среди циркуляров канцелярии Тифлисского губернского жандармского управления, разосланных по всем губерниям Закавказья, имеется протокол, составленный подполковником Башинским, относительно деятельности «Дифаи». В этом протоколе говорится, что в 1906 г. по инициативе редактора и издателя газеты «Иршад» Ахмед-бея Агаева (Ахмеда Ага-оглы) в Баку была создана политическая организация «Дифаи» [7].

Крупные комитеты этого общества были образованы в Шуше, Елисаветполе (ныне Кировабад), Агдаме и Бардях Джеваншироского уезда. Председателем Елисаветпольского отделения «Дифаи» был Молла Мамед Пишнамаззаде, «известный своими давнишними связями с константинопольскими и тевризскими бунтовщиками», как о нем отзывается Башинский [8].

Как видно из донесения Башинского, еще в 1901 г. было обнаружено посланное из г. Нухи (ныне Шеки) на имя Моллы Мамед Пишнамаззаде в Гянджу письмо, в котором говорилось: «Здесь (в Нухе.— *Г. А.*) жандармы произвели обыск в „Худжре" Казия Молла Гасана, но ничего не нашли, потому что книги Казия находились у Мирзы Алекпера Ахундова... Прошу тебя предупредить Молла Халила, чтобы он не назвал имени Мирзы Алекпера Ахундова. Если спросят, то пусть скажет, что деньги израсходовал сам и не сознается об отсылке денег в Константинополь» [9]. В полицейских донесениях сообщается, что руководители «Дифаи» производили большие сборы с населения (главным образом с богатых), значительную часть которых отсылали в Иран и Турцию «бунтовщикам» [10].

С началом революции 1905 г. в городах Закавказья наряду с русской революционной литературой появилось много брошюр на французском и турецком языках. Важную роль в распространении подобной литературы, как явствует из полицейских донесений, сыграли такие тайные организации, как «Дифаи» и филиалы «Дашнакцутюн». Даже сам губернатор Елисаветпольской губернии Флейшер получил по почте от

---

[7] ЦГАОР АзербССР, ф. 62, оп. 1, д. 59.
[8] Там же, л. 164.
[9] Там же, л. 165.
[10] Там же.

имени «Дифаи» брошюру на французском и турецком языках [11].

В одном из донесений полицмейстера Елисаветпольской губернии сообщается, что 5 мая 1906 г. со станции Сувалки Петербургско-Варшавской железной дороги были посланы два ящика в Елисаветполь с произведениями Плеханова, Бонч-Бруевича, Надеждина, Струве, Засулич, Мартынова — общим числом 2500, а также революционная литература на французском и турецком языках. В этом донесении ничего не говорится об авторстве французской и турецкой части захваченной полицией литературы [12].

Тем не менее спустя некоторое время в Елисаветполе при обыске у Пишнамаззаде, а позднее и у других активных членов «Дифаи» — Гамид-бея Усуббекова, Мирзы Мамеда Ахундова, Алескер-бея Хасмамедова — было обнаружено много брошюр, воззваний и т. п. на разных языках, а также две печати общества «Дифаи» (на них были изображены полумесяц со звездой и две шашки, сложенные крест-накрест рукоятками вниз, а под ними подпись: «Дифаи»).

Такая же литература была захвачена полицией в середине октября 1906 г. в Тифлисской, Бакинской и Эриванской губерниях [13].

Все задержанные показывали, что эти брошюры «купили во время движения (имеются в виду революционные события 1905 г.— *Г. А.*), что в то время даже раздавали их даром и что они их не бросили потому, что не считали их вредными» [14].

По архивным данным, среди этой литературы внимание царских властей привлекла брошюра, принадлежащая перу видного младотурецкого лидера Абдуллаха Джевдета (1869—1932).

В полицейском протоколе № 27, составленном ротмистром Астраханцевым 17 января 1909 г., говорится, что «брошюра, написанная на турецком и отчасти на арабском языках, величиной в восьмую часть листа, в зеленой обложке, приобщается к настоящей переписке в качестве вещественного доказательства». К сожалению, в архиве самой брошюры нет, но имеется русский перевод ее основного содержания [15].

Брошюра, как видно из описания титульного листа, называется «Воззвание к мусульманам Кавказа» и опубликована в Женеве в 1905 г. Начинается она с перечисления событий армяно-мусульманской резни в Баку, Нахичевани и Эривани

---

[11] Там же, л. 87.
[12] Там же, д. 41, л. 79.
[13] Там же, д. 59, л. 160.
[14] Там же, л. 73.
[15] Там же, лл. 79—82.

в феврале — июне 1905 г. Далее автор пишет: «Что служит основанием этих ужасов? Неужели все это происходит на национальной, религиозной или экономической основе? Думается, что нет. Братья-мусульмане! Поймите, что вы обмануты, что вы сделались низким орудием русского самодержавия, того самодержавия, которое, желая потопить в крови охватившее его революционное движение, сеет рознь и вражду между своими подданными, придерживаясь иезуитского правила: „Хочешь повелевать — разъединяй!" Благодаря стараниям царя и его чиновников в будущем вы еще больше будете побиты, тем более что эти их старания встречают полное сочувствие со стороны другого тирана — Абдул Гамида» [16].

Весьма примечателен следующий факт. На обороте обложки экземпляра брошюры Абдуллаха Джевдета, найденной полицией у Алескер-бея Хасмамедова, было написано по-русски: «Через мирового посредника Гарина прислано „на память" хорошо грамотному мусульманину от члена армянского комитета Леона Мнацаканова, январь, 1906 г.» [17]. Это дает основание предполагать, что в распространении младотурецкой пропагандистской литературы не последнюю роль играли и филиалы армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн».

Следует отметить, что младотурки действовали через Иранский Азербайджан, используя сложившуюся там революционную ситуацию. Русский генеральный консул в Тебризе в донесении послу в Тегеран от 3 сентября 1905 г. сообщил, что редакция тебризской газеты «Хадид» («Железо») получила воззвание на турецком языке от младотурецкого «Меджмуаи идждихат» к проживающим в России мусульманам. Само воззвание «К мусульманам России» было приложено к рапорту консула в министерство иностранных дел [18].

Основные положения воззвания схожи с положениями брошюры Абдуллаха Джевдета. Это подтверждает, что оба документа исходили из одного и того же источника. «Все элементы,— говорится в воззвании,— стремящиеся к свободе и государственным реформам, сделались орудием в руках русского царя и турецкого султана, которые руководствуются принципами divide et impera, чтобы подавить в корне освободительное движение, посеять вражду и раздоры между своими подданными» [19].

---

[16] Там же, лл. 81—82.
[17] Там же, л. 101.
[18] См.: АВПР, Секретный рапорт Российского императорского генерального консульства в Азербайджане 3.IX.1905, № 36.
[19] Там же.

А. Д. Желтяков

К ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Советскими востоковедами сделано немало для изучения истории рабочего класса Турции[1]. Однако некоторые важные стороны турецкого рабочего и социалистического движения исследованы недостаточно. В частности, мы все еще мало знаем о начальном этапе приобщения сознательных рабочих Турции к теории научного социализма. Изучение особенностей этого процесса представляет интерес как в общетеоретическом плане, так и для понимания сложного пути развития социалистического движения в Турции, стране, где вековое господство иностранного капитала и средневековых порядков и пережитков в сочетании с мусульманскими традициями, а также национальными и религиозными противоречиями препятствовало освобождению масс рабочих от воззрений феодального общества и от идеологии буржуазного национализма. Успешное исследование этой проблемы на современном уровне науки во многом зависит от возможности учета тех материалов, которые были опубликованы в изданиях политических и иных организаций рабочего класса Турции, поскольку они наиболее полно и вместе с тем синхронно отражают уровень его идейно-организационной зрелости.

В Турции рабочее и социалистическое движение никогда не имело полных прав легальности даже в рамках тех куцых буржуазных свобод, которые были декларированы сначала

---

[1] См.: А. Д. Новичев, История рабочего класса Турции в источниках и литературе,— «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 135—145; его же, История рабочего класса Турции, Л., 1958 (док. дисс.); Р. П. Корниенко, Рабочее движение в Турции, 1918—1963, М., 1965; Ю. Н. Розалиев, Классы и классовая борьба в Турции (буржуазия и пролетариат), М., 1966; А. М. Шамсутдинов, Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923, М., 1966; Г. З. Алиев, Турция в период правления младотурок, М., 1972.

младотурецкой конституцией 1908 г., а позднее режимом республики. Антирабочая политика правящих кругов Турции не только тяжело отразилась на рабочем, социалистическом и коммунистическом движении, но и создала большие трудности для изучения его истории. В течение ряда десятилетий после провозглашения республики (1923 г.) турецкие ученые избегали этой темы, а то, что публиковалось, выходило почти исключительно из-под пера апологетов официальной доктрины, которая или отрицала само существование турецкого пролетариата как особого класса, или попросту молчала о его борьбе.

Сказанное целиком относится и к вопросу о рабочей и социалистической печати Турции. Специального исследования по этой теме нет и поныне. Более того, ни одна из десятков статей, опубликованных в «Ежегодниках»[2], которые с 1960 г. выпускает Институт журналистики Стамбульского университета, не касается истории турецкой социалистической печати.

После второй мировой войны роль турецкого пролетариата в экономической и общественно-политической жизни страны заметно возросла. В 50-х годах в Турции наконец появились две публикации по истории ее рабочего класса, которые сразу привлекли внимание специалистов. В них впервые были даны надежные сведения о раннем периоде рабочей и социалистической прессы в Турции. В брошюре Лютфи Эришчи (1951 г.), имеющий характер общего очерка истории рабочего движения в Турции, приводились точные названия периодических изданий социалистических групп и организаций, возникших после младотурецкой революции 1908 г., имена их основателей, время появления[3]. В 1952 г. известный турецкий правовед Т. З. Тунайя опубликовал объемистый сборник документов и материалов, а также собственных комментариев к ним, относящихся к статуту и деятельности разных политических групп и партий за период с 1859 по 1952 г.[4]. В разделе об Османской социалистической партии (ОСП) Тунайя ссылается на ее орган — газету «Иштирак». В остальном его сведения по интересующему нас вопросу очень конспективны.

Следующие публикации по истории рабочего класса Турции и его политических организаций, появились только после переворота 27 мая 1960 г. в обстановке небывалого роста политической активности турецкого пролетариата и подъема общедемократического движения в стране. В 60-х годах бы-

---

[2] Y ı l l ı k. Gazetecilik Enstitüsü dergisi, Sayı: 1—4, İstanbul, 1960—1963.

[3] L ü t f i E r i ş ç i, Türkiyede işçi sınıfının tarihi, İstanbul, 1951, стр. 12—13.

[4] T. Z. T u n a y a, Türkiyede siyasî partiler, 1859—1952, İstanbul, 1962, стр. 306—311.

ло издано немало исследований, авторы которых, оставаясь на позициях буржуазного национализма и антикоммунизма, сообщали ценный фактический материал, который — при критическом его анализе — позволяет воссоздать многие подлинные страницы истории рабочего класса Турции. В ряду работ, которые уделяли определенное (как правило, ограниченное) внимание характеристике первых органов рабочей и социалистической печати в Турции, следует назвать прежде всего книги М. С. Чапаноглу, А. Джеррахоглу, Ф. Теветоглу, Ф. Х. Тёкина, М. Тунчая, А. Сайылгана[5].

Значение этих работ для рассматриваемого здесь вопроса далеко не равноценно. М. С. Чапаноглу приводит интересные сведения об основателях ОСП — Хюсейне Хильми, Баха Тевфике и др., ссылается на некоторые издания партии, говорит о преследованиях, которым подвергались первые турецкие социалисты за свою издательскую деятельность. Однако многие факты он сообщает по памяти, и к его датировке событий и изданий не следует относиться с доверием. Недостаточно документированы также труды А. Джеррахоглу, хотя у него есть новые материалы о деятельности парижского бюро ОСП. Книга Ф. Х. Тёкина интересна перечнем изданий ОСП, но автор слишком лаконичен, чтобы на основании его замечаний делать какие-то выводы. Ф. Теветоглу и А. Сайылган основное внимание уделяют истории возникновения и развития социалистических течений в Турции, дают общий обзор деятельности различных социалистических групп и партий с начала XX в. до 60-х годов; приводимые ими попутно материалы, касающиеся первых изданий турецких социалистических групп, во многом носят случайный характер. В 1969 г. вышла книга одного из старейших турецких публицистов, Э. Б. Шапольо, «История турецкой журналистики. Пресса со всех сторон»[6]. Несмотря на многообещающее название, этот труд едва затрагивает вопрос о турецкой социалистической периодике, содержа к тому же грубые фактические ошибки: автор пишет, например, о том, что издатель «Иштирака» Хюсейн Хильми был убит 13 февраля 1909 г., хотя названная газета Османской социалистической партии возникла только в 1910 г., а Хильми еще в 1922 г. оставался председателем

[5] M. S. Çapanoğlu, Türkiyede sosyalizm hareketleri ve sosyalist hilmi, İstanbul, 1964; A. Cerrahoğlu, Türkiyede sosyalizm, c. 1—2, İstanbul, 1965—1966; Türkiyede sosyalizm, 1848—1925, İstanbul, 1968; F. Tevetoğlu, Türkiyede sosyalist ve kömünist faalyetleri, 1910—1960, Ankara, 1967; F. H. Tökin, Türk tarihinde siyasî partiler ve siyasî düşüncenin gelişmesi, 1839—1965, İstanbul, 1965; M. Tunçay, Türkiyede sol akımlar, 1908—1925, Ankara, 1967; A. Sayılgan, Solun 94 yılı, 1871—1965, Ankara, 1968.

[6] E. B. Şapolyo, Türk gazeteciliği tarihi Her Yöniile basın, Ankara, 1969.

ОСП, скатившись в то время к сотрудничеству с английскими оккупантами.

До настоящего времени, пожалуй, наиболее ценные сведения о начальном этапе развития турецкой социалистической печати сообщает Мете Тунчай. Его книга «Левые течения в Турции (1908—1925)», вышедшая в 1967 г. двумя изданиями, получила высокую оценку в близкой рабочему движению турецкой печати[7]. Исследуя ранний период социалистического и коммунистического движения в Турции, Тунчай излагает его историю в тесной связи с развитием политической периодики турецких социалистов и коммунистов, часто цитирует эти издания по подлинникам и дает точные библиографические сведения.

Материалы, которыми в настоящее время располагает советский исследователь, недостаточны для того, чтобы всесторонне изучить историю начального этапа социалистической печати в Турции. Судя по турецким справочным изданиям и исследованиям, посвященным истории рабочего движения в Турции (а в последние годы публикация таких работ почти прекратилась), полные комплекты органов местной социалистической прессы пока не обнаружены даже в национальных библиотеках и архивах. В нашей стране пока удалось обнаружить (в библиотеке ЛО ИВАН СССР) лишь один (из двух) номер органа ОСП за 1910 г. — газеты «Сосьялист». Поэтому ниже автор попытается дать лишь общий, во многом схематичный обзор истории первых изданий социалистической печати в Турции.

Хотя отдельные упоминания и заметки о социализме встречаются в турецкой прессе уже во второй половине XIX в.[8], первые газеты и брошюры, издававшиеся турецкими социалистами, появились в Турции позднее, в период между младотурецкой революцией 1908 г. и мировой войной. Таким образом, зарождение турецкой социалистической печати прямо связано с периодом пробуждения Азии, когда турецкий пролетариат делал первые попытки выйти на арену самостоятельной политической борьбы. Забастовки рабочих в ряде городов Западной Турции, вспыхнувшие в августе — сентябре 1908 г., дали толчок организации первых рабочих и социалистических групп, клубов и комитетов. В этих забастовках приняли участие также рабочие и служащие местных типографий и издательств. Известно, что первые забастовки печатников Стамбула были подавлены полицией 14 августа и

[7] А. Дино, Истинный друг,— «За рубежом», 1968, № 17, стр. 6.

[8] См.: Э. Ю. Гасанова, Из истории распространения марксистских идей в Турции (конец XIX — начало XX в.),— Марксизм и страны Востока, М., 1970, стр. 144—152.

17 сентября 1908 г. В августе в Стамбуле возникло Общество османских наборщиков, явившееся одним из первых в Турции профсоюзов[9]. Тогда же возникли и первые органы рабочей и социалистической печати.

Начало социалистической прессе Турции положила газета «Иргат» («Рабочий»), появившаяся вскоре после июльских событий 1908 г. Она издавалась на турецком и греческом («Эргатис») языках, и, возможно, греческое издание предшествовало турецкому. Ее выпускала состоявшая преимущественно из греков «группа социалистического воспитания» в Стамбуле, возглавлявшаяся одним французом[10]. Можно допустить, что близкой к социализму была измирская газета «Сербест Измир» («Свободный Измир»), издававшаяся после революции 1908 г. группой турок, которые два года спустя организовали Османскую социалистическую партию[11].

С гораздо большей определенностью можно говорить о другом органе турецкой левой печати — «Ишчилер газетеси» («Газета рабочих»). Ее издавал турецкий рабочий клуб в Стамбуле. В первом номере, который вышел 10 февраля 1909 г., газета протестовала против объявленного 8 октября 1908 г. «временного закона», запрещавшего забастовки на предприятиях и в учреждениях, связанных с обслуживанием населения, а также на транспорте[12]. Осенью 1909 г. Рабочая социалистическая федерация[13] в Салониках начала выпускать еженедельную «Рабочую газету». Она издавалась на турецком («Амеле газетеси»), болгарском («Работнически вестник»), греческом («Эфемерис ту эргатис») и испано-еврейском («Журналь дель лабрадор») языках. Всего вышло девять номеров. На турецком языке газету готовил к выпуску поэт Расим Хашмет, который позднее, в 1911 г., вместе с Омером Сейфетдином и Али Джанибом выпускал в Салониках прогрессивный литературный и общественно-политический журнал «Генч калемлер» («Молодые перья»)[14].

Хотя первые газеты османских социалистов возникали по инициативе групп, состоявших главным образом из представителей нетурецкой национальности, и несмотря на то что

---

[9] K. Sülker, 100 sorunda Türkiyede işçi hareketleri, Istanbul, 1968, стр. 78—79.

[10] M. Tunçay, Türkiyede sol akımlar..., стр. 41, 57, 200.

[11] А. Д. Желтяков, Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908 гг.), М., 1972, стр. 235.

[12] M. Tunçay, Türkiyede sol akımlar..., стр. 21—22.

[13] См. о ней: А. Д. Новичев, Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции,— Ученые записки ЛГУ, № 304, вып. 14, 1962, стр. 15—16.

[14] K. Akyüz, La litterature moderne de Turquie,— «Philologiae turcicae fundamenta», II, Wiesbaden, 1964, стр. 576.

многие группы (кроме болгарской, возглавлявшейся Димитром Благоевым) придерживались оппортунистической линии II Интернационала, само появление туркоязычных левых изданий было важным событием в истории турецкого рабочего движения. Благодаря этим газетам турецкие рабочие, по существу, впервые получили возможность познакомиться с некоторыми положениями социализма, именами его основоположников, фактами из прошлого и настоящего социалистического и рабочего движения в передовых капиталистических странах.

Дальнейшее развитие турецкая социалистическая печать получила в связи с деятельностью Османской социалистической партии и ее парижского бюро [15]. Оформлению партии предшествовало издание газеты «Иштирак» («Содружество»), которую основали Хюсейн Хильми (будущий председатель ОСП), Баха Тевфик, Намык Хасан, Ибнильтахир Исмаил Фаик, Салих Сырры. Этот еженедельник регулярно выходил с 26 февраля до середины июня 1910 г. В этих первых 17 номерах газета имела подзаголовок: «Распространитель идей социализма», а в качестве эпиграфа печатала турецкую пословицу: «Бири йер, бири бакар, кыямет ондан копар» («Один ест, другой смотрит, из-за этого и возникает восстание») [16]. Издатели «Иштирака» не были марксистами. Например, в № 5 газеты Хюсейн Хильми утверждал, что социализм берет свое начало от Иисуса Христа, что социалистические принципы находят подтверждение в Коране и догматах ислама. О связи идей социализма с шариатом трактовала и помещенная в газете статья депутата меджлиса улема Абдулазиза Меджди. Рассматривая ислам как один из источников социалистических идей, «Иштирак» выдвигал даже такую формулу: «Чтобы стать социалистом, надо быть мусульманином» [17].

Наряду с этим в «Иштираке» уже в тот период печатались статьи и материалы, авторы которых были близки к правильному пониманию идей научного социализма и задач рабочего движения в Турции. Так, в статье Баха Тевфика «Будущее социализма», опубликованной в первом номере «Иштирака», выражалась уверенность в победе социализма над капитализмом и прямо указывалось на необходимость революции для утверждения социалистического строя. Социализм, писал Баха Тевфик, является самым справедливым строем, поскольку основная его цель состоит в том, чтобы осуществить принцип «каждому — по труду» [18].

---

[15] См. о них: А. Д. Новичев, Зарождение..., стр. 18—28.
[16] M. Tunçay, Türkiyede sol akımlar..., стр. 26, 28, 200.
[17] Там же, стр. 28—29.
[18] Там же.

Выпуск газеты помог группе Хюсейна Хильми установить связи с французскими социалистами. В № 6 «Иштирака» за 20 марта 1910 г. было опубликовано письмо Жана Жореса, в котором он писал, что его товарищи по партии всегда готовы оказать своим «турецким братьям» любую помощь и поддержку[19]. Весной 1910 г. в «Иштираке» был опубликован ряд статей французских социалистов по теоретическим вопросам.

«Иштирак» на своих страницах рассказывал также о положении турецкого рабочего класса, к которому он причислял все трудящееся население Турции. В статье А. Рыфкы «Рабочие и нищета», опубликованной в № 1 говорилось: «Рабочий класс — это люди, которые составляют большинство населения нашей страны, и его жизнь — это жизнь страны». В ряде других номеров были помещены статьи и заметки о положении рабочих Анатолийской железной дороги, трамвайщиков, рабочих стамбульского арсенала, измидской верфи, портных и т. д. В статье «Жизнь и правда» молодая работница рассказывала о тяжелых условиях труда на шелкоткацкой фабрике в Бурсе. Подобные материалы шли в газете под рубрикой «Вниманию правительства»[20]. Неоднократно «Иштирак» выступал с критикой антирабочей политики младотурок. 13 июня газета протестовала против кровавого преступления — убийства агентами охранки главного редактора оппозиционной руководству партии «Единение и прогресс» газеты «Седа-и миллет» («Голос нации») Ахмеда Самима. Ссылаясь на «резкость тона», военные власти Стамбула «временно» (т. е. на неопределенный срок) запретили издание «Иштирака».

Вместо него в конце августа 1910 г. группа Хюсейна Хильми стала выпускать журнал «Инсанийет» («Человечество»), в подзаголовке которого было сказано, что он призван «служить социалистическим идеям». Однако по выходе двух номеров этого журнала (18 и 25 августа 1910 г.) группа Хильми сама прервала это издание, поскольку было получено разрешение возобновить с 1 сентября выпуск «Иштирака», который был объявлен органом только что созданной Османской социалистической партии. В № 20 за 15 сентября 1910 г. газета опубликовала манифест и программу ОСП, призывавшую турецких рабочих бороться за восьмичасовой рабочий день, свободу слова, печати, собраний, за право на отпуск, за ликвидацию иностранных предприятий и т. д. При выработке про-

---

[19] T. Z. Tunaya, Türkiyede siyasî partiler..., стр. 311.

[20] T. Z. Tunaya, Türkiyenin siyasî hayatında batılılaşma hareketleri, İstanbul, 1965, стр. 96.

граммы молодые турецкие социалисты вдохновлялись не только трудами теоретиков социал-реформизма, но и лозунгами русской революции 1905—1907 гг. Косвенно одобрение русской революции было высказано в том же номере «Иштирака», в резкой статье против «царя-тирана Николая». Последнее обстоятельство дало властям повод прибегнуть к новым репрессиям против этого издания: на следующий день «Иштирак» был вновь запрещен[21].

До конца 1910 г. издание органов ОСП прерывалось еще три раза и трижды менялось их название. С 24 по 29 ноября 1910 г. Намык Хасан выпускал газету «Сосьялист» («Социалист») — вышли два номера; с 1 по 8 декабря Ибнильтахир Исмаил Фаик успел выпустить три номера газеты «Инсаниййет», а 14 и 19 декабря он же — два номера газеты «Медениййет» («Культура»). Таким образом, с сентября по декабрь 1910 г. органами ОСП были четыре газеты, но вышли они всего в десяти номерах, не более чем в трех номерах каждая.

В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием революционных событий в Турции, подчеркивал, что младотурецкая революция была «враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов»[22]. Чтобы подавить рабочую печать, которая (при всех своих недостатках) была важной трибуной этой борьбы, младотурецкие власти систематически преследовали активистов рабочего движения и социалистической печати. Широкие возможности для расправы с рабочей и вообще оппозиционной печатью давали властям новые законы о типографиях и печати, вступившие в силу 29 и 31 июля 1909 г. Формально новый закон о печати не вводил цензуры. Однако он предусматривал, что издатели и редакторы газет и журналов будут посылать каждый номер на просмотр министру внутренних дел (в столице) или губернаторам (в провинциях), а также местному прокурору. Об арсенале средств, которым располагали власти для удушения неугодных изданий, можно судить по тому, что из 37 статей закона 30 трактовали о наказаниях[23]. Обычно для этого применялись нарочито туманные формулировки о «подстрекательстве к мятежу» или «смуте», а также о «нарушении общественной морали и нравственности».

---

[21] M. Tunçay, Türkiyede sol akımlar..., стр. 26—27, 37.

[22] В. И. Ленин, События на Балканах и в Персии,— Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 223.

[23] Türkiyede matbuat rejimleri, Istanbul, 1938, стр. 707—715, 868—870. Закон о печати распространялся только на политическую периодику. Газеты и журналы, посвященные науке, литературе и религии, приравнивались к книгам, издание которых регулировалось законом о типографиях.

Защита свободы печати, являвшаяся составной частью борьбы рабочих организаций Турции за общедемократические права, занимала важное место на страницах газет ОСП. Газета «Сосьялист» (№ 1 от 24 ноября 1910 г.) опубликовала специальную статью «Закон о печати», в которой разъясняла своим читателям, что свобода слова, собраний и печати представляет важнейшее условие свободы нации и опору конституционного режима. С ограничения свободы печати, предупреждала газета, реакция всегда начинает свое наступление на другие основные права и свободы граждан, чтобы превратить их в «стадо угнетенных». Обращаясь к депутатам меджлиса с призывом остановить преследования демократической печати, «Сосьялист» писал: «Эй, представители нации! Воспрепятствуйте этому удушению языка нации! Ибо язык нации — это язык истины! Помните, что ваше согласие на строгие ограничения, направленные против печати, низведут вас самих до положения Государственного совета» (при султане. — *А. Ж.*)[24]. Важная роль печати в политическом просвещении народа и защите его прав, зафиксированных в конституции, подчеркивалась и в опубликованном там же обзоре «Правительство и национальное собрание», а также в статье «Грозящая опасность», напечатанной в № 2 «Сосьялиста» за 29 ноября 1910 г.[25].

В своих изданиях турецкие социалисты пытались найти новые формы активизации борьбы рабочих, в частности экономической. Обращаясь к шахтерам угольных копей, которые объявили забастовку, чтобы добиться повышения зарплаты, «Сосьялист» (№ 1) призывал их и всех рабочих Турции к созданию профсоюзных организаций, разъяснял, что сила рабочих — в единстве. Одна из статей той же газеты была посвящена рассказу о 1 Мая как дне международной солидарности трудящихся.

Все органы ОСП, выходившие в 1910 г., называли себя «пропагандистами идей социалистической партии». Они не раз критиковали младотурок за то, что те ограничились политическим переворотом и установлением режима парламентской монархии. Подчеркивая, что Турция нуждается в «социальной революции», они, как это показывает статья Сами «Нация должна любить социалистов» («Сосьялист», № 1), тяготели к социал-реформизму.

В 1910 г. газеты группы Хильми главное внимание уделяли вопросам внутриполитического положения Турции. Насколько позволяет судить имеющийся материал, из зарубеж-

---

[24] «Sosyalist», 11 teşrinisani 1326/1910, стр. 3.

[25] Цит. по: M. T u n ç a y, Türkiyede sol akımlar..., стр. 37.

ных событий они писали преимущественно о тех, которые имели отношение к социалистическому движению на Западе. После того как власти запретили издание «Иштирака» за статью, обвинявшую Николая II в кровавом подавлении русской революции 1905—1907 гг., органы ОСП некоторое время воздерживались от публикации материалов о России. Известно, что и до революции 1908 г. большинство младотурецких лидеров одобряли не революционные восстания рабочих, крестьян и солдат России, поднявшихся на борьбу против самодержавия, а манифест царя и созыв Государственной думы[26]. После прихода к власти они использовали все силы и средства, включая армию, чтобы не допустить революционных выступлений турецких трудящихся со своими собственными требованиями. Поэтому для нового режима были крайне нежелательны и любые напоминания о русской революции. Так, когда «Сосьялист» (24 ноября 1910 г.) напечатал рисунок, изображавший расстрел 9 января, снабдив его пояснительной надписью «День кровавого воскресенья в России», власти сразу закрыли газету за то, что она «подстрекает к ненависти»[27].

В конце 1910 г. иттихадисты закрыли последнюю газету ОСП в Стамбуле. Издание периодических органов турецких социалистов внутри страны долго не возобновлялось. 1911 год был временем когда «исчезли следы существовавших в Турции социалистических публикаций»[28].

В 1911—1912 гг. парижское бюро ОСП, руководителем которого был доктор Рефик Невзад, выпускало литографским способом газету «Бешерийет» («Человечество»); название это явно намекает на связь бюро с Жоресом и органом французской революционной демократии — газетой «Юманите». В редакционной статье, помещенной в № 1 «Бешерийет» от 15 сентября 1911 г., заявлялось, что газета будет пропагандировать в Османской империи идеи социализма[29]. В «Бешерийет» были опубликованы все основные программные документы парижского бюро ОСП[30]. Вышло всего шесть номеров (по одному в месяц) на турецком и французском языках. Ввоз этой газеты в пределы Турции был официально запрещен, и она распространялась нелегально.

Летом 1912 г., когда положение иттихадистского кабинета пошатнулось (вскоре он был свергнут), Хюсейн Хильми вновь добился разрешения на издание «Иштирака». С 20 ию-

---

26 А. Д. Желтяков, Печать..., стр. 281—283.
27 M. Tunçay, Türkiyede sol akımlar..., стр. 27.
28 Там же, стр. 37.
29 T. Z. Tunaya, Türkiyenin siyasî hayatında..., стр. 95.
30 См.: А. Д. Новичев, Зарождение..., стр. 22—25.

ня по 18 июля эта газета выходила раз в две недели. Ее владельцем был Хильми, ответственным редактором — Салих Сырры. С 27 июля 1912 г. «Иштирак» стал выходить два раза в неделю, однако очень нерегулярно. Некоторые номера в летние месяцы 1912 г. печатались в виде журнала, осенью «Иштирак» превратился в «маленькую вечернюю газету»[31]. Последнее время ею единолично руководил Хюсейн Хильми. Называя себя «пропагандистом идей Османской социалистической партии», «Иштирак»-журнал напечатал серию очерков по вопросам социализма в духе II Интернационала; эти статьи, как считает изучавший их Тунчай, носили к тому же слишком отвлеченный характер, чтобы быть интересными для рабочих. С началом первой балканской войны (октябрь 1912 г.) «Иштирак» стал выступать с шовинистическими призывами и вскоре прекратил свое существование.

Среди изданий первых турецких социалистов были не только газеты и журналы. Еще в 1910 г. стамбульский адвокат Хайдар Рыфат (Йорулмаз) перевел с французского и издал две книги. Первая — под названием «Международные революционные партии» — представляла собой сборник, в который были включены переводы или пересказы из сочинений Оуэна, Томпсона, Сен-Симона, Фурье, Бабёфа, Прудона, Бакунина, отрывков из программ социалистических партий ряда стран Западной Европы, а также некоторых статей Карла Маркса об Интернационале. Вторая — перевод с французского книги Жоржа Турнера «Социализм». Издатель этой книги, Ибрахим Хильми, написал к ней вступительную статью, в которой развивал мысль, что Турция со временем также неизбежно придет к социализму и что социализм принесет стране установление демократического строя[32].

В 1912 г. редакция «Иштирака» приступила к изданию серии брошюр под рубрикой «Социалистическая библиотека» и опубликовала в ней книжку Рефика Невзада «Социализм — путеводитель рабочего»[33]. В том же году в Стамбуле была напечатана — возможно, первая и единственная в довоенное время — брошюра члена ОСП и будущего организатора компартии Турции Мустафы Субхи под названием «Цивилизаторская миссия»[34]. В этой работе Субхи протестовал против вторжения итальянского империализма в Триполитанию, разоблачал лозунг культуртрегерства как маскировку агрессии и форму колонизаторской политики европейских держав, особенно в Азии и Африке, и, используя труды французских

[31] M. Tunçay, Türkiyede sol akımlar..., стр. 40—41, 202.
[32] Там же, стр. 42—44.
[33] Там же, стр. 41.
[34] Mustafa Subhi, Vazife-i temdin, Istanbul, 1328 (араб. шр.).

социологов, давал реферативный обзор колонизации европейцами континентов Восточного и Западного полушарий [35].

Первые шаги в развитии турецкой социалистической печати были очень трудными. Эти трудности носили как объективный (недостаточная социальная дифференциация турецкого общества, слабость турецкого пролетариата), так и субъективный (идейная незрелость лидеров турецкого рабочего движения, репрессии младотурецких властей) характер. Первые органы рабочей и социалистической прессы Турции отразили многие ошибки и недостатки, присущие начальному этапу социалистического движения в колониальных и зависимых странах, где иностранный империализм искусственно консервировал господство феодальных или полуфеодальных отношений и реакционных политических режимов. Тем не менее агитационно-пропагандистская деятельность первых социалистических газет в Турции содействовала политическому пробуждению трудящихся и ускорила создание Османской социалистической партии. Материалы первых социалистических изданий, известные преимущественно по позднейшим публикациям и только в отрывках, проливают дополнительный свет на ряд важных событий начального этапа рабочего и социалистического движения в Турции и дают новые возможности для исследования сложного и длительного процесса приобщения сознательных рабочих Турции к теории и практике научного социализма.

---

[35] Шапольо упоминает, что в 1913 г. Мустафа Субхи некоторое время издавал газету «Вазифе» («Обязанность»), но не сообщает о ней никаких подробностей (E. B. Ş a p o l y o, Türk gazeteciliği tarihi..., стр. 174).

ФИЛОЛОГИЯ

А. Е. Мартынцев

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РИФМЫ ЮНУСА ЭМРЕ

Цель предлагаемой заметки — выделить наиболее общие и употребительные с грамматической и лексической точек зрения типы рифмы в газелях Юнуса Эмре. При выборе материала мы исходили из того, что поэзия Юнуса Эмре практически не подвергалась подробному исследованию в формальном аспекте[1], и потому попытка описания художественных особенностей его произведений представляется вполне оправданной. Кроме того, пока нет единого мнения относительно ритмической природы стиха Юнуса Эмре: В. Бьёркман, например, считает его стихи силлабическими[2], Р. М. Моллов и А. Кабаклы указывают, что силлабический стих преобладает, но соседствует с редкими образцами аруза[3]; противоположной точки зрения придерживается Абдюльбакы Гёльпынарлы, который в изданном им диване Юнуса Эмре снабдил большинство стихотворений схемами различных метров аруза[4]. По-видимому, разнообразие оценок ритмической природы стиха Юнуса Эмре вызвано тем, что его произведения представляют собой один из образцов первых опытов классической тюркоязычной поэзии в Малой Азии, сохранившей некоторые черты стиха народного, но имеющей уже установку на реализацию норм арабо-персидской поэтики. В этой связи возрастает значение исследований различных особенностей поэтического текста, которые могут позволить проследить

---

[1] Обзор литературы по изучению жизни и творчества Юнуса Эмре см.: В. Б. Куделин, Некоторые вопросы истории изучения жизни и творчества Юнуса Эмре,— Вестник МГУ, сер. XIV. Востоковедение, 2, М., 1970, стр. 72—81.

[2] W. Björkman, Die altosmanische Literatur,— PhTF, II, стр. 411.

[3] Р. М. Моллов, Юнус Эмре,— Краткие сообщения Института народов Азии, 60, М., 1962, стр. 4; A. Kabaklı, Türk edebiyatı, c. 2, İstanbul, 1966, стр. 129.

[4] A. Gölpınarlı, Yunus Emre, Risâlat al-Nushiyya ve Divan, İstanbul, 1965. Все приведенные ниже примеры взяты из настоящего издания. Римскими цифрами отмечены номера газелей.

процессы, происходящие в тюркоязычной поэзии в период освоения нового стихосложения.

Обычно анализ рифмы с лексической точки зрения ведется в свете проблемы редкой рифмы[5]. Это представляется не совсем уместным, когда речь идет о поэзии Юнуса Эмре. Учитывая относительную традиционность поэтических образов и каноничность форм средневековой мусульманской поэзии, трудно предполагать, что поиски редкой рифмы были ее характерным признаком. Вероятно, новые лексические типы рифм могли появляться как результат процессов, идущих вне поэзии (например, изменения в лексическом составе языка).

Известно, что развитие рифмы шло от корреспондирования слов в тождественной грамматической форме к рифмовке основ слов и разнородных грамматических окончаний. (В этом отношении совершенствованию рифмы в тюркоязычной поэзии в большой степени способствовало освоение арабо-персидского стихосложения, по правилам которого суффиксальная рифма считалась недостаточной.) Таким образом, в период жизни и творчества Юнуса Эмре, т. е. в период относительной молодости тюркоязычной классической поэзии, изменения в организации рифмы, по-видимому, происходили прежде всего в грамматическом плане, что неизбежно приводило к расширению словаря рифм. Кроме того, изменения «грамматического» характера непосредственно затрагивали область семантики. Если рифмование слов в тождественной грамматической форме предполагало синтаксический параллелизм корреспондирующихся стихов или их частей и рифма, связанная с параллельной конструкцией, являлась, по выражению В. М. Жирмунского, в смысловом отношении частично тавтологической[6], то при рифмовке корней или сочетаний грамматически разнородных резко повышалась роль «значения» как дифференцирующего фактора. В связи с этим наиболее существенной представляется оценка рифмы с грамматической точки зрения.

Нетрудно предположить, что в произведениях Юнуса Эмре должна была получить распространение рифмовка грамматических окончаний глаголов и имен:

CV	degişüp geldüm — durup geldüm
CXXIX	taldım ben — yandım ben
CXXIV	dutarsın — ötersin
CXXI	kalasın — göresin
CIII	girür isem — kılur isem
LXI	toyamaz — duyamaz

[5] Б. П. Гончаров, Звуковая организация стиха и проблемы рифмы, М., 1973, стр. 173—178.

[6] В. М. Жирмунский, Рифма, ее история и теория, Пг., 1923, стр. 83.

I andadur — candadur
CVIII dile geldüm — ele geldüm
VI bana — yana
XXII eli var — yolı var
XXIV benden gelür — sözden gelür
XLV şikârum yokdurur — kararum yokdurur
LXVI cihandan fârig — ziyandan fârig
XCVIII zebanesi — divanesi

Однако установки на рифмование одних и тех же аффиксов, видимо, не было, и Юнус Эмре даже при тождестве грамматических окончаний стремился включать в рифмующийся комплекс звуки, принадлежащие к основе слова. Например (согласные в основе слова подчеркнуты):

IX katdun tut — yutdun tut
III unutmaya — ayitmaya — itmeye
XXV aletidür — kuvvetidür — maslahatıdur
XXXII dirilmediler — talmadılar — bilmediler
XXXVI gerekdür — direkdür — varakdur
LXVI cihandan fârig — ziyandan fârig — handan farig
LXXXVII dayandı — usandı — utandı — bezendi

Грамматические окончания в большинстве случаев предваряются звуками корня слова, входящими в рифмовое созвучие, и собственно аффиксальная рифма составляет незначительный процент от общего числа. Несмотря на это, нельзя не подчеркнуть необходимость дифференциации рифм с точки зрения грамматической природы всего рифмового комплекса. Расширение рифмового созвучия с охватом группы аффиксов и включением в состав рифмы звуков, принадлежащих основе слова, как явление поэтического языка возникло на самых ранних этапах применения рифмы и в известном смысле является для тюркского стиха традиционным[7]. Случаи использования в качестве рифмы разнородных грамматических окончаний и основ слов могут показать характер количественных изменений, происходивших среди грамматических типов рифмы, уровень поэтической техники, возможные пути расширения словаря рифм. Учитывая сказанное, в настоящей заметке наличие в корнях рифмующихся слов тождественных между собой звуков, предваряющих аффиксальное созвучие, специально рассматриваться не будет.

Использование одинаковых грамматических окончаний в поэзии Юнуса Эмре было далеко не единственным способом создания рифмы. Подсчеты показали, что в газелях на долю суффиксальных рифм приходится 51% (29% — грамматические окончания имен и 22% — грамматические окончания гла-

[7] В. М. Жирмунский, Некоторые проблемы теории тюркского народного стиха,— Тюркологический сборник, М., 1970, стр. 43.

голов), а 47% составляют разнородные грамматические окончания (чаще всего аффикс и основа слова — 25% и основы слов — 22%). Для месневи грамматическое разделение рифмы выглядит несколько иначе. Здесь на долю суффиксальной рифмы приходится 82% (47% — глагольные аффиксы и 35% — окончания имен), 2% — рифмовка разнородных грамматических окончаний и 16% — рифмовка основ слов.

Увеличение процента суффиксальной рифмы в месневи, видимо, можно объяснить большим количеством параллельных синтаксических конструкций, что вызвано автономностью двустиший в семантическом и композиционном отношениях.

С точки зрения развития рифмы как поэтической категории наибольший интерес вызывает рифмовка основ слов и разнородных грамматических окончаний:

VIII ağaç — aç — geç — muthaç
XCI Yunus — kılavuz — yolunuz
VII ayan ola — andan ola
XVIII geçer — sefer
XXI meydan — hakdan
XIV haber — togar
CV sürüp — garib
XXXVIII kızar — güzar — zarar
CVIII dile — ele — ile
LI Kan — uyan — ayan — can
LXVII bak — mutlak — hak

Количество случаев использования в качестве рифмы разнородных грамматических окончаний и основ слов позволяет предполагать, что диапазон возможных вариантов рифмы был у Юнуса Эмре довольно велик. Для сравнения хотелось бы указать, что в поэтических текстах «Дивана» Махмуда Кашгарского на долю суффиксальной рифмы приходится около 90%, а случаи рифмовки разнородных грамматических окончаний и основ слов составляют только 8% (подсчеты автора). В средневековой классической поэзии рифмуются преимущественно основы слов (75%), что, видимо, связано со значительными изменениями в лексическом составе. Рифмовка грамматически разнородных окончаний составляет приблизительно 20—25%, и 8—10% приходится на долю грамматически тождественных окончаний, но с буквой рави̅ в основе слова (подсчеты произведены на материале 150 поэтических произведений из Дивана XVI в., рук. В-306). В современной поэзии (подсчеты произведены на материале 100 стихотворений, помещенных в журнале «Türk Dili» в 1965—1971 гг.) рифмуются уже преимущественно разнородные грамматические окончания (52%); на долю суффиксальной рифмы приходится 32% и на основы слов — 17%.

Приведенные цифры подтверждают, что развитие рифмы с точки зрения морфологического строения шло по пути увеличения случаев рифмовки грамматически разнородных окончаний и основ слов.

Как было сказано выше, установка на редкую рифму, видимо, не являлась характерным признаком средневековой тюркоязычной поэзии, однако изменения грамматического порядка вызвали появление новых типов рифмы. Из области грамматически разнородных сочетаний в качестве наиболее типичных можно назвать следующие случаи рифмовки:

1) аффикса исходного падежа с основой слова:

IV dostdan — gülistân — sekeristân
XXI meydan — Hak'dan — usman

2) причастия на -an с основой слова:

LI kan — uyan — ayan — can
CVII sultan — veren

3) глагольной формы настоящего времени с основой слова и аффиксом множественного числа:

XVIII geçer — sefer — sular
XXVII sever — ayyar — haber — var — eser

4) деепричастия на а — е с дательным падежом и послелогом:

CVIII hale — dile — ele — ile — güle — bile

Несколько реже встречаются рифмовые сочетания типа:

CV garib — degişüp
CXII olem — kalem
LIX iş — tolmış — kalmış

Но и они встречаются в газелях Юнуса Эмре не менее трех-четырех раз.

Таким образом, лексическое разделение рифм, рифмующихся слов возможно не в плане редкая — банальная рифма, а в основном с точки зрения более или менее частого употребления рифм, словарь которых расширялся по мере изменения соотношений между грамматическими типами.

А. Е. Мартынцев

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ РИТМА ТУРЕЦКИХ МАНИ

В специальной литературе изучение турецкого народного стиха строилось преимущественно в плане определения закономерностей, общих для тюркоязычной поэзии, и формальный анализ, по существу, не затрагивал статистически нетипичные свойства поэтического текста, которые в ряде случаев могут отражать изменения, происходящие в стиховой структуре.

Ниже речь пойдет об одной особенности турецких мани (издание В. В. Радлова[1]), заключающейся в членении на неравные слоговые группы отдельных стихотворных строк в пределах четверостишия.

Предполагается, что в основе ритма народного тюркоязычного стиха лежит чередование слоговых групп (ритмических звеньев) и словоразделов[2], хотя есть и другие точки зрения. В качестве важного формального признака называют также количественное соответствие по вертикали ритмических звеньев сходных стихов[3]. В поэтических текстах из «Дивана» Махмуда Кашгарского принцип ритмической повторяемости был уже канонизирован и в дальнейшем получил широкое развитие, что позволяет допускать существование определенной системы метров[4].

Традиционную схему тюркоязычного стиха можно про-

---

[1] В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. VIII. Наречия османские; тексты собраны И. Куношем, СПб., 1899.

[2] З. А. Ахметов, Ритмика казахского стиха,— сб. «К шестидесятилетию М. О. Ауэзова», Алма-Ата, 1959, стр. 223.

[3] С. М. Кадашев, Основы алтайского стихосложения, автореф. канд. дисс., М., 1972, стр. 6.

[4] М. Х. Бакиров, Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований, автореф. канд. дисс., Казань, 1972, стр. 21.

14 Зак. 416

иллюстрировать примерами из собрания, изданного В. В. Радловым.

№ 96, стр. 452:

Бӱlбуlӱм гӱlа гідäр	3+4
Гöз jашым сіä гідäр	3+4
ашк бäндä тäмällı дір	3+4
маhшара біlа гідäр	3+4

К розе улетит мой соловей,
Исчезнет вытертая слеза.
Моя любовь крепка,
Будет длиться даже до судного дня.

№ 125, стр. 457:

Ӓнтарісі пäмбäдäн	4+3
läккä оlду гіjмäдäн	4+3
jактын бäні куl äттін	4+3
он бäшіма гірмäдäн	4+3

Рубашка у нее из розовой материи
Запачкалась до того, как надела.
Ты сжег меня, превратил в пепел
До того, как мне исполнилось пятнадцать.

В приведенных четверостишиях отдельные стихотворные строки легко членятся на одномерные звуковые отрезки, границы которых совпадают с границами слов. Однако в турецких мани этот принцип ритмической организации текста последовательно соблюдается далеко не всегда. Как правило, в холостом стихе ритмические звенья количественно не совпадают с отдельными слоговыми группами соседних стихов.

№ 22, стр. 440:

Аіва бäнім нар бäнім	4+3
Бір äфäндім вар бäнім	3+4
Ķісмäтlä кавушурсам	4+3
Чок сітäмім вар бäнім	4+3

У меня есть айва и гранат,
У меня есть господин.
Если повстречаюсь я с судьбой,
У меня найдется много горьких слов.

№ 95, стр. 452:

Бӱlбӱlун jавасындан	3+4
Су ічтім ковасындан	3+4
Бäн jарімä кавуштум	4+3
Достларын дуасындан	3+4

Под трели соловья
Я выпил воды из ведра.
Я встретился с милой
По настоянию друзей.

Подобная конструкция, когда в холостом стихе меняется в сравнении с остальными стихами количественное соотношение между слоговыми группами, является довольно распространенной. Различие между слоговыми группами холостого стиха и ритмическими звеньями соседних стихов обычно не превышает один слог, но внутри стиха слоговые группы могут разниться более существенно.

№ 175, стр. 465:

kalанін арды äкін	3+4
алдырдым äliмдäкін	3+4
кäр гӱн бäнзім сорарлар	2+5
Біlмазlар калбымдакын	3+4

За воротами посевы,
Роздал я [все], что имел.
Каждый день меня спрашивают,
Не знают, что у меня на сердце.

Нередко холостой стих содержит количество слогов большее или меньшее, чем в остальных стихах четверостишия.

№ 17, стр. 439:

аі до'ар канарсыз	6
јар услу бäн арсыз	6
тӱтӱнӱм арша чыкмыш	7
чäкіlін јанарсыз	6

Вечно всходит луна,
Милая — благонравна, я — бесстыж.
Мой табак вырос до седьмого неба,
Проваливайте по-хорошему.

№ 21, стр. 439:

Аінајы аттым чајыра	8
Насл — са дӱштӱ бајыра	8
Бäні јардан ајырдан	7
Мäвлам панындан ајыра	8

Бросил я зеркальце на лужайку,
Да упало оно на кочку.
За то, что разлучили меня с милой,
Да покинет их господь.

По-видимому, перебой ритма в холостом стихе из-за несовпадений слоговых групп связан с особенностями тюркоязычного народного стихотворения. При несимметричной рифмовке (аааха) холостой стих имеет установку на деавтомати-

зацию текста (в пределах четверостишия), чему может способствовать также изменение ритмической схемы стиха.

Перебои ритма наблюдаются в турецких мани не только в холостом стихе. Нарушение системы чередования слоговых групп и словоразделов может происходить практически в любой строке четверостишия.

№ 66, стр. 447:

Баhчäларда сармашык	4+3
бäн сана олдум ашiк	3+4
софрада аклыма гäлдiн	3+5
аiiмдан дӳштӳ кашык	3+4

В садах [растет] плющ,
Я тебя полюбил.
Вспомнил [тебя] за столом,
Из руки выпала ложка.

№ 85, стр. 450:

Бiр су iчтiм табактан	4+3
lаззат алдым дудактан	4+3
далда јапрак калмады	4+3
сiнäмä баламактан	3+4

Я выпил воды из миски,
Ощутил сладость губ.
На ветке не осталось листьев
Из-за того, что [их] прикладывали мне на грудь.

В ряде случаев традиционная ритмическая схема полностью ломается, так что речь может идти не о нарушениях системы, а о попытках создания новой конструкции ритма.

№ 164, стр. 463:

Қајык калкар су акар	4+3
јарiт iчiндан бакар	2+5
ал фäзi äiзi коiмуш	3+4
атäшi бäнi јакар	3+4

Струится вода, отчалила лодка,
Из нее смотрит на меня милая.
Красная косынка повязана криво,
Меня сжигает огонь.

Нетрудно убедиться, что перебои ритма не упорядочены и не связаны с элементами организации четверостиший.

Думается, что нарушение принципа ритмической повторяемости связано с деканонизацией в народной поэзии системы метров, основанной на чередовании слоговых групп и словоразделов, а ритмическое упорядочение текста, видимо, происходило путем выравнивания слоговых групп в количественном отношении в соответствии с заданной формальной

схемой. Это предположение хотелось бы пояснить на примерах.

№ 271, стр. 481:

Шу гідäн кajык-мы-дыр 3+4
Сулар буланык-мы-дыр, 2+5
гітті jaрім гälмäді 4+3
аласам ajыб-мы-дыр? 3+4

Лодка ли там плывет,
Мутная ли вода?
Ушла моя милая, не вернулась,
Стыдно ли, если заплачу?

Если первую строку четверостишия рассматривать как ритмическую модель, обязательную для остальных стихов (только в этом случае схема ритма будет отвечать традиционным представлениям), то воссоздание конструкции ритма в плане реализации привычных норм, видимо, происходило за счет количественного выравнивания несимметричных слоговых групп; при этом граница между ритмическими звеньями должна проходить через слово.

Перебои ритма далеко не всегда затрагивали только одну строку (кроме холостого стиха).

Например, № 145, стр. 460:

һынчкырык тутту бäні, 3+4
тутту курунту бäні, 2+5
һакикатсыз jaр імішсін, 4+4
на тäз унуттун бäні 2+5

Овладела мною ненависть,
Овладела мною одна мысль.
Ты была неверной возлюбленной,
Ты так быстро меня забыла.

По-видимому, ритмическая конструкция подобных четверостиший во многом зависела от скандирования, т. е. была условной не в меньшей мере, чем метры аруза.

Остается не совсем ясным, допускалось ли количественное несовпадение слоговых групп по вертикали под влиянием арабо-персидской поэтики, где членение на стопы не связано с границами слов, или описанную особенность ритма турецких мани можно рассматривать как явление, возникшее в результате развития и изменения форм тюркоязычного стиха, не связанное с заимствованиями из иноязычной поэзии. Что же касается художественной функции нарушений ритма, то она, видимо, связана прежде всего с деавтоматизацией текста на формальном уровне.

Е. И. Маштакова

СЕФАРЕТНАМЕ КАК ЖАНРОВАЯ ФОРМА ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

Турецкая художественная проза нового времени уходит своими корнями в средневековые сочинения — письменные и устные, в том числе и те, которые полностью не могут быть отнесены к жанрам художественным по своему прямому назначению. Тем не менее последние невозможно изъять из памятников словесного творчества: в них тоже вырабатывался опыт художественного отображения действительности, накапливались элементы будущей прозы нового типа.

В этом плане следует обратить внимание на сефаретname (посольские книги) [1], получившие широкое распространение в своеобразной общественно-исторической обстановке Турции XVIII в.

Глубокий кризис, охвативший едва ли не все институты Османской империи, вызвал в передовых кругах общества сознание необходимости перемен; все более утверждалась мысль о пользе приобщения к европейскому опыту.

В XVIII в. предпринимались попытки осуществить преобразования прежде всего в военной области. Реформаторские тенденции проявили себя и в сфере культуры (организация турецкого книгопечатания, выпуск литературы для первых военных учебных заведений европейского типа и усиление переводческой деятельности, вообще рост турецко-европейских культурных связей и др.).

Вполне закономерно, что сефаретнаме получили большое

---

[1] Описание их см. в фундаментальном труде: F. R. Unat, Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Tamamlayıp yayımlıyan Prof. Dr. Bekir Sıtkı Baykal, Ankara, 1968. Здесь названы 44 сефаретнаме: 2 из них относятся к XVII в., 34 — к XVIII в., 8 — к XIX в. Из общего числа только 11 сочинений касаются стран Азии и Африки (в XVIII в. — 8 и в XIX в. — 3). Небольшие отрывки включены в книгу Ф. Р. Унта и ряд других исследований. В оригинале опубликованы полные тексты далеко не всех сефаретнаме.

развитие именно в XVIII в.— переходном периоде в истории турецкой литературы. Появление этой формы в системе жанров того времени — факт знаменательный. Новые идеи и понятия, расширение сферы изображения в литературе вызывали обогащение уже сложившихся жанров и появление новых; происходило также совмещение функций жанров.

Сефаретнаме явились в известной мере новой жанровой формой, в которой соединяются качества деловой прозы и публицистики, мемуаров и дневников путешествий; им присуща та или иная мера беллетристичности. Определяющую роль в характере сочетания этих сторон играет авторская позиция. Посольская книга могла быть докладом должностного лица, отвечающего на заранее заданные вопросы. Но автор мог оказаться инициативным рассказчиком, воодушевленным идеей принести пользу соотечественникам сведениями об опыте других народов, причем за этим иногда ощущается критическая оценка турецкой действительности, обостряемая сопоставлением ее с европейской, а порой — неодобрительное отношение к некоторым явлениям зарубежной жизни.

Характер сефаретнаме отражается в его содержании и стиле. В официальном отчете посла преобладали особенности деловой прозы с присущим ей этикетом. Но посольские книги писались и «частным образом», для чтения; они часто адресовались образованным кругам общества, а не только тому, кого называл в тексте автор (например, султану) [2].

Своеобразна структура сефаретнаме. Османские посольства почти до конца XVIII в. направлялись за рубеж с кратковременными визитами и оказывались там гостями государства. Поэтому большое место в сочинениях занимает рассказ о поездке к месту назначения и обратной дороге домой. Обстоятельно говорится о средствах передвижения, пути следования, местах отдыха и ночевок и т. п. За этим чувствуется традиция «книг путешествий» и прежде всего самой известной из них — «Сейахатнаме» Эвлии Челеби (1611—1682) [3].

---

[2] Сходные явления характерны и для Руси XV в., где некоторые посольские книги, иначе, статейные списки (подлинные или вымышленные) имели то же назначение. «Деловые документы все чаще составляются в расчете на их прочтение многими читателями»,— пишет акад. Д. С. Лихачев (Развитие русской литературы X—XV веков, Л., 1973, стр. 163).

[3] Этот десятитомный труд, рассказывающий о посещении Вены в 1665 г. турецким посольством, считается некоторыми учеными (И. Ю. Крачковским — Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 644; Ф. Р. Унатом — Osmanlı sefirleri..., стр. 47—48) первым турецким сефаретнаме, с чем можно согласиться лишь условно. В свою очередь, О. Ш. Гёкйай все сефаретнаме причисляет к «книгам путешествий» [O. Ş. Gökyay, Orhan Şaik. Türkçede gezi kitaplari,— «Türk Dili», Aylık dil ve edebiyat dergisi. Gezi özel sayısı, c. XXVII, № 258, Ankara, 1973, стр. 457, 460 и др. (далее — Гёкйай)].

Возможно, древний опыт движения по караванным тропам напоминает о себе традицией измерения больших отрезков пути днями, а малых — часами (независимо от способа передвижения: верхом или в конной упряжке, на морских или речных судах); изредка определяют расстояние по-европейски — в милях[4]. Наряду с этим употребляются и другие меры длины, например водопад протяженностью 150 шагов, акведук высотой 150 локтей и т. д.[5].

Тенденция к документальности обнаруживается в сефаретнаме постоянно, начиная с датирования записей, отражающего реальную временну́ю последовательность событий. Столь же обязательно в каждом отчете посла зафиксированы имена лиц, которым вручались подарки (с обозначением количества и качества последних), приводится также подробная опись полученных ответных даров. Здесь должно быть все указано точно: речь идет о подотчетных материальных ценностях государственного масштаба. Но эти описания, как и многие другие, видимо, представляли собой занимательное чтение для средневекового читателя.

Специфика сефаретнаме сказывается в большом внимании, уделяемом «протокольным» вопросам. Здесь выработались свои правила. Тщательно фиксируются все нюансы соблюдения придворного этикета в отношении турецкого посла, указываются чины и звания присутствовавших на приемах и многое другое. Так, рассказывается, например, о церемонии вручения султанской грамоты и подарков Ахмедом Ресми прусскому королю Фридриху II[6], о приеме польским королем турецкого посла Мехмед-аги[7] или русской императрицей Елизаветой — Шехди Османа[8], о прощальной аудиенции Мехмеда Челеби у короля Франции Людовика XV и у регента[9] и др. В записях о соблюдении церемониала требовалось не опускать подробности. Например, порядок следования торжественного

---

[4] [Yirmi Sekiz Mehmed Çelebi], Kitabhane-i Abu-z-Ziya. Paris sefaretnamesi. Sultan Ahmed Sanî tarafından 1132 senesinde Fransa kiralı On beşinci Luyi nezdine sefaretle gönderilen rical-i Bab-i Âliyeden Yirmi Sekiz Mehmed efendinin takriridir, Konstantiniye, 1306 (1888/1889, араб. шр.), стр. 10, 11 и др. (далее — Мехмед Челеби).

[5] Там же, стр. 91, 101, 102 и др.

[6] [Ахмед Ресми], Записка турецкого посланника Сами эль-хадж Ахмед-эфендия о посольстве в Пруссию в 1763-4 году,— «Москвитянин», Учено-литературный журнал, издаваемый М. Погодиным, М., 1855, т. V, № 17 и 18, кн. 1 и 2, стр. 117—118 (далее — Ахмед Ресми).

[7] [Şekowski], Collectanea z Dziejopisow tureckich Rzeczy do historyi polskiey służacych z dodatkiem objasnień potrzebnycg i krytycznych uwag przez J. J. S. Sekowskiego, Warszawa, 1825, t. I, стр. 215—218.

[8] Şehdi Osman sefaretnamesi,— «Tarih vesikaları», 1941—1942, c. 1, № 1—5, İstanbul, стр. 240, 303—304 (далее — Шехди Осман).

[9] Мехмед Челеби, стр. 115—117.

выезда посла, карет с его свитой и официальными сопровождающими, всадников почетного эскорта и пр., будучи обозначен однажды, затем неоднократно повторяется без изменений. Так писал Эвлия Челеби о въезде посла Османской империи в Вену и его отбытии оттуда [10], и столетие спустя таким же образом построил свой рассказ турецкий посол в Мадриде Мюверрих Васыф [11]. Повторы как бы придавали бо́льший вес знакам внимания, которыми пользовалось турецкое посольство; по словам авторов сефаретнаме, оно всегда имело особые привилегии перед другими странами. Вообще постоянно чувствуется стремление усилить все, что может послужить возвеличению турецкого государственного престижа и личного, посольского тоже. Тонкий дипломат Мехмед Челеби с этой целью прибегает к чужим словам: французский придворный сообщает, что в знак особого расположения представителю Османской империи назначили бо́льший, чем обычно, эскорт и предоставили для торжественного выезда собственный королевский экипаж и т. д. [12]. Для этого же используется традиционный прием авторского самовосхваления: придворный уверяет, что никакой иной посол не смог бы исполнить свою миссию лучше, чем Мехмед Челеби [13].

«Престижным» целям служил и прием гиперболизации. Так, почти всегда преувеличивался (в основе реальный) интерес к появлению — будь то в Париже, Берлине, Петербурге или любом другом европейском городе — турецкого посольства. Все авторы пишут, что десятки тысяч людей устремлялись ему навстречу. «В городе не осталось ни одного человека»,— читаем у Мехмеда Челеби. Для большей убедительности он использовал характерное сравнение: «Когда празднуют свадьбу, и то не увидишь такой толпы» [14]. В подобных случаях предпочиталась не точность, а впечатляющее описание. Для этого могли использовать «символические» цифры, всегда бо́льшие и не обозначающие подлинного количества. В подобном соединении качества деловой прозы с эмоциональным выражением личных впечатлений и состоит своеобразие некоторых сефаретнаме.

Служебная функция сефаретнаме часто смыкается с познавательной. Нередко на этой основе автор стремился создать занимательное чтение. Обязательные отчеты об осмотре

---

[10] V. M. Kocatürk, Türk nesri antolojisi. Başlangiçtan bugüne kadar Türk edebiyatını nesir alanından yazılmış, en güzel eserleri, Ankara, 1963, стр. 38—42.

[11] Там же, стр. 42.

[12] Там же, стр. 52, 56 и др.

[13] Там же, стр. 22—23.

[14] Там же, стр. 43, 50.

военных учебных заведений, домов инвалидов, крепостей и гаваней соседствуют с описанием дворцов и парков, увеселений (балов, маскарадов, театральных представлений) и пр. В соотношении «заданного» и «вольного» последнему придавалось тем большее значение, чем ближе были сефаретнаме к «неофициальной» прозе.

Представляя читателю главным образом западный мир с его непривычными нравами и бытом, с его достижениями в науке, культуре и искусстве, авторы ориентировались прежде всего на потребности турецкого общества. «Учительная» функция посольских книг выступает ярче у авторов, придерживавшихся некоторых идей рационалистического толка и видевших пути к «исправлению» общества в просвещении людей (в первую очередь правящей верхушки). Например, турецкие послы, посетившие Францию (1720 г.) и Пруссию (1763—1764 гг.), подробно рассказали о гидротехнических сооружениях для подъема воды в системе декоративных водных устройств и для орошения [15], о сооружении каналов между реками и водоемами и созданных таким путем судоходных системах [16]. Сефаретнаме содержат также полезные сведения о производстве зеркал [17], оружия [18], о некоторых формах европейской торговли [19] и пр. Из сочинения Мехмеда Челеби, проявлявшего живой интерес к науке и культуре, турки могли узнать об обсерватории с новейшим оборудованием, об аптеке с приданным ей ботаническим садом, о музее анатомии и многом другом, выходящем за пределы обычного содержания посольской книги. Завуалированный отклик на события турецкой жизни чувствуется в рассказе Шехди Османа о посещении им в 1758 г. государственной типографии в Петербурге [20]. Из расспросов посла об организации печатного дела и его рентабельности, о возможности обеспечить людей работой и др. становятся понятны трудности, с которыми тогда сталкивалось книгопечатание в самой Турции.

Некоторые авторы сумели в увлекательной форме сообщить множество разнообразных сведений, так что подобные

[15] Там же, стр. 101—106.

[16] Там же, стр. 26—31; Ахмед Ресми, стр. 8—9.

[17] Мехмед Челеби, стр. 111—112.

[18] [Дервиш Мехмед-эфенди], Посольство Дервиш-Мухаммеда-эфендия в Россию в 1168 г. эгиры (т. е. 1755 после Р. Х.). Взято из Оттоманских летописей Васыф эфендия, т. I, с. 61. Перевод с турецкого языка [О. И. Сенковского],— «Северный архив», 1826, т. 19, № 1—2, стр. 7.

[19] Ахмед Ресми, стр. 110—111.

[20] А. С. Тверитинова, Извлечение из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г.,— Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, т. II, М., 1969, стр. 300—301.

сочинения, по словам О. Ш. Гёкйая, читались как авантюрный роман[21].

В тех сефаретнаме, которым в большей мере свойственна беллетристичность, на нить документальных записей нанизаны сюжетные эпизоды, приобретающие иногда форму как бы отдельного рассказа или вставной притчи-новеллы. Здесь чувствуется влияние традиции, идущей, видимо, от хроник и «книг путешествий».

Яркие примеры находим у Мехмеда Челеби. Таков динамичный рассказ об охоте в окрестностях Шантильи, в которой он участвовал[22]. У него же читаем историю покорения Кылыч Али-пашой мальтийской крепости, которую вместе с воинами обороняли христианские монахи[23]. Есть в сочинении и легенда о верном страже, привратнике-швейцарце, без особого распоряжения своего начальника не пустившем в охраняемый сад самого короля[24]; легенды топонимического характера[25] и др.

Событие или бытовая сценка могут изображаться «живописно», с использованием реалистических деталей; автор при этом выявляет свое отношение к происходящему. У Мехмеда Челеби то и дело встречаются не без юмора исполненные «жанровые зарисовки». Например, в Бордо он наблюдал, как семьи местной знати приходили в резиденцию посла, чтобы впервые увидеть «живого» турка. Не довольствуясь однократным лицезрением, некоторые посетители сразу же возвращались, иногда наскоро переодев верхнюю одежду, чтобы сделать незаметным свой вторичный приход.

В описаниях деталь приобретает художественное значение. Так, пораженный великолепием интерьера парижской оперы, турецкий посол писал об игре света бесчисленных свечей, отражавшихся в зеркалах, и о том, что в зале женщины утопали в шелках и драгоценностях[26]. Выразительно передает Мехмед Челеби свои впечатления об искусстве французских мастеров гобеленов. Портреты поражали реалистичностью, лица воспринимались словно живые; ему казалось, вот-вот должны дрогнуть веки, а шелковистые волосы хотелось погладить рукой. Турка удивляло, как тонко передается душевное состояние людей, и он признал, что такое было недоступно прославленным художникам Востока[27]. Сам автор поэтич-

---

[21] Гёкйай, стр. 458.
[22] Мехмед Челеби, стр. 132—134.
[23] Там же, стр. 11—12.
[24] Там же, стр. 61—62.
[25] Там же, стр. 146—147.
[26] Там же, стр. 84.
[27] Там же, стр. 109—110.

но рисует облик юного Людовика XV, с симпатией пишет о его детской непосредственности, доброте и т. д.[28].

У Ахмеда Ресми тоже встречается психологический портрет конкретного человека — Фридриха II — с его своеобразной манерой поведения, кругом интересов, чертами характера [29]. Это было новым для турецкой прозы. Характерно, что новшеством отмечена особая часть сефаретнаме—одно из двух «приложений» (зейль) [30]. Само их присутствие в сочинении есть нарушение канонического правила сефаретнаме: они прерывают хронологическое течение записей, и каждое посвящено отдельной теме.

Итак, приобретением турецкой литературы в сефаретнаме можно считать, в частности, опыт описания «живой конкретности», расширения канонических рамок на пути преодоления самого канона.

Роль диалога, как правило, весьма существенна в рассказе о реальных событиях, в передаче намерений «персонажей» и т. д. (традиция прослеживается и в хрониках). Прямая речь еще не индивидуализирована, это речь автора. Она может нести приметы живой, разговорной манеры, в частности преобладание коротких предложений, частая инверсия, экспрессия, выраженная междометиями.

Сефаретнаме обычно характеризует неоднородный словарный состав его языка. В насыщенную арабо-персидскими заимствованиями авторскую речь входят в том или ином объеме и другие иноязычные слова. Европейских включений тем больше, чем образованнее автор, шире круг его интересов. И в этом отношении вне сравнения оказывается Мехмед Челеби [31]. Привлекают внимание и другие произведения [32]. Сефаретнаме с их сложной, подчас пестрой лексикой заслуживают специального исследования в плане изучения истории турецкого языка.

Разностильность сефаретнаме определяется взаимодействием в них традиционного этикетного и делового стилей с

---

[28] Там же, стр. 59, 77, 81, 83.

[29] Ахмед Ресми, стр. 125—129.

[30] Другое «приложение» — монографическое описание Силезии, где приводятся географические, этнографические, экономические сведения.

[31] Он заимствовал многие термины из административных и военных наименований, из техники, науки, искусства и др., например: *государственный министр, архиепископ, лазарет, опера, церемония.* В некоторых случаях сохраняются приметы оригинальной орфографии, в частности фиксируется конечное «è muet»: *комплимент, тартан* (судно), *Тулон.* Иногда слова, записанные, видимо, со слуха, содержат ошибки: *Момпелье* вместо *Монпелье, Трияном* вместо *Трианона* и т. п.

[32] У Ахмеда Ресми, например, области заимствований в основном те же, но объем воспринятого меньший. Это можно сказать и о Шехди Османе.

иными стилевыми выражениями жизненных наблюдений, особено если они были связаны с западным миром. Определенным жанрам средневековой литературы соответствовал свой стилистический канон, что и отразилось в сефаретнаме — синтетической или мозаичной по своему характеру жанровой форме.

О технических и иных практических вопросах здесь писали деловым языком, служащим целям информативным. «Высокий» стиль проявлял себя в стандартизованных эпитетах и трафаретных формулах восхваления Аллаха, благопожеланий султану и великим мира сего и в ряде приемов «искусственной» прозы. Так, сложную формулу — восхваление турецкого султана использовал Ахмед Дюрри, посланный турками в Иран в 1721 г.[33]. Подобную титулатуру при имени Ахмеда III применил в то же время в Париже Мехмед Челеби[34]. Позднее Ахмед Ресми те же эпитеты присоединил к имени султана Мустафы III[35]. Интересно, что некоторыми «султанскими» эпитетами (devletlü, saadetlü, haşmetlü, hürmetlü) по аналогии предваряются имена европейских монархов[36].

Торжественный «высокий» слог, впрочем, не всегда выдерживался до конца даже в официальных реляциях султану, для которых «будничный» слог по всем правилам не годился. Привычное «плетение словес» в этих произведениях прерывалось, например, прямой речью, которая при документально точной передаче чужих слов уже могла разрушить единство стиля. В «гладкопись» также вторгалось выражение эмоций автора (восхищение, удивление и т. п.), часто передаваемых (как у старых хронистов или в народных рассказах) оборотами типа «невозможно объяснить!», «неописуемо!», «невыразимо!» (kabil-i tabir değil, tabir olunmaz) и др.[37] или «словами не объяснишь!» (dille anlatılamas)[38]. Такими или более развернутыми оборотами завершаются описания какого-либо поразительного, с точки зрения автора, факта или явления.

Привычно включались в повествовательную или прямую речь пословицы, поговорки и присловья. Так, Шехди Осман подкрепляет свои рассуждения известной пословицей «Хвост искал, да и ушей лишился» (Çikti kulaktan kuyruk isterken)[39]. Мехмед Челеби передал динамику перехода к стремительному

---

[33] V. M. Kocatürk, Türk edebiyatı antolojisi, Ankara, 1961, стр. 259—260.
[34] Мехмед Челеби, стр. 58, 66.
[35] Ахмед Ресми, стр. 108.
[36] Мехмед Челеби, стр. 22, 23, 59.
[37] Там же, стр. 3, 8, 12, 74, 86, 90, 111 и др.
[38] Шехди Осман, стр. 00.
[39] Там же, стр. 156.

действию (погоне за серной на охоте) с помощью поговорки, означающей описательно: «Давай во весь опор!» (Kuskuna kuvvet kamçıya bereket) [40].

В эти сочинения по традиции средневековой прозы изредка включаются стихотворные строки [41]. Но совершенно новым было цитирование в прозаическом переводе с немецкого стихов прусского короля и образца его же прозы в эпистолярном жанре, как у Ахмеда Ресми [42].

Сочинения, о которых здесь чаще всего идет речь, интересны также тем, что в них уже чувствуется авторская индивидуальность. Увлекающийся, эмоциональный, любознательный и по-своему образованный Мехмед Челеби; суховатый, сдержанный и неприязненно относящийся ко всему чужому, «гяурскому» Шехди Осман; наблюдательный, рационалистического склада ума Ахмед Ресми, и здесь обнаруживающий свой сатирический талант, столь блистательно проявившийся в его последнем произведении — памфлете «Сок достопримечательного» («Hulâsa-i itibar»)...[43]. Это разные авторы, и своеобразие их чувствуется в созданных ими произведениях. Все это придает еще большее значение месту сефаретнаме в переходном периоде истории турецкой литературы от средневековья к новому времени.

Сефаретнаме представляется нам интереснейшей жанровой формой, по-видимому так и не выработавшей до конца своего собственного канона, хотя канонизация некоторых черт произошла. Сама же эта форма служит примером ломки средневековой литературной системы и образования отдельных предпосылок новой. В турецкой литературе XVIII в. еще не произошло серьезных эстетических сдвигов, но подготавливались почва и атмосфера для появления «первоэлементов» литературы нового времени. Заметную роль в этом процессе сыграли сефаретнаме.

---

[40] Мехмед Челеби, стр. 133.

[41] Там же, стр. 8, 137; Шехди Осман, стр. 156 и др.

[42] Ахмед Ресми, стр. 128—129.

[43] Заглавие даем по известному переводу этого сочинения, опубликованному в Собрании сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса), т. 6, СПб., 1859, стр. 134—343.

В. Д. Смирнов

ТУРЕЦКО-ОСМАНСКИЕ СКАЗКИ [1]

ВСТУПЛЕНИЕ

Сказки существуют у всех народов на свете. Они составляют плод словесного творчества народов, вызываемого неотвратимою потребностью человечества иногда мысленно отрешиться от действительности и при услугах своего воображения перенестись в другой, заманчивый самою своею неизвестностью мир фантастических вымыслов, сладостных грез и мечтаний, каким не оказывается ничего соответствующего, чисто осязательного в окружающей его среде природы и людей.

Вообще принято думать, что фантастическое есть непременно нечто неестественное. Но это не совсем так. Фантастическое никогда не в силах превзойти действительного: оно решительно не в состоянии создать [что-]либо такое, чего бы не существовало в мире действительном: вся фантастическая изобретательность людей состоит лишь в различных комбинациях материалов, почерпаемых из той же действительности, так что фантастическое едва ли следует считать синонимом невозможного: в основе каждого создания человеческой фантазии всегда лежит условная возможность его осуществления как в его описательной, так и в повествовательной сферах. Тут весь вопрос только во времени: многие из созданий фантазии явились в свое время как продукт бессознательного предчувствия возможности их осуществления. Самое разительное подтверждение этого воззрения представляет нам сказочный ковер-самолет, созданный когда-то мечтами наших очень отдаленных предков и являющийся перед нами, очень поздними потомками, осуществленным сперва в аэростате, а наконец и в аэроплане [2].

При этом условии само собою становится необходимым, что сказочное творчество не может выходить из рамок, пред-

ставляемых самыми природными свойствами человеческих обиталищ и зависящими от этого этнографическими особенностями обитателей: чем беднее и бесцветнее окружающая тот или другой народ природа, тем скуднее и бессодержательнее его сказочное творчество, и, наоборот, чем цветистее и разнообразнее эта природа, тем ярче и замысловатее творения сказочного воображения этого народа.

Но и самое своеобразие сказок разных народов следует принимать с известными ограничениями. Слабость полета фантазии одного народа не мешает последнему и даже, напротив, служит ему побудительным стимулом заглядывать в сказочные библии других народов, увлекаться бо́льшими красотами и заманчивыми образами и сочетаниями в чужой сокровищнице фантастического творчества и усваивать их как материал для своих собственных сказочных произведений не только в отдельных частностях и отрывочных заимствованиях, но зачастую целиком в полном составе сказок. Это повело к тому, что сказки в общем носят какое-то международное обличие, конгломератный характер, конечно невыгодно отзывающийся на типическом складе их и на строгой определенности самых составных элементов содержания их. Поэтому сказки составляют такой род словесности, который дает всего больше труда научному исследованию, домогающемуся хорошенько разобраться в каждом сказочном произведении и выделить в нем то, что есть, так сказать, общечеловеческого и что должно быть отнесено к продуктам собственной изобретательности того или другого народа.

Все сказанное применимо и к сказкам турецкого [3] племени сельджуков, ставших в истории известными под именем турков османских [4].

В данном случае, в отношении сказок турецко-османских, такая вышеуказанная научная задача имеет место даже более, чем в каких[-либо] других из них. Но она пока не составляет предмета настоящего краткого вступления, слишком тесного для выполнения такой задачи. Перевод турецко-османских сказок в целом их виде сам по себе есть только материал для такой работы в будущем, и вступление к этому переводу, не задаваясь таким несподручным в данный момент предприятием, может ограничиться быть отметкою главнейших черт и составных элементов турецко-османских сказок, достаточных для того, чтобы и читателю-неспециалисту содержание этих сказок не представилось бы каким-то хаосом, в котором нет ему возможности разобраться.

Сообразно с этими предварительными указаниями мы и приступим к изложению тех свойств сказок, которыми отличаются сказки турецко-османские. Начнем хоть с географи-

ческой стороны, с характеристики тех местностей, где происходят изображаемые в сказках события.

Прежде всего в турецко-османских [сказках] невольно обращает на себя внимание полное отсутствие какой бы то ни было географической номенклатуры, хотя бы сколько-нибудь знакомой нам из настоящих [т. е. подлинных] географических описаний, современных нам или относящихся к отдаленному прошлому.

Сказочное действие происходит обыкновенно в какой-то местности, называемой городом, где сидит какой-то властелин, т. е., как в наших сказках, «в некотором царстве, в некотором государстве». Изредка встречается лишь косвенное упоминание о Йемене, да и то в эпитете принца Йеменского, да еще встречаются имена нигде не существующих городов-государств Наринч и Турунч. В немногих сказках с мусульманскою окраскою содержания упоминается Мекка, центр общемусульманского правоверия, но мы этих сказок совершенно избегали в нашем сборнике, так как мусульманский колорит их совершенно обесцвечивает самобытные народные элементы сказочного содержания.

В таких-то неизвестно где находящихся царствах-городах непременно имеется царский дворец с украшающими его принадлежностями — порталами, лестницами, киосками, фруктовыми садами, цветниками, водяными бассейнами и т. п. В большинстве сказок действие во дворце начинается и во дворце же кончается.

Между этими двумя крайними моментами повествуемого в сказках события оно происходит в совершенно неопределенных местностях, где встречаются и горы, и долины, и ручьи, и пещеры, и какие-то неизвестного вида и склада жилые помещения, но все это без всякого более или менее доступного воображению читателя или слушателя сказки очертания или описания. Изредка местом действия является «конак», т. е. большой дом, но принадлежащий обыкновенно уже лицу второстепенного ранга, в отличие от царского дворца обыкновенно именуемого «сараем». Затем еще встречается по временам «хан», по-нашему постоялый двор или корчма для странствующих путешественников, и, наконец, изредка упоминается «мейдан» — площадь, на которой происходят игры, состязания, поединки и т. п. Этими же немногими общими чертами отличаются места не только на земной поверхности, но и находящиеся где-то в подземных пространствах, куда иногда волею сказочного воображения переносится сказочное действие, всегда, впрочем, лишь как эпизодическое, временное. Иногда герои сказок пускаются в морские плавания, но местонахождение этих морей, ни островов на них всегда остается

без всяких, хотя бы вымышленных, обозначений и даже хотя бы вымышленных наименований.

Равным образом нет в сказках и описаний обстановки жизни действующих лиц — ни домашней утвари, ни одежды, ни вооружения, ни иных частностей домашнего быта: это все как будто предоставляется уже дополнять воображению каждого слушателя или читателя сказок. Можно бы даже, кажется, допустить такую догадку, что слагатели сказок как бы с умыслом избегают более точного и ясного изображения внешней обстановки сказочных происшествий, дабы тем самым устранить самомалейшую возможность попытки проверить чрезмерную замысловатость созданий сказочной фантазии.

Теперь посмотрим, кто же те живые существа, из деяний и приключений которых образуются целые, иногда довольно сложные и запутанные события, составляющие содержание сказок и сосредоточивающие на себе весь интерес повествований. Мы нарочно употребили тут выражение «живые существа», а не сказали «люди», потому что действующими лицами, или, как принято выражаться, «героями», турецко-османских сказок выводятся не только настоящие люди какого бы то ни было ранга или достоинства, ни даже обыкновенные звери и животные, но и существа особого рода, отчасти как будто и похожие на людей, во многих отношениях отличные от настоящих людей как по внешнему строению своей природы, так и по своим нравам и наклонностям. Равным образом и животные в сказках одни обыкновенные — лошади, бараны, кошки, львы, слоны, собаки, утки, голуби и т. д., но встречаются наделенные особенными, несвойственными им по природе качествами.

Нам нет здесь надобности перебирать поименно все действующие лица в сказках и группировать их характеристические свойства: то и другое само собою своевременно может быть наблюдаемо в самом содержании сказок. Мы ограничимся лишь наиболее выдающимися типами как людей и животных, так и существ внеестественного порядка, действия которых придают главный колорит сказочным построениям.

Первым и почти всегда непременным действующим лицом в турецко-османских сказках является человек в некоторой, всегда почти неизвестной стране, именуемый обыкновенно «падишахом», или, короче говоря, «шахом», т. е. по-нашему «царем». Так его всегда величают все другие обращающиеся к нему лица, называя его: «О падишах!» или «О шах!», а иногда, впрочем, ограничиваются общепочтительным титулом: «Эфендим!»=«Господин мой!». Отличительные признаки его составляет ничем не ограниченная деспотическая власть над жизнью и достоянием каких-то зависимых от него

подданных, которых он казнит и милует по своему усмотрению, которым задает невозможные поручения под угрозою смерти. Затем он обладает большими денежными богатствами, ведет праздную, в свое удовольствие жизнь, не сопряженную ни с какими государственными заботами и попечениями. Завязка очень многих сказок только в том и состоит, что царю не хватает чего-нибудь из благ сего мира, чаще всего детей, несмотря на очевидный многоженный гаремный уклад семейной жизни сказочных царей. Это обстоятельство, а также часто капризное посмертное их завещание детям обыкновенно служат первым импульсом к последующим в сказке событиям, развивающимся в целый ряд чьих-нибудь приключений, в которых героями выступают обыкновенно трое братьев, из коих наиболее удачным в конце концов оказывается младший из них, никакими, впрочем, личными, индивидуальными достоинствами не отличающийся. Такими искателями приключений оказываются больше все царские сыновья, выступающие на свершение сказочных подвигов по побуждениям каких-нибудь личных домогательств, или честолюбивого соревнования, или из крайней нужды, также иногда постигающей и царей, и их детей, напр. вследствие азартного проигрыша царем всего своего состояния.

Рядом с падишахом почти неизбежно стоит его первый везирь, постоянный собеседник падишаха и советник его и даже непременный спутник в его прогулках, во время которых и происходит что-нибудь такое, что дает начало последующим событиям в сказке. Этот везирь всего чаще в сказках титулуется каким-то не столько официальным, сколько, скорее, фамильярным званием «ляля»=«дядька», потому что он почти всегда и бывает фактическим дядькою царского сына.

Из других окружающих центральную фигуру падишаха действующих лиц упоминаются лишь разные слуги его — повара, кучера, кондитеры, рабыни и т. д.; говорится даже и о каких-то войсках, которые иногда сражаются, в случае если он ведет войну; говорится о купцах, содержателях кофеен, дровосеках, птицеловах и т. п., но все это такие живые, если так можно выразиться, куклы, которые не наделены в сказках никакими определенными, типическими чертами, которые изобличали бы в них какую-нибудь, ну хоть национальную, что ли, принадлежность или специфическое отличие от параллельных типов других народностей и при других географических особенностях.

По этому поводу возникает такое соображение в отношении турецко-османских сказок. Типическая изобретательность действующих лиц может иметь место в сказках народа более

или менее культурного, по крайней мере оседлого; турки же известны истории как народ кочевой, бродячий, сравнительно не очень в стародавние времена ставший жить оседлою жизнью. А при подвижной, кочевой жизни не могло вырабатываться разнообразных, характерных и постоянных ни форм стройного государственного быта, ни таких же типов устроителей, блюстителей и руководителей этого быта, а равно не могло создаваться и внешних принадлежностей этого быта, разнообразных в их изобретательности, ни способных на длительное существование: кибитка кочевника — не то, что постоянный дом или двор оседлого жителя, бедность и кочевая смена окружающей обстановки не давали никакого почти материала для творчества фантазии.

Та же бытовая особенность турков лежит в основе и другой стороны созданного их фантазиею сказочного мира. Одна часть персонажей может быть названа положительно — человеческою, а другая часть, обыкновенно в сказках враждебная первой, являет собою собрание существ по своей сказочной роли отрицательное, а по внешнему своему образу и поведению или похожее на то, что у нас принято называть мифическим, или же просто чудовищное.

Известно, что и мифология народов слагается под впечатлениями окружающей их природы: горы, долины, реки, озера, пещеры и т. п. — все это населяется особыми существами, так или иначе отражающими в себе отличительные свойства и самых географических местностей, которые народ населяет этими существами.

Отсюда в применении к туркам получается то, что эти кочевники, постоянно бродившие из места в место, не успевали хорошенько сживаться с теми или другими местностями и свыкаться с их характерными особенностями, а следовательно, и не имели достаточно времени для образования у них таких мифологических представлений, которые бы олицетворялись у них в мифологические образы, тесно связанные с природою их обиталищ.

Поэтому и в турецко-османских сказках кто выступает в роли, так сказать, мифологических героев? Все такие существа, которые и по названиям своим, и по характеристическим признакам не составляют созданий собственной сказочной изобретательности турков, а сильно обнаруживают все признаки заимствования их изчужа, и главным образом от персов. Вот эти действующие лица мифического покроя.

На первом месте стоит так называемый в сказках дев [5] — имя, взятое прямо из мифологии персидской и, за неимением ничего сколько-нибудь подходящего к нему в нашей русской мифологической номенклатуре, может быть переводимо на-

шим термином «демон», но только никак не в синонимическом библейском значении дьявола, черта, а лишь в значении чудовищного существа, как будто похожего и на огромного человека, но в то же время обладающего и многими иными признаками и способностями, которые уже выходят из пределов человеческой природы.

С одной стороны, это есть чудовище, даже иногда невидимое глазам, наподобие ветра, про которое похищенная им царская дочь сама говорит отыскивающему ее своему младшему брату, что «он вовсе не таков, как доселе виденные им люди»: в самом деле, он и похитил-то ее, налетев на нее в виде птицы (121—122) [6]; когда он приходит домой, дом его весь трясется (122); он спрашивает жену, спрятавшую у себя пришедшего ее младшего брата, отчего это пахнет «человечьим мясом» (122); он жрет так, что двумя глотками поедает всю трапезу, приготовленную и поданную на стол для многих (127); он, наконец, ест и людей, которых заготовляет с этой целью живьем в большом количестве впрок для себя.

С другой стороны, девы, или по-нашему демоны, в сказках входят в какое-то ближайшее соприкосновение с обыкновенными людьми; в особенности странно то, что они зачастую в сказках домогаются получить себе в жены дочерей царских, которых они, в случае отказа им в добровольной выдаче их, похищают, уносят в свои замки и там держат их на манер своих настоящих жен. А то, в случае расположения к младшему брату такой похищенной девом царевны, оказывает ему свое содействие к отысканию других двух братьев его и снабжает его с этой целью какими-нибудь диковинными средствами. В этом уже сказывается какое-то человекоподобие этих нечеловеческих существ. А в то же время у этих демонов бывают жены — уже настоящие демонихи вроде наших ведьм и чудищ в стиле нашей бабы-яги. Эти бабы всегда наделены в сказках очень непривлекательными, на наш взгляд, внешними принадлежностями; например, через плечи крест-накрест висящие груди, испускающие из одной груди кровь, а из другой — гной; постоянно имеющими у себя во рту смоляную жвачку, издающую хруст на далекое расстояние; а также пожирающими встречных людей, которые не приветствуют их как «маменьку» и, в знак почтения к ним, не припадут пососать ее отвратительной груди; эти бабы, наконец, бывают обыкновенно матерями большого семейства, которое составляют их многочисленные сыновья, числом до сорока включительно, которые отличаются такими же ужасными качествами своих родителей и непременно страшным людоедством: они так пожирают людей, что у них всегда в зубах вязнут остатки этой человеческой

снеди в виде ног, голов и других членов человеческого тела. Но эти демонские исчадия иногда братаются с настоящими людьми, когда к этой благосклонности располагают их матери-демонихи.

При всей неимоверной, исключительной мощи своей девы нередко делаются жертвою силы и ловкости обыкновенных людей в единоборстве с ними, в тех случаях, когда эти люди схватываются с ними, будучи снабжены какими-нибудь необычайными средствами со стороны других равносильных девам существ — змей, драконов и т. п., снабжающих этих людей так называемыми талисманами, т. е. иногда совершенно ничтожными на вид вещами вроде кусочка зеркала, но способными вызывать необычные явления по требованию и для надобностей обладателей талисманов, причем фактическим проявлением таинственной силы талисмана обыкновенно бывает какой-то губастый араб, у которого одна губа ниспадает до земли, а другая — простирается до неба: что ему ни прикажет сделать держатель талисмана, то он моментально и исполняет, хотя бы талисман очутился без ведома и воли первоначального обладателя в руках даже у его противника и зложелателя, успевшего завладеть талисманом хотя бы, например, путем простой кражи.

Другое чудовище, обыкновенно называемое в турецко-османских сказках персидским же именем «эждерга», всего удобнее может быть обозначено нашим литературным словом «дракон», судя по тем внешним атрибутам, какими оно наделяется в турецко-османских сказках. Он представляет собой огромного зверя с тремя, семью и даже с сорока головами; он живет обыкновенно в подземном логовище, совместно с двумя братьями и хранит огромное сокровище, которое, впрочем, может делаться достоянием того, кто победит это чудовище. Самым выдающимся злодейством его служит то, что он поочередно приближается к городам и, запруживая своим корпусом протекающую возле него реку, лишает жителей воды до тех пор, пока не будет отдана ему на съедение дочь царя этого города. Спасение этой обреченной на жертву дракону девицы и составляет главный подвиг героя сказки посредством убийства дракона, средством для чего служит заранее добываемый талисман в виде трех волос, вырываемых у дракона во время его глубокого сорокадневного сна и постоянно один за другим сожигаемых на огне для приведения талисмана в действие.

Второстепенная роль, как бы вспомогательная для выполнения предприятий главных чудовищных героев в турецко-османских сказках отводится существам человеческим, но только одаренным некоторыми превышающими присущие

всем людям способностями совершения некоторых действий и непременно с какою-нибудь злонамеренной целью. Обыкновенно такими зловредными пособниками темных сил являются в сказках особы женского пола, очень близкие по своим типическим сказочным признакам нашим ведьмам. Тут мы должны сделать небольшое отступление и сказать несколько слов о женском персонале вообще в турецко-османских сказках.

Кроме малоупотребительного слова «джады́» даже в самых сказках, ведьмы не имеют особого специфического обозначения на языке турецко-османских сказок: они обыкновенно называются словом «кары́»=«женщина», «баба» или иногда «коджá-кары́»=«матерая, старая баба», «старуха». Этим именем называются в сказках все женщины: и добрые и злые, и обыкновенные матери, и жены, и ведьмы, и даже жены девов, т. е. демонихи, что делает затруднительным в переводе в каждом отдельном случае выбор, который бы лучше всего соответствовал турецкому слову «кары́» в определенном случае. Но что особенно неудобно, так это вообще отсутствие строгой определенности значений в турецком языке слов, означающих лиц женского пола. Так, кроме вышеупомянутого слова «кары́», приложимого ко всякой великовозрастной женщине без ясного указания на ее семейное или общественное положение, такую же неопределенность заключает в себе и другое, беспрерывно встречающееся в сказках слово — «кыз» = «девушка», которое вовсе не значит девочки или девушки в нашем смысле, а сплошь и рядом прилагается и к замужним, даже имеющим детей особам женского пола [7].

Трудно даже объяснить такую, если можно так выразиться, сбивчивость понятия, выражаемого словом «кыз» в применении к женским разновидностям, для которых у других народов и в других языках существуют особые, специфические обозначения: девочка, девушка, жена, женщина, молодуха и т. д. — это все разные у нас в русском языке термины, с которыми мы соединяем различные представления. А у турков этого нет. Можно думать только одно — что такая как бы небрежность в наименованиях женских разновидностей проистекает вообще из пренебрежительного отношения турков к женщине, что заметно и в самых сказках. Сказочный падишах, обыкновенно имеющий семью, а если дочь, то непременно еще всесветную красавицу, может при случае опять сколько угодно раз и на ком угодно жениться, причем и помину нет о каком-либо ином его семейном союзе; и самые члены семьи его женского разряда не играют никакой деятельной роли в сказках: разве изредка мать какого-

нибудь парня — героя выступает в качестве свахи, хлопочущей о получении чьей-нибудь дочери в замужество для своего сына. Несмотря на это, в сказках изредка еще попадается слово «кадынь» и еще реже «хатун», которое в теперешнем турецком языке значит «дама», «барыня», но может быть употреблено и в приложении к нашей «барышне». А между тем его никак неудобно было бы использовать в переводе сказок именно в указанных его значениях: как-то трудно себе представить турчанку сказочной эпохи и сказочного мира «барыней» или «барышней»! [8]

Но вот на что еще должно обратить здесь наше внимание, а именно: почти такая же неопределенность и туманность значения тяготеет и над другими семейными терминами, применяемыми в сказках к членам семьи и мужского пола; мы разумеем слова: «огл», «оглан» и «чоджу́к». Два первых слова значат «сын», но с такими каждое оттенками, что слово «огл» = «сын» приложимо ко всякому сыну без различия возраста, что мы и видим в добавках к собственным именам турков, в состав которых обязательно входит это слово: Ахмед Хасан-оглу=«Ахмед Хасанович», Омар Бустанджи-оглу = «Омар сын Садовника» и т. п. Между тем это слово «оглан» скорее означает вообще молодого мужчину, но без строгого указания на возраст или классовую принадлежность лица, к которому оно может быть применяемо, так что при этом безразличии оказывается очень трудно в переводе турецко-османских сказок в каждом отдельном случае подбирать вполне соответствующее ему русское слово; равным образом невозможно по духу турецкого языка раз навсегда выбрать какое-нибудь такое соответствующее в своем значении русское слово, которого бы потом и держаться всегда, где только турецкое «оглан» встречается в тексте сказок [9]. Поэтому постоянно в переводе приходилось прибегать к различным русским словам, чтобы выразить понятие, связанное в том или другом случае с турецким «оглан»: то можно было перевести его просто «сын», то «юноша», то «молодец», то «молодой человек», а то еще и словом «парень», «детина», «малый». Поэтому едва ли можно поставить в упрек переводившему, если «сын падишаха» сказок в переводе передается словом «царевич», хотя, строго говоря, этот термин и в русских сказках носит некоторый оттенок в отличие его от всякого обыкновенного царского сына, точно так же как и термин «молодец» не такого заурядного значения, чтобы он мог быть приложим ко всякому человеку молодого возраста, не отличающемуся никакими иными особенными качествами, напр. смелостью, удалью, удачливостью и т. п. В турецких сказках по-нашему «молодец» оказывается тако-

вым лишь в конце сказки, когда он действительно уже проявит какие-нибудь молодеческие свойства, тогда как в начале сказки он изображается каким-то — по классовой принадлежности — простым парнем, напр. сын дровосека, птицелова, а по манерам и поведению — каким-то разгильдяем, или, того хуже, мотом, бездельником.

Точно так же не очень согласно с духом русского языка значение в языке турецком слова «чоджук»=«дитя», «детище», одинаково применимое и к мальчикам и к девочкам. Беда в том, что в сказках оно иногда является обозначением вовсе не дитяти в полном смысле, а и взрослого юноши, и не то чтобы с каким-либо оттенком фамильярной ласки или уменьшительности, а в самом простом положительном значении юноши или молодого человека, чего нет и в теперешнем живом турецком языке.

Все вышеприведенные замечания сделаны нами тут единственно в устранение каких-либо недоразумений со стороны читателей, имеющих возможность и охоту сличения русского перевода с подлинником турецким, дабы им не показалась странною передача одного и того же турецкого слова разными словами русскими.

Не менее замечательна также неопределенность и неясность в изображении целого разряда действующих лиц в турецко-османских сказках, проистекающая не от лексической только неточности их наименования, а заключающаяся как бы в самой природе этих сказочных существ, которые называются общим именем пéри. Принадлежа индо-персидской мифологии и только будучи заимствованы в турецкие сказки, пери, однако же, выставляются самыми привлекательными и симпатичными как по некоторым внешним своим признакам, так и по своему поведению, обнаруживающему в них чаще благоприятное, нежели неблагожелательное, отношение к людям. Образуя в своей совокупности какое-то самостоятельное целое, даже как будто нечто вроде политической единицы с своим особым падишахом во главе, они проявляют иногда такие свойства, которые указывают и на человеческую их природу, подвергшуюся лишь случайному превращению, выводящему их из сферы обыкновенного человеческого бытия, вроде того, как сонмище наших русалок пополняется, например, утопленницами, для которых уже нет возврата к первоначальному человеческому бытию.

И пери турецко-османских сказок тоже в наибольших очертаниях своего внешнего вида скорее должны быть отнесены к разряду существ женского пола, и во многих их манерах действия и наклонностей сказывается их женская натура: они влюбляются, преимущественно все в царевичей и

даже в детей, которых заманивают или похищают для приобщения их к своему обществу пери, которые образуют уже как бы отдел пери-мужчин; а царевичей они стараются наводить на средство перепревращения влюбленных в них пери в совершенно человеческое состояние, для чего обыкновенно требуется только похитить их голубиную оболочку во время купания, чем пери очень любят заниматься, и сжечь на огне эту оболочку. Пери или делают то, что и женщины, — пьют, едят, играют, вышивают в пяльцах, сидя в подземельных чертогах в плену у девов и драконов, или же пускаются в такие предприятия, для которых требуется присущая только им особая сила чародейства. Они превращаются в голубиц и свободно носятся в воздушных пространствах, и преимущественно целыми группами — по трое, по семеро и, чаще всего, по сорока, и в последнем случае носят в турецко-османских сказках особое наименование «кыркла́р», что мы в переводе передаем словом «сороковницы». Число сорок очень в большом ходу у турков, и трудно с точностью сказать, есть ли это их собственный выбор, или это им навеяно откуда-нибудь со стороны, потому что кроме сказочных пери да сорокадневного сна драконов и непременных в конце каждой сказки длящихся сорок дней и сорок ночей свадебных пиров в действительной жизни у турков очень много встречается даже географических местностей, названных так по настоящему, а чаще по давнему — прежнему пребыванию в них каких-то безымянных, но уже мусульманской канонизации святых, совершенно наподобие наших сорока мучеников, замороженных в Севастийском, т. е. в Каспийском, море, отчего, может быть, также и около Дербента явилось почитаемое у местных мусульман священное место вроде могильника, тоже называемое «кырклар» = «сороки́». Тут, в этих двух сферах — в мифологическо-сказочной и в христианско-агиологической, могло произойти какое-нибудь сближение с преобладающим влиянием одной стороны и пассивно восприемлющей другой; примесь же мусульманства в данной комбинации указывает уже на то, что этот процесс наслоения на мифическую основу христианско-религиозных элементов должен был совершиться уже сравнительно в позднюю пору, которой должно было предшествовать сказочное народное творчество.

Чары пери простираются в турецко-османских сказках не только на живые существа — людей, зверей, птиц, но и на предметы неодушевленные — деревья, ветви, виноградные гроздья, яблоки, апельсины, рыбью чешую, иголки, кольца, зеркальце, ручную мельницу и т. п., которыми они пользуются как орудиями своих чародейских воздействий на героев

сказок. Так как у нас в русском языке нет слова «пери», то мы и признали за самое подходящее для его перевода слово «фея», хотя столь же мало определенное в своем содержании, но все-таки вошедшее уже в общее употребление в обиходном словаре нашем.

К этой же группе человекообразных существ в турецко-османских сказках надо отнести еще действующих лиц служебного назначения. Таков, например, гигант-араб, у которого одна губа достигает неба, а другая простирается до земли и который, под вызывающим влиянием волшебного зеркальца или другого талисмана, внезапно выскакивает из колодца или неизвестно откуда и исполняет всякие приказания вызывающего его — моментально переносит его из одного пространства в другое, очень далекое от первого; доставляет ему всевозможные предметы — одежду, коня и даже целые дворцы с обстановкой и т. п. — или же делает услуги, обычно исполняемые придворною челядью. Если такой чародейственный служка является в сказках с именем Хаджи-Баба, или Лакмак-ага, или просто дервиша или старца — хаджи и обыкновенно к услугам бездетного падишаха или бездетной женщины, снабжая их волшебными средствами иметь детей, то в самых именах их уже как-то просачивается позднейший дух мусульманского суеверия вместо старинного, чисто сказочного мифотворчества, потому что чародеи этой категории иногда при своем колдовстве призывают магометанского аллаха, возносят к нему молитвы, оканчивающиеся мусульманским заключительным «аминь!», хотя никогда и ни при каком случае не упоминают пророка Мухаммеда; а сказочные хаджи в конце концов прибегают к таким известным орудиям ясновидения, как рафли [10], искусство гадать на которых с успехом практикуется на Востоке до сего времени и даже составило некоторым досужим в этом искусстве людям имя в истории, каков, например, был в XVI в. Реммал-ходжа [11] в Крыму, придворный гадатель-астролог крымского хана Сахыб-Гирея.

Наконец, и царство животных также сослужило свою службу, дав и от себя материал для пополнения созданий турецко-османского сказочного творчества. Но выведенные тут твари совершают лишь то, что указано им самою природою, за исключением разве того, что они понимают мысли, слова и действия человеческие и предлагают свои услуги людям: лошади возят, кошки истребляют мышей, мыши воруют съестное, львы и тигры устрашают своим видом, птицы поют, слоны ходят на водопой и т. п.

Но среди этих обыкновенных животных выделяются уже совершенно необычайные и по своей внешней конструкции, и

по своим способностям творить необычайные вещи. Таких существ в турецко-османских сказках два: одно носит название Зюмрюд-Анка́ [Изумрудная Птица], а другое — Камер-Тай [Лунный Жеребенок].

Первое есть царь птиц. И вид у нее птицы, но только огромных размеров и со скрытою в ее перьях таинственною силою, частицу которой она уделяет, например, герою сказки, спасшему ее птенцов от намеревавшейся пожрать их змеи, подарив ему два пера из своих крыльев в качестве чудодейственных талисманов, посредством трения которых друг об дружку он может когда угодно вызывать ее к своим услугам, состоящим в том, что, например, она выносит героя на своих крыльях из подземелья на поверхность.

Другое такое же быстролетное животное — это Камер-Тай = «Луна-Жеребенок», который, как и птица Анка, служит главным образом к быстрому перемещению на нем сказочных героев из одного пространства в другое, как, например, он перенес царевну, которой угрожала опасность стать женою дева, отгадавшего происхождение шкуры вши в загадке падишаха и таким образом получившего на этом конкурсе права на завладение царской дочерью.

Образ этого чудного жеребенка вместе с другими морскими конями, также нередко являющимися участниками приключений сказочных героев, вместе с изумрудною дивною птицею Анка составляют наиболее древний осадок мифических представлений многих разных народов о стихийных явлениях природы, и от них уже они могли зауряд с другими сказочными подробностями со временем проникнуть и в турецкие сказки.

Оставляем без особенного внимания другие, менее важные предметы обстановки и состава сказочных приключений, как, напр., не останавливаемся на образе и значении некиих нечеловеческих существ, именуемых Ин и Джин, потому что, принадлежа чьей-то чужой мифологии, в турецких сказках они лишь мимоходом упоминаются при распознавании кого-либо героями сказок; когда задают неизвестному предмету вопрос: «Кто ты — Ин или Джин?» —на который обыкновенно получается один и тот же ответ: «Я ни Ин, ни Джин, а такой же, как и ты, человек». Отсюда можно только заключать, что этими именами называются какие-то существа вроде невидимых духов, которые играют важную роль в других восточных мифологиях, а в турецко-османские сказки попали случайно вместе с другими мифологическими заимствованиями [12]. Такие второстепенные частности могут легко наблюдаться при знакомстве с целым содержанием сказок. А потому и перейдем теперь к изображению господствующих

составных элементов сказочных приключений и преобладающих в них мотивов поведения действующих в них лиц.

Скажем вообще, что главнейшее, чем занимаются герои турецко-османских сказок, это дальними и долгосрочными странствованиями в поисках каких-либо предметов их заветных вожделений, нередко с промежуточными, эпизодическими подобными же отступлениями в переходные моменты предполагаемого целого события. Так, например, падишах, не имеющий потомства, отправляется в далекие странствования с своим везирем, во время которого встречающийся им дервиш дает ему чудесное яблоко, под действием которого у него родится сын. Еще в нескольких сказках младший из трех сыновей падишаха отправляется повидать своих сестер, выданных по его настоянию и согласно воле умершего их отца за демона, дракона и птицу. В такое же странствование младший сын падишаха вместе с братьями пускается в надежде отыскать потерянную любимую отцовскую вещь — зеркало — или найти средство против болезни младшего сына, начавшего чахнуть от того, что он влюбляется однажды в смеющееся и плачущее яблоко, а в другой раз — в три апельсина. Или же человек по изображению девушки заочно влюбляется в нее и предпринимает дальнее неизвестное путешествие с целью отыскания неведомой красавицы.

Такие странствования героев в турецко-османских сказках прежде всего обусловливаются, конечно, тем, что необычайные явления только и возможны, что в таких же необычайных положениях: обыденная, привычная всем и каждому обстановка не может дать пищи сказочному воображению и к созданию таких положений, и к изображению необыкновенных деяний, что несравненно достижимее при значительной перемене местонахождения сказочных героев во время далеких и продолжительных странствований.

С другой стороны, невольно напрашивается такая мысль: не возник ли этот мотив сказочных приключений, вначале подсказанный, даже вынужденный кочевым бытом турков сказочного периода жизни этого племени? Переходя с одного становища на другое со своим несложным кибиточным скарбом и своими стадами, преимущественно выбирая для этого плоские равнины и лишь на время летних жаров подымаясь, ради своего скота, на не очень высокие горы, турки не имели возможности и времени свыкаться с определенными природными местностями, с которыми бы роднилось их воображение или с которыми бы их связывали какие-нибудь предания или игривые создания первобытной фантазии. Вот почему у них нет ни сколько-нибудь собственной складной мифологии; вот почему, дивясь фантастическим произведениям других

народов и стран, они собственных сказочных героев отсылают для подвигов в чуждые, доподлинно неизвестные пределы, не находя вокруг себя достойной этой цели обстановки.

На общей канве странствования героев начертываются узоры частностей, из которых под конец образуется целое происшествие, имеющее почти всегда один и тот же исход, т. е. достижение героем искомого предмета его собственных желаний или возложенной на него кем-либо неотвратимой необходимости. Эти частности сказочных картин, правду сказать, повторяются с шаблонным однообразием и даже чередуются почти всегда в известном порядке, с некоторыми лишь варьированиями действующих лиц, но почти всегда с одинаковыми душевными проявлениями и внешними поступками. Не перебирая всех этих частностей, мы представим схематически сочетание некоторых таких частностей, могущее дать более или менее ясное понятие о составе турецко-османских сказок.

Так[13], направляющиеся в дальний путь обыкновенно приходят к какому-нибудь источнику с надписью над ним о трех дорогах, подающему повод к дальнейшим приключениям трех братьев, долженствующих выбрать каждый по своему расположению ту или другую дорогу для своего дальнейшего путешествия. Или же таким первым встречным предметом бывает еще колодезь, куда кто-нибудь спускается или из простого любопытства, как, например, везирь спускается в такой колодезь во время загородной прогулки с падишахом, привлеченный исходившими из колодезя музыкальными звуками, или же он попадает туда, ставши жертвою чьего-нибудь коварства, как, например, младший из трех братьев, отыскав смеющееся и плачущее яблоко, был спущен ими в колодезь с намерением, оставив его на дне колодезя навсегда, присвоить себе сделанную им диковинную находку.

Проникновение внутрь колодезя большею частью бывает соединено с большою неприятностью испытания ожога от какого-то пламени внутри его: но затем обыкновенно следует вступление смельчака в райскую местность, покрытую роскошною, цветущею и благоуханною растительностью и оглашаемую пением множества сладкоголосых птиц, где его ожидает встреча с предметом своих поисков, но сопровождающаяся немалыми опасными препятствиями к тому, чтобы опять выбраться из подземелья и возвратиться под отцовский кров как ему самому, так и вырученной им из подземного заточения принцессе, после чего обыкновенно совершается брачное пиршество, которое обязательно длится сорок ночей. Но ни в одной сказке не описывается сколько-нибудь подробно или хотя бы даже приблизительно внешняя обста-

новка и самая процедура такого знаменательного эпизода, которым кончаются все сказки [14].

С наибольшими опасностями и трудностями сопряжено бывает в сказках уничтожение талисмана злого дева или дракона, от которого зависит сила и самое существование этих демонских чудовищ, мешающих счастью и благополучию людей. Тут обыкновенно сперва происходит выпытывание, в чем состоит самый этот талисман и где он находится сокрытым. Это выпытывание совершается большею частью посредством скучающей в плену у демона младшей сестры героя, причем разнеженный ее ласками демон проговаривается ей и относительно самых способов добывания этого талисмана. Ближайшим же пособником герою в его поисках талисмана служит «морской конь», которого получить тоже не так легко: тут требуется содействие могущественной мифической птицы, отряжающей пять других подвластных ей птиц для поимки удивительного коня, который с быстротою молнии переносит овладевшего им героя из одного места в другое, только повторяя одну неизменную, обращенную к своему наезднику фразу: «Закрой свои глаза, открой свои глаза!», отдающему ему приказание везти его туда-то или туда-то.

Другим источником помощи герою в его искательствах также довольно часто оказывается демониха, называемая в турецко-османских сказках «дев-анасы»=«демонова мать», которая встречается с героем, сидя на вершине горы и занимаясь прядением. Сноровка героя, бросающегося к этой чудовищной женщине с ласковым приветствием, с тем чтобы немедленно пососать ее отвратительной груди, сразу завоевывает ему симпатию этой особы, так что она сперва превращает его в метлу или в кружку, в кувшин и т. п. утварь, чтобы скрыть его от глаз своих сорока или более сыновей-людоедов, а потом постепенно располагает и их к побратимству с этим новоявленным усыновленником их матери, и они-то потом оказывают этому своему названому брату свое содействие к достижению им его трудноисполнимого желания.

Что касается до превращений, которыми постоянно сопровождаются похождения сказочных героев, то они самые бывают разнообразные по предметам, в которые чародейски превращаются люди, сами ли собою или чаще чрез воздействие на них других обладающих чародейственною силою субъектов вроде демонихи. При этом превращении всегда повторяется один и тот же прием — удар рукою по щеке, так и называемый в турецко-османских сказках «пощечиною, оплеухою», которою, например, угощает в одной сказке юно-

ша, во время бегства их с девушкою и ввиду близкой опасности быть настигнутыми преследующею их ведьмою, свою спутницу, превращая ее последовательно то в баню, то в источник, то в дерево, а сам в то же время, уже без всяких особых жестов, становясь то банщиком, то рыбаком, то змеею. В другой сказке, при подобной же обстановке, платок девушки превращается в озеро, а сапог юноши — в челнок, на котором они и спасаются от преследующей их ведьмы.

Вторичное чье-либо возвращение в свой человеческий вид обыкновенно совершается чрез сожжение оборотнической оболочки чьею-нибудь посторонней рукою. Чаще всего в сказках этот процесс повторяется над пери, прилетающими в образе голубок купаться в бассейне, где поблизости подкарауливает их герой, похищает снимаемую ими с себя птичью оболочку и тут же сжигает ее на огне, благодаря чему лишившаяся этой оболочки фея навсегда остается в человеческом образе, вступая в брачный союз с похитителем ее прежней, заколдованной одежды. Оборотничество имеет самое широкое применение в турецко-османских сказках, но нигде нет никаких указаний на основание и источник такого процесса, неизвестно какою силою или под каким влиянием осуществляемого в действии. Можно только принять одно почти за верное — что этот видный составной элемент сказочного построения, конечно, опять-таки есть заимствованный в турецко-османских сказках, не будучи произведением собственного турецкого вымысла, но всюду и везде наблюдаемый в огромном масштабе в сказочном эпосе других народностей.

К таким же, как превращения, чрезвычайным явлениям можно отнести в турецко-османских сказках и случаи частичного исцеления людей вроде исцеления девушки от полной слепоты вследствие утраты ею глаз, вырываемых у ней жестокою старухой в обмен на кусок хлеба и глоток питья. Сюда же надо отнести и нередко встречающиеся в сказках случаи оживотворения мертвых людей. Возвращение зрения не только ослепшим людям, но даже и животным происходит так, что, например, младший царевич, понимавший птичий язык, получает от двух птиц, вылетевших из того колодезя, куда забросили его завистливые братья, два пера: через трение своих глаз об одно из этих перьев прозревает он сам, а от трения глаз его ослепшей лошади о другое перо и лошадь становится опять зрячею. Исцеление глаз другого царевича, ослепленного и брошенного в пустой колодезь по повелению своего отца, падишаха, молитвою какого-то старца, тотчас бесследно исчезающего по совершении им такого чуда, надо отнести к мотивам позднейшего мусульманского

наслоения в сказках, тем более что в таких сказках не раз упоминается и аллах под своим арабско-мусульманским именем, тогда как в других сказках, несомненно более раннего возникновения, бог называется своим исконным общетурецким словом «танры» [15]; да и чудотворный невидимый старец очень подходит под категорию мусульманских святых, известных под общим собирательным именем «риджалю-ль-гаиб»=«мужи невидимые». Это, очевидно, такой же неологизм в сказочном турецко-османском эпосе, как, например, курение ладана аллаху, чего вовсе, сколько известно, не практикуется в мусульманском ритуале, составляя, однако же, непременную принадлежность всякого почти богослужения христианского. Надо полагать, что эта богослужебная частность попала в [16] турецко-османские сказки из христианского обрядословия, и вернее всего еще в ту пору, когда магометанский антагонизм с христианством еще не слишком обострился до крайней фанатической нетерпимости, по крайней мере в области сказочного эпоса, куда проникали самые разнообразные религиозные элементы с достаточным безразличием по отношению к тому, откуда эти элементы вели свое происхождение. Иначе как же объяснить такие явления в турецко-османских сказках, как, например, то, что в одной сказке демон возносит благодарственную молитву к аллаху за неизвестно кем в его отсутствие приготовленные ему обильные яства, чубук и кофе; или что тот же демон признает будущую жизнь, усыновляя себе девушку в таком выражении: «Девица, будь моим детищем в здешнем мире и в будущей жизни!» — совершенно наподобие правоверного мусульманина?! В других сказках благочестивое усердие рассказчиков турецко-османских сказок отправляет сказочного падишаха в богоугодное хождение к мусульманским святым местам — в Мекку и Медину,— или же заставляет его совершать селямлик, т. е. торжественное шествие на молитву в джами=«соборную мечеть» в пятницу, что и посейчас исполняется турецким султаном в Стамбуле. По мере того как религиозная ревность все более и более овладевала турецким человечеством, она сильнее и сильнее стала отражаться и на сказках, перенося задним числом в старинные произведения сказочного эпоса подновления позднейшего времени. Так, в одной сказке герой, одолевающий дракона, раньше чем убить его, предварительно предлагает ему, дракону-то, принять истинную, т. е. магометанскую, веру, т. е. проделывает то, что обычно встречается в позднейших, послесказочных эпических произведениях турков вроде знаменитых «Приключений Сейид-Баттала» или «Кагриман-Катыля» и др. [17].

Подобное же позднейшее подновление нельзя не усматривать еще в том, что в одной сказке в прохождении молодежи мимо дворца сказочной царевны, для того чтобы она могла выбрать себе жениха, принимает участие, между прочим, и сын шейху-ль-исляма, т. е. представителя и главы мусульманского правоверия и высшего блюстителя правосудия в Турции, какого, конечно, не могло существовать в отдаленную эпоху сказочного, домусульманского творчества турков. А тем паче невозможна такая несообразность в одной сказке, где уже сам шейху-ль-ислям выводится на сцену в обстановке, прямо-таки не соответствующей и едва ли даже приличной для его сана, когда сей почтенный муж оказывается женатым на одной из дочерей сказочного падишаха, младшая сестра которой одновременно выдана отцом за оборотня — лошадь. Мало того, шейху-ль-ислям принимает деятельное участие в состязательной игре в джирод=метание копий на мейдане — на конском ристалище, где отличается свояк его — лошадь-оборотень. И это повествуется в сказке совершенно серьезно, без всякого признака иронии или шутки, к каковой, надо заметить, турки вообще не имеют ни склонности, ни даже врожденной способности при малоподвижном и каком-то самосозерцательном складе их натуры и темперамента [18].

Не меньше обращает на себя еще внимание мотив оживотворения мертвых — людей или даже бездушных предметов, — довольно часто повторяющийся в турецко-османских сказках. Так, в одной сказке убитый демоном юноша воскресает, когда его потерли водою, принесенной птицами, посланными царем их за целебною водою в райский сад. В другой сказке царевич оживляет такою же райскою водою рабыню, обезглавленную царевною, за которую он сватался и которой в числе других трудноисполнимых требований было поставлено, чтобы он возвратил к жизни убитую по ее капризу рабыню. Вода эта также доставлена царевичу птицею, явившеюся на его вызов при помощи пера-талисмана. В третьей сказке оживает окаменелый молодец, отыскивающий красавицу Дилялем-Ченги, по ее благорасположению к нему с помощью воды, почерпнутой в бассейне ее заколдованного дворца; а потом, уже по просьбе этого же самого молодца, оживляются и прочие, еще до него приведенные ее чарами в окаменелое состояние люди. Повесившиеся одновременно царевич и переодетая пастухом девушка, его невеста, еще в одной сказке возвращаются к жизни чрез прикосновение к носу их чудесного камешка, данного раньше девушке птицею в виде талисмана, который должен помогать ей, когда та умрет. Везирь оживляет трупы, накопленные драконом

в пищу себе в одной пещере, натиранием черепов этих трупов грязью, сделанною из пепла сожженных им сорока волос, выдернутых им из спящего дракона.

Но и этого сказочного мотива не могло не коснуться влияние позднейшего мусульманского религиозного мировоззрения. Так, в одной сказке какой-то бей оживает после сорокадневного чтения над его телом, очевидно, Алкорана, так как взявшаяся проделать это чтение девица предварительно совершает абдест, т. е. омовение по мусульманскому обряду, а развязка этого таинственного приключения бея с девицею совершается во время мусульманского праздника — байрама. Мало того, подобное оживотворяющее действие сорокадневной молитвы иногда простирается даже на неодушевленные предметы: в одной сказке царская дочь, не желающая ни за кого выходить замуж, делает из смеси мускуса с амброю подобия мальчика и жеребенка, и благодаря ее сорокадневной молитве обе куклы становятся живыми и проходят потом такие положения, которые только и возможны в настоящих первоначальных языческого периода сказках, так что молитва как оживотворяющий талисман несомненно позднейшего мусульманского периода и является здесь, в этой сказке, как-то мало вяжущимся с общим складом и характером сказки привеском, тем более что и бог-то в ней один раз, правда, и то в стихотворной песенке девушки, назван «аллахом», а вторично — все-таки старинным турецким словом «танры».

Таковы главнейшие мотивы турецко-османских сказок. Теперь посмотрим, какие в них господствуют словесно-творческие приемы, имеющие свои определенные типические формулы, всегда одинаково повторяющиеся, хотя не всегда с одинаковой последовательностью своего сочетания.

Турецко-османские сказки обыкновенно начинаются стереотипным выражением, которое по-русски значит: «В первое, т. е. давнишнее, время», «В некоторое время», «В одно время». Но иногда эта краткая и неопределенная дата сопровождается целою вереницею фраз, ничем между собою не связанных, кроме разве созвучия последних слов в них, придающего им вид рифмованной прозы, но в отношении своего смысла ничего между собою общего не имеющих, да в большинстве своем и в отдельности взятых мало заключающих в себе этого смысла. Этот ряд прибауток, очевидно, не составляет какой-либо необходимой принадлежности всякой сказки, а есть плод досужей словоохотливости отдельных рассказчиков, из коих каждый вносит то, что ему подскажет память из прежде им слышанного, или же привносит что-нибудь свое новое из собственного балагурства, увеличивая

этим приростом раньше него сложившийся приступ [называемый обыкновенно «текерлеме» — частушкой] к сказке, которую он собирается рассказывать[19].

За этим приступом сейчас следует выход на сцену главного если не по характерности его действий, то хоть по своему центральному, значительному положению в сказке лица, каким в огромном большинстве сказок является «один падишах», который и дает, так сказать, тон всему дальнейшему повествованию. Сообразно с этим и последующие действующие лица также всегда имеют близкое или отдаленное отношение к падишаху: это все или его везири, или его сыновья и дочери и т. д., а затем и посторонние лица простого звания, но, по условиям прежнего турецкого быта, легко получающие доступ к такой высокой особе, будь это какая-нибудь жена дровосека или птицелова.

Эта частность построения турецко-османских сказок может быть объясняема задачею всякой сказки перенести слушателя ее или читателя в область иного, нездешнего мира, первую, доступную знанию каждого смертного ступень которого и представляет собою прежде всего исключительная особа всемогущего властелина над людьми с его незаурядною со всем прочим человечеством обстановкою и присущими только людям его положения могущественными средствами осуществления желаний его воли. А в сказках необходимость такого центрального всемогущего действующего лица обусловливается еще тем, что в них развязка как целого сказочного события, так даже и некоторых отдельных, эпизодических в нем приключений часто только и может быть достигнута вмешательством посторонней непреклонной и не поддающейся никакому противодействию воли, для проявления которой властительное положение, например, царя представляет громадное преимущество пред простыми смертными в смысле широты простора замыслов и размера средств для этих проявлений. В этом отношении мы позволяем себе привести некоторую параллель между турецко-османскими сказками и многими драмами, хотя и великого, Шекспира[20], в которых едва ли не по тем же основаниям главными героями постоянно являются короли, да герцоги, да принцы, да полководцы и тому подобные сильные мира сего, тем более что в турецко-османских сказках, так же как почти и в драмах Шекспира, отсутствует комический элемент, а если и показывается иногда, то в такой слабой степени, что нисколько не влияет на серьезный тон и склад главных основ построения каждой сказки.

С появлением падишаха в сказках приводятся в действие уже и другие человеческие и нечеловеческие силы в виде ца-

ревичей, демонов, драконов и прочего личного персонала по мере развития и хода главного действия в сказке.

Вот, примерно, один падишах, за что-то разгневавшись на своего единственного сына, велит отрубить ему голову, но по просьбе своих везирей ограничивается только изгнанием мальчика из своего города. А за ним уже добровольно удаляется и мать его, и вот они вдвоем начинают странствовать по разным неведомым им местам. Дорогою им обязательно попадается водный источник, этот всегда самый желанный предмет для путешественников по пустынным, необитаемым и сплошь и рядом безводным местам, в особенности, прибавим еще к этому, для кочевников, всегда главнейше озабоченных относительно воды как для самих себя, так еще едва ли не более для сопровождаемых ими стад своих. Отдохнув около источника, царевич бродит там и сям в окрестности его и находит какой-то самосветящий камень и на всякий случай берет его и кладет к себе в карман. Это, так сказать, пролог сказочной драмы.

Мать с сыном приходят в один город, владетельный падишах которого запретил по своему капризу жителям города зажигать по ночам свечи. И когда блеск от самосветящего камня в доме, где поселились мать с сыном, был замечен падишахом из своего дворца, он требует владельца такого удивительного предмета к себе, делает ему выговор за неповиновение его царскому повелению, отбирает от него чудесный камень, а самого велит выгнать вон. Но этим дело не кончается: завистливые везири падишаха внушают ему коварную мысль эксплуатировать еще какой-то таинственный секрет царевича и потребовать от него некоторых других недоступных обыкновенным людям вещей вроде мешка с алмазами, потом с жемчугом [21], а наконец — с рубинами.

Тут мы встречаемся с обычным в сказках троекратным с некоторыми вариантами повторением какого-нибудь одного действия, и притом без всякой очевидной надобности, а только в силу того сказочного приема повествования, по которому недостаток изобретательности слагающего сказку восполняется повторением одного и того же, и непременно, как в сказках всего мира и всех народов, до трех раз. Другая, тоже повторная частность заключается в том, что трудновыполнимая задача царевичу задается падишахом под угрозою смертной казни за невыполнение поручения и непременно в сорокадневный срок.

Вот тут уже обыкновенно в сказках при наступлении такого вроде вышеприведенного критического момента для героя сказки выступают необыкновенные силы и предметы, образуя своим поведением и приложением новую ступень в

ходе сказочного повествования. Вот и в нашей, взятой для примера сказке царевич доезжает в поисках драгоценностей до дворца сперва одного семиглавого дракона, которому отрубает одним ударом кинжала шесть голов. Тут мы должны отметить одну подробность, всегда повторяющуюся во всех сказках в подобной обстановке, но довольно загадочную и в своем составе, и в слововыражении, а именно: дракон, оставшись с одной головой, непременно обращается к своему победителю с такой речью: «Если ты герой, то бей еще раз!» — на что герой отвечает всегда одною и тою же фразою: «Меня мать моя однажды родила!» — и не повторяет, конечно, удара. Покончив с драконом, герой тем самым освобождает содержавшуюся у него десять лет в плену красавицу и забирает ее по ее настоятельной просьбе с собою. И этот подвиг героя с своими подробностями также повторяется до трех раз, по числу драконов и сидевших в плену у них девиц, потому что три красавицы доставляют искомые царевичем трех сортов драгоценности, которые сыплются с них, когда он начинает их раздетых донага поливать с головы до ног водою, приносимою им из источника по их приказанию, но сперва лишь под видом ощущения ими жажды. При таких повторениях рассказчик делает обычную оговорку: «Ну, не станем распространяться!» — и в самом деле несколько сокращает пространное изложение вариантов уже раз подробно изображенного одного и того же эпизода.

Эта часть сказки может иногда вновь быть повторена в виде новой фактической комбинации новых встреч и неожиданностей как продолжение трех предыдущих эпизодов, что мы и видим в примерной сказке, где по доставлении царевичем драгоценностей падишаху он, опять-таки по какому-то злостному внушению своих везирей, требует от царевича постройки среди моря киоска [22] из драгоценных камней, что тот и исполняет при содействии старшей из трех девиц, передавши заказ отцу ее по имени Хаджи-Баба, какому-то обитавшему на горе чародею, но точно таким же путем царевич по наущению самой уже девицы устраивает и исчезновение чудесного киоска, с которым вместе погибают и падишах, и везири его, чем и заканчивается, можно сказать, первое действие сказки, после чего царевич с своей матерью и тремя девицами снова пускается в путь из этого чужого города и направляет свое шествие в родной город молодца. Это странствие также, конечно, должно было сопровождаться какою-нибудь необыкновенною встречею. На этот раз они повстречают на своем пути хромого демона. Царевич хочет броситься и убить его, но демон умоляет пощадить его, обе-

щая быть ему когда-нибудь полезным. Да и девицы тоже почему-то вступаются за демона, и тогда вся компания с демоном включительно двигается к родному городу царевича, по прибытии в который разыгрывается начавшееся таким образом новое действие сказочной драмы.

В подобных переходах от одной части сказки к другой обыкновенно вставляется выражение, как бы указывающее на какую-то передышку в рассказе. Так, если предыдущая часть сказки оканчивается отправлением героев в новое путешествие, рассказчик делает восклицание, совершенно необычное в наших сказках: «Ну и пусть их странствуют!», а иногда[23], напротив того: «Ну и пусть их себе сидят!», т. е. пока мы займемся другим каким-нибудь эпизодом сказки. То же самое произошло и здесь, в нашей примерной сказке: когда странствующая компания подошла к окраине города, одна из девиц воздвигает невиданной и небывалой красоты дворец, в котором они все и поселяются. Изумленный этому диву, падишах посылает узнать, что это за дворец и кто построил его. Царевич велит посланным сказать падишаху, что это сын его, Ахмед Беспалый, воздвиг этот дворец. Падишах сперва будто обрадовался, встретив своего почему-то немилого ему сына, но, познакомившись с его тремя красавицами-спутницами, тотчас же возымел намерение завладеть ими и для этого счел необходимым отделаться от сына путем убийства его. Везирь падишаха сначала отговаривал его от этого намерения, но потом, ввиду непреклонной решимости падишаха, посоветовал ему действовать посредством отравы. Но это не удалось; старшая девица спасла царевича, давши ему кольцо с своей руки, которым он за обедом у отца потрогивал каждое подносимое ему кушанье и этим способом делал его безвредным для себя. Тогда отец предложил сыну сыграть в трик-трак, с тем что проигравший должен быть связан. Отец дважды проигрывал партию, но сын воздержался от того, чтобы воспользоваться своим правом выигрыша. А в третий раз он уже нарочно дал отцу выиграть, думая этим только доставить ему утешение от первых двух проигрышей. А отец, не долго думая, велел связать сына в силу условия игры; но когда сын без труда разорвал веревку, отец все свел на шутку, простое будто бы его желание испытать молодечество сына. Сын же, взаправду ли поверивший отцовской отговорке или будучи польщен похвалою его молодецкой силе, велел связать себя цепью, которую он тоже моментально сокрушил. Тогда отец хитростью выпытывает у сына секрет, посредством которого можно было бы одолеть его. А тот по какой-то сказочной наивности выдает этот секрет, которым отец немедленно и воспользовался: велел осле-

пить его и бросить в какой-то безводный колодезь, а сам послал за девушками. А те потребовали от падишаха присылки за ними повозок с сорока девицами и других сорока повозок пустых, для того чтобы забрать ихнее приданое. Они присланных сорок девиц перебили, нагрузили трупами их пустые телеги и отослали все это обратно к падишаху, который после этого пошел на них прямо-таки войною. Но бывший при них хромой демон перебил все войско падишаха. В этом месте сказки наступает развязка [24]. Царевича в колодце стерегла верная при нем собачка. Она же навела на колодезь мимо ехавших караванщиков. Те вытащили молодца из колодезя, накормили его, но взять с собой побоялись, чтобы их самих не заподозрили в ослеплении его. Потом является таинственный старец, вставляет принесенные им с собою глаза молодцу, творит молитву и исчезает. Исцеленный таким чудом царевич опять отправляется к отцу во дворец и предлагает ему победить и привести к нему демона, с которым целое войско не могло справиться. Демон во вторичной схватке по убеждению девушек, распознавших царевича, сдался ему. Тот привел его к падишаху и говорит: «Наш уговор с тобой был такой: мое дело захватить, а твое убить; делай, что знаешь!» — и спустил демона на падишаха, которого он сбросил с трона наземь и убил, а на царевича указал везирям, что это сын убитого падишаха Ахмед Беспалый. Его везири немедленно признали падишахом и возвели на престол. А он женился на всех трех девушках, отпраздновал в течение сорока дней и сорока ночей свадьбу с ними и понедельно разделял с каждой из них брачное ложе.

В этой сжатой схеме взятой наудачу сказки содержатся все основные признаки турецко-османских сказок в их общем складе и даже в частных, везде шаблонно повторяемых приемах. Остается теперь только сказать несколько слов о языке и отдельных сказочных выражениях и словечках, более или менее характерных для этих сказок.

Язык турецко-османских сказок, конечно, простецкий и с значительною примесью архаизмов, ныне уже вышедших из литературного употребления. Поэтому несколько странно, на наш взгляд, когда действующие лица начинают обращаться в разговоре друг с другом совсем уже по-новомодному, на «вы», хотя вскоре потом оставляют это непривычное турецкой массе европейское обращение и преспокойно переходят на свое исконное и неизменное «ты», даже когда обращаются к падишаху.

Затем, например, в одной сказке молодец, долго проспавши с красавицею Нигяр, тревожно смотрит на часы и видит, что уже поздно — «три-четыре часа утра». По-нашему это

даже рано, но тут счет времени на турецкий лад: турки начинают считать время с восхода солнца в какой бы ни было день года, и, следовательно, три часа в сказке равняются нашим приблизительно 8 часам утра. Это обстоятельство с несомненностью указывает на позднее возникновение самой сказки, тем более что в приступе упоминаются такие местные достопримечательности позднейшего Стамбула, как Топхане, Галатская башня, Кыз-Куллеси, да и самые карманные часы являются в виде как бы обыденной принадлежности мужского обряжения, чего, конечно, в старинные времена у турков не существовало. Значит, сказка, может быть по первоначалу тоже очень старинная, потом подверглась значительным подновлениям в своих подробностях.

К таким же неологизмам надо отнести и употребление в некоторых сказках обращения-титула «эфендим»=«господин мой!». Это чисто греческое слово едва ли могло быть ходячим у турков до водворения их в Передней Азии, т. е. в период их прежних кочевых скитаний, до окончательного плотного соприкосновения их с греческим населением.

Равным образом и придворные служебные звания, как «капыджибашисы», нечто вроде обер-камергера, или «харем-агасы»=«главный евнух султанского харема» — это все уже, надо полагать, задним числом попало в сказки из словаря нового состава придворно-служебного штата, когда установился придворный быт турецких султанов на строго определенных заветах мусульманского правоверного быта, хотя за старинность сказки в главных своих основаниях, между прочим, говорит такое выражение, как «в сказках дни быстро проходят».

При таком подновительном процессе народного творчества уже нет ничего странного в том, что в турецко-османских сказках пьют «шербет» вместо исконного общетурецкого напитка кумыса, об употреблении которого турками-сельджуками в былое время в торжественных случаях свидетельствуют даже турецкие историки, а тем паче уж нечего говорить о неологической диковинности того факта в одной сказке, что, например, кутила-царевич пьет раки, т. е. водку, или что в другой сказке герой, получивший приказ добыть большое количество слоновых клыков, устраивает в месте их привычного водопоя «винопой», наполнивши водопойные колоды их привезенным в большом количестве вином, чтобы с опьянелыми слонами легче было справиться и выбить драгоценные клыки у них.

При исчислении наиболее характерных принадлежностей языка турецко-османских сказок нельзя не упомянуть еще о немногих следующих. Когда герой сказки находится в недо-

умении, как ему в данном случае поступить, что выбрать, на что решиться, то при окончательном своем решении или выборе он обыкновенно произносит восклицание: «Что тут — то твое; что там — мое!», которое можно понимать в смысле: «Будь что будет!», «Куда ни шло», «Авось!».

В таких случаях, когда кого-нибудь в сказке хотят убедить в чем-нибудь для всех очевидном, ему говорят: «Ты ведь человек!» Но точный смысл этого недосказанного и, очевидно, рассчитанного на догадливость того, кому говорят, выражения столь же неясен, как непонятно в той же сказке то, что сын демонихи требует от нее клятвы «на яйце» [25] и та дает ему эту клятву. Равным образом там же, да и в других сказках, встречается, очевидно, исконная старинная ругань в такой стереотипной фразе, но только всегда обращаемая лишь к лицам женского пола: «Сени деди кахпе сени», что по-русски буквально невозможно перевести, а приблизительно может значить: «Ну чтоб тебе, непутная!..»

К таким фразам, получившим в употреблении характер междометий, конечно, следует отнести и слово «аман». Оно, собственно, значит: «Пощади, извини, помилуй», как французское «pardon!», но употребляется для выражения столь разнообразных до противоречия патетических настроений лица говорящего — и удивления, и сомнения, и восторга, и отрицания, и опасения, и горя, — что по-русски ему всякий раз приходится подбирать какое-нибудь иное равнозначащее с ним слово, и потому в переводе сказок лучше всего оказалось оставить его целиком в своем родном первоначальном виде, потому что внутреннее содержание его всегда обнаруживается потом из той следующей за ним фразы, которой оно предшествует и в которой раскрывается истинное его значение.

Наконец, едва ли не большинство всех турецко-османских сказок оканчивается свадьбою, но с неизбежною предварительною жестокою расправою с главными виновниками злоключений сказочных героев, обыкновенно оканчивающихся все-таки благополучием последних. И всегда эта расправа совершается одним и тем же способом: осужденному на смерть, большей частью злой, коварной женщине, предлагается на выбор в такой всегда одинаковой формулировке: «Что ты хочешь — сорок мулов или сорок ножей?» На что следует один и тот же ответ: «Сорок ножей на вражью шею; дайте лучше сорок мулов, чтобы на них сесть и уехать!» После этого осужденного привязывают к хвостам сорока мулов и, хлестнув их кнутом, гонят вскачь за городные пустыни для растерзания во время гонки привязанной к их хвостам жертвы. Весь эффект этого сказочного словесного

шаблона заключается, очевидно, в созвучии двух слов — «катыр»=«мул» и «сатыр»=«нож», — делящих все вопросительное обращение на две рифмующиеся между собой фразы. Вкус к сцеплению таких созвучных слов так велик в турецко-османских сказках, что там кроме балагурных вступлений и среди самого повествования то и дело вставляются созвучные слова вроде: кал-мал, бакыныр-макыныр, сархаш-долаш, аман-заман, атты-тутту, арарлар-тарарлар, ин-ми-син — джин-ми-син, дюмюнюр-тамыныр, гечер-мечер, пот-кут и т. п., которые очень мало вяжутся друг с другом, а зачастую и совсем не имеют никакого значения, будучи взяты отдельно.

Мы сказали уже, что в турецко-османских сказках совершенно отсутствует элемент юмористический: юмор не в духе турков. Это всего виднее на сборнике так называемых «Анекдотов Ходжи Наср-эд-Дина»: турки захлебываются от смеха, читая эти очень популярные среди них анекдоты, но для европейского читателя в них не оказывается не только ничего в истинном, здоровом смысле юмористического или остроумного, но даже и просто забавного [26]. Единственное в этом отношении как будто исключение в турецко-османских сказках составляет выведение в них природного плешака, но чаще не от природы плешивого, а только загримированного на некоторое время плешивым. Тут если есть что смешного, так это самый способ гримировки, заключающийся в том, что гримирующийся обтягивает себе голову требухою животных, гладкою ее стороною наружу, а грязною внутрь. Способ поистине первобытный и порядочно нечистоплотный, так что трудно дать себе отчет, как и когда он мог образоваться, в особенности если принять во внимание установившийся со времени распространения ислама обычай его последователей брить себе головы, которые, следовательно, и так уже плешивы без всякого грима.

Но у первобытных, некультурных народов вкусы могут быть столь же своеобразны, как своеобразны у них оказываются и так называемые нравственные понятия, хотя бы вот, например, в турецко-османских сказках. Религиозные представления в них крайне темного свойства; по крайней мере они там без всякого соотношения с понятиями добра и зла, что отражается, конечно, и на характеристике действующих сил и лиц в сказках: ни люди, ни демоны, ни драконы, ни оборотни, ни ведьмы ничем не отличаются друг от друга в своих внутренних, по-нашему душевных, побуждениях и иных качествах, а потому они очень легко друг с другом соприкасаются то на почве враждебных столкновений, то иногда и дружелюбных, даже благожелательных сближений. Демоны

влюбляются в падишахских дочерей, похищают и женятся на них, а братья похищенных одни враждуют из-за этого с похитителями, а один обыкновенно дружится с ними и пользуется их услугами для своих целей и надобностей. А между тем единственною как будто добродетелью этого третьего падишахского сына оказывается настояние его на буквальном исполнении отцовского завещания сыновьям о том, чтобы они выдали их сестер, его дочерей, за первых, кто пожелает взять их, какими и оказываются демоны и драконы. Таким образом, в турецко-османских сказках безусловное повиновение отцу, так сказать, культ отцовской власти на вид является выдающимся нравственно-общественным законом, хотя он и односторонен: почитание отца не обязывает последнего гуманно и справедливо относиться к своим детям. Как мы уже выше видели, один сказочный падишах гораздо больше любит своего коня, чем детей; другой беспричинно преследует своего сына, не останавливаясь даже перед погибелью его, из-за прихотливого каприза отбить у него девушек. Но сын тем не менее даже в самом крайнем случае все же не поднимает руки на отца, а предоставляет дело мести ему за себя хромому демону, который уже и расправляется с ним по тому, чего он заслуживает. Смертоубийство же отцами своих детей или жестокое отношение к ним в виде изгнания или забрасывания в колодцы и т. п. составляет один из часто повторяющихся мотивов в сказках. Странно, но тем не менее совершенно верно наблюдается в турецко-османских сказках тот факт, что в них довольно рельефно рисуются дружелюбные, даже ласковые, семейные взаимные отношения среди не людей, а демонов: там и демониха любезно обходится с своими сорока сыновьями-людоедами, и сынки проявляют свое полное уважение к особе матушки своей, хотя на человеческий-то взгляд все они безусловно отвратительны. Любопытно еще то, что сыновья демонихи просят свою мать давать им клятву на каком-то яйце и та дает им эту клятву[27]. Значит, у демонов имело место взаимное доверие, основанное на честности соблюдения клятвенного обещания. Это у демонов-то! А между тем у людей неоднократно бывает то, что герою благодетельствующий ему добрый гений в виде таинственного араба, например, дает кофейную мельницу и при этом запрещает ему вертеть ее дорогою: но получивший мельницу сейчас же нарушает запрет и начинает вертеть мельницу. Тем не менее от этого неисполнения запрета не получается никакого худого последствия для его нарушителя: напротив, все желания молодца исполняются именно благодаря повертыванию им мельницы. И таких запретов с неизменным нарушением их теми, кому

они сделаны, без всяких дурных последствий для них встречается в турецко-османских сказках несколько; значит, в этом, как бы сказать, вероломстве кроется что-то роковое, и притом обязательное, в сказочных действиях людей, что как-то не совсем вяжется с нашим этическим воззрением на такое нравственное проявление воли. Точно такое же непременное вероломство неоднократно выказывают в сказках два старших брата относительно третьего, младшего, и это опять-таки не ведет к установлению между ними враждебных отношений, как бы следовало ожидать по простой человеческой этике: этот младший, в конце концов торжествуя над старшими, проявляет какое-то чуть не рыцарское великодушие к ним, уступая им в жены девиц, добыча которых бывает сопряжена для него с преодолением им очень трудных и опасных препятствий.

Но нельзя сказать, чтобы это великодушие свидетельствовало о подлинно добром нраве сказочного «младшего удачника», так назовем мы его, каким, например, является в русских сказках Иванушко-дурачок, который всегда как бы вознаграждается за свою простоту и уступчивость, близко граничащие с глуповатостью. Турецкий младший удачник не только не глуп, но и себе на уме, сообразительный и далеко не похвального нрава, иногда прямо-таки нехорошего и по-нашему предосудительного. Так, например, в одной сказке лысый, этот alter ego[28] младшего из братьев, удачника, влюбившись в дочь падишаха, с помощью разных хитростей добился того, что царевну выдали за него, и нельзя сказать, чтобы симпатичными способами. А в другой сказке такой же лысый, оставшись без средств, поступил в батраки к одному хозяину с условием, что хозяин никогда ни за что не будет на него сердиться, и под этим предлогом натворил столько гадостей своим хозяевам, что те решились бежать от него; но он, залезши в их дорожный мешок, все-таки оказался против их желания их спутником и в конце концов ни за что ни про что утопил их обоих в пруду. Но за такое злодейское свое поведение этот сказочный герой не только не был наказан, а еще с помощью какого-то вылезшего из колодезя таинственного араба разбогател и стал благодаря своему богатству первым знатным в стране лицом и так благоденствовал до самой своей смерти. На какое-либо возмездие такому герою безнравственных подвигов нет даже никакого и намека в сказке.

В довершение иллюстрации отсутствия каких-либо этических принципов в турецко-османских сказках как критериев поступков действующих в них лиц можно еще указать на один случай, составляющий собою содержание целой сказки.

Один падишах до того пленяется красотою родной дочери, что во что бы то ни стало хочет взять ее себе в жены, и никакие сторонние протесты не могут удержать его от этого противонравственного намерения, которое он оправдывает, говоря: «Если кто-нибудь посадит в своем саду дерево, которое даст плоды, то разве тот человек не ест плодов тех?», так что девица принуждена была спасаться от такого отца бегством.

Что сказочные герои женятся сразу на трех женах, это обычное явление в турецко-османских сказках; но вот что замечательно, что тут едва ли не возводится в идеал женская покорность и отсутствие всякой ревности при виде явного соперничества с нею другой женщины, вводимой в дом мужем; так, в одной, например, сказке, когда муж на предложение ему жениться еще на одной девице заявляет, что он женится, если его собственная жена согласится на это, эта последняя отвечает отцу его так: «Государь, мой батюшка, твой сын спас мне жизнь от врага, и я отдала ему ее, а потому если бы он взял кроме меня еще сорок жен, то я бы только радовалась и никогда бы не отвернулась от него!» Оно даже как будто трогательно, но едва ли согласно с истиной: галантность поведения мужа тут едва ли может быть принимаема за чистую монету, или уже это есть наслоение позднейшей, более культурной эпохи, так как это мало гармонирует с тем невысокой цены положением жены и женщины вообще, какое отводится ей в турецко-османских сказках, за исключением разве царевен, которые сравнительно довольно развязно ведут себя в сказках. Очень редко женщина в сказках выставляется в выгодном свете; большею же частью она является виновною в престуной связи с толстогубым арабом, имея красивого и хорошего мужа. Она изображается крайне сладострастной, постоянно жаждущей новых ощущений; так, в одной сказке мы видим девушку, у которой на руках пятьсот колец, снятых ею с рук любовников. Затем еще в одной сказке муж в переодетом виде выпрашивает у своей собственной жены поцелуй, не будучи узнан ею, и, таким образом убедившись в ее неверности, прогоняет ее из дому. Падишахи в сказках тоже предпочитают женам одалисок, между которыми поэтому происходит постоянная и ожесточенная вражда. При таком не особенно уважительном отношении к брачной жизни в сказках, однако же, рисуются такие своеобразные стороны отношения турков к этому предмету. Так, например, для женитьбы молодца требуется согласие на это его матери, которая чаще всего сама выступает в роли свахи в иных сказках; но сам жених не допускается на смотрины своей невесты: он может

секретно видеть ее в щелку из шкафа, куда сажает его мать его.

При таком, хотя и лицемерном, так сказать, воззрении на прюдность[29] женскую в турецко-османских сказках очень отрицательное отношение к внебрачно рожденным детям, которые в сказках всегда подвергаются насмешкам своих товарищей в общих играх, следствием чего иногда начинается ряд приключений таких осмеянных юношей в их исследованиях своего настоящего происхождения.

Изредка, впрочем, женщина в турецко-османских сказках сама выступает на защиту прав своих, как, например, в одной сказке отвергнутая своим милым девушка переодевается в мужскую одежду и доспехи, удаляется в горы и, поселившись в пещере, становится разбойницей, грабя и убивая проезжих и тем как бы вымещая свою личную обиду на неповинных людях. И это продолжается до тех пор, пока удалая девушка не влюбляется снова и тем возвращает себе утраченное душевное спокойствие. Но только нужно заметить, что героиня этой сказки все-таки туркменка, т. е. принадлежит не к чисто турецко-османскому роду, а к племени, до сих пор ведущему дикую кочевую жизнь в степях Передней Азии[30]: едва ли такая отчаянная удаль может быть в числе характерных черт не только турчанки современной, но даже и тех отдаленных времен, к которым относится возникновение рассматриваемых нами турецко-османских сказок.

Такая, иногда до очевидности ясная пестрота красок в турецко-османских сказках с несомненностью изобличает их соприкосновенность с сказочным творчеством других народов, иногда в большей, иногда в меньшей степени. Это самая сложная и мудреная сторона сказок и вместе самая любопытная с научной точки зрения, представляя собою довольно тучный материал для специальных, так называемых фольклорных исследований. Мы же здесь считаем достаточным лишь слегка коснуться этой области, отметив несколько очень уж напрашивающихся на особое внимание к ним фактов из содержания переводимых нами турецко-османских сказок.

Прежде всего следует отметить тот факт, что все почти, за весьма немногими исключениями, турецко-османские сказки анонимные в широком смысле слова, т. е. что выводимые в них действующие лица суть анонимы — падишах, дев, демониха, царевич, девица и т. д., и больше ничего подобного тому, что мы видим, например, в наших сказках, где есть и царь Бахрат, и Иван-царевич, и баба-яга, и сестрица Аленушка с братцем Иванушкой, и всякие Бухтаны Бухтановичи, по именам которых озаглавливаются и самые сказки. Эта

анонимность сразу еще более затрудняет сравнение турецко-османских сказок, положим, с русскими, да и не с одними русскими, а и со многими другими, например сербскими, немецкими, сицилийскими, сказками кавказских горцев, с которыми, однако же, обнаруживается чрезвычайное сходство при сличении их — не только в общности или по преобладанию в тех и других известных мотивов, но даже и в форме сочетания этих мотивов и отчасти в образе выражения их в словесной оболочке.

И то и другое, т. е. безымянность действующих лиц в турецко-османских сказках и чрезвычайное сходство этих сказок во многих отношениях со сказками других народов, и притом чуждых туркам по племенному происхождению, можно объяснить тем обстоятельством, что продолжительная кочевая жизнь их не благоприятствовала самостоятельной работе их фантазии в создании сказочных образов, которые бы крепко были приурочены своею деятельностью к постоянным, определенным географическим местностям, а потому и не получивших в народной памяти постоянных себе имен как символов типичности самых сказочных героев, которые тоже не очень отличаются такою типичностью. Отсюда уже естественно произошла географическая и даже этнографическая неприкрепленность этих сказок, носящих какой-то интернациональный облик.

С другой стороны, такое безличие турецко-османских сказок и необычайное сходство их с чужими должно считать результатом одного весьма важного в жизни турков обстоятельства, а именно особого уклада их семейного быта. Сказка во всем мире, у всех народов есть принадлежность так называемой женской половины в доме, т. е. спальни и детской. В турецком быту эта половина известна в целом мире под именем харема. А турецкий харем был, в особенности в старое время, скопищем самого пестрого по национальному происхождению женского населения, собиравшегося со всех окрестных стран путем господствовавшего в те времена разбойничьего рабохищения, и в частности женохищения, причем наибольшую дань хищническому плотоугодию доставляли искони веков жители гор Кавказа и работорговческие рынки Крымского побережья. Женщины горцев, у нас зауряд именуемые черкешенками, как они сами себя вовсе и не называют, составляли главный контингент населения турецких харемов и вносили, очевидно, наибольший вклад в сказочный фонд турецких семей. И вот откуда произошло то, что турецко-османские сказки имеют наибольшее сходство со сказками кавказских горцев. После них немало попадало в стены турецких харемов и женщин славянской кро-

ви при давних и непрерывных воинственных столкновениях турков со славянами. Нет ничего удивительного и в том, что русские полонянки также были передатчицами своих русских сказок обитателям турецких харемов, а сицилийские жертвы алжирского флибустьерского морского разбойничества приносили с собою, попадая в турецкое харемное рабство, сказочные предания жителей побережий Сицилии и дальнейших ближайших к ним, лежащих на материке европейских стран [31].

Ограничиваясь этим общим указанием, мы здесь отметим для примера несколько наиболее характерных параллелей из сказок турецко-османских и имеющих очевидное соотношение со сказочным богатством других народов. И нужно заметить, что, чем содержание какой-либо сказки нелепее, тем большее у ней оказывается распространение у разных народов: низкий умственный уровень населения, среди которого имеют обращение сказки [32], и смешанность его национальных преданий и вкусов обязательно кладут свою печать безличной грубой занимательности, способствующей распространенности той или другой сказки, не блещущей ни оригинальностью вымысла, ни сколько-нибудь привлекательным подбором красок в расцветах описательной или повествовательной стороны сказок.

Так, сказка о судьбе брата и сестры, которых намеревались съесть их родители, имеет себе двойника в русской сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» (Афанасьев, Русские народные сказки, вып. I, 1855, № 45) [33]: тут встречаются даже одинаковые почти выражения, например, в описании приготовлений к зарезанию брата-оленика. Сказка о лучезарных детях имеет много общего с русскою сказкою «Поющее дерево и птица-говорунья» (Афанасьев, кн. III, 1873, № 160) [34]. Дочь падишаха, неулыба турецко-османской сказки, находит свое несомненное подобие в «жеманнице-царевне» русских сказок (Афанасьев, № 166) [35].

И таких параллелей между турецко-османскими и русскими сказками оказывается очень много, хотя простой, хоть и полный, перечень их мало представил бы занятного, когда всякий интересующийся такими параллелями лучше всего может усмотреть их чрез сличение тех и других сказок. Но вот мы остановимся несколько далее на одной сказке, начало которой довольно нелепо по своему содержанию, но, может быть, благодаря своей нелепости и богато параллелями в сказках других народов. Это, собственно, касается не всей сказки целиком, а лишь ее начала, какого-то вступления, которое приставлено к большой сказке о Камер-Тае (=Луна-Жеребенке), с которой она даже не очень как-то и вяжется.

Вот в общих чертах в чем заключается параллелизм этого вступления в сказках различных народов: центральной фигурой тут везде является необыкновенная вошь или, по другим вариантам, блоха.

В украинской редакции сказки говорится, что царица Елена какими-то тайными средствами выкормила вошь до размеров кабана и хранила ее в большой стеклянной банке. При этом она кругом объявила, что, кто отгадает, что это у ней в банке за зверь, тому она отдаст свою руку и царство, а кто вызовется отгадать, да не отгадает, тот будет предан смерти.

Точно такое же вступление имеет место в начале одной сказки, записанной г. Франком в Галиции. Здесь царевна не хочет совсем выходить замуж, так как женихи все казались ей глупыми. И она выкормила в масле блоху, сделала из ее кожи перчатки и обещала выйти замуж за того, кто угадает, из чего сделаны перчатки. На ее вызов явился один царевич, который был очень влюблен в нее. Он переоделся шелудивым нищим; но по дороге еще зашел к скорняку, выделавшему кожу на перчатки для царевны, и у него выведал секрет происхождения кожи (журн. «Заря», 1883, № 2—3) [36].

На албанской сказочной почве есть также сказка, в которой царевна находит вошь в бороде у отца, усмотревшего в этом какое-то чудо и отдавшего это животное на хранение и воспитание. Когда оно достигло величины козла, царь обещает выдать свою дочь за того, кто отгадает, что это за жи- животное такое (Dozon, Contes albanais, стр. 27—33 [37], и Archiv f.Litterat. Geschichte, XII, 118) [38].

Кроме того, существуют варианты греческий (Pio, λεοελλη ιάπαραμύςια 104) [39]; итальянский (Schneller, Märchen, Sagen aus Wälsch-Tirol) [40], нашедший место еще в XVII в. в неаполитанском сборнике Pentamerone (g. II, №5) Джиамбатиста Базила [41]; гасконский, по которому царевна делает из кожи блохи чехол для шкатулки (Cénac Moncaut, Contes pop.de la Gascogne, 184, Le coffret de la princesse).

Но особенно поражает сходство турецко-османских сказок со сказками сицилийскими, именно, вероятно, в силу высказанного нами предположения о значительном поступлении в турецкие харемы пленниц, доставлявшихся флибустьерами, крейсировавшими вокруг Сицилии и других близких к ней прибрежных местностей Средиземного моря. Не вдаваясь в частности по этому вопросу, мы считаем небесполезным здесь сказать, что в одном только сборнике сицилийских сказок «Sicilianische Märchen aus dem Volksmund gesammelt von Laura Gonzenbach» [42] может быть указана целая

серия сказок параллельно с турецко-османскими, напр. те, которые находятся там под №№ 5, 12, 15, 17, 22, 23, 26, 36, 38, 42, 48, 49, 85, которым в Сборнике турецко-османских сказок Куноша соответствуют в последовательности предыдущих те, которые под №№: 29, 9 и 24, 37, 64, 32, 30, 62, 44, 52, 53, 27, 40, 39 и 55 [43].

Существует мнение, что такое сходство сказок различных по племенному своему происхождению народов должно быть приписано не то что заимствованию одним народом у другого сказочных мотивов, приемов, образов и даже иной раз словесных выражений, а должно быть отыскиваемо глубже, в основных воззрениях, верованиях и понятиях их, которые при всем их видимом разнообразии все же коренятся в некоторых общих основах, присущих природе людей, как таковых, независимо от их расовой разновидности.

Конечно, известная доля вероятности есть и в таком ученом понимании предмета, но, с другой стороны, очень уже большое количество материала в турецко-османских сказках, слишком уж яркими красками обнаруживающего свое сродство с чужими сказочными источниками, решительно не позволяет остановиться на принятии первого мнения о безусловной самобытности сказочного творчества у всех народов вообще, а у турков-османов в особенности.

Сверх приведенных уже нами в этом духе статистических аргументов мы должны напоследок привести еще один, слишком уже поразительный факт, который никак не может быть истолкован [кроме] как путем несомненного заимствования и [который] заставляет лишь удивляться тому, что факт этот такого далекого от каких-либо верований, преданий, воззрений и бытовых понятий турков-османов [свойства], что трудно уяснить те пути, какими такое явление попало в сказочный цикл их, совершенно незнакомых с мифологическими и иными какими сказаниями древних культурных народов Греции и Рима, чтобы им облюбовать и вобрать в круг своих сказок миф, отличающийся вящею классической грацией и красотою. Таким оказывается известный миф об Амуре и Психее [44], составивший содержание целой турецко-османской сказки № 45 по сборнику Куноша [45] и № нашего перевода.

Эта поэтическая легенда так мало подходит к общему складу и характеру всех прочих сказок и самый сюжет ее так чужд миросозерцанию турецкому, что по поводу происхождения самой сказки невольно напрашивается мысль о литературном пути, которым она только и могла попасть в цикл турецко-османского сказочного эпоса; сами турки не могли придумать ничего подобного: это выше их художественного вкуса и психологического понимания. И ничего нет

невозможного в литературном заимствовании, тем более что оно единственное в своем роде: по крайней мере в другой, уже чисто литературной отрасли турецко-османского эпоса мы встречаем подобные цветы классического произрастания, как, например, известную легенду об Эфесской матроне Петрония [46], а в более позднюю эпоху нашедшее себе место в европейской литературе историческое предание о причудливой затее [47]...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Д. Смирнов (1846—1922) был «крупнейшим из туркологов-османистов России, пользовавшимся известностью и в Западной Европе» (А. Н. Самойлович, Памяти проф. В. Д. Смирнова,— «Восток», 1923, кн. 3, стр. 208). Он же был первым востоковедом, познакомившим русского читателя с основными мотивами турецких народных сказок. Сведения о них в предельно сжатом объеме содержались в его «Очерке истории турецкой литературы» (СПб., 1892, стр. 11—15). В. Д. Смирнов занимался и более детальным изучением турецких сказок, разбирая связанные с этим вопросы на лекциях по истории турецкой литературы, которые он читал студентам факультета восточных языков Петербургского университета с 1873 г. до последних дней жизни. Он предложил студентам конкурсную работу на тему «Рассмотреть турецкие народные сказки (по сборнику Куноша) относительно содержания и слога их», за которую трое студентов по отзыву их учителя получили золотую и серебряную медали и почетный отзыв («Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1889 год», СПб., 1890, стр. 152—156). В последние годы жизни В. Д. Смирнов вернулся к этой теме. Уже после Октябрьской революции он составил сборник своих переводов турецких сказок, снабдил его обширным вступлением и сдал для напечатания в издательство «Всемирная литература» (А. Н. Самойлович, Памяти проф. В. Д. Смирнова, стр. 208—209). Сборник этот при жизни В. Д. Смирнова напечатан не был, дальнейшая судьба его рукописи неизвестна.

В 1972 г. в Архиве востоковедов при ЛО ИВАН СССР был обнаружен черновик рукописи В. Д. Смирнова (на 59 стр.), содержащий вступление к упомянутому сборнику сказок и озаглавленный «Турецко-османские сказки». Рукопись эта не имеет даты. Она может быть датирована периодом между 1918 и 1922 гг., ибо написана с учетом реформы русского алфавита и, естественно, закончена до 25 мая 1922 г.— дня кончины ученого. Если же учесть, что, во-первых, сама реформа русского алфавита продолжалась почти год (23 декабря 1917 г.— 10 октября 1918 г.), а рукопись В. Д. Смирнова написана на основе нового алфавита вполне свободно, почерком человека, уже привыкшего к новому правописанию, и что, во-вторых, последней темой, над которой работал В. Д. Смирнов, были не сказки, а восточные версии Шейлока (А. Н. Самойлович, Памяти проф. В. Д. Смир-

нова, стр. 209), которым, в свою очередь, предшествовало исследование «Что такое Тмутаракань?», завершенное в декабре 1921 г. («Византийский временник», 1923, XXIII, стр. 15—73), то остается предположить, что интересующая нас работа написана в 1919—1920 гг. В Архиве востоковедов хранятся также пять отдельных листов (лл. 21—23, 28 и 31) белового экземпляра рукописи «Турецко-османских сказок». На всех листах беловика сверху стоит карандашная помета «Выброшено». Видимо, эти листы были возвращены В. Д. Смирнову издательством «Всемирная литература» после проведенного там редактирования и сокращения текста работы. Сличение текстов белового экземпляра с соответствующими местами текста не выявляет сколько-нибудь значительной стилистической правки, изменений иного рода вообще нет. Из этого можно заключить, что черновик практически ничем не отличается от белового экземпляра работы В. Д. Смирнова.

Утрата выполненных В. Д. Смирновым переводов турецких сказок не является невосполнимой для науки потерей. Переводы эти были сделаны с известного сборника турецких сказок, собранных венгерским ученым И. Куношем (I. Kunos, Oszmán-török népköltesi gyüjtemény, köt. 1, Budapest, 1887, XLV, 328 стр.). Сказки этого и следующего (köt. 2, Budapest, 1889, XXXIV, 422 стр.) тома сборника неоднократно переводились на европейские языки. Советский тюрколог В. А. Гордлевский еще до революции опубликовал подробный пересказ содержания всех 98 сказок обоих томов сборника (Обзор турецких сказок по сборнику Игн. Куноша,— Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, М., 1900, стр. 177—223). Позднее В. А. Гордлевский составил подробную библиографию изданий турецких сказок в Турции и Европе и перечислил европейские исследования о турецких сказках (Указатель литературы османской сказки,— «Живая старина», 1912, XXI, вып. 2—4, стр. 538—551). Он отметил там, что название «исследования» для кратких вступительных статей к сборникам текстов или переводов турецких сказок является слишком громким и что «изучение османской народной словесности еще впереди» (стр. 551).

Заметным шагом вперед в деле изучения турецкой сказки явилось публикуемое здесь исследование В. Д. Смирнова. Отметив, что основная задача научного исследования сказок какого-либо народа состоит в том, чтобы выделить в каждой сказке, во-первых, то, что в ней есть общечеловеческого, и, во-вторых, то, что должно быть отнесено к продуктам собственной изобретательности данного народа, автор публикуемого труда не ставит перед собой эту задачу в полном ее объеме. Свое вступление к сборнику переводов турецких сказок он ограничивает более скромной целью — отметить главнейшие черты и составные элементы турецких сказок, что даст возможность читателю-неспециалисту разобраться в их содержании. На пути к достижению поставленной цели В. Д. Смирнов зачастую далеко выходит за им же установленные рамки. Обозначив место действия турецких сказок, исследователь переходит к детальной характеристике их действующих лиц, попутно решая вопросы методики перевода сказок; следующим этапом исследования является подробное описание господствующих составных элементов сказочных приключений и преобла-

дающих в них мотивов поведения действующих лиц; далее автор определяет главнейшие словесно-творческие приемы, имеющие свои определенные типические формулы, описывает язык, отдельные выражения и словечки, характерные для турецких сказок, останавливается на морально-этических принципах сказочных героев и положении женщин в сказках; работа заканчивается рассмотрением проблемы соприкосновенности турецких сказок со сказочным творчеством других народов.

В советское время в нашей стране неоднократно издавались сборники переводов турецких сказок (Турецкие народные сказки. Перевод с турецкого Н. А. Цветинович-Грюнберг. Редакция, статья и комментарии Н. К. Дмитриева, Л., 1939, 610 стр.; изд. 2, М., 1967, 479 стр.; Турецкие народные сказки. Перевод с турецкого Н. Цветинович, М., 1959, 239 стр.; Турецкие сказки. Составители Р. Аганин, Л. Алькаева, М. Керимов, М., 1960, 287 стр.; Сказки народов Востока, М., 1962, стр. 327—356; изд. 2, М., 1967). Количество переведенных на русский язык турецких сказок неизмеримо возросло. Этого, к сожалению, нельзя сказать о количестве и качестве исследований о турецких сказках. По-прежнему эти исследования ограничиваются вступительными статьями к сборникам сказок. Самостоятельное значение среди них имеет статья Н. К. Дмитриева «Турецкие сказки», написанная в 1939 г. (Турецкие народные сказки. Перевод с турецкого Н. А. Цветинович-Грюнберг, изд. 2, М., 1967, стр. 6—28). Ученый знал о сборнике турецких сказок В. Д. Смирнова (там же, стр. 26, прим. 29). Сравнение текстов вступительных статей обоих ученых позволяет сделать вывод о том, что Н. К. Дмитриев был знаком с «Турецко-османскими сказками» В. Д. Смирнова в рукописи. В статье Н. К. Дмитриева материал расположен примерно в той же последовательности, что и в статье В. Д. Смирнова. Все положения труда последнего подвергнуты в исследовании Н. К. Дмитриева уточнению, развитию или пересмотру на основании новых данных, накопленных наукой за двадцать лет, истекших после того, как написал свою работу В. Д. Смирнов. Только от детального сопоставления мотивов и сюжетов турецких сказок и сказок других народов Н. К. Дмитриев в своей статье отказался, что и было им специально оговорено (стр. 18). Это сопоставление по системе Аарне-Томпсона проделал в 1967 г. ленинградский фольклорист И. Г. Левин в работе «Типологический анализ сюжетов» (там же, стр. 454—477).

Исследование сказок превратилось в наши дни в самостоятельную науку, со своими методами, понятиями, особыми задачами и значительными достижениями. Видное место в этой науке занимает исследование турецких сказок (см.: P. N. Boratov, Le conte et le légende,— «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. II, Wiesbanden, 1964, стр. 44—67). Труд русского ученого В. Д. Смирнова «Турецко-османские сказки» явился заметным этапом на пути изучения фольклора Турции — важного звена в культурном наследии человечества, незаменимого в географо-исторических исследованиях любого сюжета.

«Турецко-османские сказки» в целом печатаются по тексту чернового варианта рукописи В. Д. Смирнова. Вышеуказанные листы белового эк-

земпляра включаются в основной текст и заменяют собой соответствующие места черновика. Начало и конец этих включений отмечены в примечаниях.

[2] Черновик рукописи В. Д. Смирнова написан на фирменных бланках акционерного общества воздухоплавания «В. А. Лебедев». Судя по тексту бланков, это общество было создано незадолго до революции. Очень возможно, что В. Д. Смирнов был одним из его акционеров и даже учредителей, особенно если допустить, что название обществу было дано в память об университетском товарище В. Д. Смирнова декане юридического факультета В. А. Лебедеве, в год смерти которого (1909) при Петербургском университете был создан студенческий воздухоплавательный кружок (Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета за 1909 г., № 65, СПб., 1910, стр. 120—122).

[3] Для В. Д. Смирнова термин «турецкий» был равнозначен термину «тюркский». Этим обстоятельством объясняется и название его работы — «Турецко-османские (а не просто «турецкие») сказки».

[4] В настоящее время отождествление сельджуков с турками-османами представляется неправомерным (см.: А. Д. Новичев, История Турции, т. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII века), Л., 1963, стр. 5—28).

[5] В «Очерке истории турецкой литературы» В. Д. Смирнов отводил девам более скромное место: «Даевы, духи низшего порядка и подчиненные пери, стерегут сокровища и талисманы; но некоторые из них состоят в подчинении злым духам...» (стр. 12).

[6] Здесь и ниже заключенные в круглые скобки цифры означают, видимо, номера листов рукописи переводов турецких сказок.

[7] По этому поводу Н. К. Дмитриев пишет в своих «Турецких сказках» следующее: «Сказка, начав повествование со дня рождения героини, продолжает называть ее девушкой на всем протяжении текста, хотя потом она несколько раз выходит замуж и становится матерью семейства. Точно так же герой для сказки — мальчик или молодец, хотя бы он по фабуле сказки уже успел дожить до седых волос» (стр. 25).

[8] «Хатун» древнетюркских письменных памятников — жена кагана, т. е. великого хана. Официальные монгольские документы XIII в., писавшиеся на монгольском и китайском языках, дают китайскую параллель к слову «хатун» — «хуанхоу», т. е. императрица (см.: Fr. W. Cleaves, The Sino-Mongolian Inscription of 1240,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 23, 1961, стр. 62—75). Следовательно, в лице «хатун» турецких сказок нужно видеть цариц или царевен, если, конечно, такое понимание не расходится со смыслом данной сказки.

[9] См. об этом прим. 7.

[10] На Востоке было широко распространено гадание на песке («ремиль»), которое производилось магическими знаками. Гадальщик (предсказатель) назывался «реммаль». Кроме того, еще в 1877 г., давая описание одного персидского сборника «различных суеверных примет и гаданий», В. Д. Смирнов писал: «В рукописи помещены чертежи и рисунки различных соединений гадательных жеребьев, которые приложены к ней в виде 8-ми деревянных, с неодинаковым числом точек по сторонам, кубиков, нанизан-

ных на две иголки, по четыре кубика на каждой» (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1877 год, СПб., 1879, № 21, стр. 113). Может быть, именно так и выглядели «орудия ясновидения» — рафли?

[11] Недаи-эфенди, прозванный Реммал-ходжой, т. е. предсказателем, был приближенным казанского (1521—1524) и крымского (1532—1551) хана Сахиб-Гирея. После смерти этого хана по заказу его дочери Реммал-ходжа написал его подробную биографию, которую В. Д. Смирнов незадолго до своей смерти в числе других трудов сдал в издательство «Всемирная литература», хотя подготовил он ее к печати еще в 1912 г. (Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1912 год, СПб., 1913, стр. 231).

[12] По мнению Н. К. Дмитриева, выраженному в его «Турецких сказках», «ин» — обозначение принадлежности к роду человеческому, «джинн» — к миру духов (стр. 23).

[13] Этим словом начинается текст л. 21 белового экземпляра рукописи «Турецко-османских сказок».

[14] Относительно концовки такого типа В. Д. Смирнов писал в «Очерке истории турецкой литературы»: «Конец сказок тоже большею частью одинаковый, в таком роде: „сорок дней, сорок ночей пируют и до самой смерти все сидят“» (стр. 13—14).

[15] Об объекте «тэнри», относящемся к высшему уровню древнетюркской мифологии, см. исследование И. В. Стеблевой «К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы» (Тюркологический сборник. 1971, М., 1972, стр. 213—226).

[16] Здесь заканчивается текст л. 23 белового экземпляра рукописи «Турецко-османских сказок».

[17] Содержанию эпоса о Сейиде Баттале-гази В. Д. Смирнов отводит довольно много места в своем «Очерке...» (стр. 23—30). См. также: Gazavatî Seyyid Battal Gazî, İstanbul, 1870; H. Ethé, Die Fahrten des Sajjid Battâl. Ein alttürkischer Volks- und Sittenroman, Leipzig, 1871.

[18] А. Н. Самойлович отмечал в свое время, что В. Д. Смирнов «принадлежал к категории тех востоковедов, которые интересуются Востоком, но не преклоняются пред ним, а, напротив, относятся к нему свысока и несколько пренебрежительно» (Памяти проф. В. Д. Смирнова, стр. 207). Это обстоятельство не мешало В. Д. Смирнову быть не только крупным ученым-туркологом, но и популяризатором турецкого народного творчества. В частности, рассматривая анекдоты Ходжи Насреддина с точки зрения «европейского читателя», он в то же время переводит и сдает в печать почти одновременно со сборником сказок и сборник анекдотов этого, по мнению самих турок, основоположника турецкого национального юмора. С тем, что «юмор не в духе турков», не согласны советские литературоведы. См., например, книгу Е. И. Маштаковой «Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе (XIV—XVII вв.)», М., 1972, 280 стр.

[19] В «Очерке...» В. Д. Смирнова есть такое дополнение: «Обыкновенно сказки начинаются таким набором фраз: „Было ли не было ли, в прежние времена, в решете, в котле; когда верблюд был фактором [точнее, «бирю-

чом».— *А. Г.*], а мышь брадобреем; когда мне было пятнадцать лет и я качал отца с матерью в люльке качу-баю; а кто ходом идет, а кто вало́м валит, у того много сов; а кто в сад войдет без спросу, тому вот что, друзья...; белая борода, черная борода, ватная борода, русая борода, от цирульника вышла новая, свежая борода; если бы был я мясник, я б не работал ножом; если б был я банщик, другу-приятелю — удовольствие; но ни одно из этих дел не мое дело, право слово; раз мне на голову обрушилась баня; вы идите чрез долину, а я через горную вершину; вы любите маменьку, а я дочку; вы в сундук, а я в корзину; деревянная лестница, каменная лестница, земляная лестница; по деревянной влез наверх, там девицы — сердце заноет, как вспомнишь» и т. д. Или после самых первых слов следует такое продолжение: „Встали и пошли; шли, шли, шли, и горами, и долами; шли полгода, осень шли; оглянулись, видим — прошли с ячменное зерно; опять встали; шли, шли, шли — показались китайского царя сады; вошли в один — там мельник вертит мельницу; возле него кошка; а у кошки глаз, а у кошки нос, а у кошки рот, а у кошки рука, а у кошки нога, а у кошки рост [точнее, «шея».— *А. Г.*], а у кошки горло, а у кошки ухо, а у кошки лицо, а у кошки воло́сы, а у кошки хвост...“ и т. д.» (стр. 13). Современное определение этих прибауток — «текерлеме» — шуточное вступление.

20 Этим словом начинается текст л. 28 белового экземпляра рукописи «Турецко-османских сказок».

21 Здесь заканчивается текст л. 28 белового экземпляра рукописи.

22 Турецкое слово «кёшк» в данном случае означает скорее «летний дворец», чем «киоск» в обычном понимании этого слова — «беседка», «павильон».

23 Этим словом начинается текст л. 31 белового экземпляра рукописи.

24 Здесь заканчивается текст л. 31 белового экземпляра рукописи.

25 Относительно мотивов древнего мифа о яйце см. исследование В. Н. Топорова «К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок)» (Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 198. Труды по знаковым системам. III, Тарту, 1967, стр. 81—99).

26 См. прим. 18.

27 См. прим. 25.

28 Alter ego (лат.) — «второе я»; чей-либо двойник, заместитель.

29 Прюдность — слово, образованное от франц. pruderie и означающее: 1) показную, преувеличенную стыдливость; чопорность; 2) целомудренную суровость, неприступность (о женщине); 3) манерность, жеманство.

30 Передней Азией В. Д. Смирнов называет полуостров Малая Азия (Анатолия), на территории которого в основном и сложилась турецкая народность и турецкая нация. Туркмены, являющиеся одной из этнографических групп в составе современной турецкой нации, представляют собой потомков туркмен, переселившихся в Анатолию из Средней Азии в XI—XIII вв. До сего дня они сравнительно мало подверглись смешению с местным оседлым населением, так как сохранили кочевой и полукочевой

образ жизни [Д. Е. Еремеев, К этнографии малоазиатских туркмен,— Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, т. VII. Серия этнографическая, Ашхабад, 1963, стр. 172—191; F. Sümer, Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teşkilâtı, destanları, Ankara, 1967].

[31] В. Д. Смирнов, склонный видеть в сходстве мотивов и сюжетов турецкой и других сказок результат заимствования, и здесь последовательно развивает эту мысль, пытаясь доказать, что турецкий гарем был основным источником проникновения иноязычных сказок в турецкую среду. Эти его утверждения звучат довольно убедительно, если забыть о том, что волшебные сказки, о которых только и говорится в «Турецко-османских сказках», первоначально возникли не в гаремах, а в крестьянской, народной среде. Только позднее, да и то лишь в крупных городах, волшебные сказки были объявлены городским мещанством «старушечьими бреднями», «загнаны в харем» и сосредоточились «вокруг нянек». Последнее обстоятельство было отмечено Н. К. Дмитриевым в его «Турецких сказках» (стр. 9).

[32] Здесь В. Д. Смирнов говорит, конечно, не о «низком умственном уровне» народа в целом, а об уровне культуры населения женской половины в доме и всего того специфического гаремного мирка, описанию которого посвящен предшествующий абзац этой его работы.

[33] См. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 2, М., 1957, стр. 315—321, №№ 260—263.

[34] См. там же, стр. 389—394, №№ 288—289.

[35] См. там же, стр. 420—421, № 297.

[36] Видимо, в данную библиографическую сноску вкралась ошибка, ибо журнал «Заря» издавался в Петербурге с 1869 по февраль 1872 г. Обнаружить публикацию Франка ни в одном из номеров «Зари» не удалось.

[37] [A. Dozon], Contes albanais recueillis et traduits par A. D., Paris, 1881, стр. 27—33, № 4.

[38] Albanische Märchen, übersetzt von Gustav Meyer, mit Anmerkungen von Reinhold Köhler,—«Archiv für Litteraturgeschichte», Bd 12, Leipzig, 1884, стр. 118—123, № 8.

[39] В трудах других исследователей встречается и французское наименование этого источника (Pio, Contes populaires grecs, стр. 104).

[40] «Märchen und Sagen aus Wälschtirol. Ein beitrag deutschen Sagenkunde gesammelt von Christian Schneller», Innsbruck, 1867, стр. 86—88, № 31.

[41] Речь идет о первом в Европе сборнике народных сказок «Пентамерон», пересказанных итальянским писателем Джамбаттиста Базиле (1575—1632). См.: G. B. Basile, Il Pentamerone ossia, la fiaba delle fiabe, trad. ba B. Croce, vol. 1—2, Bari, 1925.

[42] Sicilianische Märchen. Aus dem Volksmund gesammelt von Laura Gonzenbach, Leipzig, 1870, T. 1, стр. 19—27, № 5; стр. 64—73, № 12; стр. 93—103, № 15; стр. 114—118, № 17; стр. 135—139, № 22; стр. 139—147, № 23; стр. 158—167, № 26; стр. 243—249, № 36; стр. 261—269, № 38; стр. 285—293, № 42; стр. 315—319, № 48; стр. 319—327, № 49; T. 2, стр. 159—162, № 85.

[43] I. Kunos, Oszmán-török népköltesi gyüjtemény, köt. 1, Budapest, 1887, стр. 136—143, № 29; стр. 37—42, № 9, и 106—113, № 24; стр. 167—169, № 37; стр. 275—279, № 64; стр. 150—153, № 32; стр. 143—145, № 30; стр. 265—269, № 62; стр. 195—200, № 44; стр. 222—226, № 52; стр. 226—229, № 53; стр. 121—132, № 27; стр. 180—186, № 40; стр. 172—179, № 39, и 232—241, № 55.

[44] Миф об Амуре и Психее принадлежит перу римского писателя II в. н. э. Апулея, составляя одну из вставных новелл его романа «Метаморфозы в XI книгах» (или «Золотой осел», кн. IV—VI). См.: Апулей, Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды. Переводы М. А. Кузмина и С. П. Маркиша, М., 1959, стр. 167—202.

[45] I. Kunos, Oszmán-török..., стр. 200—205, № 45.

[46] Легенда об Эфесской матроне является вставной новеллой в романе римского писателя I в. н. э. Гая Петрония «Сатирикон» (гл. CXI—CXII). См.: Петроний. Издание В. В. Чуйко, СПб., 1882, стр. 165—169. Сюжет типа притчи об Эфесской матроне встречается в эпосе о Сейиде Баттале-гази (см. прим. 17).

[47] На этом текст чернового варианта работы В. Д. Смирнова «Турецко-османские сказки» обрывается. Можно допустить, что в незаконченной здесь фразе В. Д. Смирнов говорит о развитии сюжета о хитрости Дидоны. Намек на предание о хитрости, которую Дидона применила при построении Карфагена, изрезав на тонкие ремни кожу быка и обозначив ими площадь будущего города, содержится еще в поэме римского поэта I в. до н. э. Марона Публия Вергилия «Энеида» (см.: Вергилий, Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева, М.—Л., 1933, кн. I, стр. 60). Этот сюжет имеет широкое международное распространение. В частности, он содержится во многих средневековых преданиях народов Западной Европы и России. В Османской империи существовали легенды о применении подобной хитрости при завоевании Константинополя турками. Сюжет о хитрости Дидоны нашел отражение и в эпосе о Сейиде Баттале-гази. Исследования на эту тему принадлежат В. Ф. Миллеру (Всемирная сказка в культурно-историческом освещении,— «Русская мысль», 1893, кн. XI, стр. 207—229) и А. Н. Самойловичу (Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь,— Известия Российской Академии наук, VI серия, 1918, № 7, стр. 571—576).

Рукопись работы В. Д. Смирнова подготовил к изданию и снабдил примечаниями А. П. Григорьев.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ В. Д. СМИРНОВА И ЛИТЕРАТУРА О НЕМ

(составил А. П. Григорьев)

I. ТРУДЫ В. Д. СМИРНОВА

Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции, СПб., 1873, VII, 275 стр.

Купленное после покойного А. Ф. Гильфердинга собрание рукописей. Турецкие рукописи. [Описание],— Отчет... за 1873 год, СПб., 1875, стр. 19—22.

Коллекция восточных рукописей, собранная в Средней Азии и пожертвованная почетным членом библиотеки генерал-адъютантом К. П. фон Кауфманом. [Описание],— Отчет... за 1874 год, СПб., 1875, стр. 79—92.

Турецкая цивилизация. Ее школы, софта, библиотеки, книжное дело. Из поездки в Константинополь летом 1875 г.,— ВЕ, 1876, IV, август, стр. 527—566; V, сентябрь, стр. 7—57. [Рец.: «С.-Петербургские ведомости», 6.VIII.1876, № 215; 4.IX.1876, № 244; «Новое время», 4(16).IX.1876, № 186; «Голос», 22.IX.1876, № 262.]

Несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ,— ЖМНП, 1877, CLXXXIX, январь, отд. 4, стр. 1—25. [Рец.: В. Радлов, Еще несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ,— ЖМНП, 1877, CXCIV, декабрь, отд. 4, стр. 98—119.]

Собрание книг и рукописей на турецком языке, преимущественно исторического содержания, купленное в Константинополе, по поручению Библиотеки, вольнотрудящимся в ней доцентом С.-Петербургского университета В. Д. Смирновым. [Описание],— Отчет... за 1875 год, СПб., 1877, стр. 21—28.

Собрание рукописей на восточных языках, купленное после умершего профессора Казанского университета Эрдмана.

[Описание],— Отчет... за 1875 год, СПб., 1877, стр. 28—44.

Собрание рукописей и печатных книг, подаренное статс-секретарем князем А. Б. Лобановым-Ростовским. Рукописи на восточных языках [Описание],— Отчет... за 1875 год, СПб,. 1877, стр. 57—58.

Рукописи, купленные самою Библиотекою. [Описание],— Отчет... за 1875 год, СПб., 1877, стр. 98—99.

Официальная Турция в лицах. Stambul und das moderne Türkenthum. Politische, sociale und biographische Bilder, von einem Osmanen, Leipzig, 1877,— BE, 1878, I, январь, стр. 275—311; февраль, стр. 600—629.

Возражение Г. Радлову,— ЖМНП, 1878, CXCV, февраль, отд. 4, стр. 147—156.

Принесенная в дар почетным членом Библиотеки генерал-адъютантом К. П. фон Кауфманом коллекция восточных рукописей, собранных во время Коканского похода 1875 года. [Описание],— Отчет... за 1876 год, СПб., 1878, стр. 100—168.

Небольшое собрание восточных рукописей, принесенных в дар Библиотеке генерал-майором А. К. Гейнцом. [Описание],— Отчет... за 1876 год, СПб., 1878, стр. 176—186.

Две рукописи, переданные в Библиотеку по высочайшему повелению, поднесенные государю императору от имени бухарского эмира. [Описание],— Отчет... за 1876 год, СПб., 1878, стр. 200—201.

Остальная часть принесенной в дар К. П. фон Кауфманом коллекции восточных рукописей. [Описание],— Отчет... за 1877 год, СПб., 1879, стр. 49—79.

Рукописи, подаренные Библиотеке полковником А. И. Глуховским. [Описание],— Отчет... за 1877 год, СПб., 1879, стр. 110—112.

Рукописи, подаренные Библиотеке генерал-адъютантом К. П. фон Кауфманом. [Описание],— Отчет... за 1877 год, СПб., 1879, стр. 112—113.

Рукописи на турецком и татарском языках, купленные Библиотекой, [Описание], — Отчет... за 1878 год., СПб., 1879, стр. 82—86.

Небольшая коллекция турецких рукописей, приобретенная для имп. Публичной библиотеки вольнотрудящимся в ней доцентом С.-Петербургского университета В. Д. Смирновым в Константинополе у тамошних букинистов летом 1879 года. [Описание],— Отчет... за 1879 год, СПб., 1880, стр. 20—29.

Джагатайская и персидская рукописи, купленные у г. Алиева. [Описание],— Отчет... за 1879 год, СПб., 1880, стр. 80—82.

Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Издал с приложениями В. Д. Смирнов, СПб., 1881, LXXXV, 260, 10 стр.

Отзыв о конкурсных работах на тему: «Выбрать из летописи османского писателя Аали-Эфенди под названием „Кюнгу-ль-ахбар“ (по рукописи имп. Публичной библиотеки) все имеющиеся в ней известия о славянах до царствования султана Мохамеда II включительно; сличить их с параллельными сказаниями других важнейших османских летописцев, как, например, Шукру-л-лы, Нешри, Идриса и Се'ад-эд-Дина; сделать дополнительные извлечения из этих последних и все это перевести на русский язык с примечаниями, какие окажутся необходимыми при чтении рукописного текста Аали и для надлежащего понимания повествуемых им фактов», выполненных студентами В. Жуковским и С. Чахотиным,— Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета за первую половину 1879—1880 академического года, № 21, СПб., 1881, стр. 175—177.

По вопросу о школьном образовании инородцев-мусульман,— ЖМНП, 1882, CCXXII, июль, отд. 3, стр. 1—24.

Эпизод из восточной политики Пруссии,— РВ, 1882, CLX, июль, стр. 5—56; CLXI, сентябрь, стр. 5—68.

Рукописи на азербайджанском языке, подаренные Библиотеке директором библиотеки И. Д. Деляновым. [Описание],— Отчет... за 1880 год, СПб., 1882, стр. 55—56.

Рукописи на персидском языке, купленные Библиотекой. [Описание],— Отчет... за 1880 год, СПб., 1882, стр. 62—66.

Собрание рукописей, принесенное в дар имп. Русским географическим обществом. Рукописи на персидском и татарском языках. [Описание],— Отчет... за 1881 год, СПб., 1883, стр. 37—43.

Собрание документов на турецком языке, касающихся Крымского полуострова, принесенное в дар Библиотеке ее библиотекарем Ф. П. Кеппеном. [Описание],— Отчет... за 1881 год, СПб., 1883, стр. 45—52.

Две восточные рукописи, подаренные Библиотеке. [Описание],— Отчет... за 1881 год, СПб., 1883, стр. 65—67.

Рец.: Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen von Dr. W. Radloff. Erster Theil. Phonetik der Nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882,— ЖМНП, 1884, CCXXXVI, ноябрь, отд. 2, стр. 76—106.

Надписи, бывшие на турецких крепостях, ныне находящиеся в имп. Публичной библиотеке,— Отчет... за 1882 год, СПб., 1884, приложение III, стр. 1—9.

Отзыв о конкурсной работе на тему: «Определить свойства и оценить достоинства нравоучений, заключающихся в Хэйрийе — сочинении турецкого поэта-моралиста Наби, рассматриваемых самих по себе и сравнительно с моральными правилами другого, тоже весьма авторитетного у турков, этического сочинения Ахляки-Аляй», выполненной студентом Е. Калем,— Годичный акт имп. С.-Петербургского университета 8 февраля 1885 года, СПб., 1885, стр. 130—132.

Собрание рукописей, купленное за счет сумм государственного казначейства у члена Московской синодальной конторы бывшего епископа Чигиринского Порфирия. Рукописи на арабском и турецком языках. [Описание],— Отчет... за 1883 год, СПб., 1885, стр. 168—180, 187.

Собрание документов на турецком языке, касающихся Крымского полуострова, подаренное Ф. П. Кеппеном и служащее дополнением к такому же собранию, подаренному им в 1881 году. [Описание],— Отчет... за 1883 год, СПб., 1885, стр. 227—231.

Принесенные в дар Библиотеке от Ф. Г. Псалти в г. Мариуполе рукописи крымскоханская и турецкая. [Описание],— Отчет... за 1883 год, СПб., 1885, стр. 261.

Турецкая рукопись, подаренная студентом имп. Историко-филологического института В. О. Эйнгорном. [Описание],— Отчет... за 1883 год, СПб., 1885, стр. 261—262.

Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века, СПб., 1887, V, XXXV, 772 стр. [Рец.: Н. Веселовский, Отзыв о диссертации В. Д. Смирнова «История Крымского ханства»,— Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета за первую половину 1887—1888 академического года, № 37, СПб., 1888, стр. 24—25; Н. Веселовский,— ЖМНП, 1889, CCLXI, январь, отд. 2, стр. 168—203.]

Рец.: Сборник имп. Русского исторического общества. Том сорок первый, СПб., 1884,— ЗВОРАО, 1887, I, стр. 149—151.

Археологическая экскурсия в Крым, летом 1886 года,— ЗВОРАО, 1887, I, стр. 273—302.

Арабская рукопись, подаренная помощником директора Библиотеки Л. Н. Майковым. [Описание],—Отчет... за 1884 год, СПб., 1887, стр. 100.

Турецкая рукопись, подаренная Г. Г. Псалти из г. Мариуполя. [Описание],— Отчет... за 1884 год, СПб., 1887, стр. 101.

Арабская рукопись, купленная Библиотекой. [Описание],— Отчет... за 1885 год, СПб., 1888, стр. 82.

Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского

университета за 1888 год. Составленный и читанный на годичном акте 8 февраля 1889 года ординарным профессором В. Д. Смирновым. С приложением речи ординарного профессора В. А. Лебедева, СПб., 1889, 111 стр.

Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в., до присоединения его к России. Одесса, 1889 (ЗООИД, 1889, XV, стр. 152—403), 252 стр.

Мусульманские печатные издания в России [за 1885—1888 годы],— ЗВОРАО, 1889, III, стр. 97—114, 395—398.

Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. Издание З. А. Фирковича, СПб., 1890, XXXVI, 223 стр.

Отзыв о конкурсных работах на тему: «Рассмотреть турецкие народные сказки (по сборнику Куноша) относительно содержания и слога их», выполненных студентами А. Шебуниным, В. Фан-дер-Флитом и Г. Мандельштамом,— Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1889 год, СПб., 1890, стр. 152—156.

Рукопись на русском языке: «Мои вечера. Сказки башкирские», подаренная бывшим директором народных училищ Оренбургской губернии действ. статск. советником П. Н. Распоповым. С отзывом профессора В. Д. Смирнова,— Отчет... за 1887 год, СПб., 1890, стр. 93—95.

Персидская рукопись, купленная Библиотекой. [Описание],— Отчет... за 1887 год, СПб., 1890, стр. 211.

Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. С приложением факсимиле официальных документов разных почерков, СПб., 1891, XIV, 511 стр. [литогр. изд.].

Мусульманские печатные издания в России за 1889 год,— ЗВОРАО, 1891, V, стр. 139—145.

Очерк истории турецкой литературы, СПб., [1892] (в кн.: «Всеобщая история литературы», т. IV, под ред. В. Ф. Корша и А. И. Кирпичникова, СПб., 1892, стр. 425—554), 130 стр.

Таврическая монета (Очерк истории Феодосийского монетного двора),— ГЖ, 1892, II, июнь, стр. 400—459.

Мусульманские печатные издания в России за 1890—1891 годы,— ЗВОРАО, 1893, VII, стр. 389—393.

Переданное попечителем Западно-Сибирского учебного округа действительным статским советником В. М. Флоринским, согласно желанию генерал-адъютанта графа Александра Григорьевича Строганова, небольшое, но весьма ценное собрание рукописей и редких печатных изданий, оказавшихся в библиотеке, пожертвованной графом Строгановым Томскому университету, для которого эти руко-

писи и библиографические редкости не могли иметь такого важного значения, как для имп. Публичной библиотеки. На арабском, персидском и турецком языках. [Описание],— Отчет... за 1889 год, СПб., 1893, стр. 13—15.

Мусульманские печатные издания в России за 1892—1893 годы,— ЗВОРАО, 1894, VIII, стр. 195—201, 391—398.

Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771—1775 г.,— PC, 1894, LXXXI, март, стр. 113—134; апрель, стр. 179—208; май, стр. 144—169.

Две турецкие рукописи, полученные в дар от действ. тайного советника К. П. Победоносцева. [Описание],— Отчет... за 1891 год, СПб., 1894, стр. 111.

Грамота султана Османа II семейству иудейки Киры, СПб., 1895 (ВЗ, 1895, стр. 35—78), 2, 43 стр. с илл.

Персидские и турецкие рукописи, купленные Библиотекой. [Описание],— Отчет... за 1892 год, СПб., 1895, стр. 327—331.

И. Н. Березин. [Некролог],— ЖМНП, 1896, CCCV, май, отд. 4, стр. 29—35.

Будагов, Лазарь Захарович,— Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894, т. 1, А.— Л., СПб., 1896, стр. 95—96.

Собрание восточных рукописей, приобретенных для имп. Публичной библиотеки профессором В. Д. Смирновым летом 1892 года на книжных рынках Константинополя и Бурсы во время его командировки от С.-Петербургского университета на Восток. [Описание],— Отчет... за 1893 год, СПб., 1896, стр. 14—55.

Крымскоханские документы. [Переводы],—в кн.: Ф. Лашков, Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения, Симферополь, 1897, стр. 21—22, №№ 32—33; стр. 44—109, №№ 61—128.

Христианство турок и дервишский суфизм,— «Космополис», 1897, № 2, стр. 122—147.

Manuscripts turcs de l'Institut des langues orientales décrits par W. D. Smirnow,— Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangerés VIII, St.-Pbg., 1897.

[Переиздано в 1971 г. фотомеханическим способом в ФРГ фирмой «О. Харрасовиц» (Висбаден).]

Турецкие легенды о Святой Софии и о других византийских древностях, СПб., 1898, 141, 14 стр. [Рец.: В. Розен,— ЗВОРАО, 1899, XI, стр. 368—402.]

Отзыв о конкурсных работах на тему: «Перевод и разбор сказания о Сары-Салтыке», выполненных студентами С. Яфе-

товым и А. Свержбинским,— Годичный акт имп. С.-Петербургского университета 8 февраля 1898 года, СПб., 1898, стр. 79—80.

Смирнов, Василий Дмитриевич. [Автобиография],— Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894, т. 2. М.—Я, СПб., 1898, стр. 199—200.

Записка по делу устройства начальной школы для детей служителей Университета, Академии наук и Историко-филологического института,— Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета за 1899 г., № 55, СПб., 1900., стр. 25—28.

Рукопись на арабском языке, переданная в Библиотеку начальником Главного штаба генерал-адъютантом Н. И. Обручевым. [Описание],— Отчет... за 1897 год, СПб., 1900, стр. 80—81.

Отзыв о диссертации на степень доктора турецко-татарской словесности «Араб-филолог о турецком языке», СПб., 1901, П. М. Мелиоранского,— Журналы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета за 1901 г., № 57, СПб., 1902, стр. 66—68.

Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. [2-е изд., переработанное], СПб., 1903, XXV, 491 стр.

Собрание древних рукописей, принадлежавших начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину, скончавшемуся в 1894 году. Рукописи арабские. [Описание],— Отчет... за 1899 год, СПб., 1903, стр. 59—74.

Арабская рукопись, подаренная Библиотеке А. П. Старковым. [Описание],— Отчет... за 1899 год, СПб., 1903, стр. 150.

Отрывки из двух рукописей Корана, подаренные Библиотеке полковником А. В. Жиркевичем в Вильне. [Описание],— Отчет... за 1900 и 1901 годы, СПб., 1905, стр. 123.

Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes. (К вопросу о происхождении и значении слова چلبی — челеби),— ЗВОРАО, 1908, XVIII, стр. 1—70. [Рец.: Н. Марр, Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии),— ЗВОРАО, 1912, XX, стр. 99—151.]

Певец Муса. Кабардинская легенда. Издание «Посредник», № 737, [М., 1909], 32 стр.

Заявление по вопросу о переполнении С.-Петербургского университета огромным количеством слушателей,— Протоко-

лы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета за 1908 г., № 64, СПб., 1909, стр. 52—54.

Персидская рукопись, подаренная Б. В. Геем. [Описание],— Отчет... за 1903 год, СПб., 1910, стр. 53.

Рукописи на арабском, персидском и турецком языках, купленные Библиотекой. [Описание],— Отчет... за 1903 год, СПб., 1910, стр. 111—117.

Описание восточного отделения Библиотеки,— Отчет... за 1904 год, СПб., стр. 25—27.

Рукописи на арабском, персидском и турецком языках, купленные Библиотекой. [Описание],— Отчет... за 1904 год, СПб., 1911, стр. 120—126.

Переданное в Библиотеку по распоряжению министра внутренних дел, благодаря просвещенному содействию министра народного просвещения В. Г. Глазова, хранившееся в Симферопольском губернском архиве собрание (121 документ) так называемых казы-эскерских книг (1608—1786 гг.), то есть реестров, в которые вносились, большею частью в извлечениях, а иногда и полностью все юридические и административные дела, подлежавшие ведению казы-эскеров (верховных судей), при диване (судилище) бывших крымских ханов. [Описание],— Отчет... за 1905 год, СПб., 1912, стр. 38—39.

Крымско-ханские грамоты, Симферополь, 1913 (ИТУАК, 1913, № 50), 39 с.

К объяснению значения слова «кандалы»,— ЗВОРАО, 1913, стр. 01—03.

Турецкая рукопись, подаренная Библиотеке Н. П. Собко. [Описание],— Отчет... за 1906 год, СПб., 1913, стр. 96.

Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV века,— ЗВОРАО, 1915, XXII, стр. 107—125.

Турецкая рукопись, подаренная Библиотеке по духовному завещанию А. П. Старкова. [Описание],— Отчет... за 1908 год, Пг., 1915, стр. 128—129.

Персидская рукопись, переданная Библиотеке из регистратуры. [Описание],— Отчет... за 1909 год, Пг., 1915, стр. 53.

Персидские рукописи, приобретенные Библиотекой. [Описание],— Отчет... за 1912 год, Пг., 1917, стр. 110—112.

Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии, Симферополь, 1917 (ИТУАК, 1918, № 54, стр. 1—19), 19 стр.

Что такое Тмутаракань? — ВВ, 1923, XXIII (1917—1922), стр. 15—73.

II. НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ В. Д. СМИРНОВА, ОТРАЖЕННЫЕ В ПРОТОКОЛАХ, А ТАКЖЕ ИЗЛОЖЕННЫЕ ЕГО СОВРЕМЕННИКАМИ

а) в напечатанном виде

Мнение относительно этимологии слова «джедид». Протокол от 8 апреля 1885 г.,— ЗВОРАО, 1887, I, стр. II.

Сообщение о переводе турецкой надписи на старинных поручнях, принадлежащих Артиллерийскому музею военного ведомства. Протокол от 13 декабря 1885 г.,— ЗВОРАО, 1887, I, стр. VII.

Реферат о двуязычных генуэзско-татарских монетах коллекции И. К. Сучана. Протокол от 29 апреля 1886 г.,— ЗВОРАО, 1887, I. стр. X—XI.

Сообщение о состоянии архитектурных древностей Крыма, осмотренных в поездку летом 1886 г. Протокол от 20 ноября 1886 г.,— ЗВОРАО, 1887, I, стр. XVIII—XIX.

Сообщение о раскопках, произведенных летом в Крыму. Протокол от 19 декабря 1886 г.,— ЗВОРАО, 1877, I, стр. XX.

Согласие составить хронологический указатель печатных изданий на арабском, персидском и турецко-татарском языках, вышедших в Казани за несколько прежних лет. Протокол от 26 октября 1887 г.,— ЗВОРАО, 1888, II, стр. VI—VII.

Сообщение о рукописях, присланных в Общество Н. Н. Пантусовым. Протокол от 21 мая 1888 г.,— ЗВОРАО, 1889, III, стр. V—VI.

О проникновении христианства к гузам,— в кн.: Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, herausgegeben und erklärt von D. Chwolson, St.-Pbg., 1890 (Mémoires de l'Acadèmie Impériale des sciences de St.-Péterbourg, VII-e Série. Tome XXXVII, № 8), стр. 107.

Сообщение о современной лубочной литературе турецкой. Протокол от 30 октября 1892 г.,— ЗВОРАО, 1893, VII, стр. VIII.

Доклад об одном рукописном памятнике османской литературы начала прошлого столетия, заключающем в себе иносказательную апологию дервишизма. Протокол от 29 февраля 1896 г.,— ЗВОРАО, 1897, X, стр. XIV.

Некролог скончавшегося почетного члена Общества И. Н. Березина. Протокол от 19 апреля 1896 г.,— ЗВОРАО, 1897, X, стр. XV.

Сообщение о турецкой версии фабулы о Шейлоке. Протокол от 11 октября 1896 г.,— ЗВОРАО, 1897, X, стр. XVIII.

Зачтение доклада А. Ф. Шебунина «О подготовительных работах его по изданию сборника пиес турецкого народного театра (Карагöза)». Протокол от 18 февраля 1898 г.,— ЗВОРАО, 1899, XI, стр. VII.

Доклад: «Кто был именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes, мнимый султан турецкий? (К вопросу о происхождении слова «челеби»). Протокол от 21 апреля 1906 г.,— ЗВОРАО, 1907, XVII, стр. XXXIII—XXXIV.

Соображение К. А. Иностранцева о находке В. Д. Смирновым в Симферопольском архиве остатка архива крымских ханов. Протокол от 22 ноября 1907 г.,— ЗВОРАО, 1908, XVIII, стр. XVIII.

Сообщение: «Турецкий дестан и кумыкская песня о Шамиле». Протокол от 29 апреля 1910 г.,— ЗВОРАО, 1913, XXI, стр. X.

Экскурс о терминах «чери-баши» и «чорбаджи»,— в кн.: Н. В. Веселовский, Военно-исторический очерк города Анапы, Пг., 1914 (Записки разряда военной археологии имп. Русского военно-исторического общества, 1914, III, стр. 27—98), стр. 18—20.

Сообщение: «Турецкая рукопись начала XIV века находящаяся в Британском музее». Протокол от 3 октября 1913 г.,— ЗВОРАО, 1915, XXII, стр. XIII—XIV.

Письменное заявление В. Д. Смирнова относительно напечатания в Записках Общества его рецензии на книгу А. Н. Самойловича и обсуждение этого заявления. Протокол от 31 марта 1916 г.,— ЗВОРАО, 1917, XXIV, стр. IX—XII.

Повторное обсуждение заявления В. Д. Смирнова. Протокол от 28 апреля 1916 г.,— ЗВОРАО, 1917, XXIV, стр. XV.

б) в рукописном виде

Грамматика турецкого языка по лекциям проф. Смирнова 1899/900 года. Принадлежит Антонию Феодуловичу Хащабу. 157 стр. Рукопись Восточного отдела Библиотеки Ленинградского университета (шифр. Ms 1246, инв. № 1935/71).

Османская грамматика (читается на II курсе, т. е на III—IV сем.) засл. орд. проф. В. Д. Смирнов. [В. Л. Бреше. 1902/03 уч. год]. 56 лл. Рукопись Восточного отдела Библиотеки Ленинградского университета (шифр Tr. II 153, инв. № 8343/1940).

III. ЛИТЕРАТУРА О В. Д. СМИРНОВЕ

Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета..., СПб., 1870 — Пг., 1916 (...за вторую половину 1869—1870 академического года. С приложениями. [№ 2], стр. 14, 89—90, 92, 137—139; ...за первую половину 1870—1871 акад. г. [№ 3], стр. 104; № 5, стр. 16, 81; № 7, стр. 20, 60, 73; № 8, стр. 40, 63, 68, 75, 95; № 9, стр. 64, 68, 108, 120; № 11, стр. 43, 62, 74—75; № 13, стр. 44—45, 76, 121, 133; № 14, стр. 19, 54—55; № 15, стр. 5, 71; 49, 63; № 16, стр. 53, 62, 79, 93; № 17, стр. 30, 35, 49, 55; № 18, стр. 62, 80, 93; № 19, стр. 50, 22; № 20, стр. 15—16, 38; 4, 17; № 21, стр. 82, 92, 93, 120, 126, 131; № 22, стр. 13, 89, 103; № 23, стр. 56; № 24, стр. 5, 112, 126; № 25, стр. 18; № 26, стр. 7, 8—14, 54, 57, 75, 88; № 27, стр. 57—58; № 28, стр. 3, 73, 82, 94—95; № 29, стр. 6—7, 55—56; № 30, стр. 5, 12, 15, 29, 75; № 31, стр. 32—33, 40; № 32, стр. 8, 43, 46; № 33, стр. 72; № 34, стр. 117—118, 120—121, 143—144, 158; № 36, стр. 12; № 37, стр. 18—19; ... за весеннее полугодие 1888 года, № 38, стр. 20, 62; ...за осеннее полугодие 1888 года, № 39, стр. 18; № 40, стр. 32, 51; № 42, стр. 3; № 44, стр. 29; № 46, стр. 11, 19, 24; № 48, стр. 14; № 49, стр. 21; ...за 1894 год, № 50, стр. 14; № 51, стр. 21; № 53, стр. 62, 68; № 54, стр. 50, 51, 67—68, 76—77; № 55, стр. 1, 19, 25—28, 54, 65—66, 72; № 56, стр. 42, 48, 74, 78; № 57, стр. 21, 47, 58, 66—68, 73; № 58, стр. 1, 2, 5, 22, 25, 53, 55, 75; № 59, стр. 20—21, 29, 53—54; № 60, стр. 2, 74; № 61, стр. 4, 15, 20, 21, 26—28, 40, 48, 63, 74, 78, 81, 97, 125, 131, 139, 144, 145, 151, 179, 201, 205; 211; № 62, стр. 19, 39, 46, 48—49, 83, 182; № 63, стр. 17, 21, 46, 61, 74, 107, 108, 115, 146, 148, 183, 184; № 64, стр. 32, 52—54, 198, 250, 257, 263, 276, 280; № 65, стр. 42, 99, 104; № 66, стр. 64, 67, 120; № 67, стр. 2, 61, 69, 74, 170, 211, 213; № 68, стр. 76, 118, 130; № 70, стр. 72, 94).

Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета..., СПб., 1883—Пг., 1916 (... за 1882 г. Э. Р. Вредена, стр. 17; Ю. Э. Янсона, стр. 19, 27; за 1883 г., стр. 71; за 1884 г., стр. 8, 27, 28, 45, 130—132; за 1885 г., стр. 52, 94; за 1886 г., стр. 52; за 1887 г., стр. 25, 50; за 1888 г., стр. 14, 49—50, 59, 70—71, 111; за 1889 г., стр. 47, 54—55, 152—156; за 1890 г., стр. 45, 56; за 1891 г., стр. 60; за 1892 г., стр. 55—56; за 1893 г., стр. 57—58; за 1894 г., стр. 50—51; за 1895 г., стр. 69; за 1896 г., стр. 47, 52; за 1897 г., стр. 82; 79—80; за 1898 г., стр. 5, 96; за 1899 г., стр. 18, 118; за 1900 г., стр. 137; за 1901 г., стр. 103; за 1902 г., стр. 115; за 1903 г., стр. 107; за 1904 г.,

стр. 123; за 1905 г., стр. 81; за 1906 г., стр. 136; за 1907 г., стр. 191; за 1908 г., стр. 33 (приложение); за 1909 г., стр. 36 (приложение); за 1910 г., стр. 36 (приложение); за 1911 г., стр. 50; за 1912 г., стр. 150, 231; за 1913 г., стр. 178, 250; 67 (приложение); за 1914 г., стр. 182, 225; за 1915 г., стр. 208).

Обозрение преподавания наук в имп. С.-Петербургском университете..., СПб., 1885—1899 (...на второе полугодие 1885—1886 учебного года, стр. 6, 30—31; ... на первое полугодие 1886—1887 учебного года, стр. 6, 34; ... на осеннее полугодие 1887 учебного года, стр. 6, 56, 79, 81; ... на весеннее полугодие 1888 года, стр. 6, 66; ... на осеннее полугодие 1888 года, стр. 6, 66, 89, 91; ... на весеннее полугодие 1889 года, стр. 59—60, 81, 83; ... на осеннее полугодие 1889 года, стр. 6, 65—66, 87, 89; ...на весеннее полугодие 1890 года, стр. 52, 75, 77; ...на осеннее и весеннее полугодия 1890—1891 года, стр. 5, 80—81, 85, 86, 111, 113; 1891—1892 года, стр. 5, 86, 92, 115, 117; ... 1892—1893 года, стр. 5, 86, 93, 117, 119; ... 1894—1895 года, стр. 5, 87—88, 93, 94, 117, 119; ...1895—1896 года, стр. 5, 95, 101, 125, 127; ... 1896—1897 года, стр. 6, 101, 107, 132, 134; ...1897—1898 года, стр. 6, 109—110, 117, 142, 144; ...1898—1899 года, стр. 5, 108—109, 115, 116, 150, 152; ... 1899—1900 года, стр. 3; 3—4, 10).

Экзаменационные требования в Комиссии восточных языков, СПб., 1891, стр. 15, 19—20.

Обозрение преподавания наук по факультету восточных языков С.-Петербургского университета..., СПб., 1900—Пг., 1918 (...на 1900—1901 уч. г., стр. 3—4, 10; ...на 1904—1905 уч. г., стр. 4, 13, 14; на 1905—1906 уч. г., стр. 4—5, 13, 14; ...на 1906—1907 уч. г., стр. 6, 14, 15; ...на 1907—1908 уч. г., стр. 6, 14, 15; ...на 1908—1909 уч. г., стр. 6, 16; ...на 1909—1910 уч. г., стр. 6—7, 16; ...на 1910—1911 уч. г., стр. 6, 17; ...на 1911—1912 уч. г., стр. 6—7, 19; ...на 1912—1913 уч. г., стр. 7—8, 20, 21; ...на 1915—1916 уч. г., стр. 7, 22, 23; ...на 1916—1917 уч. г., стр. 7, 8, 23; на 1917—1918 уч. г., стр. 5—6, 18; ...на 1918—1919 уч. г., стр. 5—6, 17).

* * *

[И. Н. Березин], Отзыв о конкурсной работе на тему: «Исследовать, в чем заключалось влияние монгольского владычества на Россию, рассмотрев, насколько оно оставило следы свои в языке русском», выполненной студентом 4 курса Василием Смирновым,— Протоколы заседаний

Совета имп. С.-Петербургского университета за вторую половину 1869—1870 академического года. С приложениями, СПб., 1870, стр. 137—139.

Раскопки В. Д. Смирнова в Крыму летом 1886 г.,— Отчет имп. Археологической комиссии за 1882—1888 годы, СПб., 1891, стр. CV—CIX.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, XXXA (60), 1900, стр. 532—533.

Материалы для истории факультета восточных языков, т. 2, 1865—1901 гг., СПб., 1906, стр. 79, 89, 140.

Материалы для истории Факультета восточных языков, т. 4, Обзор деятельности факультета 1855—1905 гг., составленный проф. В. В. Бартольдом, СПб., 1909, стр. 146, 182, 183, 185, 196.

[Н. И. Веселовский], Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета, с 1819 года, Пг., [1916], стр. 22—23.

В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, СПб., 1911 (Издания Факультета восточных языков имп. С.-Петербургского университета, № 38), стр. 232, 250. То же, изд. 2, Л., 1925 (Ленинградский институт живых восточных языков, 7), стр. 266, 287, 288, 296.

Д. Д. Руднев, Скончавшиеся в течение последних лет,— «Наука и ее работники», 1922, № 5, стр. 40.

А. Самойлович, Памяти проф. В. Д. Смирнова,— «Восток. Журнал литературы, науки и искусства», 1923, кн. 3. стр. 207—209.

Wl. Gordlewsky, Wassilij Dmitriewitsch Smirnow (1846—1922),— MOG, [1927], Bd II (1923—1926), стр. 325—333. То же на русск. яз.: Акад. В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. IV. Этнография, история востоковедения, рецензии, М., 1968, стр. 408—414.

N. K. Dmitrijev, V. D. Smirnov. A. Memoir,— JRAS, 1928, pt 2, стр. 408—410.

Н. К. Дмитриев, Труды русских ученых в области тюркологии,— Ученые записки Московского университета, вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2, М., 1946, стр. 64—65.

Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв. (в двух томах), т. I, М., 1946, стр. 51.

Большая Советская Энциклопедия, т. 39, изд. 2, [М], [1956], стр. 405.

М. С. Михайлов, Об изучении турецкой литературы и отечественной тюркологии,— Вопросы языка и литературы стран Востока, М., 1958, стр. 283—284, 292—294.

С. Н. Иванов, Кафедра тюркской филологии,— Ученые записки Ленинградского университета, 1960, № 296. Востоковедение в Ленинградском университете, стр. 71—72.

А. М. Голдобин, А. Д. Желтяков, Л. В. Строева, Кафедра истории стран Ближнего Востока,— Ученые записки Ленинградского университета, 1960, № 296. Востоковедение в Ленинградском университете, стр. 147.

Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, изд. 2, М., 1969, стр. 45—46.

А. Д. Желтяков, Изучение истории, экономики и культуры Турции в Ленинграде за 50 лет (1917—1967),— Тюркологический сборник. 1970, М., 1970, стр. 178.

Советская историческая энциклопедия, т. 13, М., 1971, стб. 79.

А. С. Тверитинова, В. Д. Смирнов — историк Турции (К 125-летию со дня рождения),— СТ, 1971, № 4, стр. 103—114.

Е. И. Маштакова, В. Д. Смирнов — исследователь турецкой литературы,— СТ, 1971, № 4, стр. 115—123.

А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972, стр. 4, 105, 111, 137, 145, 148—150, 152, 153, 157, 198, 201—204, 206, 240, 242—244, 248, 249, 252.

Б. М. Данциг, Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период), М., 1973, стр. 234, 271, 272, 275, 288.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — «Византийский временник», Пг.
ВЕ — «Вестник Европы», СПб.
ВЗ — «Восточные заметки», СПб.
ГЖ — «Горный журнал», СПб.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества», СПб.
ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей», Одесса.
ИТУАК — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», Симферополь.
Отчет... — Отчет имп. Публичной библиотеки.
РВ — «Русский вестник», СПб.
РС — «Русская старина», СПб.
СТ — «Советская тюркология», Баку.
JRAS — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
MOG — «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte», Wien.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТ ПИСЬМА УЛУГ-МУХАММАДА МУРАДУ II

[1] حق تعالى عنايتيلا محمد پيغامبر معجزاتيلا
[2] محمد دين غازى مرادقا
[3] سلام بورونغى خان اغالاريمز [برلا] سزنينك روم ولايتى نينك سلطان اتالارينكيز
[4] اغالا [ر] ينكيز برلا ايلچى كلاچى ايشيـ بولاك سلام اليشيب بازركان اورتاق
[5] يوروشوب يخشى بريش كليش قيلورلار ارميش اردوك سونكرا خان اغامز
[6] توقتاميش خان سزنينك اولوغ بابانكيز غازى بايزيد بيك برلا بورونغى يخشى
يوسونجا ايلچى كلاچى ايشيب
[7] بولاك سلام اليشيب ايكى‌سى تقى دوست لوق يخشى ليق اوزات [تنكرى] رحمتين‌كا بردى‌لار
[8] بساحق تعالى يرليغات يورونغى خان اغالاريمزينينيك اولوغ اورودنى بيريب تورغان‌دا
اوزآرا

[9] تورامیز تلاشیب سونکراغی زمانه‌دا اوچور بولوب تخت براق قولوفا توشوت توروور اردی
بورونغی ییل

[10] خدای نینک عنایتی برلا چریك یوروب بریب براق برلا منصورنی قچوردوق تچت‌نی
ملك‌نی بزکا بیردی اولار

[11] تقی انجو اوز ایل‌لارین الاقچیب یورییو بردی‌لار برار ایکی‌شار ییل اوزو قیشلالی
تیب کوچوب کلیب ترروبز بسا سزکا کیشی

[12] ایساك اولاق آشورماغای تیب ایمادوق بسا سزدین سو برلا کیشی کدکای بیلدوك
نچوك بولای کلمادی سزنینك یخشی

[13] اتنکزی اسان توکال ایکنی حاجی عباد مرك دین بیلدوك ایملی ... ...ك ...
...ور... الله ... ندا بز ایکاکوکا بیر عصو... شا

[14] دولت بیردی ارسا بز تقی ت[تنکری] نینك یارسی برلا بورونغی یخشیلاریمز
یوسونجا یخشی بریشالی ارمیز [دا] ایلچی کلاچی ایشیب سلام

[15] بولاك‌لاریمز یتیشیب بازرکان اورتاق‌لاریمز یوروش‌سا کچار وی قالور منکواتقا
یخشی سی اول بولغایمو ایرنه بسا

[16] ارامیزدا بو بر کیساك اولاق کافرنی کیتارورکا نچوك مصلحت ایتیب استکین
قورودین سودین بازرکان اورتاق

[17] یوروب یرلی مسکین تیرلیکین قیلسون لار بسا سزنینك اسان توکل‌لیك[لی]
کوروب کلسون تیب حاجی عباد برك‌دین بتیك سلام ایدوق سربدنی

[18] کوز کورازا کیشی ایبارنی اوزونکوز بیلورسز تیب بتیك سلام ایدوق ییل
بیچین اوردا اوزو یقاسندا ارووردا بتیلدی

[19] فی الیوم السبع عشرین شهر بمادی الاول سنه احدی و ثلثون و ثمانمائه
سنه ۸۳۱

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1973

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР*

Редактор *И. М. Дижур*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректоры *Л. И. Письман*
и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 29/V 1974 г.
Подписано к печати 6/I 1975 г.
А-09502. Формат 60 × 90[1]/16. Бум. № 2
Печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 18,41
Тираж 1900 экз. Изд. № 3458. Зак. № 416
Цена 1 р. 92 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1р. 92 к.